

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

УБИЙЦЫ ХАТЫНИ

**118-Й УКРАИНСКИЙ БАТАЛЬОН
ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ
В БЕЛОРУССИИ, 1943–1944 ГГ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФОНД СОЗДАНИЯ
АКТУАЛЬНЫМ
ИСТОРИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ ПАМЯТЬ

УДК 94(477)''1929-1945''

ББК 63.3(2укр)615-36+63.3(2укр)62-36

У 17

Редакционная коллегия сборника

*И.А. Валаханович, В.Г. Воропаев, А.Р. Дюков, Д.А. Жуков,
Н.В. Кириллова, И.И. Ковтун, В.Д. Селеменев (руководитель)*

Составители

*И.А. Валаханович, А.Р. Дюков,
Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев*

Рецензент

к. и. н. С.В. Жумарь

Оформление переплета М. Левыкина

У 17

Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг. Сборник документов / Сост. И.А. Валаханович, А.Р. Дюков, Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»); Фонд «Историческая память», 2018. 480 с.

ISBN 978-5-9500936-0-9

22 марта 1943 г. каратели окружили белорусскую деревню Хатынь, расположенную неподалеку от дороги Логойск — Плещеницы. Все население деревни было согнано в большой колхозный сарай; после этого здание было облито бензином и подожжено. По пытавшимся выбраться из горящего сарая людям стреляли. В огне погибло 149 жителей деревни, в том числе 75 детей. После этого деревня была полностью уничтожена.

Это преступление было совершено военнослужащими сразу двух карательных подразделений — батальона СС Дирлевангера и 118-го украинского батальона охранной полиции. Книга, которую Вы держите в руках, — попытка сделать новый шаг в изучении истории 118-го украинского полицейского батальона и преступлений, совершенных им на белорусской земле. В книге представлены документы 5 архивов 4 стран: Национального архива Республики Беларусь, Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного архива Российской Федерации, Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины и Национального архива США.

УДК 94(477)''1929-1945''

ББК 63.3(2укр)615-36+63.3(2укр)62-36

© Фонд «Историческая память», 2018

© Издательство «Пятый Рим»™, 2018

© ООО «Бестселлер», 2018

ISBN 978-5-9500936-0-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
I. ДОКУМЕНТЫ	17
II. ПОКАЗАНИЯ КАРАТЕЛЕЙ.....	143
III. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ	421
Перечень публикуемых документов	457
Именной указатель.....	466
Географический указатель	473

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 марта 1943 г. каратели окружили белорусскую деревню Хатынь, расположенную неподалеку от дороги Логойск — Плещеницы. Все население деревни было согнано в большой колхозный сарай; после этого здание было облито бензином и подожжено. По пытавшимся выбраться из горящего сарая людям стреляли. В огне погибло 149 жителей деревни, в том числе 75 детей. После этого деревня была полностью уничтожена.

Уничтожение деревень вместе с жителями было стандартным сценарием, реализовывавшимся нацистскими оккупантами в рамках *Wandekampf* — войны с партизанами. Изданное 11 ноября 1942 г. Главным командованием вооруженных сил Германии наставление по борьбе с партизанами предписывало: «В обращении с бандитами и их добровольными пособниками проявлять крайнюю жестокость. Сентиментальность в этом решающем вопросе — безответственна. Сама жестокость мер и страх перед ожидаемым наказанием должны удерживать население от помощи и содействия бандам... Каждый командир части несет ответственность за то, чтобы пленные бандиты и гражданские лица, которые были захвачены в ходе боевых действий (в том числе и женщины), были расстреляны, а лучше — повешены»¹. Осуществлявшиеся в рамках «борьбы с партизанами» карательные операции очень быстро приобрели характер тотального уничтожения; их конечным результатом становилось создание так называемых «мертвых зон», превращенных в выжженную пустыню.

¹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 / Сост. З.И. Белуга, Н.И. Каминский и др. Минск, 1965. С. 43.

Совершаемые в рамках войны с партизанами масштабные преступления против мирного населения Белоруссии были запрограммированы человеконенавистнической нацистской идеологией и многочисленными преступными приказами командования вермахта и полиции. Однако непосредственные исполнители этих приказов зачастую не были ни членами НСДАП, ни даже немцами по национальности. Ударной силой карательных «антипартизанских» операций на севере Белоруссии были латышские полицейские батальоны², в районе Минска и Борисова карательные операции осуществлял 2-й (12-й) литовский полицейский батальон³. Ну а деревню Хатынь уничтожали военнослужащие сразу двух карательных подразделений — батальона СС Дирлевангера и 118-го украинского батальона охранной полиции.

Преступная деятельность батальона Дирлевангера довольно хорошо известна; исследователи нацистской истребительной политики традиционно уделяют много внимания этому карательному подразделению⁴. А вот история 118-го украинского батальона исследована гораздо хуже, оставляя простор для спекуляций и даже прямых фальсификаций. Украинский историк В. Косык, например, утверждает, что 118-й полицейский батальон был якобы переброшен в Белоруссию лишь в июле 1943 г. и потому вообще не мог принимать участие в уничтожении Хатыни⁵. Разумеется, это утверждение находится в прямом противоречии с документами, надежно фиксирующими непрерывное нахождение 118-го батальона в районе Плещениц начиная с января 1943 г. (см., напр., док. № 1–2, 4, 7–8 настоящего сборника).

К настоящему времени существует лишь несколько работ, посвященных истории 118-го украинского полицейского батальона. Вышедшая в начале 1990-х годов книга А. Дуды и В. Старика

² См., напр.: «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в бело-русско-латвийском пограничье, февраль — март 1943 года. Сборник документов / Сост. В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков и др. М., 2013.

³ *Bubnys A. Lietuvių policijos batalionai, 1941–1945 m.* Vilnius, 2017.

⁴ См., напр., новейшую монографию: Жуков Д., Ковтун И. Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. М., 2013.

⁵ Косик В. Правда історії. Роки окупації України 1939–1944 (Збірник статей). Київ, 2008. С. 107, 116.

«Буковинский курень в боях за украинскую государственность» носит откровенно апологетический характер: военнослужащие Буковинского куреня ОУН (М) и впоследствии сформированных на его основе 115-го и 118-го украинских полицейских батальонов подаются авторами как герои, а совершенные ими многочисленные преступления против человечности последовательно игнорируются⁶. Немного более основательный характер носит защищенное в 1999 г. в Канаде диссертационное исследование Н. Петрушкевич⁷. Однако значимой с научной точки зрения эта работа, к сожалению, не является. Ее источниковая база ужасающе бедна, а идеологически обусловленные попытки представить военнослужащих 118-го батальона в качестве жертв обстоятельств не позволяют говорить об объективности исследования.

В результате единственным историком, внесшим по-настоящему важный вклад в изучение истории 118-го украинского полицейского батальона, стал шведский исследователь П. Рудлинг, сначала опубликовавший исследование о роли военнослужащих батальона в уничтожении Хатыни⁸, а вслед за ним — масштабную работу о других преступлениях, совершенных данным карательным подразделением⁹. Что же касается публикаций документов о деятельности 118-го украинского полицейского батальона, то к настоящему времени единственным изданием подобного рода является выпущенный

⁶ Дуда А., Старик В. Буковинський Курень в боях за українську державність. 1918–1941–1944. Чернівці, 1995.

⁷ *Petrouchkevitch N. Victims and criminals: Schutzmannschaft battalion 118 (Belarus, Ukraine) (1999). Theses and Dissertations (Comprehensive). URL: <http://scholars.wlu.ca/etd/35>.*

⁸ *Rudling P. The Khatyn Massacre in Belorussia: A Historical Controversy Revisited // Holocaust and Genocide Studies. 2012. № 1.*

⁹ *Rudling P. Terror and Local Collaboration in Occupied Belarus: The case of Schutzmannschaft Battalion 118. Part One: Background // Historical Yearbook. Vol. VIII. Bucharest, 2011; Rudling P. Terror and Local Collaboration in Occupied Belarus : The case of Schutzmannschaft Battalion 118. Part Two. War Criminality // Historical Yearbook. Vol. IX. Bucharest, 2012. Русский перевод: Рудлинг П. Террор и коллаборационизм во время Второй мировой войны: случай 118-го батальона охранной полиции в оккупированной Белоруссии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 1.*

в 2009 г. Национальным архивом Республики Беларусь сборник документов «Хатынь. Трагедия и память». В нем опубликованы отчет командира 118-го батальона Э. Кёрнера об уничтожении Хатыни, а также послевоенные признательные показания его бывших подчиненных о данной карательной акции¹⁰. Однако документы о других преступлениях, совершенных военнослужащими батальона, в сборнике отсутствуют.

Книга, которую вы держите в руках, — попытка сделать новый шаг в изучении истории 118-го украинского полицейского батальона и преступлений, совершенных им на белорусской земле. В 1970-е годы управление Комитета государственной безопасности по Гродненской области проделало большую работу по расследованию карательной деятельности 118-го украинского полицейского батальона. Были найдены, арестованы и осуждены некоторые его бывшие военнослужащие, в их числе О.Ф. Кнап, Г.Г. Лакуста, И.М. Лозинский, В.А. Мелешко. В октябре 1987 г. был осужден и расстрелян бывший начальник штаба батальона Г. Васюра. Благодаря следствию и судебным процессам над военнослужащими батальона в нашем распоряжении имеются не только документы немецкой полиции и советских партизан, но и обширные показания карателей и воспоминания их жертв. Совокупность перечисленных источников позволяет объективно осветить деятельность этого карательного подразделения.

Свой «боевой» путь 118-й украинский полицейский батальон начал из Киева. История создания батальона была достаточно причудливой. В июле 1941 г., вскоре после нападения Германии на Советский Союз, руководство мельниковской фракции Организации украинских националистов создало на Буковине парамилитарное формирование, получившее название Буковинский курень. Вслед за наступающими немецкими войсками это подразделение продвигалось на восток, пока осенью 1941 г. не достигло Киева. Современный украинский историк В. Нахманович утверждает, что Буковинский курень прибыл в Киев в конце октября — начале ноября, и потому

¹⁰ Хатынь: трагедия и память. Документы и материалы / Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев. Минск, 2009.

его военнослужащие не успели принять участие в организованных нацистами массовых расстрелах евреев в Бабьем Яру¹¹. Однако большинство исследователей считает, что Буковинский курень прибыл в Киев одновременно с передовыми частями вермахта или несколькими днями позже и его персонал принимал участие в убийствах евреев¹². О справедливости данного мнения свидетельствует еще одно обстоятельство: очевидцы расстрелов в Бабьем Яру вспоминают, что среди палачей были представители украинской полиции с характерным «западным» акцентом¹³.

В конце 1941 г., однако, немецкая оккупационная администрация развернула репрессии против украинских националистов¹⁴; контролировавшиеся националистами парамилитарные формирования распускались, а их личный состав направлялся на формирование батальонов охранной полиции. Из военнослужащих Буковинского куреня и советских военнопленных-украинцев оккупантами был создан 115-й украинский полицейский батальон. Спустя некоторое время 3-я рота 115-го батальона была использована в качестве основы для формирования еще одного, 118-го украинского полицейского батальона¹⁵. Согласно показаниям Г. Васюры, 118-й батальон состоял из трех стрелковых рот, минометного и хозяйственного взводов, двух расчетов 45-миллиметровых пушек. 1-я рота состояла преимущественно из членов бывшего Буковинского куреня, 2-я и 3-я — из советских военнопленных и жителей Киевской области.

В батальоне было двойное командование: при каждом украинском командире батальона и рот находились так называемые

¹¹ *Нахманович В.* Буковинський курінь і масові розстріли євреїв Києва восени 1941 р. // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 76–83.

¹² *Berkhoff K.* Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian, and Ukrainian Records // *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization* / Ed. R. Bandon, W. Lower. Bloomington, 2008. P. 303; *Рудлинг П.* Террор и коллаборационизм... С. 279.

¹³ *Бабий Яр. Последние свидетели* (2013). Документальный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KfjOWYASSB0>.

¹⁴ *Дюков А.Р.* Ликвидация «враждебного элемента». Националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе. Избранные исследования. М., 2017. С. 103–105.

¹⁵ *Рудлинг П.* Террор и коллаборационизм... С. 281.

«шефы» — немецкие офицеры. Шефом батальона был майор Э. Кёрнер, командиром батальона — бывший петлюровец К. Смовский. В батальоне также имелось два штаба, немецкий и украинский. Всего в батальоне служило 500 человек, в том числе около 40 немцев.

В декабре 1942 г. батальон был переброшен в Белоруссию. После непродолжительного пребывания в г. Минске основная часть 118-го батальона разместилась в г. п. Плещеницы Минской области. 2-я рота батальона была брошена на поиски дезертировавших военнослужащих и до конца марта находилась в Слуцком районе.

Основной задачей 118-го батальона в Белоруссии являлась борьба с партизанами. Велась она самыми жесткими способами. Расстреливались не только партизаны, но и мирные жители, сжигались населенные пункты и дома, конфисковывались скот, сельскохозяйственная продукция и т. д.

6 января 1943 г. 1-я и 3-я роты батальона совместно с жандармами и полицейскими атаковали партизан, находившихся в деревне Чмелевичи Плещеницкого района. После боя они ограбили и сожгли деревню (док. № 1). Бывший командир взвода 1-й роты батальона В. Мелешко впоследствии вспоминал: «Будучи в деревне, я видел, что полицейские из моего взвода, как и другие каратели, поджигали постройки, занимались грабежом. Но на это я никаких команд им не давал. Когда каратели уходили из деревни, она была охвачена огнем. Я не оспариваю того, что в ней сгорело 58 домов» (док. № 130).

19 января 1943 г. по распоряжению начальника СС и полиции Борисовского округа 15 жандармов, 20 полицейских и 45 военнослужащих 118-го полицейского батальона осуществили антипартизанскую операцию в деревнях Селище и Мокрадь Плещеницкого района (док. № 4). 18 февраля 1943 г. проведена антипартизанская операция в деревнях Заречье и Котели Плещеницкого района, в которой участвовало 100 полицейских 118-го батальона. Операцией руководил гауптман Г. Вельке, шеф 1-й роты. Бывший разведчик отряда Котовского бригады «Народные мстители» С.А. Бурак рассказывал, что после отхода партизан в лесной массив каратели ворвались в деревни Котели и Заречье и стали поджигать дома, расстреливать жителей, грабить их имущество. В первой деревне они сожгли примерно 10 домов и расстреляли 4 жителей, во второй сожгли около 30 домов и убили 10–12 человек (док. № 140).

22 марта 1943 г. для восстановления поврежденной партизанами связи между Плещеницами и Логойском были направлены два взвода 1-й роты батальона, которые попали в засаду, организованную партизанским отрядом «Мститель» бригады В.Г. Воронянского. В завязавшейся перестрелке погибли шеф-командир роты гауптман Г. Вельке и двое полицейских, несколько человек получили ранения. Для преследования партизан каратели вызвали помощь. Одновременно ими были арестованы жители деревни Козыри, занимавшиеся вырубкой леса недалеко от места засады. Их заподозрили в связи с партизанами. Когда прибыло подкрепление из Плещениц, арестованные стали разбегаться, решив, что их будут расстреливать. Каратели открыли по ним огонь и убили 26 человек, некоторые получили ранения, двоим удалось скрыться. Оставшихся в живых каратели отконвоировали в Плещеницы. Вскоре прибыли военнослужащие Дирлевангера, после чего полицейские и эсэсовцы начали преследование партизан и вышли к деревне Хатынь. Деревня была уничтожена вместе с жителями.

В период с 1 по 10 мая 1943 г. 118-й батальон участвовал в карательной операции «Смельчак-2» (док. № 46). Это была подготовка к крупнейшей антипартизанской операции «Котбус». А накануне операции, 13 мая, батальон сжег деревню Дальковичи. Бывший партизан отряда «Борьба» В.П. Довжонок, принимавший участие в бое с карателями, вспоминал, что когда он на следующий день вернулся в деревню, то застал страшную картину: «Кроме двух домов, вся деревня была сожжена. Я видел в тот день труп местного жителя Аринича Данилы. Он лежал в саду под яблоней сильно обгоревший. Больше никого из убитых местных жителей я не видел, так как их уже захоронили» (док. № 140). В деревне погибли не только мирные жители, но и партизаны.

Во время карательной операции «Котбус» 118-й батальон действовал в Бегомльском районе¹⁶. Продвигаясь по району, с 20 мая 1943 г. каратели вели бои с партизанами, сжигали деревни, расправлялись с их жителями, угоняли население на принудительные работы в Германию. Первой каратели уничтожили деревню Новая

¹⁶ Упразднен в 1960 г. Его территория разделена между Докшицким, Лепельским и Борисовским районами.

Вилейка. В сожженной деревне Вилейка они учинили расправу над ее жителями. По показаниям И.М. Варламова, «полицейские первой роты согнали всех жителей в одно место и разделили их на несколько групп. Отобранную молодежь увезли сразу на грузовиках для отправки в Германию. Группу женщин с детьми поместили в один сарай, а 6–7 мужчин в другой. После допросов мужчин в тот же день расстреляли в сарае. Также были расстреляны женщины и дети. На следующий день, уезжая, каратели подожгли сарай» (док. № 102). Бывший полицейский 118-го батальона Т. Топчий на допросе в апреле 1974 г. рассказал, что в ходе операции «Котбус» «в деревне Осовы Бегомльского района был массовый расстрел людей, в котором принимали участие военнослужащие первой роты и штаба батальона. С помощью местного старосты были отобраны семьи партизан и расстреляны в одном сарае, находившемся несколько в стороне от жилых домов» (док. № 110).

18 июня 1943 г. батальон вернулся в г. п. Плещеницы, но уже вскоре выбыл в Барановичскую область. В новой карательной операции «Герман» командиру 118-го батальона Э. Кёрнеру было поручено руководить оперативной группой. В его подчинении находились 15-й и 115-й полицейские батальоны, 7-й, 13-й и 19-й моторизованные взводы жандармерии и подразделения главной полевой комендатуры № 392. В ходе операции каратели убили 4280 человек, захватили для угона в Германию 20 944 человека, сожгли более 150 деревень¹⁷.

Свой вклад в эти преступления внес и 118-й украинский полицейский батальон. Во время прочесывания леса в Налибокской пуще военнослужащими 1-й роты батальона были обнаружены землянки со скрывающимися в них евреями. Каратели забросали их гранатами, а уцелевших, среди которых были женщины и ребенок 3–4 лет, расстреляли (док. № 143). Убитые карателями 118-го батальона евреи входили в состав группы партизан Бельских.

После завершения операции 118-й батальон остался в Барановичской области. Некоторое время он находился в Слонимском районе, а затем командование и штаб батальона передислоцировались в г.

¹⁷ Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 гг. Минск, 1984.

Лиду, 1-я рота в г. п. Ивье, 2-я — в г. п. Василишки, 3-я — в г. п. Щучин. Батальон вел активную борьбу с партизанами, участвовал в заготовках продовольствия, конфискации скота, грабежах и насилии и др. По показаниям Г. Спивака, «во время дислокации первой роты в поселке Ивье нам приходилось выезжать в села Ивьевского района, где случались перестрелки с партизанами» (док. № 107).

В марте-апреле 1944 г. во время одного из таких «выездов» была сожжена деревня, которая, по свидетельству бывшего полицейского 1-й роты Г. Топчего, «находилась при самом лесу. Люди все убежали в лес, и мы никого не застали. После обстрела мы ворвались в деревню, забрали скот и другое более ценное имущество жителей, а перед отъездом подожгли все постройки» (док. № 110).

В июле 1944 г. вместе с отступающими немецкими частями 118-й украинский батальон отошел в Польшу, а затем был передислоцирован в Восточную Пруссию. Здесь его реорганизовали в 63-й украинский батальон и влили в состав 30-й гренадерской дивизии СС. В августе 1944 г. она была переброшена во Францию. 27 августа 1944 г. два украинских батальона, перебив немцев-шефов, перешли на сторону французских партизан. После войны часть военнослужащих 118-го батальона осталась на Западе, некоторые репатриировались в Советский Союз.

Большинство карателей из 118-го украинского полицейского батальона избежали заслуженного наказания — в том числе командиры батальона Эрих Кёрнер и Константин Смowskiй. Благополучно избежал наказания и проживавший в Канаде командир отделения 1-й роты батальона В. Катрюк, ответственный за многочисленные преступления. Последний из убийц Хатыни и других белорусских деревень умер в своей постели 22 мая 2015 г.

* * *

В настоящий сборник включено 153 документа из 5 архивов 4 стран: Национального архива Республики Беларусь, Центрального архива Комитета госбезопасности Республики Беларусь, Государственного архива Российской Федерации, Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины и Национального архива США. Это документы белорусских партизанских формирований, немецких карательных органов и подразделений,

показания бывших полицейских 118-го батальона и свидетелей их преступлений.

Документы снабжены редакционными заголовками, их собственные заголовки взяты в кавычки. В них указывается вид документов, автор, адресат, краткое содержание, дата, место написания, гриф секретности. Все документы рассекречены. Общепринятые сокращения, использованные в заголовках, расшифрованы в списке сокращенных слов. При частичной публикации документа в заголовке указано содержание публикуемой части. В некоторых документах опущен материал, не имеющий отношения к теме сборника, что отмечено отточием в квадратных скобках и предлогом «из» в заголовке. Делопроизводственные документы датированы по дате подписания. При отсутствии даты на документе она установлена в результате дополнительного исследования содержания самого документа и других источников, что оговорено в текстуальном примечании. При передаче текстов документов сохранены особенности языка и стиля их авторов. Погрешности текста (ошибки, опечатки, явные орфографические ошибки и др.), не имеющие смыслового значения, исправлены без оговорок. Вписанные от руки слова и предложения указаны в текстуальных примечаниях. Аббревиатуры и сокращенные названия учреждений в текстах сохранены. Полное их написание дано в списке сокращенных слов. Подписи воспроизведены после текста документа, неразборчивые подписи, предполагаемая их расшифровка и случаи отсутствия подписи оговорены в текстуальных примечаниях. Текстуальные примечания помечены звездочкой и расположены в подстрочнике.

В заголовках административно-территориальная подчиненность населенных пунктов, упоминаемая в документах, указана на момент совершения событий. Очевидные ошибки в написании названий населенных пунктов исправлены без оговорок.

В конце каждого документа дается легенда с указанием места его хранения, подлинности и способа воспроизводства (машинопись не оговаривается), наличия предыдущих публикаций. В переводах немецких документов, если известно, указывается место хранения подлинников.

В состав научно-справочного аппарата сборника входят предисловие, текстуальные примечания, именной и географический указатели, перечень публикуемых документов.

Над сборником работали И.А. Валаханович, А.Р. Дюков, Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев.

Подготовка сборника осуществлена в рамках международного проекта «Социальная поддержка людям, выжившим в сожженных белорусских деревнях. 1941–1944 гг.».

*А.Р. Дюков,
В.Д. Селеменев*

I. ДОКУМЕНТЫ

№ 1. Донесение начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о проведенной операции против партизан в деревне Чмелевичи

г. п. Плещеницы
7 января 1943 г.

Касается: проведенной операции против бандитов в дер. Чмелевичи 6 января 1943 года.

От надежного агента стало известно, что в школе в дер. Чмелевичи располагается бандитский штаб, а в деревне размещается примерно 500 бандитов. Население деревни настроено прокоммунистически. Другие поступившие сообщения были примерно такого же содержания.

6.1.1943 года силами 20 жандармов, 40 полицейских и 115 служащих 118-го батальона предпринята карательная экспедиция в дер. Чмелевичи. План операции разработан вместе с майором Кёрнером. Два взвода заняли исходные позиции вокруг деревни, а остальные взводы предназначались для штурма деревни.

Подброска сил организована на 90 санных упряжках. Когда колонна в 10:30 приблизилась примерно на 1,5 км к деревне, то выдвинутым вперед бандитским патрулем были даны 3 предупредительных выстрела. Исходные позиции заняты примерно в 22 метрах от деревни, в ложине. Сразу же после прибытия обоих заградительных взводов (11:00) их обстреляли из деревни, так что предусматри-

ваемое окружение осуществить не удалось и было предпринято фронтальное наступление. Глубокий снег, сильная завируха и очень плохая видимость затрудняли продвижение. Бандиты стреляли из домов, с крыш, чердаков и т. д. С большими трудностями и под обстрелом противника к 11:30 удалось достичь деревни, причем оба фланга пытались охватить в кольцо деревню, что, однако, было сильно затруднено глубоким снегом.

Вся деревня оказалось пустой. В ней осталось всего лишь около 20 детей, 10 женщин и 6 стариков. В домах найдено примерно 120 патронов и некоторое количество гильз. Имелось подозрение, что в домах спрятаны боеприпасы, и поэтому 10 домов были подожжены. Во время пожара в некоторых из них раздавались взрывы, что свидетельствовало о наличии там боеприпасов.

В здании школы, расположенном примерно в 300 м от деревни, где находился бандитский штаб, найдено 20 мин натяжного действия, русские ручные гранаты и патроны, а также наполовину облупленный баран и другое продовольствие, оставленное бандитами. Здание было сожжено. Потери бандитов не установлены. Потерь с нашей стороны нет. В 14:00 колонна выступила в обратный путь и в 18:00 прибыла в Плещеницы. Было захвачено 8 голов крупного рогатого скота и три свиньи, которые переданы зондерфюрерам.

По всем признакам в данном случае речь идет о банде, которая до сих пор минировала дорогу между Плещеницами и Логойском.

Гюртцель,
лейтенант жандармерии и начальник жандармерии округа

НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 62–63. Перевод с немецкого.

Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 17–18. Подлинник.

**№ 2. Донесение поста жандармерии
в Плещеницах начальнику СС и полиции
Борисовского округа о потерях партизан
во время боя в деревне Чмелевичи**

г. п. Плещеницы
14 января 1943 г.

13.1.1943 года крестьянин из дер. Губа Иван Федорович сообщил, что поздно вечером 6.1.1943 года через дер. Губа проследовало множество вооруженных бандитов. Из разговора бандитов между собой он слышал, что они во время боя 6.1.1943 года с жандармами, полицейскими и 118-м украинским батальоном потеряли 12 чел. убитыми и 30 чел. ранеными. Раненые были перевязаны в деревне Терши, расположенной примерно в 8 км от дер. Губа, и увезены дальше. Чтобы ускорить транспортировку раненых, бандиты забрали еще две лошади и одежду в дер. Губа. Бандиты ушли в направлении Логойска. Местонахождение банды в настоящее время Федорович не знает.

Шнайдер, мастер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 64. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 13. Подлинник.*

№ 3. Приказание межрайонного партийного центра Борисовской зоны командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о распределении зон боевой деятельности отрядов бригады

20 января 1943 г.

Ранее отданное Вам распоряжение о расширении Вашей зоны боевых действий согласно радиограмме тов. Пономаренко за № 24 остается в силе. Межрайонный партийный центр считает необходимым и предлагает Вам распределить зоны боевой деятельности Ваших отрядов в следующем порядке:

1. Основные базы должны оставаться на прежних местах расположения.

2. Одну роту отряда «Мститель» оставьте на Малиновской базе для охраны базы и контроля пути в направлении Молодечно и м. Кривичи.

3. Отряд «Котовского» должен остаться в р-не прежнего своего дислоцирования с задачей боевых действий в Логойском р-не.

4. Между деревень Карповка и Бесяды расположены две бригады численностью около 800 чел., которые распространяют свою деятельность на Радошковичский р-н и Минский, а поэтому Вам нет необходимости ориентировать отряд «Котовского» в своей боевой деятельности на Радошковичский р-н. Вам надлежит тесно увязать и согласовать свою боевую работу с этими бригадами.

5. Отряду «Мститель» в составе 3 рот и штаба бригады полностью перенести свою боевую деятельность в южную часть Вилейской области, активизируя главным образом в районе Молодечно, Илия, Кривичи и Вилейка. Взять под контроль ж. дороги: Молодечно — Вилейка — Полоцк, Минск — Молодечно — Сморгонь — Молодечно — Лида. Взорвать мосты на реке Уша, окрестность Молодечно, через реку Вилия, окрестность Вилейка.

Организовать инициативные группы для формирования 3 партизанских отрядов, одну группу с отряда «Борьба» и две группы с отряда «Мститель».

Отряд «Борьба»: основная его база должна оставаться на прежнем месте расположения, зона боевой деятельности Плещеницкий р-н. Ввиду того что Плещеницкий гарнизон и расположенные гарнизоны вблизи Плещениц в настоящее время оставлять без контроля нельзя в связи с активизацией полиции и немцев по борьбе с партизанами, их семьями и мирными гражданами. До ликвидации указанного гарнизона и передвижения бригады «Железняк» в р-не Плещеницы, а поэтому уводить с района отряд «Борьба» Межрайонный партизанский центр Борисовской зоны не разрешает. Поставить ближайшей задачей отряду уничтожение Плещеницкого гарнизона немцев.

О последующем Вашем решении о месте дислоцирования отряда «Мститель» и штаба бригады прошу сообщить не позднее 1.2.43 г.

Руководитель Межрайонного партийного
центра Борисовской зоны Жукович

Зав. военным отделом Межрайонного партийного
центра Борисовской зоны подполковник Коваленко

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 796. Л. 3–3 об. Рукопись. Подлинник.

№ 4. Оперативное донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о проведенной антипартизанской акции в деревнях Селище и Мокрадь

г. п. Плещеницы
21 января 1943 г.

19.1.1943 года по распоряжению начальника СС и полиции Борисовского округа силами 15 жандармов, 20 полицейских и 45 солдат 118-го украинского батальона была проведена акция против бандитов в дер. Селище и Мокрадь.

Еще до полного окружения деревни Селище находившимся в деревне бандитам численностью в 80–100 чел. удалось скрыться в прилегающем лесу. Открытым по бандитам огнем расстреляно 14 бандитов.

По заявлению украинских солдат, в лесу убито еще несколько бандитов сильным огнем из пулеметов. Прочесывание леса из-за недостатка времени и наступившей темноты оказалось невозможно. Со слов местных жителей, бандиты появились в деревне рано утром с целью грабежа продовольствия и скота.

Среди расстрелянных бандитов находился политкомиссар, у которого обнаружена немецкая кобура, русский браунинг и полевая сумка с письмами бандитов для отправки за линию фронта, а также русский противогаз, брошюра с речью Калинина и листовка от 16.1.1943 г. Кроме того, в сумке обнаружена карта с маршрутом движения бандитов, которая представит особую ценность для немецких войск в тылу. Со слов местных жителей, бандиты были вооружены винтовками и автоматами.

Оставленные бандитами в деревне 13 саней и 17 лошадей реквизированы. 3 санные упряжки, на которых бандиты хотели скрыться в лесу, захвачены в ходе боя. Захвачены также 2 русские винтовки. Захваченные лошади переданы в распоряжение районного сельско-

хозяйственного руководства Плещениц, а трофейные документы прилагаются к данному сообщению¹⁸.

Трофеи: 2 винтовки, 1 браунинг, 1 противогаз, полевая сумка с важными документами, 17 лошадей и 13 саней.

Убито 14 бандитов.

Шнайдер, майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 204–205. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 86. Подлинник.*

¹⁸ Не прилагаются. — *Прим. ред.*

№ 5. Оперативное донесение начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о карательных акциях в деревнях Заборье и Метличицы

г. п. Плещеницы
27 января 1943 г.

26.1.1943 года силами 60 украинских солдат, 30 полицейских и 30 жандармов была предпринята акция под моим командованием против дер. Заборье и Метличицы. По поступившему сообщению, в каждой из деревень располагается 80–100 бандитов. Каждая из них была окружена и обыскана. Однако полученное сообщение не подтвердилось.

25.1.1943 года, примерно около 17:00, в дер. Метличицы находилось примерно от 10 до 20 бандитов, которые до этого из леса обстреляли жандармов и полицейских. В амбаре в дер. Метличицы, расположенном на возвышенности, были обнаружены недавно оборудованные стрелковые амбразуры, из которых предположительно 25.1.1943 г. бандиты и вели обстрел. На полу найдено несколько патронных гильз. Амбар был подожжен. До вооруженного столкновения с бандитами дело не дошло.

Гюртцель,
лейтенант окружной жандармерии
и начальник жандармерии округа

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 165. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 10. Подлинник.*

№ 6. Приказ № 02/оп по партизанской бригаде «Дяди Васи» о задачах отряду «Борьба»

село Ольховка, 28 января 1943 г.

1. По данным агентурной разведки, в Плещеницы противник располагает 534 вооруженными винтовками, пулеметами, 10 минометов, 12 ст. пулеметов, 2 орудия автоматические. Противник ведет разведку в направлении сел Метличицы, Прусовичи, Ольховка, имея задачу применить репрессии к партизанским семьям и прохода в Бегомль.

2. Командиру п/отряда «Борьба» тов. Долганову с 2 ротами (2 и 3) занять район Ольховки, Тарасино, Прусовичи, Дальковичи. Задача — не дать возможности противнику вести разведку вост. части Плещеницкого района, не дать возможности применения репрессии к семьям и последующая задача — не пропустить прот-ка в Бегомль.

3. Одновременно путем засад вост. стороны Плещеницы уничтожать живую силу противника.

4. Держать связь со мною разведчиками-связными.

5. Срок задачи по изменению обстановки и до моего приказа.

6. Одновременно уделить внимание и приступить к организации дружин самообороны в данном районе и гражданских лагерей.

Командир бригады майор Воронянский
Начальник штаба

Написано в 2 экз.

1 экз. — к-ру отряда «Борьба»

2 экз. — в дело штаба бригады

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 796. Л. 5–6. Подлинник. Рукопись.

№ 7. Оперативное донесение жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о бое с партизанами в деревнях Сукневичи 1–3

г. п. Плещеницы
1 февраля 1943 г.

29.1.1943 года, в 9:30, в дер. Сукневичи 1 был направлен полицейский патруль для реквизиции саней для проведения операции.

Когда полицейские сани приблизились к окраине деревни, они внезапно попали под ружейно-пулеметный и автоматный огонь, который велся из небольшой высоты, поросшей кустарником. При этом попаданием в живот и грудь был убит полицейский Бучкевич из жандармского поста в Плещеницах, а командир отделения Шоров из полицейской команды Бегомля ранен в живот. Ранение не опасно для жизни. Благодаря их смелым действиям бандиты были отбиты и отступили, забрав своих убитых и раненых, в направлении дер. Сукневичи 2. Потери бандитов якобы составляют 3 чел. убитыми и 12 ранеными.

О ранении Шорова было сообщено в полицию в Плещеницы, откуда немедленно на подкрепление выехал лейтенант жандармерии Гюртцель с 60 полицейскими и солдатами 118-го украинского батальона. С прибытием подкрепления организовано преследование бандитов, однако, несмотря на прочесывание дер. Сукневичи 2 и Сукневичи 3, а также прилегающих бывших колхозов, обнаружить их не удалось.

В дер. Сукневичи 1 подожжены 2 дома, так как из них стреляли по полицейским. Скот реквизирован. Бандитов насчитывалось примерно 40–45 чел. Наши потери: 1 полицейский убит и 1 ранен.

Шнайдер, мастер жандармерии
и начальник жандармского поста

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 184–185. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 38. Подлинник.*

№ 8. Оперативное донесение жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о карательных акциях в деревнях Острово и Левдавщина — Рудня

г. п. Плещеницы
2 февраля 1943 г.

29.1.1943 года патруль в составе 25 полицейских и 20 солдат из 118-го украинского батальона направлен в дер. Острово. По дороге в дер. Левдавщина — Рудня арестованы и расстреляны при попытке к бегству бандиты Ярошевич и Погавский.

30.1.1943 г., в 2:30, патрулем была замечена бандитская санная колонна, которая, увидев полицейских, открыла по ним огонь. После 20-минутной перестрелки бандиты, забрав своих убитых и раненых, отступили. Примерно в 6:00 патрулем были замечены в дер. Острово II примерно 20 бандитов, которые после обстрела их полицейскими сразу же отступили. При дальнейшей поездке патруль снова подвергся нападению со стороны бандитов из леса. Бой продолжался более часа. В ходе боя убит учитель Адамович из Плещениц, который 25.11.1942 года подложил мину в здание жандармерии в Плещеницах. Под деревней Чистый Бор патруль подвергся нападению со стороны бандитов, которые после непродолжительного боя были отброшены. Дальнейшая поездка в Плещеницы протекала без соприкосновения с противником. Бандиты потеряли 14 чел. убитыми и примерно 30–40 чел. ранеными. С нашей стороны потери составили: 1 украинский солдат легко ранен и 4 лошади.

Трофеи: 1 автоматическая винтовка, 2 простые винтовки, 1 автомат, 1 русский армейский пистолет, 1 компас, 4 русские гранаты и патроны. Численность бандитов примерно 100–120 чел. Вооружение: винтовки, пистолеты, ручные гранаты.

Шнайдер, мастер жандармерии
и начальник жандармского поста

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 186–187. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 39. Подлинник.*

№ 9. Из оперативного донесения жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о направлении патруля в деревню Малые Нестановичи

г. п. Плещеницы
3 февраля 1943 г.

[...] 2.2.1943 года, в 8:30, был направлен патруль в составе 15 полицейских и 60 солдат 118-го украинского батальона в дер. Мал. Нестановичи. Около 14:30 патруль возвратился, не обнаружив противника.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 188. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 40. Подлинник.*

№ 10. Приказ № 04/оп по партизанской бригаде «Дяди Васи» о задаче отряду «Борьба»

село Малиновка
6 февраля 1943 г.

Противник — немецко-белорусская полиция Плещеницы ежедневно группами 75–100 ч. действует [в] районе Нестановичи, Пасеки, Скорода. Имеет задачу морально-издевательского отношения к населению, взятия путем грабежа продуктов и борьбы с партизанами.

Ваше донесение от 3.2.43 г. получено 4.1.43 г. 18:00.

Приказываю отряду «Борьба» 2 ротами (2 и 3) к исходу дня 7.2.43 прибыть в район Венера, отсюда пойдете на Западную операцию.

При движении [в] указанный район — принять все меры тайны и охранения марша.

Командир п/бригады «Дяди Васи»
майор В. Воронянский

Военный комиссар бригады

Начальник штаба бригады ст. л-нт

Написано в 2 экз.

1 экз. — к-ру отряда «Борьба»

2 экз. — в дело штаба бригады

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 796. Л. 10. Подлинник. Рукопись.

№ 11. Оперативное донесение жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о нападении партизан на охрану Горбатого Моста

г. п. Плещеницы
16 февраля 1943 г.

16.2.1943 года, около 0:30, бандиты предприняли нападение на охрану Горбатого Моста, один солдат из 118-го украинского батальона ранен в руку. Потери бандитов не установлены.

С прибытием в 2:10 подкрепления под командованием лейтенанта окружной жандармерии Гюртцеля, состоящего из жандармов, полицейских и солдат 118-го украинского батальона, бандиты отступили в лес. Прочесывание леса оказалось безрезультатным.

Около 5:00 патруль без соприкосновения с противником возвратился в Плещеницы.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник жандармского поста

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 183. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 36. Подлинник.*

№ 12. Из оперативной сводки начальника СС и жандармерии Борисовского округа о деятельности за февраль 1943 г.

г. п. Плещеницы
17 февраля 1943 г.

I. Общая обстановка

Бандитская обстановка в отчетном месяце продолжала обостряться. Так как в Плещеницах в настоящее время располагаются 2 поста жандармерии и 118-й украинский полицейский батальон, население несколько успокоилось. На сами Плещеницы со времени прибытия туда 118-го украинского полицейского батальона бандиты нападений не предпринимали. Жандармерия старается путем усиленного патрулирования вновь вернуть доверие населения к немецким учреждениям. Установлено, что часть населения поддерживает связь с бандитами, которые проводят активную пропаганду. Почти ежедневно обнаруживаем листовки, в которых сообщается о довольно неблагоприятном положении для нас на фронте, и об этом населению известно.

Очень необходимы сейчас громкоговорительные установки, с помощью которых населению немецкие военные сводки передавались бы на немецком языке.

Экономическое положение населения ни в коем случае не обеспечено. Сегодня нет соломы и сена, а также картофеля. Выдача хлеба слишком скрупулезна, у населения нет обуви.

Использование рабочей силы регулируют зондерфюреры. Безработица среди мужского населения не отмечена. В настоящее время вся имеющаяся в распоряжении рабочая сила используется для вырубki леса по обе стороны от дороги.

2. Силы:

3. Командные инстанции:

- а) Жандармский округ Борисова (Плещеницы) 1/4
- в) Жандармский пост в Плещеницах 1/22
- с) Жандармский пост в Бегомле 1/17
- д) Полицейская радиостанция в Плещеницах 1/3

Полицейские посты:

В Плещеницах — 95 чел.

Общая численность 166 чел.

С 18.12.1942 года телефонной связи с командой жандармерии больше нет, так как бандиты разрушили эту связь. Связь осуществляется только с помощью полицейской радиостанции в Плещеницах.

[II.] Отчет о деятельности

В отчетном месяце жандармерией и полицией проведены следующие крупные акции.

19.1.1943 года жандармерией и полицией в количестве 80 чел. была предпринята акция в дер. Селище и Мокрадь. Потери противника составили 14 чел. С нашей стороны потерь нет.

19.1.1943 г. проведена акция в дер. Чистый Бор. Патруль в 40 чел. в течение 30 минут вел бой с бандитами, в ходе которого противник понес потери ранеными.

Один бандит арестован.

22.1.1943 г. патруль в 30 чел. направлен в дер. Ново-Жерново, где произошел ожесточенный бой с бандитами, во время которого один бандит был ранен и трое арестованы. Численность противника не установлена.

23.1.1943 г. в дер. Ново-Жерново вновь был направлен патруль жандармерии и полиции в количестве 32 чел., где произошла перестрелка с 10 бандитами, в ходе которой 2 бандита (бывшие русские офицеры) расстреляны. С нашей стороны 1 полицейский ранен в руку.

Патруль жандармерии и полиции в количестве 37 чел., направленный 23.1.1943 г. в дер. Околово, обнаружил бандитский самодельный аппарат, который был уничтожен, а владелец арестован.

25.1.1943 г. жандармерией и полицией в количестве 36 чел. проведена акция в дер. Метличицы, где произошел бой с бандой, который продолжался в течение 45 минут. В связи с явным преимуществом бандитов патруль вынужден был отступить. Потерь с нашей стороны нет. Потери противника не установлены.

26.1.1943 г. силами в 110 чел. предпринята новая акция против дер. Метличицы, однако противник не был обнаружен.

29.1.1943 г. проведена акция в дер. Сукневичи 1. Патруль в 40 чел. перед деревней из засады был атакован бандитами. В ходе боя

1 полицейский убит и 1 ранен. Противник потерял 3 чел. убитыми и 12 чел. ранеными.

28.1.1943 г. патруль в составе 20 чел. предпринял акцию в дер. Цынное и 29.1.1943 г. в дер. Соколки, Отрубок и Вязовщина, противник не обнаружен.

29.1.1943 г. силами в 45 чел. проведена акция в дер. Острово, Левдавица, Рудня и Чистый Бор. Эта операция продолжалась два дня.

30.1.1943 г. произошли 2 боя с бандитами, в ходе которых противник потерял 14 чел. убитыми и 30–40 чел. ранеными.

Собственные потери: один полицейский и 1 украинский солдат ранены, а также ранены 4 лошади.

2.2.1943 года силами в 30 чел. проведена акция в дер. Скороды, во время которой произошел бой с бандой в 80 чел. В ходе боя один жандарм и 1 полицейский тяжело ранены и 1 полицейский легко ранен.

10.2.1943 года силами в 86 чел. предпринята акция в дер. Заречье. По дороге в деревню и на обратном пути патруль подвергся нападениям бандитов, но каждый раз их удалось обратить в бегство. Ввиду глубокого снега преследование противника оказалось невозможным. Потерь с нашей стороны нет, а потери противника не установлены.

В отчетном месяце получено 22 доноса, произведено 15 обысков и 23 ареста. Из числа арестованных 11 чел. расстреляны за принадлежность к бандитам и 5 чел. переданы СД в Минске. За счет штрафов получено 400 немецких марок, которые переданы окружному комиссару.

В феврале месяце зарегистрировано 21 нападение бандитов [...]

Гюртцель,
лейтенант жандармерии
и начальник жандармерии округа

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 67–70. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 49–54. Подлинник.*

**№ 13. Из сводки поста жандармерии
в Плещеницах начальнику СС
и жандармерии Борисовского округа
о карательной акции в деревне Заречье**

г. п. Плещеницы
18 февраля 1943 г.

Касается: сводка происшествий.

День, время, место:

1) 17.2.1943, 11–13:00, Заречье

2) 18.2.1943, 12:00, Заречье.

Краткое изложение:

1. 17.2.1943 года, в 7:00, проведена акция против бандитов в дер. Заречье, в которой участвовали 20 жандармов и 60 полицейских под командованием начальника поста жандармерии мастера жандармерии Шнайдера. Перед деревней был отправлен вправо патруль в составе 3 жандармов и 10 полицейских и патруль влево в составе 4 жандармов и 17 полицейских. В то время как патруль, ушедший вправо, возвратился в деревню без столкновения с противником, патруль, отправленный в левую сторону, пройдя примерно 2 км вдоль леса, внезапно подвергся сильному пулеметному [огню] из леса. Бой продолжался примерно полчаса. Направленные на подкрепление патруля две ударные группы из-за глубокого снега и сильного пулеметного огня противника не смогли приблизиться к лесу. Только после сильного пулеметного огня, открытого с нашей стороны по лесу, они смогли без потерь возвратиться в деревню.

Предпринятая вторичная попытка с другой стороны подойти к лесу окончилась безуспешно, так как укрепившиеся на небольшой высоте бандиты держали под сильным пулеметным обстрелом низменность. Из числа патруля 5 полицейских возвратились в деревню, в том числе 2 — раненые. 4 жандарма и 10 полицейских были убиты и 2 полицейских пропали без вести. Погибли: жандарм, гауптман шуцполиции Герхард Шмидт, обер-вахмистр

шущиполиции резерва Курт Грах и обер-вахмистр жандармерии резерва Иозеф Шварц и Алоис Пикаль. Бой с бандитами продолжался с 11:00 до 13:30. После прекращения огня бандитами смогли отправиться в 15:00 в обратный путь, так как предполагали, что бандиты отрежут нам путь отхода. Когда колонна выехала из деревни, она снова подверглась обстрелу с дистанции примерно 800 м. В ответ нами был открыт пулеметный огонь. Через непродолжительное время противник прекратил огонь, и дальнейшая поездка прошла беспрепятственно. В 16:30 колонна возвратилась в Плещеницы.

Во время нападения бандитов на патруль они захватили 2 русских ручных пулемета, 2 русских ручных миномета, 1 немецкий автомат, 10 русских винтовок, 2 пистолета. Со слов уцелевших из патруля, они расстреляли все боеприпасы. Потери противника не установлены.

2. 18.2.1943 года, в 7:00, была предпринята новая карательная экспедиция в дер. Заречье, в которой участвовали 20 жандармов, 70 полицейских и 100 солдат из 118-го украинского батальона. Операцией руководил гауптман шущиполиции Вёльке. Когда колонна приблизилась примерно на 800 м к деревне, она подверглась сильному обстрелу из пулеметов и винтовок, во время которого был ранен майстер шущиполиции из 118-го украинского батальона. С помощью противотанкового орудия, минометов и станковых пулеметов примерно через час огонь противника был подавлен. Жандармы, полицейские и солдаты украинского батальона развернутой цепью вошли в деревню, где захватили русский станковый пулемет.

20 домов, из которых стреляли, были сожжены. 4 бандита, укрывшиеся на сеновале, сожжены живьем. Как установлено, вчера и сегодня бандитов насчитывалось примерно 120 чел.

Убитые жандармы и полицейские обнаружены, все раздетые до нижнего белья, оружие забрано. Они доставлены в Плещеницы. В 17:00 колонна без дальнейшего столкновения с противником возвратилась в Плещеницы.

Численность банды: примерно 120 чел.

Вооружение: станковые и ручные пулеметы, винтовки.

Результаты: не установлены.

Потери: 4 жандарма, 10 полицейских убиты, 2 полицейских пропали без вести, 3 полицейских ранены, 1 мастер шуцполиции ранен.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 72–74. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 31–32. Подлинник.*

**№ 14. Из приказа межрайонного
партийного центра Борисовской зоны
командирам партизанских бригад
«Дядя Вася», «Старик»,
«Комсомольско-молодежной»
и отряда «Гвардеец» о задачах
бригад и отряда**

19 февраля 1943 г.

Противник с 15.1.43 г. активно повел борьбу с партизанами за установление своего контроля и освобождение от партизан стратегических и рокадных дорог, в лесисто-болотистой местности Борисовской и Минской зоны, которые в преддверии будущего его отступления будут иметь исключительное значение в переброске войск.

Дороги стратегического значения:

1. Орша, Толочин, Крупки, Борисов, Минск, Столбцы, Барановичи.

2. Бешенковичи, Чашники, Лепель, Бегомль, Плещеницы, Радошковичи, Молодечно, Лида.

Рокадные дороги для переброски войск по фронту:

1. Ушачи, Лепель, Латыголичи, Кострица, Борисов, Червень, Бобруйск.

2. Бабиничи, Кубличи, Докшицы, Логойск, Минск. Противник обороняет эти пути и ведет борьбу с партизанами.

Задача партизан оседлать эти пути и дороги, взорвать мосты, уничтожить немецкие гарнизоны на этих дорогах и установить свой контроль и охрану этих дорог.

Командиру бригады «Дядя Вася» к 1.3.43 г. уничтожить немецкий гарнизон в м. Плещеницы, взорвать мосты, устроить завалы и установить постоянный контроль за дорогами до м. Логойска и обеспечить безопасность маневрирования мелких групп и партизанских отрядов до восточной части Вилейской области [...]

Руководитель межрайонного п/центра
Борисовской зоны Жукович

Зав. военным отделом межрайонного п/центра
Борисовской зоны подполковник Коваленко

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 796. Л. 27. Подлинник.

**№ 15. Из оперативного донесения поста
жандармерии в Плещеницах начальнику
СС и жандармерии Борисовского
округа об антипартизанской
акции в деревне Юльяново**

г. п. Плещеницы
25 февраля 1943 г.

20.2.1943 года, в 3:00, 30 полицейскими и 30 солдатами 118-го украинского батальона предпринята акция против бандитов под командованием украинского офицера в дер. Юльяново. Около 5:30 патруль возвратился в Плещеницы, не обнаружив противника [...]

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 201. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 62. Подлинник.*

**№ 16. Приказ № 11/оп штаба партизанской
бригады «Дяди Васи» о задачах
отрядам бригады по блокировке
Плещеницкого гарнизона**

27 февраля 1943 г.

I. Противник, расположенный в Плещеницы, составляет: «Украинский» батальон 250, полиция 150, жандармерия 25, летчиков связистов 15.

Вооружение: винтовки, пулеметов 25–30?¹⁹, пушка 76 мм — 1, 45 мм — 2, минометы — ?²⁰

Моральное состояние гарнизона подавленное, напряженное. Батальон расположен на окр. Плещеницы (территория бывшего погранотряда левой стороны въезда в Плещеницы). Жандармерия — б. здание Сталинской русской школы, здание полиции Боровая ул. (б. здание милиции), караульное помещение (б. общежитие милиции). Пост ВНОС вышка пожарного депо, рядом (бывшее здание р-к) рация.

II. К 7:00 28.2.43 блокировать вражеский гарнизон Плещеницы задачей не дать выхода п-ку район, ночными вылазками попадать на объекты Плещеницы, уничтожить живую силу п-ка, уничтожить охрану Горбатый Мост. Привлечением местного населения завалить дороги.

III. К 7:00 28.2.43 года:

1. Партизанскому отряду им. Котовского одной ротой занять Уболотье, что 4 км ю-з Плещеницы. Разведку вести Погулянки, Цынное, Рудня, Плещеницы.

Второй ротой занять м. Хотавичи. Разведку вести Дрила I, II, Кишкурно, Плещеницы.

К. п. комотряда м. Хотавичи.

¹⁹Так в тексте. — Прим. ред.

²⁰Так в тексте. — Прим. ред.

2. Партизанскому отряду «Борьба» одной ротой занять Загорье, что 5 км с-з. Плещеницы. Разведку вести Кишкурно, Слобода, Плещеницы, Юльяново одной ротой Корговище (Коргово). Разведку вести Юльяново, Прилепцы, пос. Октябрь, Плещеницы.

Одной ротой (3-я рота). Занять свх. Петролино. Разведку и действия вести Замошье, Соколы, Заборье, Плещеницы.

К. п. комотряда Карговище.

3. Командиру отряда им. «Суворова» всем отрядом занять район 2 км юж. Горбатый Мост, уничтожить охрану моста, завалить шоссе Плещеницы — Логойск, южнее Горбатый Мост. Разведку вести Плещеницы действиями «Украинского» батальона, не выпускать п-ка из Плещениц. Разведку вести Барсуки, Заборье, Плещеницы.

К. п. комотряда — района своего отряда.

IV. Ком. отряда им. «Котовского» завалить дороги Плещеницы Корень сев. — в. Уболотье, Плещеницы — Хотавичи района реки Двиноса — м. Хотавичи.

Ком. отряда «Борьба» дорогу Плещеницы, Юльяново в районе вост. Кишкурно, Прилепы, Юльяново в районе восточнее Загорье. Шоссе Плещ. Заборье районы западнее Заборье.

V. Действовать решительно и смело.

VI. Пароль бригаде на время боевых действий согласно моего распоряжения подачи паролей на март месяц, смену производить в 00 часов.

VII. Донесение представлять ежедневно к 20:00, случае резкого изменения обстановки срочно.

VIII. К. п. комбрига м. Хотавичи. 7:00.28.2.43 г.

IX. Комотрядов к 7:00 28.2.43 выслать двум связным на мой к. п.

X. Продовольствие отрядов районе действия, разведки.

XI. Путем засылки листовок разваливать Плещеницкий гарнизон, добровольно перешедших на нашу сторону — взять под контроль, поступать с ними на основе обращения Белорусского Правительства.

Командир бригады майор

Военком бат. комиссар

Н. штаба бригады лейтенант

Написано в 4 экз.

1 экз. — в дело

2 экз. — комотряда им. Котовского

3 экз. — комотряда «Борьба»

4 экз. — -»- им. Суворова

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 796. Л. 25–26. Подлинник. Рукопись.

**№ 17. Оперативное донесение поста жандармерии
в Плещеницах начальнику СС и полиции
Борисовского округа о бое с партизанами
в районе деревни Уболотье**

г. п. Плещеницы
28 февраля 1943 г.

28.2.1943 года, в 11:00, районный бургомистр вместе с руководителем ЦО Шустерковичем и командирами отделений полиции Радненком и Чернявским ехали в Рудню, чтобы заказать сани. Из Рудни по своей инициативе они поехали дальше в дер. Уболотье. Не доезжая до деревни, они подверглись сильному ружейно-пулеметному обстрелу и все четверо были убиты. Бандиты забрали санную упряжку, 3 скорострельных винтовки, 1 русский автомат, 4 армейских револьвера и 4 немецкие гранаты, которыми были вооружены убитые. Бандиты забрали также одежду и сапоги убитых.

Высланный немедленно патруль в составе 30 полицейских и 60 солдат 118-го украинского батальона в ходе часового боя отогнал бандитов. Со слов местных жителей, бандитов насчитывалось 110–120 чел. Потери бандитов не установлены. Около 15:30 патруль без потерь возвратился в Плещеницы.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3, д. 1025. Л. 200. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 60. Подлинник.*

**№ 18. Приказание командира партизанской
бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянского
командиру отряда «Борьба»
о боевой задаче отряду**

28 февраля 1943 г.

Командиру отряда «Борьба»

1. Противник: а) согласно донесения ком-ра 1 роты В/Вам отряда, противник в 11:30 двигался двумя колоннами на Рудня Завишинская и Загорье. Рота приняла бой. Ввиду отхода со стороны Юльяново комроты решил отойти на исходный рубеж, т. е. в Остров.

б) Рота отряда Котовского, находящаяся в Уболотье, уничтожила 5 чел. полицейских, прибывших из Плещеницы на свадьбу в Уболотье. В числе убитых пом. нач. полицейского участка Радненок, начальник ЦТО и н-к района Юдин (вопрос о последнем уточняется). После отхода роты из Уболотья в эту деревню прибыла полиция и немцы. Зафиксирован факт нахождения противника в 1-х Сукневичах.

2. Приказываю: к 8:00 1.3.43. Вашим отрядом занять Метличицы — Чистый Бор. Ваш КП иметь в Метличицы. Задачу выполнять согласно приказа, особое внимание обратить на дорогу Плещеницы — Рудня Завишинская, не допустить выхода противника на Боброво — куда он имеет намерение выйти.

3. Устанавливаю условный знак — пароль на дневное время, необходимый партизанам при встречах друг с другом.

Партизан правой рукой снимает свой головной убор, руку с головным убором резко поднимает вверх и потом вправо. Встречающий обязан проделать то же самое.

4. Мой КП — Дрила 2-я, запасной лагерь отряда им. Котовского, где можно найти моих связных.

5. Донесение к 20:00 ежедневно.

Комбриг майор

28.2.43 г.

21:00

Дрида П

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1, Д. 775. Л. 77–78. Подлинник. Рукопись.

**№ 19. Оперативное донесение поста
жандармерии в Плещеницах начальнику
СС и жандармерии Борисовского
округа об антипартизанской
акции в деревне Хотавичи**

г. п. Плещеницы
4 марта 1943 г.

2.3.1943 года доверенное лицо из дер. Хотавичи сообщило, что там 300–400 бандитов под командованием майора готовятся к нападению на Плещеницы. После этого утром 3.3.1943 г. (в 7:00) предпринята операция силами 150 солдат 118-го украинского батальона, 10 жандармов и 40 полицейских под командованием майора охранной полиции Кёрнера в указанную деревню. Бандиты завалили деревьями лесную дорогу на протяжении 300 м и, кроме того, сожгли мост. Наступление на деревню велось с двух сторон. Однако боя не произошло, так как в предыдущую ночь бандиты покинули деревню и ушли в неизвестном направлении.

В 11:30 патруль без потерь возвратился в Плещеницы.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 172. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 22. Подлинник.*

**№ 20. Из сводки поста жандармерии
в Плещеницах начальнику СС и полиции
Борисовского округа об антипартизанской
акции в деревне Боброво**

г. п. Плещеницы
8 марта 1943 г.

[...] 2.7.3.1943 года, в 3:00, проведена акция против бандитов с участием 200 солдат из 118-го украинского батальона, 15 жандармов и 40 полицейских под командованием гауптмана шуцполиции Вёльке в дер. Боброво.

В Боброво арестованы 2 чел., один из которых имел при себе винтовку, а второй патроны. После непродолжительного допроса оба расстреляны.

В 13:00 патруль возвратился обратно без соприкосновения с противником.

Численность банды: не установлена. 2 чел²¹.

Вооружение: не установлено. 1 винтовка²².

Результаты: 2 бандита расстреляны, 1 винтовка захвачена.

Потери: нет, ни с той, ни с другой стороны.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 75–76. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 21. Подлинник.*

²¹ Так в тексте. — *Прим. ред.*

²² Так в тексте. — *Прим. ред.*

**№ 21. Из оперативного донесения поста
жандармерии в Плещеницах начальнику
СС и полиции Борисовского округа
о переходе 15 солдат 118-го полицейского
батальона на сторону партизан**

г. п. Плещеницы
9 марта 1943 г.

[...] 8.3.1943 г., в 21:30, караулом 118-го украинского полицейского батальона в опорном пункте Горбатый Мост был подожжен мост и караульное помещение. Если караульное помещение полностью сгорело, то мост удалось спасти подоспевшему патрулю этого батальона, который заметил горящий мост. Караул в составе 15 украинских солдат с русским станковым пулеметом, 2 русскими ручными пулеметами и 14 русскими винтовками перебежал к бандитам.

9.3.1943 г. один из бежавших украинских солдат возвратился обратно и рассказал, что 4 солдата отняли у остальных оружие и заставили остальных бежать с ними к бандитам. Направленный немедленно для преследования бежавших патруль численностью в одну роту не смог их обнаружить. Бандиты позади дер. Губа преградили дорогу множеством поваленных деревьев.

Наши потери: в живой силе нет.

Потери в вооружении и снаряжении:

15 украинских бежавших солдат унесли с собой 1 станковый и 2 ручных пулемета, 14 винтовок, ручные гранаты и значительное количество боеприпасов.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 174–175. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 24. Подлинник.*

**№ 22. Из оперативного донесения
жандармского поста в Плещеницах
начальнику СС и полиции Борисовского
округа о карательной акции
в деревнях Дрила и Сукневичи**

г. п. Плещеницы
16 марта 1943 г.

13.3.1943 г., в 8:00, проведена операция против бандитов в деревнях Дрила и дер. Сукневичи, в которой участвовало 20 жандармов, 80 полицейских и 100 солдат 118-го украинского батальона под командованием капитана шуцполиции Мелена и лейтенанта жандармерии Гюртцеля. Расстреляны за принадлежность к бандитам 2 жителя.

В 14:00 патруль возвратился без соприкосновения с противником [...]

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 190. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 55. Подлинник.*

№ 23. Из оперативной сводки начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о проведенных карательных акциях

г. п. Плещеницы
17 марта 1943 г.

[...] 5. Отчет о деятельности:

[...] В отчетном месяце силами жандармерии и полиции проведены следующие крупные операции:

17.2.1943 года силами 60 полицейских и 20 жандармов проведена акция против дер. Заречье (полицейский квадрат 2245 голубой). Патруль, который хотел обойти деревню с левой стороны, попал во вражескую засаду. При этом 4 жандарма и 12 полицейских были убиты и 3 полицейских ранены. Потери противника составили 15 чел. убитыми и 30–40 чел. ранеными.

18.2.1943 года силами 20 жандармов, 70 полицейских и 100 украинских солдат из 118-го украинского батальона снова проведена акция против деревни Заречье. В ходе боя, продолжавшегося около часа, бандиты, потеряв 4 чел. убитыми, вынуждены были отступить. Погибшие накануне жандармы и полицейские подобраны. Один полицейский ранен.

20.2.1943 года проведена ночная операция в дер. Юльяново, в которой принимали участие 30 полицейских, 30 солдат из 118-го украинского батальона и 10 жандармов, с последующим устройством засады. Однако противник не был обнаружен.

25.2.1943 года проведена операция в дер. Комаровка силами 10 жандармов и 40 полицейских. Противник не обнаружен.

28.2.1943 года 2 русских полицейских, районный бургомистр и русский возчик ЦТО возле дер. Уболотье подверглись нападению бандитов и были расстреляны.

Немедленно направленный патруль в составе 10 жандармов, 30 полицейских и 60 солдат 118-го украинского батальона после примерно часового боя обратил противника в бегство. Потери противника не установлены. С нашей стороны потерь нет.

Патруль в составе 5 жандармов, 15 полицейских и 40 украинских солдат из 118-го украинского батальона возле дер. Слобода примерно в течение 20 минут вел бой с бандитами, в ходе которого 2 бандита были ранены. С нашей стороны потерь нет.

2.3.1943 года предпринята акция в дер. Хотавичи силами 15 жандармов, 40 полицейских и 150 солдат из 118-го украинского батальона. Бандиты на протяжении 300 м по дороге через лес устроили завалы и сожгли мост. Акция прошла без столкновения с противником [...]

Гюртцель,
лейтенант жандармерии округа
и командир жандармерии округа

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 77–84. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 43–48. Подлинник.*

**№ 24. Оперативное донесение поста
жандармерии в Плещеницах начальнику
СС и полиции Борисовского округа о бое
с партизанами в районе деревни Губы**

г. п. Плещеницы
20 марта 1943 г.

19.3.1943 года, в 5:00, патруль в составе 5 жандармов, 20 полицейских и 20 солдат 118-го украинского батальона под командованием майстра жандармерии Швенка был направлен на шоссе в Логойск для обеспечения охраны конвоя. Когда патруль в 7:30 находился примерно в 200 м за деревней Губа, он внезапно подвергся пулеметному обстрелу с двух высоток. Вахмистр жандармерии Яцино был тяжело ранен в живот. Патруль, заняв укрытие в кювете дороги, открыл ответный огонь. После 30-минутной перестрелки бандиты прекратили огонь и поспешно отступили. Патруль широким фронтом начал прочесывать местность и обнаружил различные кровавые следы, по которым можно предполагать, что бандиты понесли потери. По следам в снегу можно судить, что станковый пулемет был установлен бандитами на салазках. В дальнейшем столкновений с противником не было. Конвой проследовал благополучно, и в 12:00 патруль возвратился в Плещеницы.

Шнайдер,
майстер жандармерии
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 194. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 57. Подлинник.*

№ 25. Донесение командования партизанской бригады «Дяди Васи» об операции бригады против Плещеницкого гарнизона в районе деревень Заречье, Котели

21 марта 1943 г.

План

боевой операции против фашистских захватчиков 18.2.43 г.
в районе д. д. Заречье, Котели Плещеницкого района

Отряд им. Котовского 2 ротного состава расположен в лесных массивах 2 км западнее д. Селище, в январе м. 1943 г. мною отряду им. Котовского поставлена задача путем засад уничтожить противника при выходе такового из Плещеницы в район, кроме данной задачи — также поставлены задачи, как молодому отряду (организован он 23.12.42), роста, укрепления себя, диверсии на ж. д. в Западной Белоруссии. Командование отряда им. Котовского с задачами поставленными справляется хорошо.

17.2.43 г. отряд им. Котовского вел бой с противником (200–250 ч.) в районе леса вост. Заречье. Бой длился с 12–14 часов. Противник потерял 25 убитыми, в том числе 6 немецких офицеров, 5 полицейских взяты в плен — потом после допроса их расстреляли. Взяты трофеи отрядом 2 РП, 12 винтовок, 3 автомата, 1000 патр. винтовочных и обмундирование с убитых, годное к носке. Враг трупы не убрал, после боя спешно ушел в Плещеницы. Штаб бригады находится от дислокации п/о им. Котовского в 25 км на север в районе лесных массивов Малиновка.

18.2.43 г. в 01 ч. я получил донесение от к-ра отряда им. Котовского и одновременно просьбу о присылке подкрепления, так как командир отряда т. Красненков предполагал, что 18.2.43 г. к утру немцы и полиция придут за трупами. При штабе бригады в лесу был размещен п/о «Борьба». Я решил с 2 ротами «Борьбы» выйти в 4:00 18.2.43 г. На подкрепление в отряд им. Котовского приказал т. Колганову с 1 и 3 ротой выступить, объявив ему, что сам лично выступаю вместе с комиссаром бригады. Тов. Долганов при выходе из лесу доложил, что 3-я рота много в наряде, следуют 1 и 2 роты.

Проверить, действительно так с 3-й ротой, мне не удалось, ибо время было уже четвертый час 18.2 и мне хотелось под покровом

темноты прибыть в отряд им. Котовского. В отряд им. Котовского с двумя ротами «Борьбы» прибыл в 07:00 18.2.43 г. и дал распоряжение одной ротой из «Борьбы» повзводно занять Заречье и Котели, другой роте занять д. Селище. К-р отряда «Борьба» решил так, только изменив, 2-ю роту расположил не в Селище, а в Подьякубовичи. Парт. отряду им. Котовского дал распоряжение быть в д. Селище.

В 9–10 часов 18.2.43 г. разведка доложила о появлении противника в д. Заречье. К-р отряда им. Котовского поставленную задачу выполнил не так, как я ему ставил, а именно оторваться от Селище, прошел Заречье, Дрила I, II и Хотавичи (противник) к трупам через Заречье не пошел, а пошел с Путилова, совершенно противоположной стороны). Что стало мне известно только в 14:30, через 30 минут противник появился (400 человек), сделав разведку огнем. 1-я рота «Борьба» находилась Котели (т. Долганов подтянул взвод из Заречья в Котели). Котели находились 800 м — 1000 м от противника на бугре, сзади метров 500–600 лес. К. п. — мой был Котели, к. п. к/о «Борьба» — Котели. Противник стал наступать на Котели цепью, подступив поближе метров на 200 — открыли огонь по ним. Бой длился непосредственно огонь 1 ч. 30 м. Противнику удалось сделать нам обход с правого фланга, дабы не дать себя окружить. Я приказал дать отход на лес через деревню. Отряд им. Котовского не успел по времени зайти в тыл по лесу противника. Пытался после отхода я снова по лесу возвратиться к Котели, но, встретив упорное сопротивление пулеметным огнем из засады, — отошли в лес. Сразу после завязки боя — выстрелов т. Долганова не стало в Котели и таковой самостоятельно без моего разрешения убыл из-под пуля и в 19 часов только прибыл в лагерь им. Котовского и доложил.

Результат боя: по агентуре 40 ч. убитых полицейских.

1-й роты один станковый пулемет без станка.

Наши 1 раненый легко и потеря при отходе «Борьба».

Вывод: побег т. Долганова из боя 18.2.43 г. есть факт налицо.

Сам тов. Смирнов данную операцию видел, ибо он сам присутствовал.

Комбриг майор
Военком бригады

21.3.43 года

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 796. Л. 33–41. Заверенная копия. Рукопись.

№ 26. Дневная сводка особого батальона СС «Дирлевангер» об уничтожении деревни Хатынь

Особый батальон СС «Дирлевангер»

Дневная сводка

Принято. День, месяц: 23.3.43. Часы, минуты: 12.33.

Отправлен <нрзб>

Уполномоченному рейхсфюрера СС по борьбе с бандами

22.3 118-й батальон срочно запросил поддержки около населенного пункта Луба²³ (карта Молодечно 22/56). Немецкая моторизованная рота совместно со 118-м батальоном преследовали бандитов, отступавших на Хатынь. После огневого боя населенный пункт был взят и уничтожен. 30 вооруженных бандитов (в полной экипировке, в том числе 1 партизанка) убито. Трофейное имущество и оружие оставлены 118-му батальону.

Немецкая рота 23.3 зачищает имение Козино (карта Молодечно 98/62). Кроме того, мотоциклетный патруль прочесывает населенный пункт Чудзиничи (карта Молодечно). На 24.3 запланирована атака на бандитский лагерь в районе населенного пункта Ляды (карта Борисов 08/68 и Сутоки 06/70).

Особый батальон СС «Дирлевангер»

NARA. Microfilm Publication. T354, Roll 650. Копия. На немецком языке.

Перевод с немецкого — Д.А. Жуков, И.И. Ковтун.

²³ Правильное название населенного пункта — Губа. — *Прим. пер.*

№ 27. Из протокола совещания командного состава партизанской бригады «Дяди Васи»

29 марта 1943 г.

Присутствовали: к-ры отрядов «Котовский», «Суворова», «Мститель», секретарь Логойского РПК и штаб бригады.

Повестка дня: информация о политическом состоянии и перспективах б/действий бригады.

Майор Воронянский [...] Прекратить ночевку и остановку партизан в деревнях, хотя бы и одиночек, ибо это влечет за собой варварские издевательства врага над нашим населением. Много примеров, которые можно привести, даже у нас случай — сожжено 184 чел. и деревня Хатынь [...]

Нач-к штаба бригады ст. л-т Копанев

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 780. Л. 5–5 об. Подлинник. Рукопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 10.

№ 28. Письмо 2-го управления Генерального комиссариата Белоруссии Борисовскому гебитскомиссару с просьбой сообщить подробности о нападении партизан на полицейский патруль у д. Губы и уничтожении д. Хатынь

г. Минск

1 апреля 1943 г.

В дневном сообщении комендатуры охраняемой территории Белоруссии (Главная полевая комендатура 392) под цифрой 6, пункт в) содержится следующая запись:

«22.3. бандитами было совершено нападение на полицейский патруль охраны возле дер. Губа-2260 (14 км севернее Логойска), в результате чего гауптман шуцполиции и 3 украинских полицейских убиты, а 1 украинский полицейский ранен.

В ходе преследования банды был навязан бой. 30 чел. противника убиты. Бандитская деревня Хатынь-2260 (12 км юго-восточнее Плещениц) при этом вместе с 90 чел. жителей уничтожена (Е)».

Я прошу направить подробное сообщение по этому вопросу.

По поручению — Юнгвирт

Затребовано сообщение от полицейского шуцполиции Юльна

НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 45. Л. 116. Перевод с немецкого. Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 67. Л. 1. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 19–20.

**№ 29. Письмо Борисовского гебитскомиссара
начальнику жандармерии Борисовского
уезда лейтенанту Гюртцелю с просьбой
сообщить подробности о нападении
партизан на полицейский патруль
у д. Губы и уничтожении д. Хатынь**

г. Борисов
5 апреля 1943 г.

Генеральным комиссаром в Минске направлена мне следующая краткая записка: 22.3.43 бандитами было совершено нападение на полицейский патруль охраны возле дер. Губа-2260 (14 км севернее Логойска), в результате чего гауптман шуцполиции и 3 украинских полицейских убиты, а один украинский полицейский ранен. В ходе преследования банде был навязан бой. 30 чел. противника убиты. Бандитская деревня Хатынь-2260 (12 км юго-восточнее Плещениц) при этом с 90 чел. жителей уничтожена.

Для доклада г-ну генеральному комиссару мне необходимо подробное донесение об упомянутом выше случае. Я прошу направить мне таковое в кратчайший срок.

Бушман штандартенфюрер СА

*НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 45. Л. 118. Перевод
с немецкого. Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 1.
Д. 67. Л. 2. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память:
Документы и материалы.
Минск, 2009. С. 20.*

**№ 30. Оперативное донесение поста жандармерии
в Плещеницах начальнику СС и полиции
Борисовского округа о бое с партизанами
в районе деревни Жестинное**

г. п. Плещеницы

6 апреля 1943 г.

2.4.1943 г., с 8:00 до 15:00, 15 жандармов, 90 полицейских и 60 солдат 118-го украинского батальона были направлены на заготовку картофеля в дер. Жестинное. Возле деревни головной дозор натолкнулся на 5–6 бандитов, которые бежали пешком на конной упряжке, а также лошадях. Под обстрелом бандиты бросили 2 верховые лошади и парную упряжку, после чего скрылись в прилегающем лесу. Обыск местности не дал положительных результатов. Потерь с нашей стороны нет.

Командовал патрулем мастер охранной полиции Кляйн.

Трофеи: 4 лошади и повозка.

Кляйн,
мастер охранной полиции
и начальник поста жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 177. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 27. Подлинник.*

№ 31. Оперативный приказ о проведении карательной операции «Весна — Север» в районе Борисова

Оперативный штаб «Шимана»
Командный пункт, 7.4.1943 г.

Оперативный приказ об операции «Весна — Север»

Карты: № 35 — VIII восток Молодечно
№ 35 — IX запад Борисов

1) Положение противника.

В районе Борисов — Смолевичи 72/99 — Логойск 56/08 — Зембин 78/26 — Борисов находятся крупные бандитские группы. В лесисто-болотистой местности юго-восточнее Гайны и Ушачи банды покинули лесные лагеря вследствие половодья, отойдя в западном и юго-западном направлениях к расположенным поблизости деревням. Более сильные банды находятся южнее Зембина, угол пересечения рек Гайна — Ушача.

Общая численность бандитских групп примерно 2000 человек. Вооружение — ручное огнестрельное оружие, противотанковые орудия и гранатометы. На дорогах опасность подрыва на минах. Взаимодействие банд с крупным бандитским центром в районе озера Палик необходимо пресечь.

Для получения дополнительной информации о противнике см. приложение к документу²⁴.

2) Задача.

Банды нужно уничтожить, их лагеря разрушить и захватить запасы продовольствия. Одновременно провести учет продукции под началом руководителей сельскохозяйственных служб.

После мероприятия «Весна — Юг» командование операцией «Весна — Север» передано мне.

²⁴ Не прилагается. — *Прим. ред.*

3) Разведка.

Оперативная информация, поступающая по линии СД, должна дополняться сведениями боевой разведки. Особое внимание следует уделить разведке мостов, разрушенных бандитами, бродам рек Гайна, Цна и Ушача.

4) Оперативные силы.

Силы, выделенные для операции:

а) 2-й полицейский полк СС с подчиненным ему 202-м батальоном вспомогательной полиции;

б) 13-й полицейский полк СС (без III батальона);

с) I батальон 23-го полицейского полка СС с подчиненным ему 57-м батальоном вспомогательной полиции;

д) Особый батальон СС «Дирлевангер» с подчиненной ему ротой вспомогательной полиции;

е) 12-я полицейская танковая рота;

ф) Особые команды СД прикрепляются к каждому батальону.

5) План боевых действий.

Бандитский район усмиряется в 2 этапа.

1-й этап: Зачистка района между шоссе и дорогой Борисов — Смолевичи и руслом рек Гайна и Ушача в общем направлении на северо-восток — юго-запад. Ограничение с северо-востока — Березина, с юго-запада — линия Червень, Криницк 68/90 — Малое Залужье 64/91 — Избицк 62/93, дополнительно — угол реки в районе вокруг Антонополя 69/06 — Кривая Поляна 71/05. Направление наступления: северо-восток; затем движение в направлении с юга на север. Блокирование района справа — часть реки Гайна, 5 км от моста восточнее Зембина, слева — слияние рек Гайны и Ушачи. В начале наступления одновременно осуществляется блокирование района реки Цна, слияния рек Гайны и Ушачи, слева — разрушенный мост через Цну, шоссе Зембин — Плещеницы, и закрытие шоссе в сторону Зембина.

2-й этап: Наступление — угол рек Гайна и Цна, южнее Зембина.

6) Проведение операции.

Для проведения боевой операции приказываю:

а) 13-й полицейский полк СС 8.4.43 в 6 часов утра выступает с исходного рубежа: Червень, Криницк 68/90 — Малое Залужье 64/91 Избицк 62/93.

Полоса наступления.

Граница справа: от шоссе до переезда через узкоколейную железную дорогу около Жодино — узкоколейная железная дорога в северном направлении до Гайны. Граница слева: от Ушачи до устья Гайны.

Цели на день:

К вечеру 8.4.43 полк должен достичь линии Горное 85/97 — шоссе, в общем направлении с запада на северо-запад до Ушачи, и установить взаимодействие со 2-м полицейским полком СС и особым батальоном СС «Дирлевангер».

К вечеру 9.4.43 полк должен достичь линии: перекресток дорог Борисов, Юрова 69/04 — узкоколейная железная дорога в западном направлении до Броды 76/06; далее в северо-западном направлении до устья Ушачи и Гайны.

К вечеру 10.4.43 полк должен достичь цели наступления — район восточнее реки Гайна, правее узкоколейной железной дороги и моста через Гайну 81/15, слияние рек Гайна и Ушача, и не допустить прорыва противника в южном направлении. Во время операции отделение танков находится на шоссе и преграждает путь бандам из зоны боевых действий.

в) Особый батальон СС «Дирлевангер» 9.4.43 в 6 часов утра выступает с исходного рубежа: мост через Ушачу, 1 км севернее Мгли 69/00 — шоссе через Прудище 69/03 до Антонополь 69/06.

Район наступления: цель — угол реки Гайна, справа — слияние рек Гайна и Ушача, слева — район блокирования противника.

Батальон занимает на западном берегу Цны участок отсечной позиции: справа от устья Ушачи — Гайны 73/07, слева — мост через Цну, выход на шоссе Зембин — Плещеницы. Часть пресекает прорыв бандитов в западном и южном направлениях. Блокирование района должно начаться вечером 8.4.43.

с) 2-й полицейский полк СС с подчиненным ему 202-м батальоном вспомогательной полиции закрывают западный берег реки Березины, в том числе в районе шоссе Борисов — Зембин, включая мост через Гайну 84/25, и препятствуют прорыву бандитов в восточном направлении. Блокирование должно быть проведено вечером 8.4.43. Полк 8.4.43 в 6 часов утра выступает с исходного рубежа: шоссе-яная дорога от Жодино (переход узкоколейной железной

дороги) — северо-западный край Борисова вплоть до шоссе Борисов — Зембин.

Полоса наступления:

Граница справа: шоссе Борисов — Зембин до моста через Гайну.

Граница слева: узкоколейная железная дорога от Жодино в общем направлении на север до Гайны (железнодорожная насыпь включительно). При соединении полка с силами блокирования 202-й батальон вспомогательной полиции усиливает правое крыло части.

Цели на день:

К вечеру 8.4.43 полк должен достичь линии Большой Стахов 90/15 — Стаховский Пруд 90/13 — река Бродная, в общем направлении на юг — угол реки 88/10 — перекресток дорог Борисов, Юрова узкоколейная железная дорога.

К вечеру 10.4.43 полк должен достичь цели наступления — восточный берег реки Гайны в районе боевых действий, справа — мост через Гайну 84/25, слева — мост через Гайну (узкоколейная железная дорога) 80/15 и препятствует на этой линии прорывам бандитов в восточном направлении. Во время операции шоссейная дорога в районе боевых действий блокируется танками.

д) Усиленная 12-я полицейская танковая рота блокирует шоссе Борисов — Зембин (западный берег) и пресекает прорыв бандитов на восток. Подразделение поддерживает взаимодействие с 202-м батальоном вспомогательной полиции. Особое внимание следует уделить защите моста через Гайну 84/25, находящемуся на этом шоссе. Указанный участок шоссе должен быть взят под контроль вечером 8.4.43.

е) I батальон 23-го полицейского полка СС с подчиненным ему 57-м батальоном вспомогательной полиции закрывают угол рек Гайна и Цна, включая район между ними, и преграждают выход на шоссе Борисов — Плещеницы. Блокирование района должно начаться вечером 8.4.43. Все попытки бандитов прорваться на север следует пресекать.

Приказываю обратить внимание на угол рек, где может быть совершен прорыв.

ф) В моем распоряжении остаются:

с вечера 10.4.43 202-й батальон вспомогательной полиции, занимающий позицию около Костюки 86/...²⁵;

с вечера 12.4.43 батальон 2-го полицейского полка, который будет находиться в Зембине.

²⁵ Так в тексте. — Прим. ред.

7) Связь — взаимодействие.

Со всеми батальонами должна быть налажена бесперебойная связь. Во все части должен быть доставлен план радиосвязи. Радиостанция (радиопозывной дпп 8) моего штаба одновременно является и радиостанцией моего командного пункта.

8) Медицинское обеспечение.

Войсковые части самостоятельно регулируют медицинское обеспечение подразделений, используя для этого своих врачей и санитарный персонал. Военные госпитали находятся в Борисове и Минске. В моем распоряжении есть санитарный самолет, который может быть затребован участниками операции.

9) Отличительные знаки, световые сигналы, пароль.

Все участники операции — в качестве отличительного знака прикрепляют к погону на левом плече широкую белую полосу.

Световые сигналы:

белый вертикально: «Мы здесь»;

белый в определенном направлении: «Там сопротивление противника»;

красный: «Противник пытается прорваться из окружения»;

зеленый: «Огонь перенести вперед».

Сигналы для авиации: В случае необходимости — в качестве сигнала для авиации — использовать перед передним краем знамени со свастикой.

Пароль:

с 7.4. — 8.4. «Адриатика»

с 8.4. — 9.4. «Корсика»

с 9.4. — 10.4. «София»

с 10.4. — 11.4. «Агран»

с 11.4. — 12.4. «Тироль»

с 12.4. — 13.4. «Бухарест»

с 13.4. — 14.4. «Прага»

с 14.4. — 15.4. «Пресбург»

Смена пароля происходит ежедневно в 12:00.

10) Донесения.

Ежедневно до 22:00 мне следует сообщать:

о достигнутых батальонами целей с указанием подробностей боевых действий;

о количестве убитых бандитов;
о количестве человек, подозреваемых в связях с бандами; о трофеях: захваченном оружии, боеприпасах и снаряжении,
о результатах учета.

11) Командный пункт.

Мой командный пункт находится в Минске.

Рассылка документа:

2-й полицейский полк СС — 4 экз.

13-й полицейский полк СС — 3 экз.

1 батальон 23-го полицейского полка СС с 57-м батальоном вспомогательной полиции — 3 экз.

Особый батальон СС «Дирлевангер» — 2 экз.

202-й батальон вспомогательной полиции — 1 экз.

12-я полицейская танковая рота — 1 экз.

118-й батальон охранной полиции — 1 экз.

Командир полиции порядка Минска — 3 экз.

Начальник полиции безопасности и СД Минска — 4 экз.

Генеральный комиссар, III отдел — 1 экз.

Районный комиссар Минска — 1 экз.

Оперативный штаб «Шимана» — 5 экз.

Высший фюрер СС и полиции «Россия — Центр и Белоруссия» — 2 экз.

Уполномоченный рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом — 2 экз.

Начальник СС и полиции «Белоруссии» — 2 экз.

Главная полевая комендатура № 392 — 1 экз.

286-я охранная дивизия — 1 экз.

Всего — 37 шт.

подписал Шимана

С подлинным верно

Подпись <нрзб>

Майор охранной полиции

NARA. Microfilm Publication. T354, Roll 649. Копия.

На нем. языке. Перевод с немецкого — Д.А. Жуков, И.И. Ковтун.

**№ 32. Из оперативного донесения поста
жандармерии в Плещеницах начальнику СС
и жандармерии о бое с партизанами караула
118-го украинского полицейского батальона**

г. п. Плещеницы
8 апреля 1943 г.

[...] 7.4.1943 г., около 19:00, караул из 118-го украинского батальона по дороге к лесозаводу в Плещеницах подвергся нападению со стороны бандитов. После часового боя бандиты отступили. В ходе боя 1 немец и 2 украинца легко ранены. Потери бандитов из-за наступившей темноты не установлены.

Кляйн,
майстер охранный полиции
и начальник поста

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1025. Л. 176. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 26. Подлинник.*

**№ 33. Рапорт командования отряда
им. Котовского командиру
партизанской бригады «Дяди Васи»
В.Т. Воронянскому о нападении
на караул плещеницкого гарнизона**

11 апреля 1943 г.

Сообщаю, 7 апреля 43 года группа партизан 2 роты в количестве 21 человека под командой командира роты тов. Романова произвела налет на м. Плещеницы.

В 12:30 7.4.43, подойдя к местечку на 300 м со стороны крахмального завода, группа замаскировалась по кустарнику и постройкам, ожидая смены караула.

В 19:00 на расстоянии 100 м от засады проходил караул в количестве 20 чел.

Ком. роты тов. Романов и мл. л-т тов. Цыганков открыли огонь из автоматов по проходящей колонне. Ручным пулеметчиком тов. Олейниковым было дано дополнительно три очереди.

Результат. Уничтожено: немцев — 1,
украинцев — 9.

Ранено: украинцев — 5.

Наша группа отошла благополучно, захватив в трофеи 2 велосипеда.

Командир п/отряда им. Котовского
Политрук Красненков

Комиссар отряда ст. л-т Барков

Нач. штаба мл. политрук Волостных

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 804. Л. 5. Подлинник. Рукопись.

№ 34. Донесение командира 118-го полицейского охранного батальона начальнику СС и полиции Борисовского уезда о нападении партизан на батальон у д. Губы и уничтожении д. Хатынь

г. п. Плещеницы
12 апреля 1943 г.

По вопросу письма гебитскомиссара Борисова, которое при этом возвращается, сообщаю следующее:

22.3.43 года бандами была повреждена телефонная связь между Плещеницами и Логойском. Для охраны восстановительной команды и для устранения возможных дорожных завалов в 9:30 были направлены 2 взвода 1-й роты 118-го полицейского охранного батальона под командованием гауптмана шцуполиции Вельке. Примерно в 600 м за дер. Губа встретили рабочих, занятых валкой леса. На наши вопросы они ответили, что бандитов не видели. Пройдя примерно 300 м, по команде из восточного направления был открыт сильный пулеметный и ружейный огонь. В завязавшемся бою были убиты гауптман шцуполиции Вельке и 3 украинских полицейских, а также ранены 2 полицейских. После короткого, но ожесточенного боя противник, забрав убитых и раненых, ушел в восточном направлении, на Хатынь. На этом по приказу украинского командира взвода бой был окончен, так как собственных сил для продолжения акции было недостаточно. На обратном пути упомянутые рабочие в лесу были арестованы, так как серьезно подозревались в пособничестве бандитам. Вскоре, за дер. Губа, часть из них пыталась бежать. В результате открытого нами огня 23 чел. были убиты, а остальные арестованные доставлены на допрос в жандармерию Плещениц. Так как их вина не была доказана, они были освобождены.

Для преследования ускользнувшего противника были направлены более крупные силы, в том числе части батальона СС Дирлевангера. В это время противник отступил в известную как пробандитски настроенную деревню Хатынь. Деревня была окружена и атакована со всех сторон. При этом противник оказал упорнейшее сопротив-

ление из всех домов деревни, так что даже пришлось применить тяжелое оружие, как противотанковые орудия и тяжелые минометы. В ходе боя вместе с 34 бандитами было убито много жителей. Часть из них погибла в огне пожара. Большая часть жителей, во всяком случае, еще за несколько дней покинула Хатынь, чтобы не иметь ничего общего с бандитами. Все происходившее могли наблюдать жители деревень, расположенных вдоль шоссейной дороги.

Кернер,
майор шуцполиции

НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 45. Л. 120–121. Перевод с немецкого. Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 67. Л. 5–5 об. Документ опубликован: Кобец-Филимонова Е. Распятая Хатынь: Повесть-эссе. Минск, 2005. С. 84–86; Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 21–23.

№ 35. Из приказа № 62 по партизанской бригаде «Дяди Васи» об объявлении благодарности командиру 2-й роты отряда им. Котовского Ф.Н. Романову за нападение на караул плещеницкого гарнизона

14 апреля 1943 г.

[...] Ком-ру 2-й роты отряда им. Котовского л-ту Романову Ф.Н. за смелый диверсионный налет с командой в 21 чел. на вражеский караул крахмального и лесного заводов м. Плещениц, в результате чего уничтожено: немцев — 1, украинцев — 9 и ранено украинцев — 5, объявляю благодарность.

Командир п/бригады Военком п/бригады
майор Воронянский
бат. комиссар Семенов

Нач. штаба п/бригады
ст. л-т Копанев

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 797. Л. 21–36. Подлинник. Рукопись.

№ 36. Приказание межрайонного партийного центра Борисовской зоны командиру партийной бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о нападении противника на деревню Дальковичи

15 апреля 1943 г.

В Партцентр поступили данные, что 12 мая противник, силою до 400 чел., напал на дер. Дальковичи, где находился отряд «Борьба». Отряд «Борьба» принял бой. В результате отряд понес большие потери и отошел, дал возможность противнику продвигаться вперед и сжечь д. Дальковичи и по неполным данным д. д. Черница, Заболотье, Городец.

Противник, проходя около расположения отрядов Котовского и Суворова на расстоянии до 1,5 клм (д. Черница) отряды уклонились от боя и вся тяжесть была возложена на отряд «Борьба».

Такое ведение борьбы с противником является неправильным, дает возможность беспрепятственно продвигаться и уничтожать мирное население и деревни. Отсутствие взаимодействия отрядов влечет к уничтожению поодиночке отряды и дает возможность противнику безнаказанно свирепствовать в районе Ваших действий.

Предлагаю немедленно устранить такого рода недостатки. Организовать тесную связь и взаимодействие отрядов Вашей бригады, активизировать отряды Котовского и Суворова. Принять все [меры] не дать возможности противнику бесчинствовать в дер. района ваших действий.

Руководитель Межпартцентра
Борисовской зоны Жукович

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 792. Л. 74. Копия.

№ 37. Из оперативной сводки начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о деятельности

г. п. Плещеницы
17 апреля 1943 г.

[...] Отчет о деятельности

В связи с небезопасным положением в перефрийных районах вынуждены в усиленной мере проводить патрулирование жандармерии и полиции на грузовых автомашинах, мотоциклах и велосипедах.

Для обеспечения охраны города усиленно осуществляется ночное патрулирование жандармерии и полиции. Боевая подготовка и контроль за полицией осуществляются. Для получения продовольствия и выполнения зондерфюрерами их служебных обязанностей им предоставляется полицейский конвой.

В отчетном месяце жандармерией и полицией проведено 23 операции. Из них особо следует отметить:

19.3.1943 года патруль в составе 5 жандармов, 20 полицейских и 20 украинских солдат из 118-го украинского батальона был направлен в дер. Губа для охраны шоссе Плещеницы — Логойск. Возле деревни Губа патруль подвергся нападению бандитов. В ходе получасового боя, во время которого 1 жандарм был тяжело ранен и впоследствии скончался в лазарете СС в Минске, бандиты обращены в бегство. Один бандит расстрелян и один ранен.

23.3.1943 года силами 20 жандармов и 45 полицейских была проведена акция против деревни Русаки, однако противник не обнаружен.

2.4.1943 года силами 20 жандармов, 70 полицейских и 60 украинскими солдатами из 118-го украинского батальона проведена акция против дер. Новоселки. Противник силами примерно в 30 чел. с расстояния в 500 м открыл огонь по патрулю, но был обращен в бегство. Потерь с нашей стороны нет. Потери противника не установлены. Захвачены 4 лошади и повозка.

5.4.1943 года силами 20 жандармов, 80 полицейских и 100 украинских солдатами из 118-го украинского батальона была проведена

акция против деревни Мал. Нестановичи. 7 подозрительных лиц при попытке к бегству расстреляны.

13.4.1943 г. 5 жандармов и 15 полицейских устроили засаду возле дер. Слобода. Около 16:00 произошел бой с бандитами, которые были обращены в бегство. С нашей стороны потерь нет. Потери противника не установлены.

В отчетном месяце по подозрению в принадлежности к бандитам расстреляно 6 чел., 40 чел. арестовано. Получено 20 нем. марок штрафа и переданы окружному комиссару.

В отчетном месяце зарегистрировано 29 нападений бандитов. Из них наиболее значительны:

Нападение бандитов 22.3.1943 года на патруль 118-го украинского батальона возле дер. Губа, во время которого были убиты гауптман шуцполиции Вельке и 3 украинских солдата.

Нападение бандитов на охрану крахмальной фабрики из 20 чел. в Плещеницах, во время которого были ранены 2 украинских солдата из 118-го украинского батальона и 1 мастер шуцполиции [...]

Гюртцель,
обер-лейтенант жандармерии округа
и начальник окружной жандармерии

*НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 85–90. Перевод с немецкого.
Немецкий текст: НАРБ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 15. Л. 63–68. Подлинник.*

№ 38. Приказ начальника СС и полиции округа «Белоруссия» фон Готтберга о проведении карательной операции в районе Молодечно

Начальник СС и полиции
«Белоруссии»
Отдел I а

Место дислокации, 27.4.1943 г.

Приказ об умиротворении района вокруг Молодечно и лесных районов Маньлы и Рудня

1) В районе вокруг Молодечно и в лесных районах Маньлы и Рудня находятся сильные банды, которые совершают нападения, подрывы и уничтожают запасы урожая. Ближайшее положение противника можно увидеть на прилагаемых картах.

2) Начальник СС и полиции «Белоруссии» приказывает усмирить эти районы, уничтожить банды и захватить сельскохозяйственную продукцию, передав ее руководителю по сельскохозяйственной службе. Кроме того, привлекаемые силы — команда жандармерии из III батальона и начальника отдела Фройденберга — должны провести захват и учет рабочей силы. Руководители сельскохозяйственных служб и командиры команды жандармерии III батальона координируют свою деятельность со 2-м полицейским полком СС.

Бегство противника на север, юг и запад следует пресечь, необходимо стремиться к его полному уничтожению.

3) Операция в районе вокруг Молодечно получает кодовое наименование «Сорвиголова I», в лесных районах Маньлы и Рудня «Сорвиголова II»²⁶.

4) Операцию «Сорвиголова I» поручается провести 2-му полицейскому полку СС под командованием подполковника охранной полиции Гриппа. Операция «Сорвиголова II» проводится оператив-

²⁶ В военно-исторической научной литературе эти операции также называют «Смельчак I» и «Смельчак II». — *Прим. пер.*

ной группой «Грипп». С этой целью, начиная с 30.04.1943 г., подполковнику охранной полиции Гриппу подчиняются:

а) 118-й батальон охранной полиции — в настоящее время в Плещеницах;

б) особый батальон СС «Дирлевангер» — в настоящее время в Логойске;

с) 12-я полицейская танковая рота.

Подчинение указанных частей (а — с) осуществляется через 2-й полицейский полк СС.

Для проведения операции «Сорвиголова I» вермахт выделил команду в составе 250 военнослужащих. Ее подчинение и координирование с ней совместных действий осуществляется через 2-й полицейский полк СС.

Необходимые для операции силы СД выделяются командующим СД «Белоруссии» и прикрепляются ко 2-му полицейскому полку СС.

5) Операция «Сорвиголова I» начинается 28.04.1943 г. рано утром, с использованием элемента внезапности. Переход к операции «Сорвиголова II» подполковник охранной полиции определяет самостоятельно. Операция «Сорвиголова II» должна быть завершена до 10.05.1943 г.

6) Офицер службы связи оперативного штаба проводит линии радиосвязи между моим штабом и частями, до батальонов включительно, и поддерживает их. Другие необходимые линии офицер связи устанавливает со 2-м полицейским полком СС.

7) Информацию о событиях, произошедших в течение 24 часов, ежедневно подавать в дневном донесении до 22:00.

8) Мой командный пункт будет находиться в штабе начальника СС и полиции «Белоруссии» в Минске, Гартенштрассе, 34 (Садовая ул.).

Подлинник подписал
фон Готтберг,
бригадефюрер СС и генерал-майор полиции

Для штаба начальника СС и полиции «Белоруссии».

Подпись <нрзб>
Майор жандармерии

Рассылка документа:

2-й полицейский полк СС — 2 экз.
с копией для оберштурмфюрера Граве
особый батальон СС «Дирлевангер» — 1 экз.
118-й батальон вспомогательной полиции — 1 экз.
12-я полицейская танковая рота — 1 экз.
командующий полицией безопасности и СД — 3 экз.
командующий полицией порядка — 3 экз.
зондерфюрер (К) Преквинкель и отдел
руководителя Фройденберга — 2 экз.
286-я охранная дивизия — 1 экз.
141-я охранная дивизия — 1 экз.
начальник СС и полиции «Белоруссии» — 5 экз.
Всего 20 шт.

Также относится:

уполномоченный по борьбе с бандами — 2 экз.
высший фюрер СС и полиции — 2 экз.
главная полевая комендатура — 1 экз.
Всего 5 шт.

NARA. Microfilm Publication. T354, Roll 649. Копия. На немецком языке.

Перевод с немецкого — Д.А. Жуков, И.И. Ковтун.

**№ 39. Из справки заместителя командира
отряда «Мститель» партизанской
бригады «Дяди Васи» П.А. Коровина
о работе по разложению украинских
полицейских батальонов**

27 апреля 1943 г.

[...] Работа по разложению подразделений противника, т. н. «украинских», идет неплохо. Этим подразделениям немцы очень неохотно доверяют. Факты: Минский «украинский» батальон разложен полностью, часть ушла в бригады «Дядя Вася» и Лунина, часть разоружена немцами и отправлена в лагерь. Прибывшее подразделение из Минска в Плещеницы также разлагается. Это видно из того, что когда в марте м-це группа украинцев, полицейских и немцев в количестве 250–300 человек прибыла в д. Боброво (непосредственно около бригады «Дяди Васи»), то украинцы не дали полицейским жечь село, лично не нахальничали, указывая крестьянам на полицейских, грабивших некоторые дома, говорили: «Это делают Ваши же черные вороны, а не мы». Когда один молодой крестьянин, будучи задержанным немцами, пытаясь спасти свою шкуру предательством, стал говорить, что он может провести их на базу бригады «Дяди Васи», то один из украинцев, без лишних слов, пристрелил его.

Перед уходом из этого села к одной из женщин зашел украинец и очень просил передать партизанам встретить их у «Горбатого моста», так как они намерены взорвать этот мост (шоссе Плещеницы Минск) и перейти к партизанам. Это дело впоследствии им удалось прекрасно. Мост был взорван, участок охраны сожжен, вытащено 5 пулеметов, более 20 т. патронов, минометы и т. д. [...]

НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 168. Л. 96–100. Копия.

№ 40. Донесение командования партизанской бригады «Дяди Васи» секретарю Логойского подпольного райкома КП(б)Б И.М. Тимчуку о выставлении наблюдения за Логойским и Плещеницким гарнизонами противника

29 апреля 1943 г.

Для своевременного предупреждения о появлении противника с Логойского гарнизона. Прошу дать распоряжение командиру отряда «Большевик» выставить наблюдение (постоянное) — дозор в районе м. Н. Гайна. Со стороны Плещеницкого гарнизона, вокруг этого гарнизона на основных дорогах нами дозоры установлены.

Прошу сообщить нам об исполнении. Связь с нами держите через п/отряд Котовского.

Комбриг Комиссар п/бригады
майор бат. комиссар

Н. шт.

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 792. Л. 23. Копия. Рукопись.

**№ 41. Из обзора сил высшего начальника
СС и полиции России «Центр»
и Белоруссии на 1 мая 1943 г.**

31 апреля 1943 г.

Части	Гарнизон или штаб (только для сил, при- вязанных к насел. пункту, или сил, не- сущих охрану)	Подчиненность	
		строевая 1)	боевая/опе- ративная/ 2)
[...] II. На территории командующего СС и полицией Белорус- сии			
[...] 118-й полицей- ский ба- тальон	Плещеницы	Командующему полицией порядка в Белоруссии [...]	

За высшего начальника СС и полиции
России «Центр» и Белоруссии

Начальник штаба Кляйн

НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 917. Л. 254–260. Перевод с немецкого.

**№ 42. Донесение командира отряда Калинина
Ненахова командиру партизанской
бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому
о прибытии в г. п. Плещеницы
подкреплений и планах противника**

10 мая 1943 г.

Доношу до Вашего сведения о том, что 7.5.43 г. прибыл в м-ко Плещеницы карательный отряд СС, вооружение и количество установить не удалось. Батальон, выбывший по направлению Горное, возвратился в Плещеницы.

В общей сложности наличие вооруженных сил в Плещеницах 2500 человек (неточно).

Есть предположения, что противник начнет очистку Логойского р-на.

Командир п/о Калинина
лейтенант Ненахов

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 802. Л. 46. Подлинник. Рукопись.

№ 43. Донесение штаба отряда «Борьба» командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о бое с противником в районе деревни Дальковичи

13 мая 1943 г.

- 1) Противник количеством 300 чел. с минометами и орудием подошел со стороны д. Черница и Губа к д. Дальковичи, вел бой 30 минут, после чего отошел и занял оборону д. Прусовичи.
- 2) Имеем раненых и убитых. Количество еще не уточнено.
- 3) С отр. Суворова связь не имеем.
- 4) Ведем разведку за противником.

А. Филатов

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 802. Л. 44. Подлинник. Рукопись.

№ 44. Донесение командира партизанской бригады «Дядя Коля» П.Г. Лопатина командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о выступлении противника из г. п. Плещеницы и его планах

мая 1943 г.

Пр-к силою до 700–800 чел., с пятью танкетками выступивший из Плещениц, достиг Липок и расположился Фильяново, Липки, Б. Заценье, Н. Ганцевичи и частично достиг Ганцевич и соединился с мотоциклистами, которые выступили из Зембина. Большого скопления войск в Зембине не наблюдается.

По агентурным данным пр-к имеет цель очистить шоссе Зембин — Бегомль и двинуть силы на Бегомль.

Бригада заняла оборону: высоты зап.-Пограничье, Пограничье, Замошье, Завидное, лес сев. Скуплино.

Кп — Горелый Луг.

Прошу информировать о противнике и положении своих сил, о чем просил т. Жукович.

Если же Вы нуждаетесь в боеприпасах, то направляйте людей в парт. центр к Жуковичу или на мою базу.

С приветом Д. Н. (Дядя Коля)

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 802. Л. 51. Подлинник. Рукопись.

**№ 45. Приказ командира боевой группы
бригадефюрера СС и генерал-
майора полиции фон Готтберга
об окончании операции «Котбус»**

18 июня 1943 г.

Только для служебного
пользования

Приказ об окончании операции «Котбус»

1. Благодаря непрерывному развитию наступления айнцагруппы «Север» и группы заграждения «Юг» в настоящее время остатки «котла» существуют только в болотистой местности восточнее Сергучского канала в районе Попов (96/70) — Ямска (92/62) — Постремсиды (88/50) — Пристань (84–64) — Пароч (86/72). Этот район путем наступления группы заграждения «Юг» будет усмирен предположительно в ближайшие дни.

День окончания операции «Котбус» будет отдан в приказе по радио.

2. Я выражаю мою особую признательность всем частям, участвующим в операции, за достигнутые успехи в трудной, болотистой местности и при упорном сопротивлении противника. Даже плохая погода не могла помешать свежей энергии и наступательному духу.

3. Айнцагруппа «Север», заградительная группа «Юг», айнцагруппа Клузма; бывшая заградительная группа «Север», бывшая группа Дирлевангера, 2-й полицейский полк СС, 13-й полицейский полк СС самое позднее через 4 дня после окончания операции представляют итоговые боевые донесения за весь период операции начальнику СС и полиции Белоруссии в Минск, Гарбенштрассе, 34.

4. 2-й полицейский полк СС, 13-й полицейский полк СС, 1-я рота 31-го полицейского полка СС и 11-й моторизованный взвод жандармерии после окончания операции «Котбус» блокируют линию в раз-

вилке дорог 2 км восточнее Осье (00/96) — Осье (98/94) — высота 192,3 (96/94) — Новоселки (94/94) — Тартак (90/98) — южный берег Мурочского озера — высота 192,5 (86/98) — Корчи (84/98) — высота 194,7 (82/98) — Лесины (76/94) — Эршеполье (76/92) — высота 196 (74/92) — Оссовок (72/90).

Правая граница: ручей резко восточнее развилки дорог, 2 км восточнее Осье (00/96).

Левая граница: Черница и преграждают пути продвижения противника на юг.

Особо обращается внимание на предохранение обоих флангов от возможного охвата.

После окончания операции «Котбус» часть в оперативном и материальном отношении поступает в подчинение высшего начальника СС и полиции России — «Центр» и Белоруссии. Командующим фронта блокирования является командующий 2-м полицейским полком СС полковник полиции Грипп. Часть дружины СС после окончания операции «Котбус» маршевым порядком направляется в Лужки. Батальон остается в Бегомле. Во время марша они прочесывают лесные массивы вокруг Лужков, севернее дороги Отрубок (70/90) — Лесины (76/94) и район Докшицы — Парафьяново, согласно моему устному указанию, отданному 17.6.1943 года на командном пункте в Зембине. Отход начать после сдачи занимаемого участка блокирования командующему фронтом блокирования полковнику полиции Гриппу.

Отправка

Армейские части 286-й охранной дивизии и командующего тылом группы армий, приданные айнзацгруппе «Север», бывшей заградительной группы «Север» и группе заграждения «Юг», после окончания операции «Котбус» отправляются командующими группами по прямой договоренности с 286-й охранной дивизией. 637-й восточный батальон может быть отправлен из айнзацгруппы «Север» только после прибытия на северный участок блокирования 2-го полицейского полка СС.

23.6.1943 года погружаются в Борисове:

1. 54-й охранный полицейский батальон, выгружаются в Воложине.

2. Полбатальона Тешендорфа, выгружается в Минске.

3. 118-й охранный полицейский батальон, выгружается в Барановичах.

Айнзацгруппы незамедлительно сообщают, сколько грузовых автомашин необходимо им для доставки в Борисов и в какой пункт должны прибыть затребованные автомашины. 24.6.1943 года погружаются в Борисове:

1. Команда жандармерии особого назначения Крайкебома, выгружается в Глубоком.

2. 2-я рота командующего полиции безопасности и СД, выгружается в Минске.

3. 15-й охранный полицейский полк, выгружается в Лиде.

Части немедленно докладывают о количестве грузовых автомашин, необходимых для транспортировки этих частей в Борисов, и в какой пункт указанные автомашины должны прибыть.

д) 25.6.1943 года погружаются в Борисове:

1. 102-й охранный полицейский батальон (пункт выгрузки будет сообщен по радио).

102-й охранный батальон берет с собой до Шацка 1 роту, до Копыля 1 роту и до Узды 1 роту.

2. 57-й охранный полицейский батальон, без частей вермахта и охранной полиции выгружается в Новогрудке. Подчиненные 57-му охранному полицейскому батальону части вермахта и охранной полиции в этот же день отправляются до Баранович.

3. Остатки 1-й полицейской танковой роты (усиленной), пункт выгрузки Минск.

Перечисленные подразделения должны немедленно сообщить о необходимом количестве грузовых автомашин для доставки их в Борисов и в какие пункты должны быть направлены указанные автомашины.

е) Зондербатальон СС Дирлевангера после окончания операции «Котбус» маршевым порядком направляется в Логойск.

ф) 12-я полицейская танковая рота после окончания операции «Котбус» маршевым порядком направляется в Смолевичи.

и) Взводы моторизованной жандармерии, принимавшие участие в операции, за исключением 11-го моторизованного взвода жандармерии, маршевым порядком следуют в свои прежние казармы.

к) Зондеркоманды СД, находящиеся при частях, инженерно-строительные команды подрывников, а также пропагандистские силы после окончания операции «Котбус» отпускаются по своим учреждениям.

7. Части, отправка которых согласно пункту 6 предусмотрена по ж/дороге, по прибытии в Борисов узнают номера составов и точное время отправки у гауптмана шутцполиции Шлехта на вокзале в Борисове. Конный обоз этих частей не может быть погружен на автомашины, а потому он должен быть заранее отправлен в Борисов, чтобы своевременно прибыть туда.

8. Батальон охранной полиции, зондербатальон СС Дирлевангера и части дружины СС докладывают о своем прибытии в указанные им в приказе казармы, в Минске начальнику СС и полиции Белоруссии и сообщают средства связи с их штабами.

9. Трофеи

Захваченное в бою и конфискованное оружие всех видов, в том числе неисправное, а также боеприпасы подразделения сдают в отдел 18, Минск, восточные казармы, учреждение высшего начальника СС и полиции России — «Центр» и Белоруссии.

10. Средства связи:

а) Специально выделенные для участия в операции группы связи, ранцевые радиостанции и радисты после ухода тактических частей, т. е. после окончания операции, возвращаются в свои подразделения, если нет особого приказа.

б) Радиоотделение полубатальона д-ра Райхе придается 1-й роте 31-го батальона с тем же позывным и паролем «Дроссель». Стационарная радиостанция Слуцка в это же время снова возвращается в Слуцк.

в) Офицер связи 2-го полицейского полка СС регулирует использование связи блокирующими частями согласно пункту 4 и предоставляет мне план радиосвязи. До этого остается в силе план радиосвязи № 2 для операции «Котбус» (исключение смотри под пунктом в).

г) План радиосвязи № 2 после окончания операции «Котбус» теряет свою силу. Ушедшие части осуществляют радиосвязь соответственно их нормативным радиопаролям.

е) Выданные боевой группой фон Готтберга радиокоды и таблицы дешифровки, в особенности таблицу № 2, вернуть.

ф) О восстановлении связи ушедшими частями доложить высшему начальству СС и полиции России — «Центр» и Белоруссии.

11. Командный пункт боевой группы до окончания операции «Котбус» размещается в Зембине.

фон Готтберг,
бригадефюрер СС
и генерал-майор полиции.
За штаб боевой группы
(подпись неразборчива)
майор жандармерии

НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 969. Л. 243–248. Перевод с немецкого.

№ 46. Боевое донесение командира боевой группы фон Готтберга о проведенной операции «Котбус»

28 июня 1943 г.

Положение противника:

Уже давно было известно, что вокруг озера Палик располагается бандитский центр, осуществляющий руководство бандитской деятельностью в Белоруссии. По показаниям пленных, перебежчиков и разведанным СД, следует рассчитывать на наличие крупных банд, располагающих хорошо оборудованными лагерями и полевыми укреплениями примерно в районе: Хрост — Плещеницы — Докшицы — Лепель. Кроме того, разведкой установлено, что этот район сильно заминирован, предположительно грунтовые и проселочные дороги.

Не были известны силы и вооружение бандитов в этом районе восточнее Березины. В ходе разведки боем 2-му полицейскому полку впервые удалось установить, что наряду с бандами здесь располагаются преимущественно в оборудованных дотах регулярные части и парашютисты, располагающие тяжелым вооружением.

Задача:

По приказу начальника соединений по борьбе против банд рейхсфюрера СС была создана боевая группа фон Готтберга под командованием бригадефюрера СС и генерал-майора полиции фон Готтберга, перед которой поставлена задача атаковать и уничтожить эти банды, их лагеря разрушить, а продовольственные запасы изъять.

Собственные силы:

Из собственных сил сначала в распоряжении находились:

2-й полицейский полк СС

13-й полицейский полк СС

Дружина СС

15-й полицейский батальон

102-й полицейский батальон

118-й полицейский батальон
1-я полицейская танковая рота
12-я полицейская танковая рота
1-й батальон 931-го гренадерского полка
237-й охранный батальон
600-й казацкий батальон
633-й восточный батальон
4 роты 392-й главной полевой комендатуры с 1 батареей,
1 противотанковым и 1 минометным взводами
Усиленная 8-я ударная рота 286-й охранной дивизии
2-й артдивизион 213-го арtpолка (без 1-й батареи)
3 моторизованных взвода жандармерии
Особые команды СД для каждого батальона
Технические, строительные и подрывные команды
Пропагандистские силы
Самолеты 4-й эскадрильи 51-й бомбардировочной эскадры
и 7-я авиаэскадрилья особого назначения.

Оперативным группам Клепша и Дирлевангера после того, как разведкой боем была установлена недостаточность сил и имеющиеся пробелы, были приданы следующие силы:

2 моторизованных взвода жандармерии
54-й полицейский батальон
и усиленный 217-й гренадерский батальон.

После проведенной разведки боем 2-м полицейским полком СС боевой группе фон Готтберга были приданы:

2 роты командира полиции безопасности и СД
Батальон вермахта Колсовский
Силы боевой готовности генерального комиссариата численностью в 200 чел.

1 батарея зенитного дивизиона штаба командования рейхсфюрера СС

3-й батальон 2-го самокатного гренадерского полка
637-й восточный батальон
1-й батальон 61-го охранного полка
2-й батальон 931-го охранного полка
469-й охранный батальон (без 1 роты)

1 взвод 1-го дивизиона 221-го артполка
1 взвод 8-й батареи артполка Смоленск
3-я батарея 80-го артиллерийского танкового полка
2-я батарея 56-го артполка
Полубатальон д-ра Рейхе
Полубатальон Тешендорфа
Команда жандармерии особого назначения Крайкебома
1 батальон 31-го полицейского полка
Штаб 2-го гренадерского самокатного полка.

Проведение операции:

Перед проведением самой операции «Котбус» боевой группой фон Готтберга были усмирены районы вокруг Молодечно, Маньельский и Руднянский леса, так как установлено, что оба эти района в связи с притоком в них банд из озера Палик представляют из себя очаги беспокойства.

Операция вокруг Молодечно получила кодовое название «Драуфгенгер I» («Смельчак I»), а операция в районе Маньельского и Руднянского леса — кодовое название «Драуфгенгер II» («Смельчак II»).

Операция «Смельчак I» проводилась в период с 28.4 по 30.4 1943 года, а операция «Смельчак II» проходила в период с 1.15 по 10.5 1943 года.

В операции «Смельчак I» участвовали следующие силы:

2-й полицейский полк СС с подчиненными частями армии (250 чел.) и полицейской школой в Вилейке.

Для проведения операции «Смельчак II» использованы силы

2-го полицейского полка СС,

Особый батальон СС Дирлевангера

и 118-й полицейский батальон.

Оба района были сильно блокированы с севера, запада и юга, в то время как с востока использовались слабые силы. Операция преследовала цель уничтожить банды или же оттеснить их на восток в район озера Палик. Обнаруженные бандитские лагеря и бункеры были разрушены. Успех обеих операций незначительный, так как вначале планировалось в форме преследования оттеснить банды в район озера Палик, поскольку вследствие слабости наших сил их уничтожение было невозможно.

Обе операции проведены планомерно.

Операция «Котбус» должна была проходить по следующему боевому плану:

Сначала должны были быть атакованы с севера и запада предполье района озера Палик с целью уничтожения обнаруженных там банд или их вытеснения в район планируемого «котла». Бандитские лагеря и бункеры необходимо было уничтожить, продовольственные запасы изъять.

Для этих целей я использовал 20.5.1943 года 2-й полицейский полк СС, который начал наступление на юг из линии: Осье — Суница — Осово — Филипповка — Черница с целью достижения в течение 7 дней дороги Бегомль — Лепель, чтобы по этой дороге установить линию блокирования «котла» окружения с севера.

22.5.1943 года из линии Шалаша — Комайск — Осово — Матевцы — Новоселки — Икаповка — Буда — Плещеницы перешли в наступление в юго-восточном и восточном направлении оперативная группа Клепша и оперативная группа Дирлевангера с целью до 30.5.1943 года достичь Березины, запланированной как линии заграждения на западе.

Восточная линия заграждения должна была быть обеспечена тем, что с 22.5.1943 года заградительная группа «Юг» преграждает пути отхода противнику по дороге Рудня — Селец — Пруды. На юге намечаемое кольцо окружения должно было быть замкнуто тем, что 13-й полицейский полк с 22.5.1943 г. по линии Хрост — Дубки — Беладино — пункт 155,1 преграждает пути отхода противнику на юг.

После завершения предусмотренного кольца окружения 13-й полицейский полк с приданными двумя батальонами должен был наступать на север с целью уничтожения окруженных банд.

Наступление оперативной группы Клепша

Намечаемое на 21.5.1943 года наступление должно было быть отложено на один день, так как оперативная группа Клепша при выдвижении в район исходных позиций уже в районе дер. Торгуны ввязалась в бой с противником.

После преодоления сопротивления противника и подхода 54-го полицейского батальона оперативная группа Клепша 22.5.1943 г. перешла в наступление. Наступление проходило при

постоянном сопротивлении противника, намечаемые дневные задачи в общем выполнялись. 25.5.1943 года в результате развертывания боевых действий 2-м полицейским полком СС мною было приказано оперативной группе Клепша вести наступление не в юго-восточном, а в восточном направлении. С этого дня целью наступления оперативной группы Клепша было как можно быстрое достижение реки Березины. 25.5.1943 года в связи с ранением выбыл из строя командир оперативной группы, подполковник охранной полиции Клепш. Командование оперативной группой я возложил на командира 217-го усиленного гренадерского батальона подполковника Китцинга. В ходе дальнейшего наступления по сильно заболоченной и заминированной местности 27.5.1943 года оперативная группа Клепша достигла реки Березины и с этого времени преградила пути отступления противнику на запад. Планомерное продвижение на этом участке до выполнения поставленной задачи, а затем создание плотной заградительной линии были достигнуты, не в последнюю очередь, благодаря тактическому умению и очень оперативному руководству подполковника Китцинга. Благодаря Китцингу, наступление оперативной группы было поддержано с воздуха авиацией воздушного округа Москвы. Благодаря этой авиационной поддержке был взят почти без потерь сильно укрепленный бандитами город Бегомль. Кроме того, на аэродроме в Бегомле, который до этого времени являлся основной базой снабжения противника, удалось уничтожить один самолет и не менее 50 планеров. Благодаря планомерной бомбардировке вражеских центров сопротивления постепенно удалось сломить упорное сопротивление противника и сбросить собственные потери в живой силе.

Наступление оперативной группы Дирлевангера

Оперативная группа Дирлевангера также получила подкрепление в составе 2 моторизованных взводов жандармерии, которые сначала использовались для закрытия образовавшейся бреши между оперативной группой Клепша и оперативной группой Дирлевангера. 22.5.1943 года группа Дирлевангера перешла в наступление правым флангом в восточном направлении, а 23.5.1943 года из предусмотренных исходных позиций начала наступление основными силами. В ходе непрерывного наступления, отчасти также в сильно забо-

лоченной и заминированной местности, при напряжении всех сил и постоянном сопротивлении противника предусмотренные дневные задачи почти всегда выполнялись. Так как для плотного заграждения по ходу дороги Плещеницы — Село собственных сил было недостаточно, то сюда были переброшены силы боевой готовности генерального комиссариата. Благодаря действенному и умелому тактическому руководству командира, оберштурмбанфюрера СС Дирлевангера, в чем я мог неоднократно лично убедиться, совершая облет войск, оперативная группа 29.5.1943 года левым флангом достигла Березины и правым флангом стояла перед предполагаемым оборонительным укрепленным бандитским центром в болотистой местности северо-западнее озера Палик. Наступление на эти укрепленные позиции, предпринятое 30.5.1943 года, оказалось безуспешным, так как противник в почти недоступной болотистой местности, где едва ли имелась незаминированная тропинка, оборонялся очень цепко с применением тяжелого вооружения.

Особенные неприятности доставляли действия вражеских стрелков с деревьев. По этой причине я приказал приостановить наступление, перегруппировать и усилить боевую мощь оперативной группы Дирлевангера для последующего наступления на эти полевые укрепления. Между тем в боевую группу прибыла 1-я батарея зенитного дивизиона штаба командования рейхсфюрера СС, которую я немедленно придал оперативной группе Дирлевангера для огневой поддержки назначенного на 2.6.1943 года штурма этих вражеских укрепленных позиций. После тщательной подготовки и предварительной обработки укреплений противника авиацией, сбросившей фугасные бомбы малого калибра и обстрелявшей укрепления с бортового оружия, 2.6.1943 года начался штурм оборонительных укреплений противника, в котором я лично участвовал, находясь на командном пункте оперативной группы. Наступлению предшествовала активная артиллерийская и зенитная подготовка. Здесь я хотел бы особо подчеркнуть решительный вклад в успех наступления, внесенный 1-й батареей штаба командования рейхсфюрера СС. После артиллерийской зенитной подготовки проникновение в болотистую местность оказалась возможным лишь благодаря тому, что наступающие части гнали перед собой по сильно заминированной местности подозреваемых в бандитской деятель-

ности сельских жителей. Вечером того же дня полевые укрепления были взяты нами. Противник понес большие потери в живой силе, захвачены значительные трофеи тяжелого и пехотного оружия, а также предметы снаряжения.

Наступление 2-го полицейского полка СС и оперативной группы «Север»

2-й полицейский полк СС еще при выдвижении в район исходных позиций неоднократно имел вооруженные столкновения с противником. В течение 19.5.1943 года полк очистил сначала район примерно на 4 км в глубину западнее и севернее своих исходных позиций, чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей. 20.5.1943 года полк выступил из района Лепеля на запад через деревню Пышно, а I и II батальонами через Осье — Замошье — Осово — Лесины — Черницу. В ходе этого наступления, уже в его первый день, полк натолкнулся на сильное сопротивление противника. Сломив сопротивление противника, полк продолжал наступление сначала на запад, а затем юго-запад и среди прочих занял дер. Лесины. Сопротивление противника возрастало изо дня в день. Выяснилось, что наряду с бандами здесь имелись регулярные части, вооруженные тяжелым и сверхтяжелым оружием. Исходя из этого, полк по всей линии наступления натолкнулся на сильно оборудованную линию дозов. В особенности теперь наступление, все больше превратившееся в разведку боем, показало, что районы вокруг Пышно, севернее Антоново и вокруг дер. Эршеполье превращены в сильно укрепленные полевые позиции с применением тяжелого и сверхтяжелого вооружения. Вся оборонительная полоса представляла из себя единый укрепленный пояс. Здесь я хотел бы особо указать на то, что в результатах разведки СД ничего этого не упоминалось. Указывалось, конечно, что в этом районе действуют крупные банды и что можно рассчитывать на применение ими тяжелого оружия. Только благодаря разведке боем 2-го полицейского полка СС удалось установить действительные силы и вооружение противника. При сложившихся обстоятельствах стало ясно, что один полк не сможет одолеть полосу наступления шириной примерно в 20 км. При разработке боевого плана за основу были взяты опыты прежних операций против банд. Но здесь же полк натолкнулся на явно превосходящего в силах

противника, хорошо вооруженного, имеющего в своих рядах регулярные части, который далеко превосходил полк и в вооружении. Разбросанный по широкому фронту наступления, полк был атакован в тыл с севера. Два батальона полка временно были окружены противником. В такой обстановке, сложившейся 23.5.1943 года, я немедленно направился в полк и отдал приказ, так как я между тем нашел необходимым сдать дер. Лесины, в этих обстоятельствах сосредоточиться в районе Августово — Студенка — Заболотье. I и II батальоны, которые в районе Заозерье вели бои с атакующим с севера и с юга противником, получили приказ ночью оторваться от противника и выступить в указанный район сосредоточения. Сегодня я должен отметить, что эта ситуация была самой сложной и трудной за все время операции «Котбус», и положение было спасено лишь благодаря тому, что командир, майор Хайнакер сумел сохранить нервы. К счастью 2-го полицейского полка СС было и то, что противник не сумел полностью оценить сложившееся положение, иначе он сумел бы окружить и уничтожить два батальона полка. Теперь было ясно, что имеющимися в распоряжении на севере силами ничего нельзя сделать. И лишь только после моих настоятельных просьб в ответственные инстанции о выделении дополнительных сил, которые зачастую оставались без всякого ответа, после личного вмешательства рейхсфюрера СС были выделены необходимые силы. Удивительно, что при совершенно экспромтной переброске войск никаких происшествий не произошло. В этом не последняя заслуга безустанной работы моего штаба. Переброска необходимых для наступления на севере сил позволила только 8.6.1943 года снова начать наступление. В этот день наступление крупной оперативной группы под умелым командованием генерал-майора Дормагена после предварительной подготовки было начато из исходных рубежей в районе Студенка — Осье с востока на запад с усиленным блокированием на север.

Это наступление на упомянутые выше оборонительные укрепления противника в значительной степени было обеспечено благодаря использованию 1-й батареи зенитного дивизиона штаба командования рейхсфюрера СС. В успех наступления значительный вклад внесла авиация своими беспрерывными налетами. Противник, который сначала оказывал упорное сопротивление в районе

Пышно — Тартак, в дальнейшем уклонился от боя, видимо, деморализованный, так что район севернее дер. Антоново и западнее деревни смогли занять без серьезных боев. Можно предполагать, что противник, который, по показаниям перебежчиков и пленных, сначала имел приказ защищаться до последнего человека, дрогнул перед мощью нашего наступления и отступил. Предположительно, часть сил противника отступила на север. Теперь наступление оперативной группы «Север» задерживалось главным образом значительными трудностями местности. Необходимо было прочесать огромные болота, в которых наши солдаты вынуждены были часто идти по пояс в грязи. Были уничтожены небольшие банды и захвачены значительные трофеи. 13-й полицейский полк СС, используемый для блокирования на север, впоследствии до конца операции «Котбус» находился в непрерывных боях с силами противника, которые пытались с севера прийти на помощь окруженным силам противника. 12.6.1943 года оперативная группа «Север» по широкому фронту достигла дороги Березино — Лепель и получила мой приказ продвигаться дальше на юг с целью достижения Бегомль — Лепель. На эту дорогу группа вышла 16.6.1943 года.

Боевое использование заградительной группы «Юг» и 13-го полицейского полка СС

С 22.5.1943 года заградительная группа «Юг» по дороге Рудня Селец — Барань преграждала пути отхода противнику на восток. Направляемые заградительной группой усиленные разведдозоры часто вели бои с противником в предполье линии блокирования. Время от времени противник предпринимал попытки к прорыву, из которых одна резко севернее дер. Селец удалась. Здесь прорвалась примерно 150 бандитов в восточном направлении.

Прорыв удался противнику только благодаря тому, что установленные на месте прорыва ручные пулеметы отказали. В остальном за период действия заградительной группы «Юг» ничего особенного не произошло.

На юге также с 22.5.1943 года по линии Хрост — Дубки — Белавино — пункт 155,1 линию заграждения держал 13-й полицейский полк СС, который преграждал пути отхода противнику на юг. Полк систематически проводил разведку в предполье до 8 км в глуби-

ну и ударной группой захватил занятую противником дер. Палик. Из этой деревни позже полк смог выйти на озеро Палик и препятствовать движению бандитских лодок.

После того как оперативная группа Дирлевангера, разгромив полевые укрепления противника северо-западнее озера Палик, широким фронтом вышла на Березину 3.6.1943 года, она была распущена, и из этой бывшей оперативной группы особый батальон СС Дирлевангера и 15-й полицейский батальон были приданы заградительной группе «Юг». Оставшиеся части оперативной группы Дирлевангера были подчинены оперативной группе Клепша, которая с этого времени выполняла задачу блокирования с запада по всему течению реки Березины.

Благодаря такой передислокации войск 13-й полицейский полк СС высвободился из южной линии заграждения.

6 и 7.6.1943 года он был придан оперативной группе «Север» и с 8.6.1943 года использовался для наступления на севере.

Заградительная группа «Юг» получила от меня приказ с 7.6.1943 года перейти в наступление с юга и юго-востока на север при одновременном преграждении противнику путей отступления на восток. Наступление заградительной группы «Юг» проходило непрерывно и планомерно до достижения большого болота севернее озера Палик. Благодаря умелому руководству командира заградительной группы, полковника Кинцеля, удалось, к радости, даже в этой сильно заболоченной местности сравнительно быстро продвинуться вперед. Местами возникали ожесточенные бои, во время которых противник понес значительные потери в живой силе и большие потери в вооружении и военных материалах. Я сам лично во время наступления заградительной группы «Юг» убедился в ненормальных трудностях, связанных с природными условиями местности, с одной стороны, и полевыми укреплениями и минными полями противника, с другой стороны.

С 13.6.1943 года «котел» южнее дороги Бегомль — Лепель — до большого болота у переправы — Пристань — Могилки — Ямск — Ровница очищен и усмирен. Остатки окруженных банд отступили на болотистые острова в этом районе. К этим островам можно было добраться только по немногим сильно заминированным болотным тропам, которые противник держал под прицельным огнем.

Здесь я также хотел бы указать на то, что и во время наступления заградительной группы «Юг» авиация оказывала ей активную поддержку, в особенности оправдало себя бомбометание малокалиберными бомбами болотистой местности, разрывающимися над землей. Для очистки оставшейся части «котла» я усилил южную заградительную группу одним батальоном и одной батареей. Наступление, которое должно было начаться 19.6.1943 г. из-за очень плохой дождливой погоды было перенесено на 20.6.1943 г. Часть банд, находившихся в окружении, в ночь на 20.6.1943 г. под командованием большевистского командира бригады Коли (кличка) предприняла попытку вырваться из окружения, но попытка была отражена. При этом был убит командир бригады Коля, который был направлен Московским Центральным штабом осенью прошлого года для руководства всеми бандитскими силами в Белоруссии. Оставшиеся в «котле» банды в связи с голодом и постоянными преследованиями уже не думали об упорном сопротивлении, так что в течение 20 и 21.6.1943 года удалось усмирить остатки окруженной территории, и в 24:00 21.6.1943 года я отдал приказ об окончании операции «Котбус».

Настроение, дисциплина и боеспособность собственных сил

Настроение, дисциплина и боеспособность собственных частей в течение всего времени операции «Котбус», продолжавшейся ровно 7 недель, несмотря на зачастую слишком плохую погоду, были на высоте.

Следует отметить, что войска проявили огромную выносливость в местности, труднее которой вообще невозможно придумать.

Часто продвижение в болотистой местности было возможно только таким путем: солдаты привязывались цепочкой друг к другу и шли по грудь в воде. Противник очень тщательно и сильно заминировал немногие имевшиеся тропы в болоте. Отлично проявили себя в боях и местные формирования. Наряду с заслуживающими самой высокой похвалы пехотными частями вермахта, великолепно действовали артиллерия, зенитные подразделения и авиация. Особо я хотел бы упомянуть о подразделениях технической помощи и ОТ, которые во время строительства мостов и дорог проявили удивительную работоспособность. Офицеры и солдаты всех участвующих в операции частей показали физическую выносливость и высокий моральный дух, что подтверждается и собственными потерями.

Только благодаря невероятным усилиям каждого операция «Котбус» закончилась полным уничтожением бандитской республики на озере Палик, войска которой в большей части состояли из регулярных частей, в том числе русских десантных частей.

Необходимые по ходу операции передислокации частей возможно было осуществлять только благодаря своевременному выделению необходимого количества грузовых автомашин, что отчасти было связано и с немалыми трудностями.

Противник

В противоположность к прежним операциям и опыту борьбы против банд в операции «Котбус» необходимо было уничтожить противника, который безукоризненно был подготовлен в военном отношении и в большинстве случаев располагал большим количеством оружия и лучшего качества, чем наши участвующие в операции силы. Оказалось также, что и тактическое руководство противника было хорошим. В результате захвата многих раций доказано, что противник получал указания непосредственно из Москвы.

Из опыта проведения операции

В ходе операции установлено, что части должны быть подчинены командующему боевой группой не только в (боевом) оперативном отношении, но и части снабжения. До сих пор снабжение организовывалось так, что части во время проведения операций оставались в подчинении в части снабжения у высшего начальника СС и полиции России «Центр» и Белоруссии. Этим самым в начальной стадии возникали трудности со снабжением. Они были преодолены только после того, как боевой группе был придан отдел 1в и снабжение боевой группы осуществлялось непосредственно.

Когда в ходе разведки боем 2-м полицейским полком СС было установлено, что предусмотренные для операции «Котбус» силы слишком слабы и необходима подброска дополнительных сил, то возникли трудности, состоящие в том, что соответствующие компетентные учреждения не могли сразу решиться выделить такие силы, так как сначала необходимо было запросить всевозможные вышестоящие инстанции. Необходимо стремиться к тому, чтобы в случае необходимости выделения сил для борьбы против банд ответственный руководитель по борьбе против банд по своей долж-

ности имел право получить эти силы из любой воинской части. Отрицательно сказывался на операции возраст части служащих полицейских частей, хотя я должен подчеркнуть, что и пожилые полицейские делали все в рамках возможного. Вооружение полицейских частей, в особенности тяжелым оружием, зачастую хуже, чем вооружение банд. И в этом необходима срочная помощь. Особенно было бы целесообразно придать полиции зенитные подразделения с 2-см орудиями. Такие зенитные орудия особенно хорошо зарекомендовали себя в боях против банд, так как в случае необходимости они могут быть использованы и во взводах. Непригодны для борьбы против банд зенитные орудия калибра 3,7 и 8,8 см, так как эти орудия из-за своей тяжести слишком привязаны к дорогам. Снаряжение не всегда целесообразно. Оказалось, что ботинки со шнурками и гамаши непригодны для борьбы против банд, так как бои против них в большинстве происходят в болотах. Хорошо зарекомендовали себя сапоги. Очень болезненно воспринимали части недостаточное количество палаток, поэтому в течение 7 недель разбивка биваков была связана с трудностями.

Особенно я указываю на то, что обмундирование у военнослужащих местных формирований находится в катастрофическом состоянии. Солдаты этих частей ходят в тряпье и босиком. При таких обстоятельствах от этих частей нельзя ожидать боеспособности на долгое время.

Целесообразно больше использовать в операциях против банд ранцевые рации, которые наилучшим образом оправдали себя в смысле отдачи приказов в непросматриваемой местности.

Трудности при мобилизации людей на работы в Германии, реквизициях продовольствия и скота зачастую были связаны с тем, что предназначенные для этого реквизиционные команды, несмотря на своевременное затребование их, прибывали к месту с опозданием, требовали усиленный конвой, который не всегда можно было им выделить. Следует позаботиться о том, чтобы и в этих командах были энергичные и решительные командиры.

Боевой опыт

Минирование большинства дорог и троп бандитами вынуждает иметь вспомогательные средства для обнаружения мин. Изготовленный батальоном Дирлевангера миноискатель хорошо зарекомендо-

вал себя. Более того, в повседневной службе и в таких операциях, как «Котбус», не следует ориентироваться на местное мужское население, ибо уже неоднократно установлено, что местное население, в том числе женщины и дети, снова минировали дороги в тылу наших линий.

Для разминирования необходимо иметь саперные взводы в батальонах, которые одновременно остро необходимы для строительства и восстановления мостов и дорог. Направление офицера связи от авиации на командный пункт боевой группы наилучшим образом оправдало себя. Должен заметить по этому поводу, что при проведении крупных операций против банд без авиации нельзя обойтись как при ведении воздушной разведки, так и при нанесении бомбовых ударов. При сложной ситуации, которая отчасти сложилась во время операции «Котбус», авиация может быть использована и для снабжения войск. Наконец, установлено, что бандиты, как только заметят, что они окружены, пытаются выбраться поодиночке из окружения под видом безобидных крестьян или же спрятаться в болотах. А поэтому необходимо стремиться как можно тщательно прочесывать каждое болото. И во время операции «Котбус» были обнаружены небольшие банды, которые по горло стояли в воде, а головы были прикрыты мхом, так что обнаружить их можно было только при тщательном обыске.

В боях в болотах оправдал себя метод привязывания солдат друг к другу.

Итоги операции «Котбус»

Потери противника:

Убито в боях: 6087 чел.

Расстреляно: 3709 чел.

Захвачено в плен: 599 чел.

Захвачено рабочей силы:

мужчин: 4997 чел.

женщин: 1056 чел.

Собственные потери:

Немцы:

убито: 5 офицеров, в том числе командир батальона, 83 унтер-офицера и рядовых

ранено: 11 офицеров, в том числе 2 командира полка,
374 унтер-офицера и рядовых, 3 чел. пропали.

Иностранные войска:

убито: 40 чел.

ранено: 152 чел.

пропали без вести: 4 чел.

Трофеи:

20 орудий калибра 7,62

9 противотанковых пушек

1 зенитное орудие

18 минометов

30 станковых пулеметов

31 ручной пулемет

1 самолет (уничтожен)

50 планеров (уничтожено)

16 противотанковых ружей

903 винтовки

11 винтовочных прикладов

7 винтовочных стволов

13 пистолетов

12 ракетниц

281 ручная граната

23 штыка

1533 снарядов

1543 мины

303 авиационные бомбы

113 025 винтовочных патронов

7530 пистолетных патронов

1053 противотанковых патрона

32 ящика гильз

40 пулеметных дисков

7 автоматных дисков

3 минометные плиты

2404 кг взрывчатки

36 ящиков взрывчатки

14 ящиков взрыв-капсюлей
6 ящиков толовых шашек
306 магнето
12 передков
13 противогазов
1 бинокль
2 планшета
5 седел
2 немецких кителя
1 кобура
2 пишущие машинки
9 раций
2 телефона
1 фотолаборатория
1 киноустановка
1 громкоговорительная установка
1 глушитель
530 м кабеля и бикфордова шнура
1 русский вольтметр
1 анодная батарея
5 пружин для разрушения линий телефонной связи
61 парашют
2 парашютных чехла
1 высотная маска
1 автобатарея
2 автобанки
1 бензоканистра
1 швейная машинка
20 велосипедов
3 полевые кухни
198 повозок
430 саней
14 лодок (из них 7 затоплено)
22 плота
30 шт. конной сбруи
9 плугов
1 типография

2 аптеки с хирургическими и стоматологическими инструментами

1 медицинская библиотека.

Кроме того, были захвачены и уничтожены: пулеметные части, пистолеты, парашюты, планеры, разводной ж/д ключ, различная одежда и предметы снаряжения, хозяйственные предметы, большое количество пропагандистского материала, документы, карты, переписка, а также большое количество медицинских и перевязочных материалов.

Разрушено:

194 бандитских лагеря, отчасти состоящих из блочных домов с пекарнями, убойными пунктами, красильнями и зерноскладами и т. д.

422 бункера.

Из сельскохозяйственной продукции захвачено:

3262 шт. крупного рогатого скота

2182 шт. овец

904 лошади

153 шт. свиней

1618 овчин, кожухов и т. д.

684 тонны зерна

24 тонны картофеля

38 центнеров льносемян

70 — « — муки

5 — « — шерсти

2 мешка льна

2 мешка льняных ниток

Основная масса захваченных трофеев, за исключением с/х продукции, в связи с чрезвычайно труднодоступной местностью и невозможностью транспортировки была уничтожена на месте.

фон Готтберг,
бригадфюрер СС
и генерал-майор полиции

НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 964. Л. 168–183. Перевод с немецкого.

**№ 47. Из донесения уполномоченного особого
отдела партизанского отряда им. Котовского
Лавриновского комиссару партизанской
бригады «Народные мстители» Минской
области о выбытии 118-го полицейского
батальона из м. Плещеницы в район
Барановичей для борьбы с партизанами**

29 июня 1943 г.

[...] 6. Плещенический укр[аинс]кий батальон 18.6.43 г. прибыл в п. Плещеницы и уехал в направлении Баранович с целью борьбы с партизанами [...].

Упол. ОО п/отр. им. Котовского Лавринович

НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 802. Л. 94. Подлинник. Рукопись.

**№ 48. Сведения штаба партизанской бригады
«Народные мстители» Минской
области о преступлениях, совершенных
карателями с 24 апреля по 1 июля 1943 г.**

Не ранее 1 июля 1943 г.

1. Полностью сожжены 4 деревни. Частично сожжены 21 деревня. Во многих деревнях сожжены школы, клубы, бывшие помещения с/советов.

2. Зверски уничтожено: сожжено живьем, замучено, а потом расстреляно — 197 чел., из них: 55 детей возрастом от 13 лет и ниже. 64 женщины, 18 стариков. Несколько человек, убегающих в лес от фашистских варваров, ранены. Многих крестьян избивали до полусмерти.

3. Полностью ограбили деревни, забрали и угнали скот (коровы, лошади, овцы, свиньи, домашнюю птицу). Разграбили хлеб, одежду, обувь, имущество, принадлежащее крестьянам, оставивши последних на голодную и холодную гибель.

4. 198 человек молодежи под строй оружия забрали на принудительные работы.

5. Акты перечисленных выше зверств с указанием названий деревень за подписями местного населения и представителя штаба бригады направлены в штаб п/движения в последних числах июня месяца.

Нач-к шт. п/бр. «Народных мстителей» Копонев

НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 168. Л. 133. Подлинник. Рукопись.

**№ 49. Из дневника боевых действий
партизанской бригады «Народные
мстители» за апрель — июнь 1943 г.**

5 июля 1943 г.

Дневник
боевых действий партизанской бригады «Народных мстителей»
за II кв. 1943 г.

Дата	Содержание
[...] 3.4.43 г.	Полиция, жандармерия и украинцы из батальона делали выезд в д. Жестинное. Количество — до 200 чел. [...]
11.5.43 г.	Пр-к до 200 чел. полиции и украинцев в 12:00 появился в д. Кор...гово ²⁷ и двинулся на д. Становище, где сжег 1 дом и несколько человек гражданского населения.
13.5.43 г.	П-к свыше 300 чел. (полиция, украинцы и немцы) проникли в д. Горовец и двумя колоннами повели наступление на д. Дальковичи [...]

НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 168. Л. 122–127.

²⁷ Неразборчиво. — Прим. ред.

**№ 50. Приказ начальника СС и полиции округа
«Белоруссия» фон Готтберга о проведении
карательной операции «Герман»**

Боевая группа фон Готтберга
Командный пункт, 7.7.1943
-IA — регистр № 398/43, секр.
Только для служебного пользования

**БОЕВОЙ ПРИКАЗ
на операцию [«Герман»]**

Карта 1:100 000 Новогрудка

1) Обстановка у противника:

В районе Заречье 42/78/ — Морозовичи /36/74/ — Охоново /32/78/ — Яцуки /32/30/ — Каменка /36/84/ — Игнатов /40/80/, по разведанным СД, якобы располагается банда численностью в 1000 чел., вооруженная пехотным оружием и 1 орудием. Штаб банды будто бы размещается в дер. Синевичи /38/76/. Особенно сильно укрепились банда в дер. Осово /38/78/ — Паникарты /36/78/ — Боцковичи /36/80/. Следует рассчитывать на минирование грунтовых и проселочных дорог. Можно предполагать, что вне указанного района встретятся команды и патрули бандитов.

2) Задача:

Банды уничтожить, их лагеря разрушить, запасы забрать. Реквизиции продовольствия и мобилизацию рабочей силы проводить по согласованию с гебитскомиссаром, который для этой цели должен выделить компетентных лиц.

3) Разведка:

Разведданные, добываемые СД, дополнять разведкой боем.

4) Собственные силы:

В боевой операции участвуют:

- a) 115-й полицейский батальон
- b) 118-й полицейский батальон
- c) 15-й полицейский батальон

d) I батальон /примерно 400 чел./, I пехотный гренадерский взвод, I взвод противотанковых орудий, I взвод противозенитных орудий /все предоставляет главная полевая комендатура 392/

e) 7-й, 13-й и 19-й моторизованные взводы жандармерии

f) Команды СД.

5) Собственные намерения:

Я хочу, используя предоставленные в мое распоряжение силы, вытеснить бандитские команды, располагающиеся в районе Новогрудка /52/84/, районе Богданки /30/86/ и районе Новоельни /36/66/, в район, указанный под цифрой I, чтобы в этом районе окружить и уничтожить всю банду.

6) Осуществление:

Для этого я приказываю: силы, перечисленные под цифрой 4, объединяются под командованием командира 118-го полицейского батальона, майора шуцполиции Кернера, в боевую группу Кернера. Айнзацгруппа Кернера проводит предварительную операцию «Герман» согласно пункту 5.

Айнзацгруппе Кернера придаются:

a) 115-й полицейский батальон (без 1-й роты в Руда-Яворской) перебрасывается по ж/д из Слонима в Новоельню /36/66/.

b) 15-й полицейский батальон перебрасывается по ж/д из Лиды в Богданку /30/86/.

c) Подразделения главной полевой комендатуры 392 перебрасываются в Новоельню /36/66/.

d) 7-й моторизованный взвод жандармерии из Баранович перебрасывается в Новоельню /36/66/.

e) 13-й моторизованный взвод жандармерии перебрасывается из Лиды в Богданку /30/86/.

f) 19-й моторизованный взвод жандармерии в Новогрудке поступает в подчинение 118-го полицейского батальона в Новогрудке.

За доставку полицейских батальонов и моторизованных взводов до станций разгрузки несет ответственность командующий полицией порядка, согласуя этот вопрос с транспортным офицером высшего начальника СС и полиции России — «Центр» и Белоруссии,

доставку армейских частей в Новоельню /36/66/ регулирует главная полевая комендатура 392.

Доставку команд СД регулирует командующий полицией безопасности I и СД.

Начало наступления 11.7.1943 года в 6:00.

Предварительная операция «Герман» должна быть закончена до вечера 12.7.1943 года.

После окончания предварительной операции «Герман» айнзац-группа Кернера пешим порядком одним батальоном достигает района Буниево /28/00/ и вторым батальоном района Окольные /30/98/ и находится в этих районах в боевой готовности, чтобы рано утром 15.7.1943 года снова продолжить выполнение боевой задачи, приказ на которую поступит. В случае возникновения во время похода необходимости в транспортных средствах конфисковать таковые на месте по своему усмотрению.

Батальон вермахта, за исключением пехотного гренадерского взвода, взвода противотанковых орудий и взвода противозенитных орудий, после окончания предварительной операции «Герман» освобождается.

[7] Медицинское обслуживание:

Батальонные медицинские пункты оборудуются частями и укомплектовываются своими врачами и санитарями. От использования местных стационарных лазаретов и больниц вермахта, полиции и других формирований следует воздерживаться. В случае необходимости санитарный самолет для тяжелораненных может быть затребован у меня.

Опознавательные знаки-сигналы-пароли:

В качестве опознавательного знака все участвующие в операции носят на правом рукаве белую полосу.

[8] Сигнализация ракетами:

Белая ракета вертикально — мы здесь.

Белая ракета в определенном направлении — там очаг сопротивления противника.

Красная ракета — противник предпринимает попытки прорыва.

Зеленая ракета — перенести огонь вперед.

В случае необходимости обозначения передней линии для своих самолетов использовать знамена со свастикой.

- [9)] Пароли: с 11.7 по 12.7 — Геринг
с 12.7 по 13.7 — Фюрер
с 13.7 по 14.7 — Гиммлер.

Пароли заменяются ежедневно в 13:00.

Средства связи:

Офицер связи боевой группы фон Готтберга устанавливает радиосвязь с айнзацгруппой Кернера и поддерживает ее.

Офицер связи айнзацгруппы Кернера несет ответственность за связь внутри айнзацгруппы. Офицер связи боевой группы должен незамедлительно выделить радиостанции для 118-го полицейского батальона, 115-го полицейского батальона и 15-го полицейского батальона.

10) Передача донесений:

Ежедневно до 22:00 докладывать мне:

а) достигнутые цели и место расположения командного пункта, включительно до батальона,

б) собственные потери, подразделяя на немцев и иностранцев (офицеров поименно)

с) убито противника (в бою, уничтожено по подозрению)

d) пленные

e) действия вражеской авиации

f) трофеи: оружие, боеприпасы, снаряжение и т. д.

g) результаты продовольственных реквизиций и мобилизации населения.

Об особых происшествиях докладывать мне немедленно. Итоговое боевое донесение представляет мне айнзацгруппа спустя 4 дня после окончания операции.

11) Командный пункт: мой командный пункт сначала располагается в Минске, командующий полицией порядка, лесной лагерь.

В проекте подписал фон Готтберг,
бригадфюрер СС и генерал-майор полиции
За штаб боевой группы
Вебер, майор жандармерии

№ 51. Список партизанских лагерей, уничтоженных карателями в ходе операции «Герман»

12 августа 1943 г.

13.7.1943 г. 800 м западнее южного выезда из дер. Осов, в лесу Рассохи, взорван лагерь вместимостью на 100 чел. и 51 лошадь. Уничтожен якобы 10.7.1943 г.

1 лагерь на 100 чел. уничтожен 2-м полицейским полком.

16.7.1943 г. разрушен покинутый лагерь на 400 чел. в 2 км севернее дер. Холетикво.

Разрушен еврейский лагерь 1,5 км северо-восточнее Кроман. Ликвидировано 210 невооруженных евреев.

17.7.1943 г. возле лесничества Жмилище разрушен покинутый лагерь.

Возле дер. Синявская Слобода разрушены бандитские землянки 57-м охранным батальоном.

1 км западнее Высокой Горки разрушен лагерь на 400 чел.

3 км севернее дер. Юзефовка разрушен лагерь с жилыми помещениями на 200–300 чел.

4 км восточнее дер. Занеман разрушен лагерь с жилыми помещениями на 60 чел. и оружейным складом.

750 м западнее дер. Зупирово уничтожены находящиеся в стадии строительства дома с пристройками на 60 чел. и стойлами для лошадей.

18.7.1943 г. 1 км севернее дер. Чарна уничтожены 2 лагеря вместимостью на 200 чел.

3 км северо-восточнее дер. Добьяроч уничтожены 4 лагеря вместимостью на 600 чел.

2 км юго-восточнее дер. Высокая Горка уничтожена землянка на 80 чел. и блочный дом на 100 чел. Полицейским полком 2 были разрушены: оружейная мастерская, полевая кузница, радиопункт, госпиталь с медикаментами, 19 жилых бункеров и складских помещений.

Пехотной бригадой СС разрушены 4 лагеря, в том числе один, состоящий из 56 шалашей.

19.7.1943 г. разрушен военный городок, строящиеся дома на 50–60 пар каждый. На канале Чарма уничтожен укрепленный бункер со стрелковыми амбразурами.

22.7.1943 г. группой Дирлевангера уничтожены 2 лагеря и 3 боевых позиции. На хуторе Ислачевка разрушены оборонительные позиции противника. На хуторе большой склад боеприпасов.

23.7.1943 г. в лесисто-болотистой местности дер. Боровиковщина группой Дирлевангера уничтожены 2 лагеря.

2-м полицейским полком разрушены 3 бандитских лагеря.

После окружения захвачен дом лесника. При этом взорваны 2 больших склада с боеприпасами.

25.7.1943 г. 8 км северо-западнее дер. Рудня, в лесу, уничтожен лагерь.

Укрепления дер. Углы сожжены, западнее от нее, в лесу, взорваны 3 боевые позиции.

4,5 км северо-западнее дер. Рудня уничтожен лагерь и 3 бункера.

25.7.1943 г. в квадрате 04/28 уничтожены 3 лагеря и подорваны 3 огневые позиции.

Севернее дер. Осово уничтожен лагерь.

Разрушен лагерь на 300 чел. На прибитой доске перед лагерем было написано, чтобы черные полицейские убирались восвояси.

27.7.1943 г. между полевыми дорогами уничтожены 3 лагеря.

1 км южнее дер. Поташня уничтожены 2 покинутых лагеря вместимостью примерно на 400 чел.

28.7.1943 г. разрушены 2 лагеря вместимостью примерно на 15 чел. каждый.

Возле дер. Осыновы разрушен большой лагерь с мастеровыми бытового обслуживания.

29.7.1943 г. 2 км северо-западнее дер. Чулвы пехотной бригадой СС разрушен покинутый лагерь. В квадрате 86/36 также разрушен оставленный лагерь.

30.7.1943 г. восточнее дер. Вялые разрушен лагерь. Юго-восточнее Юровска разрушен оставленный лагерь.

31.7.1943 г. в квадрате 92/94 уничтожен лагерь. В районе квадрата 56/52 уничтожено 5 оставленных лагерей.

1.8.1943 г. 2 км северо-западнее дер. Шлеченщица уничтожен лагерь.

В лесу, южнее дер. Бардзы, уничтожен лагерь с 7 хижинами и землянкой.

В квадрате 92/94 Ари уничтожен лагерь.

Пехотная бригада СС разрушила 9 лагерей и 1 бункер.

Группой Дирлевангера уничтожено 9 лагерей, в том числе 1 крупный.

2.8.1943 г. в развилке реки, в квадрате 88/23, уничтожены 11 лагерей, 3 укрепленных бункера и 11 боевых позиций.

3.8.1943 г. в квадрате 84/17, возле дер. Осово, вблизи разрушенного лагеря, было обнаружено много оружия, боеприпасов и предметов военного снаряжения.

4.8.1943 г. группой Дирлевангера уничтожен большой лагерь на 1000 чел, 3 бункера на 150 чел., санитарная землянка и 11 боевых позиций в конце «котла».

4.8.1943 г. один лагерь уничтожен 32-м охранным полком.

12 лагерей, в том числе 1 крупный, и 8 боевых позиций уничтожены после завершения «котла».

5.8.1943 г. группой Дирлевангера уничтожены лазарет, 5 жилых бункеров и 2 бандитских лагеря после завершения «котла».

7.8.1943 г. пехотной бригадой СС уничтожен лагерь, состоящий из 8 шалашей.

8.8.1943 г. боевой группой Гриппа уничтожен 1 лагерь.

9.8.1943 г. 500 м южнее озера Кроман разрушен лагерь на 80 чел.

НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 78. Л. 152–154, 159. Перевод с немецкого.

№ 52. Донесение особого отдела партизанской бригады им. Чкалова Барановичской области помощнику Уполномоченного ЦК КП(б)Б по Барановичской области Донскому о преступлениях, совершенных карателями во время операции «Герман» с 18 июля по 10 августа 1943 г.

20 августа 1943 г.

Агентурной разведкой установлено:

1. После окружения Пуци карательной экспедицией немецких извергов сожжены следующие деревни Юратишского района: Белый Берег, Застенки (5 дер.), Рассолишки. Всего в Юратишском районе сожжено 7 деревень.

В Воложинском районе сожжены следующие деревни: Кадырки, Цаюны, Рум, Мазурка, Пытань, Перелесанка, Нелюбы, Белокорец, Борки, Приборные, Яцково, Пески, Млыновые, Подрезье, Корчменные, Кончане, Замостье, Нижние Борки, Прудники, Доры, Скрундешчина, Явидовщина, Смолешчина, Среднее Село, Янушковичи, Слобода, Мишаны. Всего в Воложинском районе сожжено 26 деревень.

В Ивенецком районе: Борки, Ислачевка. Рудня, Сивица, Боровиковщина (15 домов), Петрусовщина (6 домов), имение Мешкути, Серкули, Скипоровцы, Адамки, Углы (4 деревни), Млынки, Дубки, Заборье, Дайнова, Петриловичи, Рудня-Налибокская, Рудня-Пияльская, Пруды (3 деревни), Лежанец, Линки, Янковичи, Налибоки, Терейное, Новоселки, Нестеровичи, Белица, Бриничево, Скрощина, Огородники, Нивное, Синевики, Клетнице. Всего в Ивенецком районе сожжено 38 деревень.

2. За период проведения карательной экспедиции по борьбе с партизанами немецкие войска убили и замучили (по неточным данным) 462 челов. мирного населения, в т. числе в Рассолишках — 27 чел., Кадырках — 2 чел., Белокорце — 3 чел., Приборные — 1 чел., Песках — 7 чел., Кончанах — 1 чел., Дорах — 106 чел., Среднем

Селе — 58 чел., Шараях — 46 чел., Мокришине — 15 чел., Сивице — 30 чел., Рудне — 17 чел. сожжены живыми в огне, Боровиковщине — 5 чел., Вислачевке — 1 чел., Мешкутях — 4 чел., Углах — 36 чел., Налибоках около 100 чел., из них 2 ксендза и прелат Бойко Юзеф.

3. За период проведения карательной экспедиции немцами вывезено в рабство в Германию (по неполным данным) в деревнях: Бакштах — около 300 чел., Заборье — 300 чел., Кадырки — 16 чел., Цаюны — 19 чел., Рум — 250 чел., Юржишках — 60 чел., Галимцах — 55 чел., Пральниках Радошковского р-на — 30 чел., Кордунах — 130 чел., Петровичах — 30 чел., Киевце — 12 чел., Бакштах Радошковичского р-на — 60 чел., Сивице — около 400 чел., Рудне — 25 чел., Боровиковщина — 1 чел., Налибоках — около 3000 чел. Всего по неполным данным за время карательной экспедиции немцы вывезли в германское рабство 4697 чел.

Зверства карательной экспедиции немецких варваров:

Со слов местных жителей установлено, что в деревне Сивица изнасилована, а затем сожжена учительница Супрончик Ксения Яковлевна 38 лет.

Замучен и сожжен также ее 15 летний сын.

В той же деревне зверски замучены местные жители, подносчики патронов в количестве 6 чел., из них Новик Франц Казимирович, Бобрик Антон, Новик Михаил, Новик Виктор, Степко Казимир.

В деревне Боровиковщина немецкими палачами изнасилованы: Рудович Валерия — 35 лет, Князева Анна — 25 лет. В этой же деревне убиты за просьбу возратить у него награбленные вещи инвалид империалистической войны Пупко Казимир — 60 лет и его жена Пупко Авелина — 55 лет.

В деревне Ислачевка заживо сожжен заведующий Заповедником Бушкан. В деревне Боровиковщина зверски замучены и сожжены 2 ксендза, работавшие в Першаях, здесь же убиты 2 ксендза из деревни Каменки.

Зверства фашистских извергов над мирным населением этим не ограничились. Почти в каждой деревне, в которой были вой-

ска карательной экспедиции, остались кровавые следы немецких палачей. Фактов этих настолько много, что все их трудно описать.

Нач. Особого отдела
бригады им. Чкалова Зухба

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 163. Л. 79. Подлинник.

*Опубликовано: Трагедия белорусских деревень, 1941–1944 гг.:
Документы и материалы. Минск — Москва, 2011. С. 198–199.*

**№ 53. Из разведывательной сводки
Уполномоченного ЦК КП(б)Б
по Барановичской области с 5 по 31 октября
1943 г. о прибытии в гарнизон пополнения
из украинцев для борьбы с партизанами**

Не ранее 31 октября 1943 г.

[...] М. Ивье

К гарнизону прибыло 170 украинцев с задачей борьбы с партизанами в районе [...]

Подполковник госбезопасности /Донской/
Оперативный сотрудник /Бушуев/

НАРБ. Ф. 1329. Оп. 1, Д. 38. Л. 2–5. Подлинник.

**№ 54. Донесение командования отряда
«Большевик» партизанской бригады
им. Кирова Барановичской области о бое
с противником из гарнизона местечка Ивье**

7 ноября 1943 г.

На основании донесений нашей разведки сообщая, что:

5.11.43 г. в 1:00 из Ивья выехало 8 автомашин с немцами и украинцами, из них 4 легковых и 4 грузовых, по маршруту Лаздуны — Лугомовичи — около Галунович — на Баров.

К 11:00 машины прибыли в Барово. Цель приезда немцев — сбор поставок с населения.

Собрав очень большой обоз с продовольствием, немцы в 14:00 выехали обратно по этому же маршруту.

На обратном пути им была сделана засада около д. Подольцы. В засаде участвовали партизаны из разных отрядов; из нашего отряда в этой засаде участвовало 2 человека.

Засада сильно обстреляла шедшую впереди обоза легковую автомашину и отошла.

В результате столкновений немцев с партизанами и перестрелки в с. Барово убит партизан из отряда им. Чкалова.

В с. Черневичи убит партизан из нашего отряда Анещук.

Командир отряда
Комиссар отряда

Нач. штаба

НАРБ. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 50. Л. 49, 49 об. Рукопись. Подлинник.

**№ 55. Из разведывательной сводки
Уполномоченного ЦК КП(б)Б
по Барановичской области с 5 по 10 ноября
1943 г. о составе гарнизона местечка Ивье**

11 ноября 1943 г.

[...] Мест. Ивье

Количественный состав гарнизона 185 чел., из них 1-я сотня 118-го украинского батальона в количестве 150 чел., полиции 30 и 6 чел. жандармерии.

Вооружение: пушек 45 мм — 2, «максим» — 3, РПД — 15. Состав украинского батальона наполовину из северной Буковины, имеются латыши и литовцы.

Оперативный сотрудник Бушуев

Пом. Уполномоченного ЦК КП(б)Б
по Барановичской области
подполковник Г/Б Донской

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 13. Л. 147–153. Подлинник.

**№ 56. Из рапорта заместителя командира
партизанской бригады им.
Кирова Барановичской области
по разведке Демидова о состоянии
гарнизона местечка Ивье**

11 декабря 1943 г.

[...] м. Ивье. Общий состав гарнизона: 219 чел., из них полиции поляки и белорусы — 45 чел., жандармерии — 24 чел., украинцев (сев. Буковины и Галиция) — 150 чел., которые живут в школе на Базарной площади, кроме того, в Ивье 8/12 прибыло 200 чел. полевой немецкой жандармерии. Проводятся работы укреплений местного характера... Непосредственно вокруг их расположения, домов, на Костельной улице вкопана одна танкетка с пулеметами. На Базарной пл. — одна 75-мм пушка направлением по Николаевскому тракту [...]

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 388. Л. 133. Подлинник.

№ 57. Из рапорта заместителя командира партизанской бригады им. Кирова Барановичской области по разведке Демидова о состоянии гарнизона местечка Ивье на 25 января 1944 г.

Не ранее 25 января 1944 г.

[...] м. Ивье

Украинцев — 100 чел., часть 118-го батальона.

Жандармерии — 6 чел.

Полиции — 30 чел.

Немцев, работающих на хоз. части, и 5 чел. на почте [...]

Зам. командира бригады им. Кирова
по разведке Демидов

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 388. Л. 134, 137. Подлинник.

№ 58. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье на 1 марта 1944 г.

Не ранее 1 марта 1944 г.

[...] Мест. Ивье.

Гарнизон — 147 чел., из них украинцев — 110 чел., полиции — 30 чел. и 7 чел. немцев.

Вооружение: украинцы — 2 пушки 45 мм, 8 станковых пулеметов, одна танкетка, 17 ручных пулеметов и винтовки. Полиция и немцы — 1 ротный миномет, 1 станковый пулемет, 6 ручных пулеметов и винтовки [...]

Командир бригады им. Кирова
капитан Васильев

Комиссар бригады им. Кирова
политрук Кондаков

Зам. командира бригады им. Кирова
по разведке Демидович

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 381. Л. 48–50. Копия.

**№ 59. Из донесения заместителя командира
отряда «Балтиец» по разведке
партизанской бригады им. Кирова
Барановичской области Козлова об объезде
деревень Морино, Залейки, Новоселки
военнослужащими украинского батальона,
расположенного в местечке Ивье**

19 марта 1944 г.

1. В Ивьевском гарнизоне изменений нет. Молодежь на мобилизацию на сборные пункты не явилась. Во время объезда деревень: Морино, Залейки, Новоселки 18/III-44 г. украинцы убили двух гражданских жителей д. Новоселки [...]

Зам. командира отряда «Балтиец»
по разведке Козлов

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 389. Л. 17, 17 об.

**№ 60. Из приказа командования партизанской
бригады им. Кирова Барановичской
области командованию отряда «Балтиец»
о получении списка личного состава
118-го украинского полицейского батальона,
расположенного в местечке Ивье**

20 марта 1944 г.

Через имеющуюся у Вас агентуру в кратчайший срок обеспечьте полностью получение списков 118-го украинского батальона, расположенного в местечке Ивье [...]

Командир бригады им. Кирова
капитан Васильев

Комиссар бригады им. Кирова
политрук Кондаков

Зам. командира бригады им. Кирова
по разведке Демидович

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 378. Л. 112. Подлинник.

**№ 61. Из донесения командования отряда
«Балтиец» партизанской бригады
им. Кирова Барановичской области
о состоянии гарнизона местечка Ивье**

9 апреля 1944 г.

Гарнизон м. Ивье

1. Украинцев — 105 чел., с вооружением:

а) 2 пушки 45 мм,

б) 8 станковых пулеметов;

в) 17 ручных пулеметов.

2. Полиции — 30 чел.

3. Немцев — 15 чел.

Вооружение: 1 ротный миномет, 1 станковый пулемет, 6 ручных пулем.

4. Казаки — 250 чел., вооружение не установлено [...]

Командир отряда «Балтиец»
л-т Пролыгин

Зам. командира отряда «Балтиец»
по разведке Козлов

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 389. Л. 21, 21а. Подлинник. Рукопись.

№ 62. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье на 20 апреля 1944 г.

Не ранее 20 апреля 1944 г.

[...] Мест. Ивье. Украинцев — 143 чел., вооружение — одна 15-мм пушка, 3 станковых пулемета, 10 ручных пулеметов, 24 автомата, один огнемет, остальные — винтовки [...]

Командир бригады им. Кирова
капитан Васильев

Комиссар бригады им. Кирова
политрук Кондаков

Зам. командира бригады им. Кирова
по разведке Демидович

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 381. Л. 66.

№ 63. Из отчета командования отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед» Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье и проведенных ими операциях за апрель 1944 г.

Не ранее 28 апреля 1944 г.

1. Сведения о противнике и его гарнизонах:

Ивье

Количественный состав гарнизона Ивье:

Полиции до 30 чел., жандармерии до 10 чел., украинцев до 120 чел.

На вооружении гарнизон имеет: 10 станковых пулеметов, 2 (две) 45-мм пушки, 2 (два) батальонных миномета, до 20 ручных пулеметов, винтовки, имеются автоматы.

Прибытие в гарнизон Ивье войск за апрель м-ц не наблюдалось.

За апрель м-ц с. г. гарнизон Ивье по отношению местного населения и партизан проводил следующие мероприятия и выезды: 21.04.44 г. полиция совместно с украинцами выезжала в д. Старченята по заготовке продовольствия.

26.04.44 г. украинцы в количестве 20 чел. приезжали в д. Галеново по заготовке продуктов. Там же обстреляли отрядную разведку. На эту стрельбу из д. Дуды выезжала группа восточной полиции и «казаков». В результате неразборчивости между украинцами и «казаками» происходил бой, где был убит 1 украинец и 2 «казака».

27.04.44 г. украинцы, количество не установлено, двигались на хут. Мишуковичи, где группой партизан данного отряда была обстреляна их разведка в количестве 10 чел.

28.04.44 г. украинцы в количестве 21 чел. приезжали в д. д. Миколаево и Лотевку по заготовке продуктов, где ими было убито 2 партизана данного отряда. При этом выезде ими же было убито 3 партизана из бригадной разведки на хут. Мишуковичи.

В деревнях, окружающих м-ко Ивье: Дайлиды, Зубковичи, Петровичи — размещены полиция восточных областей и «казаки».

Количественный состав, насажденный в д. Дайлиды: 68 чел. На вооружении имеют 3 станковых и 7 ручных пулеметов. В д. Зубковичи количественный состав не установлен. На вооружении имеется 3 станковых и 6 ручных пулеметов.

В дер. Петровичи количественный состав до 180 чел. На вооружении 5 станковых и 18 ручных пулеметов. Вход в гарнизон Ивье с оружием им запрещается. Питаются за счет деревень, где размещены, разрешено немцами грабить деревни, расположенные поблизости к месту расположения партизан. Некоторую часть из состава восточной полиции обмундировали для отправки на фронт, а их семьи якобы будут вывозиться в глубокий тыл.

Отношение немцев-жандармов самое лучшее к украинцам (питание, обмундирование и вооружение).

4.04.44 г. Самолетами противника была подвергнута бомбардировке д. Б. Чапунь, где было сожжено 31 дом и 25 сараев.

5.04.44 г. бомбил д. д. Лаздуны и Дуды (немецкий гарнизон), где было подпалено несколько домов. В течение нескольких дней были налеты на переправы через р. Неман и р. Береза.

Население р-на при выезде гарнизона прячется в лес, в особенности отдаленных от гарнизона деревень.

Белорусской нации население больше склонно к партизанам, чем польской национальности. При разговорах между собой некоторая часть населения выражает мнение такого характера, что быстрее кончалась бы война, кто бы ни пришел к власти.

Командир отряда Комиссар
лейтенант Зайцев ст. политрук Шатинский

Нач. штаба отряда
лейтенант Шинкарев

**№ 64. Из разведывательной сводки
командования партизанской бригады
«Вперед» Барановичской области
о состоянии и активизации действий
гарнизона в местечке Ивье**

2 мая 1944 г.

По данным разведки отрядов партизанской бригады «Вперед», в районе действия бригады следующая обстановка:

1. Гарнизон — Лаздуны — без изменений.

2. Гарнизон — Ивье — без изменений, усилилась его активизация действий, выраженная в следующем:

28.4.44 г. в 13:00 ч. группа украинцев в количестве 20 чел. под командой 3 немцев ворвались в дер. Латевку, взяли 6 шт. свиней и быстро отошли в расположение своего гарнизона, при этом убили 3 бригадных разведчиков, в районе дер. Мишуковичи, 2 партизан из отряда им. Чкалова и 1 гражданского из дер. Латевка.

3. Гарнизон — Любча — без изменений.

4. Гарнизон — Юратишки — без изменений.

5.26.4.44 г. в районе Малое Барово — Галеново произошло вооруженное столкновение между украинцами гарнизона Ивье и «казаками» гарнизона м. Дуды, в результате короткого боя было убито и ранено несколько «казаков».

Бой завязался ввиду того, что те и другие думали, что столкнулись с партизанами.

6. Польские легионы, работая в тесном контакте с немцами, проводят мобилизацию местного населения в своих районах. Оружие и боеприпасы получают через командование местных гарнизонов.

Командир бригады
ст. лейтенант Булат

Зам. командира бригады по разведке
лейтенант Комаров

**№ 65. Акт командования отряда «За Советскую
Беларусь» партизанской бригады
им. Кирова Барановичской области
о бое с противником из гарнизона
местечка Ивье в деревне Гончары**

20 мая 1944 г.

15 мая 1944 г. группа партизан отряда «За Советскую Беларусь» в количестве 20 челов. под командованием командира роты ВВ/В 2р Тикача Ивана Дмитриевича была направлена на хозяйственную операцию в д. Гончары Ивьевского района. Во время операции в м. Ивье подошли украинцы и напали на группу. Группа под командованием ком. роты Тикача приняла бой и отошла без потерь.

В результате боя было забито три (3) украинца из Ивьевского батальона. Факт об уничтожении трех человек из украинского батальона был подтвержден гр-ми д. Гончары и Морино. О чем и составлен настоящий акт.

Командир роты Тикач

Командир отряда Канашевич

Комиссар отряда Манзюк

НАРБ. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 49. Л. 125. Подлинник. Рукопись.

**№ 66. Акт командования отряда «Балтиец»
партизанской бригады им. Кирова
Барановичской области о нападении
противника из гарнизона местечка Ивье
на партизан в деревне Залейки — Гавье**

20 мая 1944 г.

18 мая 1944 г. в 11:00 группа партизан в составе: Грудинский, Зуев, Лукашевич и Барташевич под руководством ком. отряда Сулова Н., выполняя задание командования отряда по разведке и диверсии, подверглась налету немцев и украинцев Ивьевского гарнизона в д. Залейки — Гавье в количестве до 50 чел. Группа приняла неравный бой с противником. В результате боя убито 2 и ранено 3, из которых 1 умер по дороге Гавье — Новоселки.

Со стороны партизан в бою погибли: Сулов Н., Зуев Н., Барташевич И., ранен Грудинский Е.

Командир отряда Комиссар отряда
л-т Пролыгин ст. п-к Пеньковский

Нач. штаба л-т
Броварный

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 404. Л. 57. Подлинник. Рукопись.

**№ 67. Донесение командования отряда
«За Советскую Беларусь» партизанской
бригады им. Кирова Барановичской
области о бое с противником из гарнизона
местечка Ивье в районе деревни Морино**

26 мая 1944 г.

Сообщаю, что 26.5.44 г. в 12:00 была принята со стороны д. Морино немцами и украинцами попытка переправиться на нашу сторону и забрать скот с пашни. Отряд вступил в открытый бой, в результате чего немцы отошли обратно на правую сторону р. Неман, в результате чего скот остался полностью целый, а украинцы и немцы уехали. О чем и доношу. Потерь нет.

Командир отряда Канашевич

Комиссар Манзюк

Нач. штаба Негрей

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1, д. 389., Л. 52. Подлинник. Рукопись.

**№ 68. Из донесения командования отряда
«За Советскую Беларусь» партизанской
бригады им. Кирова Барановичской
области о бое с военнослужащими
из украинского полицейского
батальона в районе местечка Ивье**

26 мая 1944 г.

Настоящим доношу, что во время хозяйственной операции в районе Ивья и столкновения с украинским батальоном было убито 3 украинца [...]

Командир отряда Канашевич

Комиссар Манзюк

Нач. штаба Негрей

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 389. Л. 53. Подлинник. Рукопись.

**№ 69. Акт № 33 командования отряда
«Балтиец» партизанской бригады
им. Кирова Барановичской области
о столкновении с военнослужащими
украинского полицейского батальона
в деревне Морино 3 марта 1944 г.**

28 мая 1944 г.

3 марта 1944 г. группа партизан в составе: Барташевич, Харламов, Свиридов И., Гудень А. под руководством партизана Негоды В. проводила хоз. операцию в д. Морино Ивьевского р-на.

Группа подверглась внезапному налету украинцев Ивьевского гарнизона.

Группа вышла из боя без потерь под прикрытием своего огня.

Командир отряда Комиссар отряда
л-т Пролыгин ст. п-к Пеньковский

Нач. штаба
л-т Броварный

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 404. Л. 62. Подлинник. Рукопись.

**№ 70. Акт № 39 командования отряда
«Балтиец» партизанской бригады
им. Кирова Барановичской области
о бое с военнослужащими украинского
полицейского батальона из местечка
Ивьё в деревне Лукашино**

29 мая 1944 г.

5 мая 1944 г. группа партизан в составе Косач, Мельников под руководством ком. взвода Шведа А., ведя разведку Ивьёвского р-на, попала в д. Лукашино на засаду украинцев Ивьёвского гарнизона. Группа с боем отошла без потерь.

Командир отряда л-т Пролыгин

Комиссар отряда ст. п-к Пеньковский

Нач. штаба л-т Броварный

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 404. Л. 68. Подлинник. Рукопись.

**№ 71. Акт № 41 командования отряда «Балтиец»
партизанской бригады им. Кирова
Барановичской области о столкновении
с военнослужащими украинского
полицейского батальона из местечка
Ивьё в деревне Морино 13 мая 1944 г.**

29 мая 1944 г.

13 мая 1944 г. группа партизан в составе Барташевич И., Зуев Н., Грудинский Е., Лукашевич В. под руководством ком. отд. Суслова Н. при возвращении с задания подверглась обстрелу украинцев Ивьёвского гарнизона в дер. Морино Ивьёвского р-на.

Группа отошла без боя.

Командир отряда л-т Пролыгин

Комиссар отряда ст. п-к Пеньковский

Нач. штаба л-т Броварный

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 404. Л. 70. Подлинник. Рукопись.

**№ 72. Акт № 43 командования отряда
«Балтиец» партизанской бригады
им. Кирова Барановичской области
о столкновении с военнослужащими
украинского полицейского батальона
из гарнизона местечка Ивье**

29 мая 1944 г.

28 мая 1944 г. группа партизан в составе: Швед, Харитоненко, Галинчик, Черненко, Левин, Лашинский, Карабач, Шнигир, Гудень А., Дубинин, Лопата В., Ильин, Рисцов, Комаров А., Кочерга, Войтиш, Горбач С. под руководством ком. роты л-та Галицкого проводила хоз. операцию в д. Дешевичи Ивьевского р-на, где была засада украинцев Ивьевского гарнизона. Группа, узнав о засаде, стала отходить из деревни. Украинцы преследовали и обстреливали группу до Дямонтской гребли. Группа вернулась без потерь, не приняв боя.

Командир отряда л-т Пролыгин

Комиссар отряда ст. п-к Пеньковский

Нач. штаба л-т Броварный

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 404. Л. 70. Подлинник. Рукопись.

**№ 73. Из отчета командования отряда
им. Чкалова партизанской бригады
«Вперед» Барановичской области
об операциях, проведенных гарнизоном
местечка Ивье в мае 1944 г.**

1 июня 1944 г.

При сем представляю отчет об обстановке р-на действия отряда им. Чкалова за май м-ц 1944 г.

1. Сведения о противнике и его гарнизонах:

Ивье

Количественный состав, вооружение гарнизона Ивье без изменений.

Прибытие в г-н Ивье войск за май м-ц с. г. не наблюдалось.

За май месяц с. г. гарнизон Ивье в отношении местного населения и партизан проводил следующие мероприятия и выезды:

8.05.44 г. из гарн. Ивье на хут. Мишуковичи выезжала группа в количестве 55 чел. (3 немца, остальные украинцы) с вооружением 1 ст. пулемет, 6 ручных пулеметов, остальное — винтовки. Цель поездки — заготовка продовольствия, брали всякий хоз. инвентарь.

24.05.44 г. в м. Ивье была облава на жителей восточных областей, где было поймано и увезено в г. Лида 30 чел. [...]

Командир отряда лейтенант Зайцев

Комиссар отряда ст. п-к Шатинский

Нач. штаба п/о им. Чкалова л-т

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 244. Л. 71, 71 об. Подлинник. Рукопись.

№ 74. Донесение командира партизанской бригады «Вперед» Барановичской области о нападении противника из гарнизонов Лаздуны, Дуды, Ивье на отряд «Большевик» в деревне Н.-Березина

5 июня 1944 г.

Довожу до Вашего сведения, что в 3:00 5.6.44 года немцы, полиция, «казаки», украинцы из гарнизонов: Лаздуны, Дуды, Ивье большой силой (численность не установлена) при поддержке 6 пушек, также минометов и ст. пулеметов, скрытыми подходами окружили д. Н.-Березина, где находился отряд «Большевик». В результате прорывного боя у противника есть убитые и раненые, потери отряда «Большевик»: 2 — убито, 1 — тяжелораненый и 2 взято в плен. Сожжены деревни Н.-Березина и Черневичи, в 5 часов 40 минут противник поспешно отошел в свои гарнизоны. В д. Черневичи наблюдалось, что кидали в огонь мирных жителей и детей.

Отряды «Белорусский мститель» и «Чкаловский» подошли на поддержку с большим опозданием.

Благополучный исход боя произошел из-за хорошего действия караула и всего личного состава отряда «Большевик».

Отряд находится также в Н.-Березине.

Врид комбрига «Вперед»
лейтенант

НАРБ. Ф. 1329. Оп. 1, д. 60. Л. 191. Подлинник. Рукопись.

№ 75. Из отчета командования отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед» Барановичской области за июнь 1944 г. о состоянии гарнизона местечка Ивье

Не ранее 28 июня 1944 г.

При сем представляю отчет об обстановке р-на действия отряда им. Чкалова за июнь м-ц 1944 года.

I. Сведения о противнике и его гарнизонах:

1. Ивье

Количественный состав гарнизона Ивье: украинцев до 80 чел., «Казаков» до 70 чел. и жандармерии до 12 чел. Вооружение гарнизона без изменений. Настроение гарнизона, в особенности среди украинцев, упадническое.

28.06.44 г. 7 украинцев перешли к белополякам. Выездов из гарнизона Ивье в р-н действия отряда не было [...]

Ком. отряда лейтенант Зайцев

Комиссар отряда ст. политрук Шотинский

Нач. штаба отряда лейтенант Шинкарев

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 244. Л. 119. Копия. Рукопись.

№ 76. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье на 30 июня 1944 г.

Не ранее 30 июня 1944 г.

1. Состояние гарнизона

[...] Гарн. Ивье. Общее количество гарнизона 160 чел. Из них украинцев — 82 чел., полиции — 40 чел., немцев — 38 чел. Вооружение: пушек 45 мм — 2 шт., батальонных минометов — 1, ротных минометов — 3, станковых пулеметов — 6, ручных пулеметов — 24, автоматов — 19, огнемёт — 1 [...]

Командир отряда им. Кирова капитан Васильев

Комиссар отряда им. Кирова политрук Кондаков

Зам. командира бригады им. Кирова по разведке Демидов

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 381. Л. 70–71. Копия.

II. ПОКАЗАНИЯ КАРАТЕЛЕЙ

№ 77. Из объяснений С.С. Пономоренко

г. Гродно

31 января 1973 г.

[...] В дополнение к своему объяснению от 29 января 1973 года хочу рассказать следующее:

После нахождения в гор. поселке Плещеницы 118-й украинский полицейский батальон передислоцировался в Западную Белоруссию. Штаб батальона находился в гор. Лида, первая рота, в которой я служил, стояла в районном центре Ивье, 3-я рота находилась в гор. Шучине, и в одном из населенных пунктов Гродненской области стояла 2-я рота. Это так было по состоянию на декабрь 1943 года, когда я возвратился из госпиталя по выздоровлению. Рана моя на ноге полностью зажила к тому времени, и я снова продолжал службу рядовым полицейским в 1-й роте.

В моей памяти хорошо запомнилось о том, когда я в составе группы полицейских 1-й роты под командованием командира взвода Мелешко Василия в январе 1944 года выезжали из Ивья на операцию по захвату партизан в район деревень Большой и Малый Збойск Ивьевского района. Эти деревни расположены возле реки Неман, на противоположных сторонах реки. Названия этих деревень я вспомнил сейчас. По прибытии нашей группы в дер. Большой Збойск, которая находится на возвышенности у Немана со стороны Ивья, вскоре мы заметили, как с противоположной стороны Немана, где находится дер. Малый Збойск, двигалась повозка в нашем направлении. Командир взвода Мелешко приказал всем полицейским залечь в укрытия и установить в укрытии станковый пулемет,

первым номером которого был Гребенюк Павел. Полицейский Гончаров Владимир занял место в засаде у дороги, ведущей в дер. Большой Збойск, по которой двигалась конная повозка. После некоторого времени нахождения в засаде повозка приблизилась к месту нахождения Гончарова. Нам стало видно, что на повозке ехали два человека, мужчина и женщина. Когда повозка переехала Неман по льду и приблизилась к месту засады Гончарова, последний поднялся из-за укрытия и крикнул ехавшим: «Стой!» В это же время ехавшие соскочили с повозки, пытаясь бежать в обратном направлении. У мужчины была при себе винтовка, с которой он убегал. У женщины никакого оружия не было видно, и Гончаров сразу ее задержал. Мужчина продолжал убежать. По нему открыл огонь из станкового пулемета Гребенюк Павел, но не попал, и мужчина продолжал бежать. Видя такое положение, что мужчина с винтовкой может убежать, командир взвода Мелешко Василий, выругавшись нецензурно в адрес Гребенюка, оттолкнул последнего, сам залез за станковый пулемет и дал очередь из пулемета по убегавшему мужчине, в результате чего тот упал и больше не поднялся. Всем нам стало ясно, что Мелешко убил мужчину. Тут же Мелешко подозвал полицейского Иванькива Ивана и послал его к убитому забрать трофеи. Иванькив побежал к нему, обыскал труп, забрал документы и винтовку и возвратился. Труп мужчины остался лежать на том же месте. После этого все мы убедились, что убит партизан. Его фамилии, а также из какого партизанского отряда он был я сейчас не помню. Задержанную Гончаровым женщину мы доставили в расположение нашей роты — Ивье. Там ее допрашивали и поместили в комнату Гончарова под его охрану. Эта женщина говорила, что она учительница. Что еще она говорила тогда, я сейчас не помню. Примерно на 3-й день ее передал Гончаров немецкой жандармерии. Были разговоры среди моих сослуживцев, что эту женщину отправили в Лиду. О дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю. Ее фамилии и имени не помню сейчас.

На эту операцию, кроме названных лиц, выезжали и были очевидцами факта убийства партизана следующие полицейские: Лакуста Григорий, Катрюк Владимир, Ильчук Юра, Темечко Михаил, Ярема Станислав, Биль Иван, Терендий, Романов Александр, Рудой Иван, Федоренко Александр, Бондарь Иван и некоторые другие. В числе некоторых, как я сейчас вспомнил, был Кнап Остап.

Весной 1944 года шеф 1-й роты обер-лейтенант Засс, получив сведения, что в дер. Дынделишки Ивьевского района находятся партизаны, в срочном порядке взял группу полицейских 1-й роты и выехал на облаву партизан в эту деревню. Я оставался тогда в расположении роты в Ивье и помню, что вместе с обер-лейтенантом Зац выезжали командир 2-го взвода Лакуста Григорий, командир отделения Катрюк Владимир, пулеметчики ручных пулеметов Иванькив Иван и Темечко Михаил, автоматчик Кнап Остап, гранатометчик Ярема Станислав, а также Строкач Иван, Матис, Бондарь Иван и Терендый. Операция была однодневная. По возвращении в тот же день из операции в Ивье Ярема, Трендий и Бондарь рассказывали мне и другим полицейским нашей роты, что в дер. Дынделишки ими были обнаружены два партизана. С прибытием группы полицейских в Дынделишки партизаны стали убегать в сторону леса от крайних домов деревни. Но командир взвода Лакуста, вооруженный автоматом, и Катрюк Владимир, тоже с автоматом, настигли партизан, открыли по ним огонь из автоматов и убили их. У Также Ярема Станислав, Бондарь Иван и Терендий рассказывали тогда, что после убийства двух партизан в Денделишках они — полицейские во главе с Зац — прибыли в следующую деревню — Мостки Ивьевского района, где ими был обнаружен один партизан, имевший оружие. При появлении полицейских в Мостках партизан пытался бежать из деревни, но пулеметчик Иванькив Иван открыл по нем огонь из пулемета и убил. У партизана им была взята винтовка и доставлена в Ивье. Привозили ли полицейские какие-либо документы убитых партизан, я сейчас не помню. По их словам, трупы убитых партизан были оставлены на месте. Название деревень Дынделишки и Мостки я помню с периода войны, так как мне лично приходилось в войну несколько раз через них проезжать, следуя в составе роты из Ивья в Морино. Дынделишки и Мостки находятся по шоссейной дороге между Ивьем и Морино.

Из названных выше лиц, служивших вместе со мной в 1-й роте, Федоренко Александр, по национальности украинец, уроженец из-под Киева, а возможно, и самого города Киева, примерно 1920 года рождения, в июне 1944 года бежал из батальона в партизаны. Бежал он один, захватив с собой автомат, при выезде из Ивье в Лиду за удовольствием. По рассказам сослуживцев, группу полицейских, вы-

езжавших за продуктами, обстреляли партизаны в районе станции Гавья. Воспользовавшись этим моментом, Федоренко бежал.

В первых числах июля 1944 года весь 118-й батальон был направлен в район поселка Юратишки для сдерж[ив]ания передовых частей Красной Армии. Сдержать передовых танковых частей Красной Армии мы не смогли и начали удирать на запад.

В районе ст. Юратишки обер-лейтенант Зац вместе со своим личным шофером Хорошун были отрезаны от нашего батальона и взяты в плен бойцами Красной Армии. Имя, отчество и других биографических данных Зац и Хорошуна я не помню.

Двигаясь от ст. Юратишки в направлении Ивья по проселочным дорогам, я помню, мы проходили через дер. Быковщина. В этой деревне, в одном из крайних домов Иванькив Иван и Ярема Станислав остались, дальше с батальоном не пошли и у местных жителей требовали гражданскую одежду, чтобы переодеться и сбросить с себя форму полицейского. Это я хорошо помню. Они высказывали желание возвратиться каким-либо образом домой в Станиславскую область. Лакуста Григорий, Катрюк Владимир, Кмит Иван, Мелешко Василий, Кнап Остап, Ильчук Юра, Темечко Михаил, Терендий, Биль Иван, Терена Иван, Бондарь Иван, Матись, Петронюк, Василий, Харченко Матвей, Строкач Иван, Андреев Андрей, и многие другие вместе с батальоном дошли до Франции. Из них Терендий во Франции был убит немцами.

Лакусту Григория я хорошо представляю теперь. Он был выше среднего роста, имел темно-русые волосы на голове, зачесывал их назад. Лицо у него продолговатое было, большой нос с горбинкой, брови густые, разрез глаз продолговатый, нижняя губа толще верхней, что бросалось в глаза. Он был родом из Буковины. В период службы в батальоне ему было примерно лет 23–24. Если бы мне представилась возможность с ним встретиться, я его узнал бы. Во Франции Лакуста возражал возвращаться в Советский Союз и в числе других украинских националистов перешел во Французский легион. Больше я нигде с ним не встречался. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26703, Т. 1. Л. 24–33. Подлинник.
Рукопись.*

№ 78. Из показаний О.Ф. Кнапа

г. Гродно

21 марта 1973 г.

[...] В марте 1943 года, числа не помню, но местами еще лежал снег, один или два взвода первой роты чего-то на автомашинах поехали из Плещениц по шоссе в сторону Минска. Наш второй взвод, в том числе и я, оставались Плещеницах. Возглавляли группу немец гауптман Вельке и заместитель командира первой роты лейтенант Мелешко. В километрах пяти за Горбатым мостом их обстреляли партизаны. Гауптман Вельке и еще три или четыре человека были убиты, а Мелешко ранен. В связи с этим происшествием весь батальон был поднят по тревоге и на автомашинах выехал к месту, где партизаны обстреляли выезжавшую группу. В составе второго взвода первой роты выехал и я. Помню, что перед поднятием батальона по тревоге, в Плещеницы привезли трупы Вельке и других убитых. Приезжал и раненый Мелешко. Последний с нами снова выехал к месту боя. Когда мы приезжали к месту боя, я там никаких других войск не видел. Командир роты Винницкий дал команду прочесать примыкавший к шоссе лес. В какую сторону мы пошли, не помню. Припоминаю, что сначала прошли вдоль шоссе, затем свернули в сторону. Роты шли цепью. Наш второй взвод шел в центре первой роты. По лесу прошли около пяти километров. Никого в лесу не встретили. Вышли на опушку леса. Впереди простиралось поле. Населенных пунктов видно не было. Поступила команда остановиться. В это время на одном из флангов застрочил пулемет. Показалась красная ракета. По цепи была передана команда наступать вперед и стрелять. Минут пятнадцать мы шли по полю и стреляли со всех видов оружия. Стрелял и я. Стрельбу вели не по определенным целям, а просто стреляли вперед себя. Подошли к селу Хатынь²⁸, названия его не знаю. Показалась белая ракета. Поступила команда окопаться и занять оборону перед селом. Мы окопались примерно в 500 метрах от села. Простояли полчаса, а возможно, и час. Затем дали команду двигаться в село. Когда мы вошли в село, я в нем увидел эсэсовцев.

²⁸ Дописано над строкой.

Кто они были такие, как называлось их подразделение, не знаю. Эсэсовцы выгоняли людей из домов и сводили в одно место. Гнали всех: молодых и старых. Многие на руках несли грудных детей. Более взрослые дети шли вместе с родителями. Первоначально все население села согнали в одно место на улице. Туда к эсэсовцам пошли наши командиры: командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра, командир первой роты Винницкий, его заместитель Мелешко, старшина роты Слижук, командиры взводов Лакуста, Ильчук, Пасечник, командиры отделений Катрюк, Кмит, Панкив, переводчик Лукович, связной штаба и писарь первой роты Филиппов. Личный состав первой роты, в том числе и я, в это время находился в поле перед селом. Стояли развернутыми в цепь. Я хорошо видел согнанных жителей. Через некоторое время к нам вернулись командиры взводов Лакуста, Ильчук, Пасечник и нас три взвода первой роты поставили полукругом с разрывом в центре перед воротами одного сарая на расстоянии тридцати метров от него. В центре, напротив ворот, был установлен станковый пулемет первой роты. Ручные пулеметчики стояли вместе с другими в цепи. С того места, где я стоял, ворота были хорошо видны. В центре, в разрыве между взводами, вернее, между стоящими в цепи перед сараем двумя группами солдат, прямо напротив ворот стали немецкие офицеры и наши: Смовский, Васюра, Мелешко, Винницкий, Лакуста, Слижук, Ильчук, Пасечник, Катрюк, Филиппов, Кмит, Панкив, переводчик Лукович. Все они, за исключением Смовского и Винницкого, были вооружены автоматами. Смовский и Винницкий имели пистолеты. Эсэсовцы подводили и загоняли людей в сарай. Заталкивать жителей села в сарай им помогали Лукович, Мелешко, Пасечник, Васюра, Винницкий, Лакуста, Ильчук, Катрюк, Кмит и находившиеся с ними немецкие офицеры. Когда все люди были загнаны, ворота сарая закрыли и заперли на защелку. Кто их закрывал, не помню. Еще раньше нам была дана команда стрелять по убегающим мирным жителям. Все мы и офицеры оружие держали в руках, изготовились к стрельбе. Я хорошо видел, как переводчик Лукович поджег факелом сарай, вернее, его соломенную крышу. Сарай загорелся. Люди в сарае стали кричать, плакать. Крики горевших и задыхающихся от дыма людей были страшные. Их невозможно было слышать. От них становилось жутко. Здесь я хорошо не помню, или кому удалось выбраться из пламени, или просто по сараю была открыта стрельба

из всех видов оружия: пулеметов, автоматов, винтовок. Я не мог переносить этого, поэтому ни одного выстрела по сараю не сделал. В основном по сараю стреляли из стоящего против ворот станкового пулемета и из автоматов Васюра, Мелешко, Лакуста, Слижук, Ильчук, Катрюк, Пасечник, Кмит, Панкив, Лукович, Филиппов. Стреляли и находившиеся возле сарая эсэсовцы. Рядовые полицейские нашей роты, стоявшие в цепи перед сараем, по нему не стреляли и не могли стрелять, так как впереди нас, ближе к сараю, прямо возле ворот находились перечисленные выше командиры нашего батальона, эсэсовцы и станковый пулемет нашей роты. Я хорошо, как сегодня, помню, что в этой операции принимали участие и лично стреляли по находившимся в горящем сарае жителям деревни начальник штаба батальона Васюра, заместитель командира первой роты Мелешко, а также Лакуста, Пасечник, Панкив, Ильчук Жора, Катрюк, Кмит, Филиппов, Лукович. Возле сарая находились, но по нему не стреляли Смовский и Винницкий. Были ли возле сарая и стреляли ли по кому командиры других рот нашего батальона, не помню. Я запомнил только командный состав нашей роты и батальона, которых хорошо знал. В связи с тем, что эта операция была страшной по своей жестокости и единственной за всю мою службу в батальоне, мне хорошо запомнились те из известных мне командиров нашего батальона, которые стреляли по горящим в сарае людям. Помню даже, что Мелешко ходил с забинтованной головой. После того, как обрушилась крыша сарая, затихли стоны, крики и плач обреченных. Стоящую перед сараем первую роту с оцепления сняли и приказали двигаться в сторону Плещениц. До шоссе мы шли пешком. Как дальше двигались, не помню. Отходя от деревни, мы осматривались. В деревне были видны столбы дыма и огня. Деревня горела. В ней оставались эсэсовцы и, возможно, часть наших. Шли ли от деревни к шоссе вместе с нами другие роты батальона, не помню. Помню, что со мной перед сараем стояли, все это видели и могут мои показания подтвердить братья Каленчуки, Дедовский, Заяц и командир нашего отделения Мелешко. Фамилий других не помню. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 2. Л. 53, 59–62. Копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 77–79.

№ 79. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

22 мая 1973 г.

[...] Вопрос: Продолжайте показания о дальнейшей деятельности 118-го полицейского батальона.

Ответ: В конце января или начале февраля 1943 года карателями батальона были проведены операции где-то в районе деревни Рудня. Что находится северо-западнее Плещениц. Выезжали туда каратели из Плещениц два дня или же она проводилась с ночевкой на месте один дней²⁹. Поскольку я в ней участие не принимал, то что и как там происходило, сказать не могу. Количественный состав выезжавших карателей я назвать не могу, не помню. Знаю, однако, что в их числе было пулеметное отделение во главе со Славутенко. Участвовали ли в этой операции местная полиция и жандармерия, не знаю. Затрудняюсь также сказать, выезжали ли туда полицейские первого взвода. Со слов вернувшегося с операции разведчика первой роты Филиппова мне известно, что они вели бой с партизанами, несколько партизан было убито, и он, Филиппов, забрал у убитого автомат. Этот автомат он оставил себя. Были ли жертвы из числа мирного населения в районе действия карателей, уничтожались ими тогда населенные пункты или постройки, сказать не могу. Были ли захвачены другие трофеи, кроме автомата, сказать затрудняюсь. Потерь со стороны карателей не было, но кажется, один из них был ранен. Возглавлял эту группу, по-моему, командир третьей роты Нарядько. Шефом первой роты к этому времени уже был капитан Вельке, немец, который сменил отправленного на фронт Мелена. Следующая операция, которая мне помнится, была проведена в феврале или марте 1943 года. Днем раньше в одной из деревень Плещеницкого района в бою с партизанами было убито несколько полицейских Плещеницкой полиции и жандармов. Оставшиеся в живых бежали, оставив трупы. <Нрзб> как командир взвода знал об этом уже к концу дня. Предполага-

²⁹ Так в тексте.

лось, что и на следующий день, когда необходимо было забрать трупы, партизаны могут снова напасть или встретить огнем. Утром в район случившегося выехали полицейские первой и третьей роты во главе их командиров, жандармов и местная полиция. Выезжал туда и шеф роты немец Вельке. Первый взвод был в полном составе. Выехали на операцию вместе с командирами отделений Катрюком, Лакустой и Данько и я — командир взвода. Участие в этой операции принимал также оружейный расчет и пулеметное отделение роты под командованием Славутенко. Двигались и пешком, и на подводах. В качестве подводчиков жандармерией и местной полицией были привлечены жители Плещениц, а также близлежащих деревень. Деревня, куда мы следовали, расположена в 10–12 километрах на Запад от Плещениц. Названия деревни я точно не помню, но кажется это было Заречье. К деревне все силы карательной группы двигались дорогой. В километрах трех от нее сделали остановку. Затем было дана команда первой роте и роте Нарядько подойти к деревне скрытно, из тыла. Выезжали на данную операцию Смowski, что-то не помню. Командир нашей роты с нами был. Обе роты пошли по лесу, углубились, а затем вышли к деревне. Остальные каратели двигались где-то сзади нас. Мой взвод должен был выйти к середине деревни. Так мы и следовали. И когда только первый взвод под моим командованием вышел из леса по дороге (от леса до деревни было метров двести), то с левого края деревни по нам был открыт пулеметный огонь. Пулемет стрелял из сарая, который стоял в конце деревни. Взвод залег и вступил в перестрелку. Сарай находился от нас примерно в трехстах метрах и по нему полицейские взвода открыли огонь из «максима», ручных пулеметов. Второй и третий взводы первой роты и третья рота стали обходить деревню слева и тоже вели огонь по сараю. Несколько минут спустя стрельба из сарая прекратилась, сарай начал гореть. Как он загорелся: от пуль в ходе боя или же был подожжен кем-либо из карателей, я не знаю. По моему взводу огонь вели только из этого сарая, из других построек по нам не стреляли. Как обстояло дело с другими карателями, я сказать не могу. Сколько партизан вели огонь по карателям, не знаю. Был после боя разговор, что с левого от нас конца деревни убежало в лес несколько партизан. К упомянутому сараю я не подходил.

Погибли ли там партизаны, не знаю. Кем-то из карателей других подразделений, во всяком случае не моего взвода, в сарае или около был захвачен пулемет системы «максим» на треноге. Его забрали себе жандармы — сразу или позже, сказать затрудняюсь. После боя взвод под моим командованием вошел в деревню по дороге, которая разделяла деревню на две части, и оказался в центре деревни. Деревня к этому времени уже была зажжена карателями горело несколько домов — два или три. Раздавалась стрельба. Кто поджигал дома в деревне, и сказать затрудняюсь. Делали это, кажется жандармы. Я не видел, чтобы кто-либо из полицейских моего взвода поджигал постройки. Трупов в деревне я не видел, и имелись ли жертвы со стороны местного населения в этой операции, не могу сказать. Вернее, в деревне несколько человек местных жителей было убито, сколько, уточнить не могу. Хотя я не видел трупов, но знаю об этом из разговоров сослуживцев. Кто об этом говорил, не помню. По словам сослуживцев, в деревне свирепствовали жандармы и полицейские местной полиции. Полицейские жандармы бегали по домам, забирали вещи. Вся ли деревня была сожжена или сгорело несколько домов, сказать не могу. Сгорели ли в этих домах люди, не знаю. После этого карателями были подобраны около леса трупы жандармов и полицейских, погибших днем раньше, и все мы возвратились в тот день в Плещеницы.

В конце февраля или начале марта 1943 года в расположение батальона в Плещеницах были расстреляны двое мужчин. Я был очевидцем этого. Мужчины были в возрасте тридцати лет. В батальон они были доставлены, кажется, Филипповым. Задержаны они были в какой-то соседней с Плещеницами деревне, содержались в небольшом помещении в расположении батальона и допрашивались в штабе. На допросах я не присутствовал и не знаю, с чем и как их допрашивали. Мужчины в батальоне находились несколько дней. Затем в дневное время в первой половине дня они были расстреляны. Их вывели к яме, которая была приготовлена недалеко от сараев. Перед началом расстрела один из них бросился бежать. В метрах тридцати от ямы очередью из автомата был убит. Второго каратели расстреляли около ямы. Насколько мне помнится, мужчин расстреляли немцы из жандармерии. Их было двое, с автоматами. Этот факт имел место вскоре после того, как однажды в дневное

время в Плещеницах шедший на охрану электростанции караул из полицейских нашего батальона был обстрелян, причем двое полицейских получили ранение.

На месте расстрела я оказался в связи с тем, что туда пойти предложил мне Винницкий. Там же в момент расстрела были Вельке, Васюра. Присутствовали ли при этом солдаты батальона, не помню. Я не помню, чтобы за связь с указанными мужчинами был расстрелян полицейский 118-го батальона. Я только помню, что убиты были двое мужчин, о чем уже показал выше. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 2. Л. 26–36. Заверенная копия. Рукопись.

№ 80. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

23 мая 1973 г.

[...] Вопрос: Продолжайте показания о карательной деятельности 118-го полицейского батальона.

Ответ: В период нахождения первой и третьей рот в Плещеницах Минской области карателям батальона в январе 1943 года была сожжена деревня Чмелевичи. Прибывшие туда каратели вступили в перестрелку с партизанами, а когда они ушли, то деревня была сожжена. Имелись ли тогда в деревне жертвы, я не могу сказать. Из-за давности времени я не могу припомнить, участвовал ли в этой операции я со своим первым взводом или же о этом факте мне стало известно от сослуживцев. Я даже затрудняюсь теперь сказать, участвовала ли в этом уничтожении Чмелевич первая рота. Возможно, это сделали каратели третьей ротой. При каких обстоятельствах была уничтожена названная деревня, я ничего показать не могу.

Весной 1943 года, месяц припомнить не могу, в расположении батальона в Плещеницах были казнены, как мне помнится, четыре полицейских нашего батальона. Служили они до этого в первой и третьей ротах. Причиной расстрела послужило то, что они будто бы намеривались уйти в партизанский отряд. Находились они под арестом дня три, допрашивали их в штабе. При допросах я не присутствовал. Признались ли эти полицейские, я не могу сказать.

Затем личный состав обеих рот был построен по команде Смовского на территории, занимаемой ротами, во дворе. Выстроивший перед строем командир батальона Смовский обвинил названных полицейских в намерении уйти в партизаны и объявил, что за это они подлежат расстрелу. Вместе со Смовским стояли Васюра, Винницкий, кажется, и Нарядько. Командиры взводов находились в строю. Командир роты Винницкий дал команду выделенным специально для расстрела полицейским исполнить приговор. Четверо полицейских были отведены за сарай, примерно метров за сто от строя и там расстреляны из винтовок. Как производился расстрел, я не видел, потому что этому мешал сарай. Расстреливавших было, кажется, тоже четверо, вооружены были винтовками. Группу поли-

цейских, выделенных для исполнения приговора, возглавлял, как мне кажется, Лакуста — командир отделения моего, первого взвода. Из каких подразделений были остальные исполнители приговора и кто именно, я сказать не могу. Утверждать категорически то, что ими командовал именно Лакуста, а не кто другой, не могу. Кем была назначена группа для расстрела полицейских, не знаю. По этому вопросу ко мне как командиру взвода никто из вышестоящих командиров не обращался. Может быть, это делал даже Винницкий. Других фактов расстрела полицейских самими же карателями я что-то не помню. Не помню также, чтобы когда-либо в расположении батальона в Плещеницах были расстреляны какие-либо мужчины, кроме тех двух партизанских связных, о которых я показал вчера на допросе. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 26–36. Заверенная копия.
Рукопись.*

№ 81. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

24 мая 1973 г.

[...] В продолжение своих показаний о карательной деятельности 118-го полицейского батальона на территории Белоруссии свидетель Мелешко пояснил:

В январе или феврале 1943 года первая рота в полном составе выехала в одну из деревень Плещеницкого района. В связи с чем выехали в поисках партизан или с целью изъятия продуктов у населения, я из-за давности сказать не могу. В каком направлении мы поехали, я сказать затрудняюсь, но мне кажется почему-то, что это было в северном направлении или же немного северо-восточнее. Деревня располагалась примерно в десяти километрах от Плещениц. За ней в метрах двухстах начинался лес. Дорога вела прямо в деревню. Ехали туда на подводах. При подходе к ней рота разделилась: отделение Лакусты двинулось слева, отделение Кмита из третьего взвода стало обходить деревню справа. Все остальные каратели, в том числе и я, пошли по дороге в деревню. Находясь на улице на середине деревни, я услышал стрельбу, которую вели Лакуста и Кмита. Затем увидел, что к лесу от конца деревни скакал всадник. По дороге за ним на лошади, запряженной в сани, мчались несколько человек. Было их, кажется, человека, три. Находившиеся в санях отстреливались из автомата. Верховой скрылся в лесу. Был ли кто убит из тех, что сидели в санях, я не могу сказать. Упряжка была из двух лошадей. Одна из них была убита. Сани остались на опушке леса с другой лошадей, о чем мне говорил кто-то из полицейских. В тот же день рота вернулась в Плещеницы. Стрелял ли по тем людям Лакуста, я не видел. Я лишь слышал, что его отделение, как и отделение Кмита, вело огонь из ручного пулемета и винтовок. Брали ли каратели у населения скот, продукты и имущество, не помню. Эту операцию возглавлял командир роты Винницкий.

Весной 1943 года, месяц не помню, карателями нашего батальона был пленен партизан и доставлен в Плещеницы. Из какого он был отряда, я не знаю, потому что в избе командования в Плещеницы я спрашивал у него об этом, но он ничего на этот счет не сказал.

Партизан нами был захвачен в одной из деревень в западном направлении от Плещениц. Деревня состояла примерно из ста домов. Как она называлась, сказать не могу. Для пленения партизана выезжала вся первая рота в надежде, что он перейдет не один. О встрече с ним договорился еще ранее Филиппов, пообещал, обманув, что приведет с собой в партизанский отряд группу полицейских. В группе карателей были Филиппов и отделения, кажется Катрюка, Лакуста тоже был тогда с отделениями в составе моего взвода. Принимал ли он непосредственное участие в пленении партизана, не могу сказать. Партизан прибыл на встречу на лошади верхом. Допрашивали его в Плещеницах в штабе, но там я не присутствовал. Был он расстрелян или же отправлен в Минск [я не знаю].

В летнее время 1943 года весь батальон из Плещениц выезжал на операцию по борьбе против партизан на Запад к бывшей советско-польской границе. Указанная операция длилась около десяти дней. В составе батальона выезжал и я как командир взвода с подчиненными командирами отделений Лакустой и другими. В поисках партизан прочесывали лес, но их нигде мы не встречали, перестрелок с ними не было. Только нами был обнаружен покинутый партизанский лагерь, который мы забросали гранатами. В лесу в последние дни операции полицейскими первой роты была захвачена радистка с рацией. Ее доставили в Плещеницы, а затем отправили в Минск. Судьба ее мне не известна.

В пути следования в Плещеницы с указанной операции в одной из деревень 118-й батальон делал ночевку. Это была, кажется, последняя ночь перед возвращением. Утром от солдат батальона, кого именно не помню, мне стало известно, что в этой деревне Лукович изнасиловал и застрелил женщину. Один ли Лукович совершил это злодеяние, я уже не помню. Возможно, там была и больше жертв, но я об этом также не помню. Дома в этой деревне располагались в виде буквы «Г». Были ли там сожжены карателями постройки, я что-то не помню. В процессе же упомянутой операции в других населенных пунктах постройки не сжигались, людей ни в лесу, ни в деревне полицейские батальона не убивали. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 37–41. Заверенная копия. Рукопись.

№ 82. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

25 мая 1973 г.

[...] Вопрос: Что вам еще известно о карательной деятельности батальона, в котором вы служили?

Ответ: Кроме тех фактов карательной деятельности полицейских украинского батальона, о которых я показал на предыдущих допросах, мне известны еще и такие.

Летом 1943 года, примерно в июне месяце, весь 118-й батальон, за исключением нескольких лиц, оставшихся для охраны имущества батальона, выехал на операцию по борьбе с партизанами в лес в районе реки Березины. Мы ее называли Борисовской операцией. Около Березины штаб батальона и первая рота в течение нескольких дней располагались в деревне Уборок, где размещались остальные роты, в этой деревне или поблизости, точно сказать не могу. В руки карателей в Уборке попали двое партизан. Кто их и как задержал и где именно, сказать не могу. Партизан я не видел, знаю, что находились они в штабе и там допрашивались. Со слов КОЗЫЧЕНКО — воентехника батальона — мне известно, что один из них с допроса убежал. Вторым, как говорил тогда тот же КОЗЫЧЕНКО, был расстрелян ЛУКОВИЧЕМ за огородами. Деревня Уборок пустовала, люди отсутствовали. Видимо, они ее оставили.

Других фактов уничтожения людей в процессе этой операции я не знаю. Постройки тогда нами не сжигались.

Во время проведения батальоном очередной операции по борьбе с партизанами был случай, когда в лесу были обнаружены несколько человек евреев, которые там же и были уничтожены. Данная операция проводилась нами в Налибокской пуще, и туда мы двигались из города Новогрудка. Группа евреев была уничтожена в районе деревни Бакшты, через которую проходили мы. Это место находится примерно в 10 километрах от Бакшт и, кажется, в восточном направлении. Было это в конце июля или начале августа 1943 года.

Солдаты батальона часа два двигались по воде в болотистой местности, где остановились на привал, чтобы вылить из сапог воду. Во время отдыха в метрах тридцати от меня полицейские первой

роты подняли шум. Я подошел к тому месту. Пришел и шеф роты немец по фамилии ЗАЦ или ЗАСС, сменивший убитого ранее ВЁЛЬКЕ. Собралась большая толпа карателей. Около большой, толстой сосны я увидел люк, крышка которого была открыта. Был он обнаружен якобы кем-то из полицейских первой роты, сидевшим под сосной и от нечего делать ковырявшим около себя ножом землю. Так тогда говорили, кто именно, не помню. Поскольку предполагалось, что там скрываются люди, кто-то из присутствующих предложил вылезть. В этот момент там находился и я. Из ямы сначала были выброшены две винтовки русские, а затем оттуда вылезли два еврея. Один из них был моложе, второй — старый, с бородой. Их было только двое. Со старым шеф роты начал разговаривать на немецком языке. Вскоре старик повел шефа в другое место метрах в ста от этого и указал второе укрытие, которое было также хорошо замаскировано. С ним пошли я, КАТРЮК, ФИЛИППОВ, ЛАКУСТА и другие полицейские. Тот, что помоложе, остался на месте под охраной полицейских. Старик присел, переговорил о чем-то на еврейском языке. Люк открылся. Никто оттуда пока не вылезал. Старик повел ЗАЦА и еще несколько немцев — мастеров к третьему укрытию, которые находилось примерно в ста метрах от второго. Все три укрытия располагались по треугольнику. Второе было больше первого. К третьему я не подходил, и сколько в нем находилось людей, не знаю.

После того, как старик повел группу карателей к третьей яме, у которой находился я, вылез мужчина в возрасте, примерно, тридцати лет. Перед этим он наверх выбросил винтовку. Постояв с минутой, он бросился бежать. КАТРЮК из автомата открыл по нему огонь. По убежавшему кто-то стрелял и из винтовки. Метрах в двадцати от нас этот еврей упал убитый.

После этого из ямы стали вылезать женщины, тоже еврейки. Их было четверо. Детей среди них не было. Оружия женщины не имели. А в это время около третьей ямы раздались разрывы гранат. Оказалось, что в яму карателями были брошены гранаты после того, как оттуда выстрелом из винтовки был ранен в живот немец.

Об этом говорили те, что учинили там расправу. А раненого немца я и сам видел. Кто конкретно бросал гранаты в яму, я не видел и не знаю. Но с немцами к той яме ходили полицейские третьей роты ГОНЧАРОВ — командир отделения, командир взвода ГНАТЕНКО

и другие каратели, но кто именно, сказать затрудняюсь. Возможно, туда ходили и солдаты из первой роты, но я этого сказать не могу. Кто-то из полицейских, кто конкретно не помню, рассказывал, что после того, как евреи от разрыва гранат погибли, в яму лазили ХАЧАТУРЯН и ГОНЧАРОВ, где забирали золото. Об этом я уже говорил на одном из предыдущих допросов.

Подошедший к нам шеф роты ЗАЦ, или ЗАСС, дал команду женщин расстрелять. ФИЛИППОВ, КАТРЮК и один из немцев, фамилию его не могу назвать, отвели евреек на расстояние метров пятьдесят. Эти трое карателей были вооружены автоматами. Я видел, как все они очередью из своих автоматов расстреляли женщин. Мужчина, обнаруженный в первой яме, тоже был расстрелян, только не вместе с женщинами. Кто его расстрелял, не знаю. Но он был убит там же, где мы делали привал. Сразу же после расправы батальон с этого места двинулся дальше и в километрах 3–5 занял позицию. Имели место разговоры между полицейскими, что старика-еврея взяли с собой и водили в деревню, что находилась от нас примерно в трех-четыре километрах. Потом его якобы тоже расстреляли. Название деревни я не знаю.

На месте обнаружения и задержания евреев командир отделения моего взвода ЛАКУСТА тоже был. Однако принимал ли он участие в уничтожении евреев, я не могу сказать, не знаю. Не могу также сказать, имел ли он отношение к этому как командир отделения.

Осенью 1943 года наша первая рота расположилась в мест. Ивье в здании школы. За время нахождения в нем каратели роты также часто выезжали в ближайшие деревни в поисках партизан. Помню, что мне со взводом в составе роты, также с двумя взводами часто приходилось бывать в деревне Морино, около которой протекает река Неман. Был также и в Денделишках. Теперь уже трудно и припомнить, в какие населенные пункты Ивьевского района приходилось тогда выезжать.

Кажется, весной 1944 года имел место такой случай в деревне Морино.

Выехало туда вся рота во главе с ЗАЦЕМ и ВИННИЦКИМ. По прибытии туда полицейские, кто именно не помню, доложили в моем присутствии ВИННИЦКОМУ о том, что в направлении Морино к противоположному берегу движется подвода. Мы посмотрели

ли и увидели, что это действительно так. В целях установления, что за люди едут, на тот берег на лодке переправился БЕСКАНДЕРОВ. Один он был или же с кем-либо ещё, не помню.

Когда подвода приблизилась к берегу, БЕСКАНДЕРОВ встретил ее. В это время с саней находившийся там мужчина очередью из автомата ранил его в живот, а сам стал убежать. Со стороны Морино по нему открыли огонь из винтовок, затем из миномета. Мужчина продолжал удаляться.

На ту сторону направлялись, кажется, двое карателей, кто именно, сказать затрудняюсь, и устроили погоню. Удалось мужчине убежать или он был убит, не помню. Во всяком случае, он захвачен не был.

Оставшиеся в санях еще один мужчина и женщина были задержаны и отправлены из Ивья в Лиду. Был ли кто убит в санях, не знаю. Повозка осталась на том берегу.

О дальнейшей судьбе этих задержанных мне ничего не известно. Являлись ли они партизанами, сказать не могу. Вскоре после случившегося из Морино мы уехали в Ивье, откуда БЕСКАНДЕРОВА отправили в госпиталь в Минск. В Ивье к нам он уже не вернулся, кто стал командиром орудийного расчета вместо него, что-то не припоминаю. БЕСКАНДЕРОВА я встречал, кажется, в Лиде при отступлении.

После этого больше его нигде не видел. Имя и отчество его я назвать не могу. В то время был он в возрасте 23–24 лет, по национальности осетин. Как попал БЕСКАНДЕРОВ в батальон, не знаю. Но в нем он начал службу раньше меня. Рост его средний, плотного телосложения, лицо продолговатое. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 42–47. Заверенная копия. Машинопись.

№ 83. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

28 мая 1973 г.

О других известных ему фактах карательной деятельности полицейских 118-го батальона свидетель Мелешко показал следующее:

В период нахождения первой роты в местечке Ивьё карателями ее были убиты около одной из деревень два партизана. Деревня та находилась не более чем в пяти километрах от Ивьё. Этот случай имел место весной 1944 года. В указанной деревне мне и полицейским приходилось бывать, и не раз. Но столкновение с партизанами было только один раз. Названий деревни не помню, располагалась она северо-восточнее Ивьё, как мне это теперь помнится, рядом с лесом. Дома стояли по обе стороны улицы. В деревню мы прибыли в первой половине дня. Мне кажется, на подводах, которые нам были предоставлены местной полицией. Откуда были подводчики, не могу сказать. На эту операцию выезжали первый взвод под моим командованием и третий взвод под командованием Пасечника. Участвовал ли в этом второй взвод, не помню. С нами был шеф рот Зац или ЗАСС.

При следовании по улице я заметил — я ехал не в числе первых, — как огородами начали убегать в лес двое партизан. Те каратели, что были впереди, открыли по убегавшим огонь из винтовок и пулеметов. <Нрзб> полицейские взвода Пасечника. Отделения Катрюка и Лакусты спешились и тоже открыли огонь по партизанам. Стрелял Лакуста. По-моему, у него в это время уже был автомат, хотя категорически утверждать не могу.

Один из партизан был убит раньше. Другой добежал до опушки и начал отстреливаться из автомата, но также был убит. Кто-то из полицейских третьего взвода забрал у второго убитого русский автомат с разбитым пулями прикладом. Автомат этот и остался в третьем взводе после того, как приклад был сделан. У первого партизана была взята винтовка. После этого все каратели возвратились в Ивьё. Двое партизан приходили в деревню или же их было больше, я не знаю.

Поздней осенью 1943 года тоже был случай, связанный с убийством партизан в какой-то деревне, куда мы выезжали из Ивьё

в составе кажется всей роты. Партизан было трое или четверо. Их обнаружил в одном из домов Филиппов, скакавший на лошади верхов впереди остальных карателей. Он и вступил в перестрелку. Подоспевшие другие каратели открыли по убегавшим огонь. Кто именно из полицейских принимал участие в этом, я не могу теперь сказать. Со слов Филиппова, партизан он обнаружил в доме, откуда они стали убегать. Кто конкретно из полицейских убил этих партизан, я сказать затрудняюсь. Я лично трупов партизан не видел, но говорили другие каратели, что партизан погибло трое или четверо. У меня в памяти все это сохранилось лишь как факт. Однако каких-либо других конкретных обстоятельств произошедших я теперь назвать не могу, не помню. По этой причине не могу сказать, как, кем и в каком месте убегавшие партизаны были убиты. О роли полицейских моего взвода, в том числе и командиров отделений, в данном случае я ничего конкретного показать не могу.

В конце августа или начале сентября 1943 года, когда первая рота дислоцировалась под Слонимом в деревне Деревная, первый взвод под моим командованием, в том числе и командиры отделений Лакуста и другие, а также второй взвод с приданным этой группе пулеметным отделением Славутенки выезжали в подводах в какую-то деревню, располагавшуюся километрах пяти от Деревной. Название деревни не помню, и в каком направлении от места нашей дислокации она находилась, тоже сказать затрудняюсь. Находясь в деревне, каратели заметили двух всадников, направлявшихся из леса в эту же деревню. Их подпустили поближе. По моей команде отделение Славутенки установило два станковых пулемета, и стали ожидать приближения. Не доехав до нас метров двести, всадники заметили нас и повернули назад. Один пулемет «максим» открыл по ним огонь. Это стрелял расчет, в который входил Лещенко — первый номер. Кто в том расчете еще состоял, не помню. Один всадник был убит, второй скрылся в лесу. Около убитого нашли пистолет. Кто его забрал, не припоминаю. Я помню, что всадников было двое. А были ли с ними пешие, сказать затрудняюсь. Это была однодневная операция. Сразу же после того, как один был убит, а второй скрылся, карательная группа возвратилась в Деревную.

Вопрос: Расскажите о карательной операции 118-го батальона в Плещеницком районе в день убийства шефа первой роты немца Вёльке.

Ответ: Это было в марте 1943 года, более точное время показать затрудняюсь. Утром командир роты Винницкий дал команду мне и командиру третьего взвода Пасечнику с личным составом обоих взводов под командованием Вёльке выехать в направлении Логойска для обеспечения безопасности при ремонте телефонной линии, которая оказалась поврежденной. В каком месте и по какой причине нарушилась связь, я не знал. Помню, что мой взвод погрузился в одну грузовую автомашину, третий — в другую. Были третья грузовая автомашина, не помню. Транспортom нас обеспечила немецкая жандармерия. Сначала первой шла автомашина, в которой был первый взвод, затем легковая, а сзади — третий взвод. В легковой на переднем месте около шофера сидел Вёльке, сзади я и пулеметчик ручного пулемета Шнайдер. В Плещеницах последний садился в автомашину эту или же в пути, не помню. Проехав километров 12–13, Вёльке дал команду шоферу обогнать первую машину и ехать впереди. Почему он так поступил, не могу сказать. Это было в метрах двухстах от того места, где по левой стороне шоссе работала группа людей на вырубке леса. От шоссе они находились примерно в 40–50 метрах. От лесорубов мы отъехали около километра, автомашина в которой ехали я, Вёльке и другие, вышла из леса. Вернее, лес кончился с правой стороны, а слева лес был. Мы спустились с горки. Неожиданно из автоматического оружия по нашей машине был открыт огонь с возвышенности, находившейся слева у дороги примерно в пятидесяти метрах. Сколько было партизан, не знаю. Машина наша остановилась. В момент нападения партизан автомашина первого взвода находилась от нас метрах в семидесяти и еще не вышла на открытую местность. Спасаясь от пуль, я и Вёльке, который уже был ранен в правую руку, выскочили направо. Шнайдер, раненый в машине, тоже оказался справа от машины, шофер, кажется, остался за рулем. Я посчитал, что он умер. Я спрятался за правым задним колесом, а Вёльке правым передним. Но он почему-то поднялся и побежал по открытой местности и тут же был убит. Шнайдер, оказавшийся за колесом, где лежал раньше Вёльке, открыл ответный огонь из своего пулемета. Но успел дать несколько очередей и был убит. Показалось, что убит и шофер из числа изменников Родины, фамилию его не знаю, <нрзб> не успел обратить внимания, как и когда ранен.

Отделение моего взвода под командованием Данько, стреляя в направлении партизан, двигалось в мою сторону по левой стороне шоссе. Метрах в тридцати от легковой автомашины Данько тоже был убит. Отделения же, которыми командовали Лакуста и Катрюк и которые ехали в составе взвода, как и Данько, со своими полицейскими, ведя бой, начали наступать слева в обход того места, откуда спускались партизаны. Вторая грузовая автомашина со взводом Пасечника осталась где-то сзади, и я ее не видел. Поэтому какие действия были предприняты полицейскими этого взвода, я не могу сказать. Когда партизаны прекратили огонь и отступили, на месте засады оказались Лакуста и Катрюк с полицейскими своих отделений, туда же ушло и отделение Данько. Затем подошел туда и я. Ни убитых, ни раненых партизан мы не нашли. Валялись только гильзы от патронов. Я, Катрюк, Лакуста и полицейские моего взвода вернулись к легковой автомашине, собрали трупы карателей. Их положили в грузовую автомашину для отправки в Плещеницы. Пасечника около нас, кажется, не было. Видимо, он со своим взводом остался дальше. Во время нападения партизан на легковую автомашину я получил легкое ранение — царапину на правом или же на левом виске. Повреждение получил или же куском разбитого стекла в автомашине, или же от пули. На месте мне была наложена повязка на голову из бинта. Был ли ранен тогда кто-нибудь из карателей кроме меня, я не помню. Но мне кажется, что кто-то из полицейских моего взвода или взвода Пасечника тоже был ранен. В какое место он получил ранение, не помню. И ранен был он в процессе боя с партизанами при нападении их на автомашину.

Подозревая лесорубов в связи с партизанами, я дал команду Лакусте и Катрюку с подчиненными им полицейскими задержать их и доставить в Плещеницы. Сам же с несколькими солдатами, по-моему, отделения Данько, двигался пешком около автомашины с трупами. Когда я с трупами приблизился к тому месту, где до этого работали лесорубы, то их уже каратели выводили на шоссе. Их вели с того именно места, где я их видел при движении с Вёльке в сторону Логойска. Я не видел, чтобы лесорубов собирали или вели с какого-либо другого места. Их было человек тридцать, а может и меньше. На шоссе лесорубов выводили полицейские под командованием Лакусты и Катрюка. Тут же на шоссе находился Пасечник со своим

взводом. Принимал ли он и его подчиненные участие в сборе лесорубов, не могу сказать. Группу лесорубов вывели на шоссе. Расстреливали ли лесорубов в момент сбора, я не могу сказать. Но здесь, в моем присутствии расправы никакой над ними не учиняли. Во всяком случае, их не расстреливали.

Посоветовавшись с Пасечником, решили всем возвращаться в Плещеницы и конвоировать туда задержанных лесорубов. Никаких указаний на этот счет из штаба батальона мы не имели, так как связи с ним не было. В конце дня, уже в Плещеницах, до меня дошел разговор, что после убийства Вёлке кто-то из связистов будто бы залез на столб и, подключив аппарат к проводам, сообщил о случившемся в Логойск в жандармерию. Так ли это было на самом деле, сказать затрудняюсь.

Конвоировать лесорубов была выделена группа карателей из первого и третьего взводов, куда вошли отделения во главе Кмита и Катрюка. Впереди под охраной шли лесорубы остальные каратели двигались сзади. Там была и одна грузовая автомашина. Где тогда находилась легковая, не помню. В момент начала движения я на грузовой автомашине (водители были не из нашего батальона, и их я не знаю) выехал вперед и уехал в Плещеницы. В кузове лежали убитые Вёлке и другие.

До моего приезда в штаб о случившемся там ничего не знали. Я доложил об этом. Остальные силы батальона были подняты по тревоге. Сразу к месту нападения партизан выехал на грузовой автомашине командир роты Винницкий и второй взвод первой роты, которым, как я теперь помню, командовал Ильчук. Вскоре за ним туда же направились третья рота, минометный взвод. Принимал ли участие в этом выезде расчет пушки, не припоминаю. Выехали также Васюра, Смовский, Кернер. На какой автомашине, не припоминаю. Я ехал вместе с Винницким на передних крыльях автомашины, впереди разместились пулеметчики с ручными пулеметами, на кабине был также установлен ручной пулемет. В кузове ехал расчет станкового пулемета из отделения Славутенки. Пулеметчиков этих теперь назвать затрудняюсь.

Со времени моего отъезда в Плещеницы и возвращения назад прошло примерно около часа. Следуя из Плещениц в сторону Логойска, примерно в пяти километрах от места боя, ближе к Плеще-

ницам, мы встретили лесорубов и конвой и остальных оставшихся карателей. Около места встречи, справа от шоссе отходила проселочная дорога. Лесорубов поставили на шоссе справа по отношению к нашей автомашине, чтобы пропустить транспорт. Наша грузовая автомашина остановилась, и из кузова стали прыгать каратели второго взвода. Была на это команда или нет, но некоторые из них, кто именно, сказать не могу, врезались в толпу лесорубов и стали избивать прикладами. Когда некоторые из них бросились бежать вправо в лес. Это сделали единицы. По ним открыли огонь из пулеметов, винтовок. Из пулеметов стреляли полицейский Иванкин — первая рота — кажется, Кнап из первой роты. Был ли кто-либо убит из убежавших, не помню. Кто из карателей стрелял из винтовок, сказать затрудняюсь. Факт тот, что здесь уже была первая рота в полном составе. Третья рота была еще в пути.

В то же время, когда стреляли по убежавшим, пулеметчик, находившейся в первой автомашине, в которой я ехал, стал расстреливать остальных лесорубов — тех, кто и не пытался бежать. Команды учинять расправу над лесорубами со стороны командиров роты или взводов или отделений я не слышал. Возможно, полицейские сделали это по своей инициативе. По-моему, стрелял и еще один пулеметчик ручного пулемета, находившийся около лесорубов. Кто это был, сказать затрудняюсь. Стрелял ли кто из винтовок или пистолетов, пояснить не могу. Кто дал команду прекратить расправу, не помню. Но такая команда была. В результате этого злодеяния было убито не менее пятнадцати лесорубов. Застали ли момент расстрела лесорубов Смовски, Кернер, Васюра, что-то не помнится. Затем Винницкий распорядился отконвоировать оставшихся в живых лесорубов. Конвойная группа значительно уменьшилась, так как оставлять в прежнем количестве ее уже не было необходимости. Кто именно стал далее сопровождать их, сколько было конвоиров, не помню. Что касается командиров отделений первого взвода, то в группе конвоиров для сопровождения лесорубов в Плещеницы уже никого из них не было. Все они после этого приняли указание о преследовании партизан.

Командиры отделений моего, первого, взвода Лакуста, Катрюк в момент расправы над лесорубами тоже находились там же. Однако принимали ли они непосредственное в ней участие, сказать не могу.

Лесорубов в Плещеницы отправили пешком, а остальные каратели, кроме конвойной группы, двинулись назад к месту засады партизан и убийства Вёлке. Когда именно прибыло командование батальона, что-то не припоминаю <нрзб>. Здесь же были и полицейские из <нрзб>, прибывшие из Плещениц или же Логойска. Прибыла ли сюда вторая рота 118-го батальона, дислоцировавшаяся в другом месте, отдельно от остальных подразделений и штаба батальона, не помню.

От места, где был убит Вёлке, все каратели двинулись влево по лесу. Причем первая рота шла крайней справа, третья — в центре, а левым флангом — эсэсовцы и жандармерия и, как мы их звали за эти формы, «черная полиция». За лесом, под возвышенностью показалась деревня. От шоссе до деревни было километров около пяти. Все каратели двигались цепью до деревни. Видно было, что оттуда стали убегать несколько человек. По команде командира роты Винницкого был открыт огонь из всех видов оружия по убегавшим и деревне. Находившейся между первой и третьей ротами расчет батальонного миномета также стрелял в ту сторону, как и каратели третьей роты. Когда убегавшие, которых мы приняли за партизан, скрылись, стрельба прекратилась. Был ли там оружейный расчет, не припоминаю.

Следуя дальше, первая рота прошла через деревню, захватив ее правый край, и зашла на возвышенность, остановилась в 500–600 метрах от населенного пункта. Третья рота зашла в деревню, заняв ее середину. Находясь на возвышенности, я видел, что остальная часть деревни уже была занята жандармерией, эсэсовцами, полицией, с которыми ушли Кернер, Смовский, Васюра.

Затем Винницкий был вызван к командованию батальона. Вскоре он прибыл в расположение роты и дал команду возвращаться в деревню и принять участие в сборе населения. Несколько человек с пулеметом были оставлены в охранении, а остальные каратели, в том числе Катрюк и Лакуста с личным составом отделений вошли в деревню. Вместе с ними был и я, но в то место, где было командование батальона, я не подходил. Выполняя приказ, командиры отделений первого взвода Лакуста и Катрюк с подчиненными им солдатами заходили в дома, выводили оттуда людей и сопровождали их в центр деревни. Лично я в этом никакого участия не принимал.

Полицейские как первой, так и третьей роты сгоняли туда же мирных граждан. Занимались этим также эсэсовцы, полиция, жандармерия. В результате все жители деревни были согнаны в сарай, стоявший в середине деревни, немного в стороне от других построек, вблизи перекрестка.

Когда все население было согнано в сарай, от Винницкого поступила команда мне как командиру взвода поставить полицейских первого взвода около сарая справа, если смотреть на ворота его. Кажется, здесь было и еще какое-то подразделение, но точно сказать этого не могу. Тут же был установлен станковый пулемет. Кто был в расчете пулемета, не помню.

Слева от сарая, по-моему, находился третий взвод, эсэсовцы, жандармы. Там тоже установили станковый пулемет. Где именно, какие позиции занял второй взвод нашей роты и каратели третьей роты, я теперь сказать затрудняюсь. Командование батальона и немцы находились где-то тоже справа. Если посмотреть на сарай, на ту часть, где были ворота, то получалось, что каратели были расставлены так, что было похоже на коридор. Я находился около своего взвода.

Вскоре деревянный сарай с людьми загорелся. Кто его поджег и кто из командного состава распорядился это сделать, я не могу сказать. Сарай был подожжен не пулями, а факелом. Люди сломали дверь и пытались бежать. По ним был открыт огонь из пулеметов, выставленных в местах, о которых я сказал выше. Стреляли также и автоматчики по убегавшим мирным жителям из автомата. Стрелял Катрюк, я видел это сам, а также расстреливали их из автомата те каратели, которые находились на другом фланге, но кто именно, сказать не могу, также как и не могу сказать, кто там вел пулеметный огонь. Одновременно с тем, как огонь был открыт по людям, которые пытались выскочить из сарая, те же каратели стреляли по людям, находившимся в нем. Пытавшиеся спастись тут же падали, подкошенные пулями. Таких, кто хотел выскочить из сарая, было несколько человек. Все же остальные люди находились в нем. Огонь по сараю вели из пулеметов, автоматов, винтовок.

Крики обреченных и стрельба смешались в общий шум. Я не видел, чтобы кому-либо из жителей удалось спастись. Эта зверская расправа над безоружными, мирными жителями длилась недолго.

Сарай, где находились они, быстро горел. В огне и от пуль полицейских погибло там не менее ста человек.

Ушли каратели с места расправы лишь после того, как стало ясно, что ни один из загнанных в сарай людей в живых не останется.

Кто конкретно, кроме Катрюка, расстреливал людей, стреляли их Лакуста, сказать затрудняюсь.

После совершенного злодеяния первая рота, в том числе и я, пошла к шоссе. Третья рота и остальная часть карателей еще заходили в деревню, забирали имущество, продукты. Затем и они ушли оттуда. Третья рот нас догнала на шоссе. И все мы двинулись в Плещеницы. Эсэсовцы уехали где-то другой стороной. В пути следования в Плещеницы лесорубов, отправленных туда, я нигде не видел.

Операцией по уничтожению жителей деревни руководили Кернер и командир подразделения СС из Логойска, немец.

Во время стрельбы по деревне и по убегавшим партизанам, которую каратели вели при наступлении еще до сожжения людей, была убита партизанка. Обнаружили ее труп полицейские первой роты. Кто-то из карателей забрал у нее пистолет и якобы патроны. Об этом мне стало позже известно со слов сослуживцев по батальону.

Поджигались ли карателями постройки в этой деревне, сказать затрудняюсь.

Задержанные и доставленные в Плещеницы лесорубы были сданы в жандармерию. О дальнейшей их судьбе я ничего не знаю. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 48–64. Заверенная копия. Рукопись.

№ 84. Из протокола допроса И.Л. Петричука

г. Гродно

31 мая 1973 г.

[...] В частности, я припоминаю карательную операцию, во время которой была уничтожена одна деревня вместе с ее жителями в Плещеницком районе Минской области. Названия деревни я не помню. Возможно, что и ранее не знал, как она называлась. В этой операции приходилось участвовать и лично мне. По времени операция происходила в один день. Было это примерно в марте 1943 года, вскоре после того, как наш взвод третьей роты переехал из Логойска в Плещеницы. Это была первая операция, на которую я выезжал из Плещениц. Запомнилась мне данная операция еще и потому, что в тот день с утра был убит партизанами из засады шеф первой роты нашего батальона гауптман Вельке. Куда и с какой целью выезжал тогда Вельке, мне не известно. Из имевшихся в то время разговоров в батальоне знаю, что он из Плещениц следовал по шоссе на дороге в сторону Логойска в сопровождении группы полицейских первой роты и примерно в 5–7 километрах от Горбатого моста по направлению к Логойску наскочил на засаду партизан. Когда Вельке был убит, то об этом было сообщено в штаб батальона, и сразу же по тревоге выбыли к тому месту все подразделения нашего батальона. В частности, выбыли вся третья рота, находившиеся в расположении батальона полицейские первой роты, командиры рот Нарядько и Винницкий, командир батальона Смowskiй и примерно человек 8 немцев из нашего батальона, в том числе майор Кернер и оберлейтенант Герман. Я видел, как в числе первых выехали на легковых автомашинах по шоссе в сторону Логойска Кернер, Смowskiй, Герман, Винницкий, Нарядько, переводчик Лукович и кто-то еще из немцев. Минометы и станковые пулеметы отправлены на повозках. Остальные каратели, в том числе и я, двигались пешком. Шли мы по шоссе на Плещеницы — Логойск. Проходили Горбатый мост, где в то время стоял караульный пост нашего батальона. Как мне помнится, в карауле у Горбатого моста находилось отделение Козловского Андрея из третьей роты. Миновав Горбатый мост, мы прошли по шоссе на некоторое расстояние, а потом

стали прочесывать лес по левую сторону дороги, если смотреть по ходу нашего движения. Встречных автомашин с немцами или полицейскими нашего батальона на своем пути я не видел. Пройдя некоторое расстояние по лесу, мы прибыли в тот район, где был убит гауптман Вельке. Там уже находились тогда Кернер, Смовский, Герман, Винницкий, Нарядько, переводчик Лукович и другие полицейские из первой роты. Видел я в том районе и вырубленный лес со стороны от шоссе. Из гражданского населения там никого не видел. По дороге стояли грузовые автомашины нашего батальона. Их было три или четыре. На этих автомашинах полицейские первой роты сопровождали гауптмана Вельке. Были там и легковые автомашины, на которых приехали Кернер, Смовский и другие офицеры. Где находилась в то время легковая автомашина Вельке и его шофер, я не помню. Труп Вельке, а также убитых вместе с ним полицейских из первой роты были доставлены в Плещеницы на грузовой автомашине перед объявлением тревоги. Они были доставлены полицейскими первой роты, однако кем конкретно, сейчас не помню. Грузовая автомашина, доставившая убитых, снова ушла по направлению Логойска. На ней уехало какое-то подразделение карателей. Однако кто именно уехал на этой автомашине за давностью времени, не помню.

Вспомнил я сейчас, что в нескольких метрах от того места, где был убит гауптман Вельке, находилась деревня Губа. Это была небольшая деревушка. Она стояла на горке при шоссе. Название деревни Губа я знал в период войны, так как мне часто приходилось проезжать мимо нее, выезжая в Плещеницы, когда наш взвод стоял в Логойске. Расстреливались ли тогда карателями мирные граждане на шоссе между Горбатым мостом и деревней Губа, а также в лесу, где лежал вырубленный лес, мне не известно. Убитых людей при проческе леса и у дороги от Горбатого моста по направлению Логойска я не видел.

После того, как третья рота прибыла в район деревни Губы, вскоре туда приехали со стороны Логойска эсэсовцы. Их было приблизительно 60–70 человек. Приехали эсэсовцы на автомашинах и мотоциклах. Когда они приехали, то я в то время находился в числе других полицейских на шоссе. Видел, что у них была одна грузовая автомашина, одна или две легковых автомашины и примерно до ше-

сти мотоциклов с колясками. Все находившиеся там подразделения карателей 118-го батальона и эсэсовцев, после согласования плана действий, двинулись цепью по лесу в левую сторону от шоссе на Логойск — Плещеницы — Логойск, если смотреть, следуя из Плещениц на Логойск. Цель была прочесать лес и преследовать партизан, которые якобы ушли в восточном направлении после обстрела полицейских нашего батальона на шоссе. Подразделения карателей в самом начале распределились следующим образом: с левого фланга по ходу движения эсэсовцы, с правого фланга шла третья рота под командованием Нарядьки, а посередине двигались первая рота под командованием Винницкого, майор Кернер, Смовский, переводчик Лукович и немцы из нашего батальона. По лесной просеке за нами ехали повозки со станковыми пулеметами и минометами. Двигались по лесу медленно. На своем пути ни партизан, ни мирного населения я не встречал. Не слышно было, чтобы и на других участках цепи карателей кто-либо встречался в лесу. Прошли лесом примерно 5–6 километров и вышли затем к одной деревне. Между опушкой леса, куда мы вышли, и деревней имелось поле. Как только вышли на опушку леса, то от Смовского и его шефа Кернера поступила команда оцепить деревню со всех сторон. Эта команда передавалась по цепи во все подразделения. Получив такую команду, третья рота пошла в оцепление деревни с одной стороны, кажется, с правой по ходу движения, а эсэсовцы стали окружать ее с левой стороны. Каратели первой роты становились в оцепление между нашей ротой и эсэсовцами, устанавливая на опушке леса минометы и станковые пулеметы. Когда мы заходили лесом, чтобы оцепить деревню, то в это время другие каратели нашего батальона открыли огонь по деревне из пулеметов и минометов. Были ли в деревне партизаны, и убежал ли кто-либо из деревни, когда каратели открыли по ней огонь, я не видел. После прекращения огня по деревне третья рота и эсэсовцы сомкнули цепь. В составе третьей роты я со своим отделением также находился в оцеплении деревни. Местные жители этой деревни находились тогда дома. Это было видно из оцепления, так как люди выходили из домов, переходили из одного дома в другой. Деревня была небольшой, с одной улицей. Дома были разбросаны. В оцеплении я находился со своим отделением примерно в 60 метрах от края деревни. Когда деревня была окружена, то я видел с поста

оцепления, как в саму деревню пошли многие каратели 118-го батальона и из подразделения эсэсовцев. Пошли в деревню как командиры, так и многие рядовые полицейские нашего батальона. В частности, я видел как ушли в деревню командир третьей роты Нарядько, командир первой роты Винницкий, командир батальона Смовский, майор Кернер, обер-лейтенант Герман, переводчик Лукович, командир взвода первой роты Пасечник, каратели из первой роты Панкив, Лакуста, Катрюк, Слижук Иван, командир взвода третьей роты Гнатенко и многие другие. Видел я также, как в деревню катили станковый пулемет из первой роты. Кто конкретно из карателей катил этот пулемет в деревню, сейчас не помню. Вскоре, находившиеся там каратели стали сгонять всех жителей деревни в одно место на улице. Сгоняли всех, кто был дома, в том числе женщин, детей и стариков. Потом собранных людей каратели загнали в сарай и заперли там. Сарай этот находился примерно на середине деревни. К сараю был подкачен кем-то из карателей первой роты станковый пулемет. Находились в то время у сарая Смовский, Кернер, Винницкий, Нарядько, Герман, Лукович, Лакуста, Катрюк, Думич и другие. Видел я также в числе этих карателей и полицейского из первой роты Кнапа. Находились у сарая и эсэсовцы в зеленых шинелях. Ближе к сараю я лично не подходил, так как не имел на это разрешения. Мне и моему отделению было приказано находиться на посту оцепления и я не мог уходить с поста. Расстояние от моего поста до сарая, в который загонялись мирные люди, было примерно 250 метров. На таком примерно расстоянии я рассмотрел Смовского, Кернера, Винницкого, Германа, Нарядько, Луковича, Лакусту, Катрюка, Думича и Кнапа среди карателей, находившихся у сарая. Находившимися там карателями и был открыт по сараю с людьми огонь. Помню, что по сараю велась стрельба из станкового пулемета длинными очередями. Раздавались как будто и взрывы гранат у сарая или дальше сарая в деревне. Почти одновременно, как была открыта стрельба, загорелся сарай с людьми. Обреченные на гибель люди стали кричать. Крики разносились по всей деревне. Каратели, не прекращая огня из пулемета, расстреливали людей в сарае. Возможно, стреляли по сараю с людьми каратели и из другого оружия, но из-за очередей станкового пулемета трудно было мне определить. Когда люди были расстреляны и сожжены вместе

с сараем, то каратели нашего батальона и эсэсовцы занялись грабежом имущества. Погрузив на подводы награбленное имущество, перед отъездом каратели подожгли все дома и надворные постройки. Кто из карателей поджигал дома, я сейчас не помню. На посту оцепления я находился до того времени, когда была подожжена вся деревня и все каратели собрались к отъезду. Перед моим отделением стояла задача не выпускать никого из деревни на своем участке оцепления и не допускать проникновения партизан в деревню. На участке моего отделения из деревни никто не бежал. Не наступали и партизаны на деревню в том направлении. Кто конкретно из карателей стрелял по сараю с людьми в деревне, я сам не мог определить на том расстоянии, на котором находился от места расстрела. Но когда возвратились в этот день в Плещеницы, то командир взвода роты, Гнатенко Дмитрий и кто-то еще из полицейских первой роты, находившиеся у места расстрела людей, рассказывали мне и другим сослуживцам, что по сараю с людьми стреляли обер-лейтенант Герман, Лакуста, Катрюк, переводчик Лукович и некоторые другие каратели из 118-го батальона и из подразделения эсэсовцев. Они также рассказывали, что командир батальона Смовский расстрелял из пистолета ребенка пяти-шестилетнего возраста, который вылез из горящего сарая из-под ворот и пытался бежать. Это я хорошо помню. Сколько всего людей было уничтожено в этой деревне, я не могу сказать, так как, пожалуй, никто из карателей не занимался подсчетами своих жертв. Видел, что в сарай сгоняли каратели большое количество людей, в том числе женщин и детей. Как называлась деревня, я не могу вспомнить. Был я в ней только один раз, во время этой операции. Помню, что находилась она в 5–7 километрах от шоссе-сейной дороги Плещеницы — Логойск и деревни Губы в восточном направлении. Выезжал ли на эту операцию начальник нашего штаба батальона Васюра, я не помню. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 11. Л. 133–138. Заверенная копия. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 88–91.

№ 85. Из протокола допроса С.П. Мышака

г. Гродно

23 июля 1973 г.

[...] В феврале-марте 1943 г., месяц точно не помню, но еще лежал снег, один или два взвода, хорошо не помню, сопровождали выехавшего на легковой автомашине или проверять телефонную связь или в Логойск немецкого офицера в звании гауптман по фамилии Вельке. Взводы выехали на грузовых автомашинах. Какие взводы выезжали, не помню. Хорошо помню, что с гауптманом выезжал, а может и командовал, выехавшей группой полицейских лейтенант Мелешко Василий. Они ехали по шоссе в сторону Минска. Километрах в 6–7 за Гобратым мостом они были обстреляны партизанами из засады, а Вельке, еще одного немца, пулеметчика ручного пулемета, фамилию его забыл, партизаны убили. Шоферу легковой автомашины осколками разбитого лобового стекла поцарапало лицо. Легко ранили Мелешко. Я с ними не выезжал, обстоятельств обстрела Вельке и сопровождавших его полицейских, а также поведения полицейских в момент и после обстрела не знаю. Помню, что в расположение кто-то приехал на грузовой автомашине и сообщил, что партизаны обстреляли выехавшие взводы и убили Вельке. В связи с этим все находившиеся в поселке Плещеницы подразделения 118-го батальона были подняты по тревоге и на прибывших из жандармерии 4 автомашинах выехали к месту боя. В составе 3-й роты выезжал туда и я. Ехал я на второй автомашине. Полицейские разместились на машинах не по подразделениям, а кто на какую сел. Со мной на одной автомашине, помню, ехали Солоп Сергей, Шумейко, Котов, Субботин Георгий, Шульга. Других не помню. На первой автомашине ехали Билык, Сторожук, Гнатенко, рядовые Хачатурян, Абдуллаев, Набережный, Филиппов и другие, которых сейчас не помню.

Проехав Горбатый мост, примерно по середине пути от Горбатого моста до места засады, мы встретили группу гражданских лиц в окружении полицейских, выезжавших сопровождать Вельке. Лакуста, Катрюк шли с конвоем. Мелешко сзади ехал в кузове грузовой автомашины и стоял за установленным на кабине ручным пулеме-

том. При подъезде нашей колонны к этому шествию, гражданские лица стали разбегаться кто куда, в лес. Мелешко начал расстреливать их в упор из ручного пулемета. Стрелял по убежавшим из автомата и Лакуста. По убежавшим открыли огонь и остальные конвоиры. Присоединились к ним соскочившие из автомашины Субботин Георгий, Солоп Сергей, Шумейко. Стреляли и другие соскочившие из машины, но я всех не запомнил. Я тоже соскочил с машины, но по убежавшим не стрелял. Я лично видел, как Нарядько из пистолета добил раненого. В конечном итоге много гражданских было убито. Возможно, некоторым удалось бежать. Когда эта кровавая расправа с невооруженными гражданскими лицами окончилась, мы, в том числе и группа Мелешко, поехали дальше к месту обстрела партизанами группы Вельке. Прибывшие с нами местные полицейские оставшихся в живых гражданских повели в Плещеницы. Им было придано и несколько наших полицейских, но кто, не помню. Убито было около 15–20 человек, столько же примерно осталось в живых. Убитых и оставшихся в живых я не считал и точно их количество назвать не могу. Позже со слов сослуживцев я узнал, что гражданские лица работали в лесу недалеко от места обстрела партизанами группы Вельке, их задержали полицейские из сопровождавших Вельке взводов 1-й роты нашего батальона. Оставшихся в живых лесорубов, как мне кто-то говорил, отпустили по домам, так как не была установлена их принадлежность к партизанам. Расстрел лесорубов был произведен прямо на шоссе и в кювете. Лесорубы стали разбегаться и по ним был открыт огонь в упор со всех видов оружия. Поэтому немногим удалось сбежать в кювет.

Когда мы прибыли к месту боя, там стояли автомашины и мотоциклы прибывших из Логойска эсэсовцев. Наших там никого не было. Рассыпавшись в цепь, все каратели пошли прочесывать лес, левую сторону шоссе, если ехать со стороны Плещениц. Расположение карателей в цепи не помню. Я лично шел с первым или вторым взводом третьей роты. По лесу прошли километров 5–6. Вышли к селу, которое стояло поперек нашему движению. Во время движения к селу я слышал несколько выстрелов, однако, кто и по ком стрелял, не знаю, убежавших из села людей не видел. Каратели село оцепили со всех сторон. Командир первого взвода третьей роты, его фамилия якобы Гнатенко, провел третью роту через село

на противоположную сторону под лес, приказал рассредоточиться в цепь и никого не выпускать из села и не пускать в село. В случае, если кто попытается бежать — стрелять. Названия села — не знаю, но на местности смогу его показать. Командир 3-й роты Нарядько остался с группой офицеров в центре села около сарая. Я помню, что около сарая стояли Смowskiй, Васюра, Винницкий, Мелешко, Нарядько, Билык, Лукович. К ним потом ушел Гнатенко. Недалеко от офицеров стояла первая рота нашего батальона.

Находясь в оцеплении в 30–50 метрах от села в центральной его части, я хорошо слышал крики и плач женщин, детей. Видел, как прибывшие из Логойска эсэсовцы сгоняли жителей села к сараю. Хорошо видел, что по селу ходили полицейские 118-го батальона Солоп Сергей, Филиппов, Катрюк. Ходили и другие, но сейчас не помню кто. С моего места видно было только, как людей гнали к сараю. Сам сарай закрывался домами и не видно было, что делается около него. Я слышал в ближайшем доме крик ребенка. Стоявшему рядом со мной полицейскому, фамилии его не помню, предложил пойти вместе со мной в дом и посмотреть, что там происходит. В это время в конце села со стороны Плещениц загорелось несколько домов. Мы поняли, что деревню будут сжигать. Когда я и стоявший рядом со мной полицейский вошли в дом, из которого слышен был крик ребенка, то увидели на кровати молодую женщину с прижатым к груди младенцем. Она нас сильно испугалась, стала громко кричать, просила не убивать ее. Я сказал, чтобы она перестала реветь, она показала, где у них погреб. Она не понимала нас, видимо, подумала, что мы пришли грабить, потом сказала, что погреб в сениях. Я предложил ей взять тряпки, одеяло и спуститься в погреб с ребенком. У нас не было времени, потому мы подтолкнули ее, спустили в погреб, набросали туда тряпок, подали ведро с водой и порекомендовали замотать тряпками себе и ребенку голову, обливаясь водой, если будет гореть дом. Закрыв люк погреба, мы вышли на улицу. Увидели двигавшихся в нашу сторону Катрюка с ручным пулеметом чешского производства и Филиппова с автоматом. Они шли с конца села в центр. Мы возвратились на свое место в оцепление. Отсюда я увидел, что сарай, к которому сгоняли людей, загорелся. Сразу около сарая раздалась пулеметная, винтовочная и пистолетная стрельба. Криков людей я не слышал. Возможно, они

и были, но их заглушала сильная стрельба. Кто стрелял по сараю, не видел. Но когда мы проходили за село, то я видел около сарая стояла первая рота. В оцеплении села полицейских первой роты я не видел. Тогда же около сарая я видел командиров Смовского, Васюру, Винницкого, Мелешко, Нарядько, Билька. Вскоре нас сняли с оцепления и мы проходили возле горевшего сарая. Сарай догорал. Видно было, что крыша упала внутрь сарая. Криков и стонов из сарая слышно не было. Около сарая никто уже не стоял, только мимо проходили стоявшие в оцеплении полицейские. Названные выше офицеры стояли на опушке леса. Первая рота находилась около леса и поджидала нас. Все село уже было объято пламенем. Горели все дома и надворные постройки. Кто поджигал дома, сказать не могу, не видел. Все полицейские 118-го батальона возвратились на шоссе к автомашинам и уехали в поселок Плещеницы. Эсэсовцы уехали в сторону Логойска. В то время я уже хорошо разбирался в особенностях выстрелов из разного вида оружия, поэтому хорошо разобрал, что около сарая стреляли из станковых и ручных пулеметов, автоматов, винтовок и даже были слышны пистолетные выстрелы. Хотя мне и не было видно, что делалось около сарая, но операция эта закончилась тем, что всех жителей села, в том числе женщин, стариков, детей, загнали в сарай и сожгли живых, а тех, кто пытался выбраться из пламени — расстреливали. Село полностью сожгли. Результаты этой карательной операции известны каждому, кто в ней участвовал. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 2. Л. 198, 200–204, 212.
Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия
и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 93–95.*

№ 86. Из протокола допроса Т.П. Топчего

г. Гродно

25 июля 1973 г.

[...] 118-й украинский полицейский батальон, в котором я служил, занимался на территории Белоруссии карательной деятельностью. Батальон проводил карательные операции против партизан и мирного населения, проживавшего в зонах действия партизан. Выезжал батальон на карательные операции иногда в полном составе, а иногда отдельными подразделениями. По периоду службы в 118-м полицейском батальоне я знаю ряд операций, предпринимавших батальоном по борьбе с партизанами и уничтожению мирного населения.

В частности, когда мы находились в поселке Плещеницы, то с участием двух рот — первой и третьей 118-го батальона и подразделения эсэсовцев в марте 1943 года была уничтожена деревня Хатынь, по тому времени Плещеницкого района Минской области, вместе с ее жителями. Название деревни Хатынь я запомнил с периода войны. Находилась она приблизительно в 15–16 километрах в южном направлении от Плещениц и в 5–6 километрах с левой стороны от шоссеиной дороги Плещеницы — Логойск, если смотреть, следуя из Плещениц на Логойск. Я был очевидцем уничтожения Хатыни, так как в составе первой роты 118-го батальона мне приходилось выезжать на эту операцию. Это была одна из первых операций с моим участием в Плещеницком районе. Запомнилась мне данная операция еще и потому, что в тот день с утра партизанами был убит шеф первой роты нашего батальона немец Вельке в звании гауптмана. Куда и с какой целью он выезжал тогда, мне не известно. Из имевшихся в то время разговоров в батальоне я знаю, что Вельке в сопровождении группы полицейских первого и третьего взводов первой роты, которым придавался и выезжал вместе с ними одни расчет станкового пулемета из четвертого взвода, на легковой и трех грузовых автомашинах следовали из Плещениц по шоссеиной дороге в сторону Логойска. Примерно в 5–7 километрах от Горбатого моста по направлению Логойска возле деревни Большая Губа они наскочили на засаду партизан и были партизанами убиты гауптман

Вельке, командир отделения украинец Данько, пулеметчик ручного пулемета Шнайдер и еще один рядовой полицейский, фамилию которого затрудняюсь вспомнить. Командир первого взвода Мелешко Василий и шофер легковой автомашины Хоптенец получили легкие ранения.

Когда Вельке и другие полицейские были убиты, то об этом вскоре стало известно в штабе нашего батальона. В связи с этим в батальоне была объявлена тревога и в спешном порядке выбыли к тому месту все другие подразделения 118-го батальона, находившиеся в Плещеницах. В частности, выбыла третья рота под командованием Нарядьки, второй и четвертый взводы первой роты, а также командир роты Винницкий, начальник штаба Васюра Григорий, командир батальона Смовский и примерно до 10 человек немцев из 118-го батальона, в том числе майор Кернер. Некоторые из командиров и Кернер выехали на легковой автомашине. Полицейские первой роты и возможно некоторые из третьей роты выехали на двух или трех грузовых автомашинах. Где были взяты эти автомашины, я не знаю. Кем-то из командиров была дана команда погрузить на автомашины станковые пулеметы, и мы это сделали. На одну из грузовых автомашин мы погрузили свой станковый пулемет и всем расчетом, в который входили Щербань Семен, Поляков Павел, Строкач Иван и я, в числе других полицейских выехали из Плещениц в район деревни Большая Губа. Название этой деревни я помню с периода войны. Вместе с нами на одной автомашине, насколько помню, ехали пулеметчик ручного пулемета Гурский Николай, Власенко Андрей и другие полицейские. Наша автомашина выехала из Плещениц и двигалась по шоссе, кажется, второй. На первой автомашине ехали, насколько помню, Ильчук Гора, Кнап Остап — первый номер ручного пулемета, Заяц Василий, являвшийся вторым номером у Кнапа, Звирь Николай, Лещенко Василий, Ваврин Павел, Дякун Михаил, Ныкля Дмитрий и другие полицейские.

Командир нашего взвода Славутенко Михаил вместе с расчетом станкового пулемета выехал из Плещениц с утра сопровождать гауптмана Вельке, вместе с ним выезжали тогда первый номер станкового пулемета Кремлев Павел, Титоренко Григорий и еще двое полицейских из их расчетов. Вторая рота, насколько я помню, к тому времени еще не возвратилась в батальон и в поселке Плеще-

ницы ее тогда не было. О том, чтобы выезжали тогда полицейские Плещеницкой районной полиции, я этого не знаю. Я лично никого из полицейских в черных шинелях с нами не видел.

Когда мы проехали после Горбатого моста некоторое расстояние, то на шоссейной дороге в лесу мы встретили группу людей в гражданской одежде, которых тогда называли лесорубами. Возле них находились полицейские из первого взвода, из которых я помню Лакусту Григория, Пыпу Николая и Дзебу Петра. Всего было примерно человек 10–12 полицейских. Остальных полицейских по фамилии не помню. На несколько минут раньше нас подъехали к группе задержанных лесорубов полицейские, следовавшие на первой грузовой автомашине. Когда наша автомашина подъехала вплотную к первой и остановилась, то была дана команда выгружаться. Выгружались в то время и полицейские из первой автомашины. Когда мы выгружались, то в то время раздались крики со стороны задержанных лесорубов. Это полицейские начали прикладами винтовок избивать лесорубов. Я лично видел как лесорубов избивали один полицейский высокого роста из первого взвода, фамилию его сейчас затрудняюсь вспомнить, и Ваврин Павел из расчета станкового пулемета, который прибыл на первой автомашине. Полицейские ругались на лесорубов и беспощадно их избивали прикладами винтовок. Некоторые лесорубы стали затем разбегаться по сторонам, но полицейские открыли по ним огонь и часть убежавших убили. Я видел как люди падали на землю, скошенные огнем полицейских. Сколько всего человек было убито на бегу, затрудняюсь сказать. Я видел как были убиты недалеко от дороги четыре или пять человек. Два человека, как я помню, убежали. Полицейские вели по ним огонь, но не попадали и убежавшие смогли уйти на большое расстояние. Поэтому я считаю, что им удалось убежать. В числе полицейских, стрелявших по убежавшим лесорубам, я видел Лакусту Григория, Пыпу Николая и Ваврина Павла. Стреляли по убежавшим и из ручных пулеметов, но кто именно из полицейских, я сейчас не помню. У Лакусты Григория был тогда на вооружении карабин, и он стрелял по людям из карабина. Это я хорошо помню. Те лесорубы, которые не пытались бежать, продолжали стоять на шоссе. Ложили ли их полицейские на дорогу и расстреливали ли лесорубов в лежачем положении, я не могу сказать, не видел. С того места я в числе дру-

гих полицейских пошел лесом по направлению к деревне Большая Губа. Шли мы цепью и прочесывали лес. При этом тянули на себе станковый пулемет. Прочесывали лес по левую сторону от шоссе с правой стороны примерно с полчаса, а может быть и больше. Затем мы вышли на бугор недалеко от деревни Большая Губа, где встретились с полицейскими своего батальона и кто-то из командиров, кто именно, не помню, нам сказал, что наш пулеметный расчет должен следовать в направлении деревни Хатынь и догнать первую роту. Нам было сказано, что первая рота вместе с третьей ротой и подразделением эсэсовцев, прибывших на мотоциклах и автомашинах из Логойска, только что двинулись лесом в сторону Хатыни в целях преследования партизан. Вскоре мы догнали свою роту и вместе двигались на Хатынь. По пути в лесу я видел тогда командира первого взвода Мелешко Василия, у которого было обвязано лицо белой тряпкой, а точнее лобная часть головы. Двигаясь по лесу в сторону Хатыни, все подразделения нашего батальона и эсэсовцев составляли единую цепь. Шли только в одном направлении. Затем вышли на опушку леса, за которым было открытое пространство и, примерно в 300–400 метрах от опушки леса, находилась деревня Хатынь. Дома ее были как бы разбросаны в одну линию. С одного конца деревни, насколько помню, со стороны Логойска дома стояли в низине, а с другого конца, со стороны Плещениц дома находились на возвышенности.

Вскоре, как вышли на опушку леса, деревню Хатынь стали брать в окружение. С одной стороны ушли эсэсовцы, а с другой — полицейские третьей роты. Оба эти подразделения пошли в обход деревни, а первая рота затем, враспынную, пошла прямо по полю, в деревню. Когда эсэсовцы и полицейские третьей роты обошли деревню и сомкнулись, то наша рота замкнула цепь между ними с противоположной стороны. Находясь на опушке леса, когда окружалась Хатынь, я видел, как из деревни в противоположную сторону от нас начали убегать люди по два, по три человека. В это время подбежал к нашему пулеметному расчету командир взвода Славутенко и приказал открыть огонь из пулемета по убежавшим. Первый номер расчета Щербань Семен залег за станковый пулемет и начал стрелять, но поскольку не был установлен правильно прицел в пулемете, то пули ложились поблизости от нас. Это заметили находившиеся

поблизости командиры взводов Мелешко Василий и Славутенко Михаил. Они подбежали к нам и начали ругаться. Затем вместо Щербаня и меня залегли за пулемет Мелешко и Славутенко. Первый из них поставил правильно прицел и дал очередь из пулемета по убежавшим людям, а второй направлял ленту с патронами. Был ли кто-либо из убежавших убит, я затрудняюсь сказать, так как было это на большом расстоянии, приблизительно, на расстоянии до 700–800 метров. После этого Мелешко, Славутенко в числе многих других полицейских ушли в деревню. Наш пулеметный расчет был оставлен на прежнем месте на опушке леса с задачей не выпустить никого из деревни и предотвращать возможное нападение партизан из леса. Где находились другие станковые пулеметы, не знаю. Поблизости с нами их не было. Вместе со мной на посту находились Щербань Семен, Поляков Павел и Строкач Иван. На определенном расстоянии были в оцеплении деревни и другие полицейские первой и третьей рот, но кто конкретно я сейчас не помню. Когда были на посту, то я видел, что в самой деревне находились не только полицейские нашего батальона, а и эсэсовцы в маскировочных халатах. Вскоре в деревне начали гореть дома вместе с надворными постройками. Раздавалась стрельба из автоматического оружия и одиночные выстрелы в деревне. По обстановке было всем ясно, что в деревне идет расправа с мирным населением, однако, из нашего расчета никому не приходилось уходить в деревню. Находились мы на посту до самого конца и были примерно в 300–400 метрах от края деревни. На нашем участке оцепления из деревни никто не бежал и со стороны леса партизаны не наступали.

Когда мы возвращались из Хатыни в Плещеницы, то Швейко Юрий и еще кто-то из полицейских первой роты, кто именно еще, не помню, которые находились в самой деревне, рассказывали мне и, возможно, другим из расчета станкового пулемета Щербаня о том, что полицейские 118-го батальона и эсэсовцы всех местных жителей Хатыни загнали в один сарай и расстреляли. Тот сарай вместе с трупами и, возможно, некоторыми еще живыми людьми сожгли. В числе других полицейских 118-го батальона и эсэсовцев, находившихся у сарая и расстреливавших жителей деревни, Швейко и другие сослуживцы называли Иванкива Ивана и Темечко Михаила, оба они были из первого взвода Мелешки. При этом говорили, что Иванкив

расстреливал людей из ручного пулемета, а Темечко — из десятизарядной винтовки. Когда мы возвращались из Хатыни, то по дороге я видел Темечко Михаила с десятизарядной винтовкой, Лакусту Григория, Иванкива Ивана с ручным пулеметом, Филиппова Василия с автоматом, Кнапа Остапа с ручным пулеметом, Лозинского Ивана, Курку, Катрюка Владимира, Ильчука, Панкива, Лещенко Василия и его расчет. Многие из полицейских 118-го батальона везли из Хатыни награбленное имущество, гнали скот. По прибытии из Хатыни на шоссе на дорогу Плещеницы — Логойск в районе деревни Большая Губа я видел майора Кернера и рядом с ним стояли Смовский, начальник штаба батальона Васюра и командир первой роты Винницкий. В то время к ним подбежала какая-то женщина в крестьянской одежде и о чем-то с ними говорила. Я был от них на близком расстоянии и понял, что женщина что-то просила у них. С того места наш батальон уехал в Плещеницы. Эсэсовцы уехали в направлении Логойска. Сколько точно было мотоциклов и автомашин у эсэсовцев, я затрудняюсь сказать, не помню.

По прибытии из Хатыни в Плещеницы на второй или третий день кто-то из моих сослуживцев, кто именно не помню, рассказывал мне о том, что оставшихся в живых лесорубов полицейские Дзеба Петр и другие доставили в Плещеницкий гарнизон и сдали якобы немецкой жандармерии. Было выяснено, что задержанные лесорубы не имели связи с партизанами, и их отпустили домой.

Хочу дополнить, что на карательную операцию по уничтожению деревни Хатынь выезжал еще пулеметчик ручного пулемета из третьего взвода первой роты Сахно. В чем выражались конкретные его действия в Хатыни, я не знаю. Вместе со мной в оцеплении его не было. Я только видел его, когда мы возвращались из Хатыни в Плещеницы. Помню, что в 118-м батальоне его называли по кличке «Махно». [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 2. Л. 174–181. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 99–102.

№ 87. Из протокола допроса Н.А. Франчука

г. Гродно

26 июля 1973 г.

[...] В последних числах января 1943 года я получил задание со взводом проверить окраины Плещениц и выяснить у населения, давно ли были партизаны. Со взводом следовало два немца майстра (унтер-офицеры полиции) и работник штаба, владеющий немецким языком ЛЮТЫК. По выходе из Плещениц впереди услышали стрельбу, которая вскорости (через 5–7 минут) прекратилась, и с той стороны (со стороны стрельбы) проследовали две или три подводы с полицейскими и женщинами, празднично одетыми, которые сказали, что впереди партизаны, очень много, убили старосту и заместителя коменданта полиции. С со³⁰ взводом занял оборону, а со следовавшими подводами в Плещеницы послал с донесением своего ординара САВЧЕНКО Николая, замещавшего ординарца САЛАТУ, который находился в отпуске. Примерно через час прибыли взвод МЕЛЕШКО, ПАСЕЧНИКА, пулеметный взвод СЛАВУТЕНКО, артминвзвод БИЛЫКА, начальник штаба ВАСЮРА, переводчик ЛУКОВИЧ, шеф 1-й роты Вельке, жандармерия и несколько полицейских с Плещеницкой полиции. По команде командира роты ВИННИЦКОГО мой взвод пошел справа лесом с задачей выйти в деревню Хатаевичи на ее конец, взвод Пасечника с той же задачей слева, взвод МЕЛЕШКО, артвзвод БИЛЫКА, жандармерия прямо в деревню Хатаевичи. На пути взвода ничего не произошло и взвод прибыл в деревню, следом прибыл взвод Пасечника приведя уже связанных двух мужчин, которые якобы убегали или готовили дрова, этих мужчин, избитых по дороге в Плещеницы, расстрелял КАТРЮК и ЛЮТЫК. По прибытии в деревню уже были арестованы якобы по указке старосты 6–7 человек уже связанных, которым при помощи ЛУКОВИЧА вели допрос, а после допроса двоих расстрелял КМИТ и ЛУКОВИЧ, убитых бросили в сарай и сарай и несколько домов сожгли. Зажигали дома из моего взвода ИВАЩЕНКО, со взвода ПАСЕЧНИКА уже не помню кто. К вечеру

³⁰ Так в тексте.

вернулись в Плещеницы, привезя с собой арестованных, которых забрала жандармерия.

В этих же днях из Логойска прибыла 3-я рота в полном составе и расположилась в школе рядом с бывшими казармами пограничной заставы.

В феврале 1943 года мой взвод со взводом Пасечника с тремя немцами майстрами (унтерофицерами полиции) с представителем штаба переводчиком ЛУКОВИЧ и ЛЮТЫК вышли из Плещениц с заданиями пройти в деревне Барсуки, опросить население о партизанах и возвратиться в Плещеницы. Уже в деревне Барсуки, после опроса населения командиром отделения СЕМЕНЮК и полицейским ЖИЛО, был приведен гражданин, при обыске которого найден был медальон младшего командира КА и ОА³¹, якобы прибыл из Минска обменять продуктов, жители его не знали. Человека задержанного расстрелял ЛЮТЫК с ЛУКОВИЧЕМ, а двор, где был обнаружен в сарае, и рядом еще дворы СЕМЕНЮКОМ и ЖИЛО были сожжены.

В феврале месяце 1-я и 3-я роты 118-го батальона с артминвзводом под общей командной начальника батальона Васюра, при шефе 1-й роты ВЕЛЬКЕ, шефе 3-й роты, фамилию которого не помню, с жандармерией и СД в сопровождении изменника родины, одетого в гражданскую одежду, возраста около 30 лет, вооруженного немецким автоматом. При переходе к деревне, названия которой не помню, деревня была оцеплена, собраны все жители и по указке вышеупомянутого изменника от толпы собранного населения были отделены человек 7–8, в том числе 2 женщины, все связанные были с жандармерией отправлены в Плещеницы, деревня разграблена и сожжена 3-й ротой.

На указанную операцию 1-я и 3-я роты вышли из Плещениц в направлении на Бегомль и примерно через 10–12 км свернули вправо, пройдя примерно 1,5–2 км. По предъявленной мне карте генштаба масштаб 1:200 000 выпуска 1970 г. расположение деревни напоминает деревню Горавец или Остров. Позже, в апреле месяце 1943 года, после возвращения из операции 3-й роты, изменники родины из 3-й роты рассказывали, что это та деревня, где были зимой, тогда они ее полностью не сожгли, а сожгли теперь.

³¹ Так в тексте.

В конце февраля 1943 года взвод ГНАТЕНКО из роты НАРЯДЬКО (3-й роты) выезжал на операцию в направлении Бегомль, на одну из партизанских дорог. Сделав засаду, ночью, когда двигался обоз партизан из 5–6 подвод, Гнатенко со взводом напал на них, убив двух партизан, забрав у них автоматы, подводы с мукой и мясом пригнал в Плещеницы. Пригнанные подводы я уже видел как разгружались, автоматами, взятыми у убитых партизан, вооружался одним ГНАТЕНКО, а вторым его помощник ФИЛИППОВ, по мое время пребывания на все операции по борьбе с советскими партизанами ГНАТЕНКО и ФИЛИППОВ ходили вооруженные автоматами.

С начала марта 1943 года, мне кажется, ввиду весенней распутицы, карательных операций 118-й батальон не проводил, ежедневно только выставляя по одному взводу на проверку автодороги Плещеницы — Логойск. Во второй половине марта месяца 1943 года взвод МЕЛЕШКО и взвод Пасечника на трех грузовых автомашинах, с шефом 1-й роты ВЕЛЬКЕ на легковой автомашине, вышли из Плещениц по шоссе как будто для исправления телефонной линии. После выезда взвода МЕЛЕШКО и взвода Пасечника, примерно через 2 часа вернулись автомашины с убитым шефом 1-й роты ВЕЛЬКЕ и убитыми изменниками Родины пулеметчиком ДАНЬКО, фамилию второго не помню. При прибытии автомашин по тревоге была поднята 3-я рота и остатки 1-й роты, которые были не в наряде. По возвращении к исходу дня из операции 1-й и 3-й рот я попросил МЕЛЕШКО рассказать, что произошло, который рассказал, что он, следуя со своим взводом и взводом Пасечника на трех грузовых автомашинах с шефом 1-й роты ВЕЛЬКЕ на легковой автомашине, минув Горбатый мост, где ему и ВЕЛЬКЕ доложили, что все кругом спокойно, взяли уже к сидевшему в машине КМИТУ пулеметчика с ручным пулеметом ДАНЬКО, обогнали впереди идущую с полицейскими грузовую автомашину, оторвались от них, спеша быстро попасть в Логойск. Не доезжая деревни справа от шоссе Козыри, а слева деревни Хатынь, из засады их обстреляли партизаны, где шеф 1-й роты ВЕЛЬКЕ был убит, пулеметчик ДАНЬКО был убит, шофер автомашины стеклом ранен, машина сползла в кювет, он, МЕЛЕШКО, взял ручной пулемет и со своим помощником КМИТ начал стрелять по партизанам. В это время подоспели остальные машины с полицейскими, среди которых убило пулеметчика, фа-

милию которого уже я забыл. Дальше с рассказа МЕЛЕШКО, когда подоспели машины, с них соскочили полицейские взвода МЕЛЕШКО и взвода ПАСЕЧНИКА, открыли огонь по партизанам, он МЕЛЕШКО с ручным пулеметом, взвод ПАСЕЧНИКА заставил занять высоту, откуда стреляли партизаны и отправить в Плещеницы убитых, бросился сначала вправо со своим взводом, обнаружил в лесу работающих лесозаготовителей открыл лично огонь по ним из пулемета, потом со взводом добежал до деревни Козыри, обстрелял ее, зажег несколько домов и со взводом вернулся к взводу ПАСЕЧНИК, который в сторону деревни Хатынь вел огонь. Потом прибыл из Логойска гарнизон СС, а вскорости 3-я рота, артминвзвод БИЛЫКА, шеф батальона майор КЕРНЕР, командир батальона СМОВСКИЙ, начальник штаба ВАСЮРА и остальные работники штаба. С прибытием Логойского отряда СС, остатков 1-й роты и 3-й роты деревню Хатынь сожгли. Поздно вечером уже в комнате, где я жил с командиром взвода ПАСЕЧНИК, последний рассказал, что, когда они выехали из Плещениц на трех грузовых машинах, шеф 1-й роты ВЕЛЬКЕ на легковой, имея с собой в машине МЕЛЕШКО и КМИТА, на Горбатом мосту у караула спросили, не слышно ли партизан, ВЕЛЬКЕ приказал взять еще ручного пулеметчика в легковую автомашину, куда и был взят ДАНЬКО, выехал вперед грузовых автомашин. В районе деревень — справа Козыри, слева Хатынь, — легковую автомашину из засады обстреляли партизаны, причем сразу был убит пулеметчик, шеф 1-й роты Вельке, шофер стеклом ранен, машина съехала в кювет, МЕЛЕШКО взял ручной пулемет и начал с КМИТОМ отстреливаться, а когда мы уже подоспели на грузовых машинах, партизаны открыли огонь по нас. Мы быстро грузились, открыли огонь, со стороны засады огонь прекратился, но еще с начала выстрелы были справа, куда бросился со взводом МЕЛЕШКО, приказал мне отправить срочно в Плещеницы убитых и машины, держать высоту, вскорости со стороны, куда ушел взвод МЕЛЕШКО, привели несколько гражданских мужчин, которых я принял под охрану, вскорости со стороны деревни Хатынь раздалось несколько выстрелов, я часть взвода развернул в ту сторону, в том числе и расчет станкового пулемета, что был с нами, и открыл огонь. Вскорости прибыли СС из Логойска, а также наша 3-я рота, и мы все вместе повели наступление на деревню. Из деревни начали

убегать, и, конечно, если б наша 3-я рота не была бандой, можно было бы многих захватить, но так 3-я рота сразу бросилась в деревню грабить, но МЕЛЕШКО молодец, сам лег за ручной пулемет и начал стрелять по убегающим, не отстал от него и мой КАТРЮК. Потом зашли в деревню, за 3-й ротой не поспеешь, правда, я захваченных лесорубов привез. Сколько там убили, не знаю, но много. Много застрелили и жителей деревни и деревню сожгли. Кто был с ручным пулеметом на автомашине, ДАНЬКО или другой, за давностью я затрудняюсь. Я со взводом на данной операции не был, так как часть взвода была в наряде, трупы я уже точно не помню, но пришли их³² 2 чел. из взвода Пасечника, которые выгрузили со старшиной 1-й роты Строужца. По убытии на помощь взводу МЕЛЕШКО и взводу Пасечника 3-й роты, артминвзвода, одного расчета станкового пулемета и стрелкового отделения из пулеметного взвода 1-й роты. Из 2-го взвода, которым я командовал, под командованием помощника Гильчук убыла большая половина взвода, свободная от наряда, в том числе пулеметчик ручного пулемета КНАП и рядовой Пономаренко. Я командиром батальона был оставлен дежурным офицером. Комвзвода МЕЛЕШКО с трупами убитых не приезжал и вернулся с операции со всеми по ее окончанию. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 2. Л. 209–214. Заверенная копия. Типографский бланк, машинопись.

³² Так в тексте.

№ 88. Из протокола допроса Н.А. Франчука

г. Гродно

28 июля 1973 г.

[...] В конце марта 1943 г. после карательной операции 1-й и 3-й рот 118-го батальона в деревню Хатынь из-под Слуцка прибыла 2-я рота 118-го батальона без офицерского состава из изменников Родины, куда она выехала еще в декабре 1942 г. из гор. Минска. Из рассказов полицейских этой роты Архипенко, Минько, Зализко, Миронюк, Ивасюк, Козак и других, фамилии которых я не помню, в конце февраля 1943 г., когда из роты ушли в партизаны Ковалишенко-Ковальчук, Борисенко, Яровой и другие, 2-ю роту бросили на поимку ушедших. Поимка ушедших вылилась в карательную операцию против советских партизан, продолжавшаяся около 10–12 дней в районах возле гор. Слуцк, где ротой было сожжено около двух деревень. По окончании операции, там же на территории районов гор. Слуцка, рота была в одном местечке поставлена рядом с еврейским лагерем (гетто) на стоянку, а через день или два ей была поручена охрана еврейского лагеря. Размещаясь рядом с еврейским лагерем, часть полицейских этой роты ходила в лагерь насилловать женщин. Охраняя уже лагерь, [из]насилования не прекращались, а в один из дней, когда на территории лагеря была найдена граната или патрон, жилые помещения были забросаны гранатами, выбегающие из помещений расстреливались. Когда уже не было выбегающих, Минько, Зализко, Миронюк, Ивасюк, Козачук заходили в помещение и из винтовки достреливали живых, про это свое «геройство» рассказывал каждый лично мне. После расправы здания ротой были спалены. Особенно много об этом рассказывал молодой полицейский, фамилию которого не помню, но, знаю, уроженец он города Киева, там проживала его мать, к которой и заходил в июле 1943 г., передавая от него ей письмо. Его мать я встречал в 1946 г., будучи в Красной Армии и восстанавливая под гор. Киев[ом] в деревне Лесники детский санаторий КВО, куда она приезжала с членом Военного Совета КВО, а после моего доклада Члену Военного Совета, подходила ко мне и спрашивала, где она меня встречала раньше, я сказал, что ее не знаю и никогда не встречал, по ее уходе с Членом

Военного Совета она долго оглядывалась. В 1943 г. проживала в гор. Киеве на ул. Институтской через два или три дома выше облгосбанка. При моем уезде из 2-й роты в июле 1943 г. он оставался.

По прибытии 2-й роты в Плещеницы, я был назначен ее командиром, командиром 1-го взвода Архипенко, его помощником Ивасюк, командиром 2-го взвода бывший старшина роты Минько, его помощником Миронюк, командиром 3-го взвода Иващенко, его помощником Ярko, командиром пулеметного взвода Кантор. На второй день по принятию мною 2-й роты 118-го батальона, в батальон из Минска прибыло два офицера из числа изменников Родине, в немецкой форме полиции с медалями, один в звании лейтенанта, второй старшего лейтенанта, причем лейтенант, им оказался Сандул, был назначен старшим офицером 2-й роты, второй, старший лейтенант был назначен старшим офицером 3-й роты, но вскоре убыл обратно в Минск, фамилии его я не знал. Сандул во 2-ю роту был назначен старшим офицером, без закрепления за ним взвода, пользовался особым доверием шефа батальона Кернера и жил в одной комнате с шефом 2-й роты обер-лейтенантом, его помощником лейтенантом. 2-я рота в Плещеницах по прибытии была расположена в школе, находившейся рядом с казармами и другими зданиями, где располагалась 1-я рота, штаб, артминвзвод и немцы.

Примерно через два дня после перестановок во 2-й роте она была направлена на операцию с задачей пройти по шоссе Плещеницы — Логойск, через лес выйти в деревню Козыри, с деревни Козыри проследовать в деревню Терехи, в Терехах по возможности опросить население о партизанах, прочесать лес в районе Горбатого моста, выйти на шоссе и вернуться в Плещеницы. Проходя указанным маршрутом, в лесу были найдены листовки около 70 штук, которые сначала по тексту показались советскими, но оказались издания изменников, сотрудничавших с немцами. Прошли в деревню Козыри, которая частично была спалена, дошли до деревни Терехи, проверили ее и поговорили с населением, уже собираясь уходить вдруг раздалось два выстрела, один пистолетный, один винтовочный, а когда я с шефом роты и еще некоторые из полицейских бросились на выстрелы, оттуда выходил Сандул пряча пистолет в кобуру, а за ним переводчик Зализко, перезаряжая на ходу винтовку. На вопрос шефа, что такое, Сандул ответил, что в яме обнаружил двоих, гово-

рят, с Минска пришли менять продукты, мы их с Зализко расстреляли, шеф роты их похвалил, мне сказал — пойдём, мы и тронулись маршрутом.

На второй день в карательную операцию выходила 3-я рота по шоссе Плещеницы — Бегомля, подробностей и наименования деревень не помню. Только из рассказов полицейских 3-й роты, что было в той деревне, где были с 1-й ротой зимой, тогда ее всю сожгли, сделали это теперь.

После сказанного выше, т. е. карательной операции 2-й, а потом 3-й роты, 2-я рота с артминвзводом Билыка, представителем штаба Лютык, вышла в карательную операцию против советских партизан с задачей пройти по шоссе Плещеницы — Борисов через деревни Камень, Зембин до деревни Костюки, в Костюках повернуть направо, пройти деревню Брили, занять деревню Лещены и в районе деревни Лещены занять оборону по р. Березина. На подходе к деревни Костюки головной дозор был обстрелян, как выяснилось, был обстрелян немцами, которые уже находились на мосту через р. Березина в районе деревни Костюки. Рота, пройдя в деревню Костюки, Брили оставила по одному отделению в указанных деревнях для организации патрульной службы, прошла деревню Лещены, оставила остатки 1-го взвода Архипенко, остальными начала выход на р. Березина. При подходе к реке был обнаружен брошенный партизанами или жителями лагерь (временные шалаши). При занятии лагеря рота опять была обстреляна немцами с другой стороны реки, после сигналов ракетами и уже объяснения с немцами, второй взвод Минько был оставлен в лагере, третий Иващенко, пулеметный Кантора и артминвзвод Билыка, забрав с лагеря зерно, муку, соленое мясо ночью вернулся в деревню Лещены. Утром с лагеря прибыл взвод Минько с подводой, на которой была разделана свиная туша и два связанных гражданина без оружия, которых задержал лично Минько, с его рассказа и других полицейских в ночное время, на подъезде к их лагерю. Указанные задержанные связанными были брошены в сарай возле дома, где размещался шеф роты со своим помощником. Простояв здесь двое или трое суток, вечер, через шефа роты, который уже побывал за р. Березина, у немцев рота была полностью собрана в Лещены, переночевала, утром собралась на возврат в Плещеницы, с предыдущего разговора с шефом 2-й роты, пленных

должны были вести в Плещеницы, но перед самым выходом Сандула и Зализко тут же их расстреляли, а уже отходя Козачук расстрелял на улице хозяина дома, а дом его сжег. При подходе к Плещеницам, а возвращалась рота маршрутом через Брили, Костюки, Зембин, Шерстки, Закалюжье, Чмелевичи, Калюта, в лесу по инициативе шефа роты устроили стрельбу, чтобы поднять тревогу в Плещеницах, заставив сидеть 1-ю и 3-ю роты до нашего прихода в окопах, со стороны шефа 2-й роты это была шутка. Расстрелянных пленных изменниками Родины Зализко, Сандул, а также хозяина дома старика изменника Козачук лично видел, сам это происходило на глазах почти всей роты — изменник Сандул стрелял из пистолета, Зализко из винтовки, а старика Козачук из винтовки, когда он шел со двора пытаясь перейти дорогу и что-то сказать немцу шефу 2-й роты.

По возвращению в Плещеницы мне стало известно из рассказа изменника Родины начальника штаба Васюра и других, что в то время как вторая рота находилась на вышеуказанной операции в районе р. Березина, 1-я рота 118-го батальона проводила однодневную операцию в деревню, названия из-за давности не помню, следуя маршрутом по шоссе Плещеницы — Борисов, за военным городком свернули налево. В результате этой операции была спалена деревня и разгромлен лагерь, из которого были привезены кожи, с которых командир роты Винницкий, комбат Смовский, начальник штаба Васюра сшили себе сапоги. В то же время командир 1-й роты Винницкий меня спросил, когда 2-я рота следовала был ли лесной завал на шоссе Плещеницы — Борисов примерно в 1 км. За военным городком, я ответил, что, когда 2-я рота, никаких завалов нигде не было, Винницкий сказал: «Видишь, когда шла 1-я рота, был завал, пришлось отходить, за то мы им потом всыпали, лагерь разгромили, а деревню сожгли». На второй день, после возвращения из карательной операции 2-й роты, на карательную операцию уходила 3-я рота с одним взводом 1-й роты и жандармерией, название деревни не помню, но в результате операции изменником Родины Филипповым обманно взят в плен один из партизан, у него при пленении взята винтовка с красным ложе и одна или две гранаты, а он связанным привезен в Плещеницы на подводе. Когда его везли, я его лично видел на подводе уже на территории батальона, где с подводы его посадили на гауптвахту. На второй или

третий день, со слов полицейских его Кмит и Лакуста расстреляли. После расстрела пленного, взятого изменником родины Филипповым, на второй день 118-й полицейский батальон в полном составе вышел в карательную операцию по маршруту Плещеницы Жердяжье, Хорошее, Избище с ночевкой в деревне Погост. Маршрут восстановлен мной по предъявленной мне топографической карте масштаб в 1 см 2 км издания 1970 г. При выходе на данную карательную операцию, в головной походной заставе двигалась 1-я рота 118-го батальона, и когда миновали деревню Избище, в лесу вышли на завал, его обошли, а по выходе из лесного массива, головная походная застава, справа по движению была обстреляна партизанами, вдогонку за ними (партизанами) последовала 1-я рота, зажгла деревню, и вернулась к остальным подразделениям, которые частично уже переправились через р. Вилия и зашли в деревню Погост. В деревне Погост ночевали все три роты, артминвзвод и штаб батальона. На второй день операции, все роты разными маршрутами вышли в деревню Костюки, их я хорошо помню. В деревне Костюки всем батальонам пробыли две ночи и один день, 1-я рота, 3-я рота, артминвзвод и штаб батальона убыли разными маршрутами на продолжение карательной операции, причем штаб батальона убыл с 1-й ротой, а артминвзвод с 3-й ротой, 2-я рота еще на сутки осталась в деревне Костюки. Через сутки после ухода 1-й, 3-й рот артминвзвода и штаба батальона, 2-я рота из деревни Костюки, продолжая карательную операцию, вышла в деревню Харки, перед деревней Харки 3-м взводом Иващенко были задержаны несколько граждан еврейской национальности, причем из доклада командира взвода Иващенко, при попытке бежать, его помощником Ярком и полицейским Гребенюком были расстреляны, а двое доставлены в деревню Харки, которые по распоряжению помощника шефа 2-й роты, без допроса помкомвзвода Ярком и переводчиком Зализко расстреляны и брошены в заброшенную яму. Здесь в деревне Харки, я уже не помню кем, но кажется, насколько помню, ординарцем шефа полицейским Савицким, в доме, где в одной из комнат расположился я, а в смежной, где расположился шеф 2-й роты с его помощником, был найден пистолет ТТ в кобуре с одной обоймой и комплектом патронов, пистолет забрал я себе. Тут же был найден и комсомольский билет на женское имя, который я сказал положить на место, но че-

рез полчаса пришел представитель СД и забрал его. Жителей в деревне не было за исключением нескольких старух. На второй день по уходе из деревни, дом, в котором был найден комсомольский билет и пистолет ТТ, изменником Родины старшиной роты Козак без никаких приказаний был сожжен. 2-я рота, двигаясь на деревню Скорода, где встретилась с подразделением 1-го немецкого полицейского полка, участвовавшего в этой карательной операции, прибывшего перед операцией из Берлина, состоящего из немцев. По маршруту 2-й роты при движении на деревню Скорода слева горела деревня Заболотье, зажженная 3-й ротой 118-го батальона. Еще в первый день операции, проходя деревни Избище, обойдя в лесу завал и выдвинувшись уже на опушку леса, головная походная колонна справа по маршруту была обстреляна партизанами и 1-я рота 118-го украинского полицейского батальона бросилась за партизанами вдогонку, зажгла деревню Саковичи, там был виден большой пожар, который я видел лично, сгорела ли вся деревня или ее часть и кто лично зажигал, по давности уже не помню. Вторая рота 118-го батальона, проведя ночь в деревне Скорода, начала последующий маршрут карательной операции, деревня Крайск, Гриневици, с ночевкой в деревне Ходаки. Причем, должен сказать, что 1-я рота, уйдя на сутки раньше 2-й роты из деревни Костюки, вышла на деревню Лесники, Задроздье, Гриневици, Межанка, Боброво, Рудня, Плещеницы. Третья Осинцы, Прогон Боброво, Завишино, Плещеницы. Вторая рота, вышедшая на сутки позже из деревни Костюки прошла маршрутом — Костюки, Харки, Скорода, Крайск, Гриневици, Ходаки, Межанка, Боброво, Левданщина, Плещеницы. Штаб батальона и артминвзвод на продолжавшейся этой карательной операции 10–12 дней все время находился при 1-й роте. Вторая рота после ночевки в деревне Скорода, продолжая карательную операцию, должна была выйти в деревню Ходаки и пройдя Крайск, а потом в Гриневици, где стояла 1-я рота и штаб батальона, в конце деревни, где стоял штаб батальона, остановилась на привал. Я с шефом роты зашли в штаб батальона, шеф роты ушел к шефу батальона Кернеру, и я начал искать начальника штаба батальона, которого в штабе не оказалось. Спрашивая, где может быть начальник штаба Васюра, кто-то из полицейских, уже не помню кто, показал мне дом в небольшом переулке и сказал, что он там с пере-

водчиком Лукович. При заходе в дом я лично увидел, что начальник штаба Васюра и переводчик Лукович в присутствии представителя СД истязают шомполами человека 22–24 лет. Через несколько часов из деревни Гриневичи 1-я рота выступила со штабом батальона в деревню Можанка, а в деревне Гриневичи был виден большой пожар. Через день (сутки) вторая рота, продолжая карательную операцию, прошла через горящую деревню Можанка, где ночевала 1-я рота, в деревне Боброво уже застала 1-ю роту, 3-ю роту, штаб батальона артминвзвод. Уже при заходе в деревню Боброво кто-то из полицейских сказал, что их 1-я рота, а особенно взвод, опять отличились, взвод Мелешко захватил радистку с радиостанцией. Деревня Боброво имела две улицы — верхнюю и нижнюю, 1-я рота и штаб батальона с пленной радисткой разместились на верхней улице, 3-я рота и артминвзвод на нижней. Пройдя с ротой к дому, где размещался штаб, я дал команду на привал, а с шефом последовал в штаб, где первого встретил Луковича, который хвалил взвод Мелешко и его лично за пленения радистки, одновременно сказал, что допрашиваемый им и Васюрой партизан ничего не сказал и умер под шомполами. Здесь же я доложил командиру батальона Смовскому о прибытии 2-й роты и попросил его указаний. Командир батальона приказал мне разместиться на нижней улице деревни Боброво рядом с артминвзводом, принять от 3-й роты под охрану женщин, собранных 2-й ротой для отправки в Германию в других деревнях. Подошедший шеф 2-й роты такое указание командира батальона подтвердил. Разместив 2-й роту на нижней улице деревни Боброво, я приказал командиру пулеметного взвода Кантор принять от 3-й роты под свою охрану женщин, сам разместился с командиром артминвзвода Билык и его помощником Клименко в доме, где они размещались. Разместившись с комвзвода Билык и Клименко, его помощником, в разговорах Билык и Клименко рассказали, что в деревне Гриневичи Васюра и Лукович сильно избивали какого-то молодого человека, найденного взводом Гильчук в подвале одного дома. Избиение лично я видел сам, как указывал выше. Этого человека потом бросили в сарай, он был еще живой. Там же Лукович изнасиловал еще учительницу, с Васюрой Лукович также допрашивал ее, а допрос сам понимаешь какой, с шомполами, ее тоже бросили в этот сарай. До Гриневич СД и жандармерия тя-

гала за собой еще троих, где захваченных — не знаю, но в Гриневичах тоже за компанию бросили в сарай, но Мелешко со своими «орлами» их сжег, еще и стреляя по сараю. На следующий день утром не оказалось женщин, охраняемых взводом Кантора из 2-й роты, к которым ходили полицейские 1-й, 2-й рот, а также и артминвзвода, за что я и шеф роты получили по выговору, а комвзвода Кантор пять шомполов на мягкое место. После указанной экзекуции 2-я рота ушла в деревню Левданщина, переночевала ночь и вернулась в Плещеницы, вернулись в тот день и остальные подразделения 118-го батальона. Примерно через день по возвращении 118-го батальона с карательной операции, которая длилась 10–12 дней, начальник штаба Васюра уехала в отпуск и вернулся уже на «большую Березинскую» операцию, примерно за два дня до выхода 1-й роты и штаба батальона в дер. Уборок, речь о котором пойдет дальше.

В день уезда начальника штаба Васюра, вечером состоялось награждение гитлеровскими медалями изменников Родины, которые вручал шеф батальона майор Кернер: за карательные операции в районах Слуцк и малую Березинскую — комвзвода 2-й роты Минько, его помощник Миронюк, переводчик Зализко, рядовой Козачук, за Хатынь — командир взвода Мелешко, его помощник Кмит, командир отделения Лакуста, переводчик батальона Лукович, работник штаба Лютык и другие, которых уже не помню.

За операцию, куда выезжал 1-й взвод 3-й роты, в результате которой было убито два партизана и взято шесть подвод обоза с продуктами и два автомата партизан, убитых в засады, командира 1-го взвода 3-й роты Гнатенко, командир отделения Филиппов и Субботин.

За операцию 2-й роты в начале апреля месяца 1943 г. в районе деревень Костюки — Брили — Лещины р. Березина — старший офицер роты Сандул и старшина роты Козак.

За общее руководство батальоном командир батальона Смовский и командир 3 роты Нарядько.

Тут же командир батальона Смовский сделал обзор последней 10–12 дневной карательной операции, отметил 1-ю роту, особенно взвод Мелешко, за пленение около деревни Боброво радистки. Был вынесен упрек командиру роты Нарядько за легкомысленное сжигание деревень, в которых не было партизан. Третья рота 118-го ба-

тальона за эту операцию сожгли 5 деревень, названия которых не помню, за исключением Заболотья, пожар которой видел лично. Карательная операция, проходившая 10–12 дней на запад от Плещениц, о которой я изложил выше, имела место в конце апреля месяца 1943 года. Помню, что первый ночлег имели в деревне Погост за рекой Вилия, и после ночлега рота разошлась по определенным маршрутам. Я помню реку Вилия и не помню, чтобы мы (имея в виду 2-ю роту) переправлялись или находились около реки Илия. О задержании в деревне карателями нашего батальона учительницы в первый день операции я ничего не знаю, не помню, заходили ли мы в деревню Хотаевичи. Как я уже показал, учительница была задержана в деревне Гриневичи изменником Родины Луковичем, она поле допроса была изнасилована, а потом расстреляна. Изменник родины Васюра убыл в отпуск в последних числах апреля 1943 г. по окончании 10–12 дневной операции, а прибыл в конце мая или первые дни июня 1943 г. в деревню Волча. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 2. Л. 215–235. Заверенная копия. Машинопись.

№ 89. Из протокола допроса Н.А. Франчука

г. Гродно

30 июля 1973 г.

[...] В первых числах мая 1943 года из Плещениц под командой МЕЛЕШКО на карательную операцию выходила 1-я рота 118-го батальона, в каком направлении и в какую деревню за давностью времени не помню, только хорошо помню, что рота имела бой с партизанами, потеряла двух человек, одного убитым, второго пропавшим. Пропавшего, фамилию не помню, на второй день на подводе привез крестьянин раненным, который был отправлен в Минск самолетом. Через два дня примерно, нам стало известно через прибывший транспорт с продовольствием, что где-то в районе Лепеля идет большая карательная операция гитлеровцев против советских партизан и в этой операции придется участвовать всему 118-му украинскому полицейскому батальону, это по секрету сообщил мне шеф 2-й роты. Несмотря на это 3-я рота выехала на карательную операцию, имела бой с партизанами, убили в бою санитарку партизан и пригнали 10 штук лошадей, часть их под седлами. Верхами на лошадях под седлами, изменников родины ФИЛИПPOBA, СУБОТИНА, МЫШАК и НАРЯДЬКО видел лично при въезде их в расположение батальона. В какую деревню выходила 3-я рота на карательную операцию, за давностью не помню, но точно знаю, что в направлении Бегомль. Примерно через день, после выхода на вышеуказанную операцию 3-й роты, вышел в карательную операцию весь 118-й батальон. Из Плещениц 118-й украинский полицейский батальон в полном составе, имея в головной походной заставе 1-ю роту, на карательную операцию проследовал по маршруту: Плещеницы — Околовое — Новоселки, Чистый Бор — Остров — Вейно — Череповщина — Задорье — Черно — Ново-Вилейка. При подходе к Ново-Вилейке головная походная заставка из деревни Ново-Вилейка была обстреляна партизанами, а на гати к мостику через речушку, названия ее не знаю, на mine подорвался кладовщик батальона СЛОВСКИЙ. После обстрела головной походной заставы (1-я рота) партизанами возле деревни Ново-Вилейка, 1-я рота броском заняла деревню, сгоняя захваченных жителей,

в основном женщин и стариков, а дома поджигая. Влево от деревни были видны убегающие 2–3 подводы и несколько жителей, по которым артминвзвод открыл огонь. Результатов не знаю какие были после стрельбы артминвзвода. Я со второй ротой, оставив расчет станкового пулемета за рекой, броском вошел в деревню Ново-Вилейка, приказав одному пулеметному взводу с одним расчетом занять оборону перед лесом по направлению деревни Городище. В это время в деревне Ново-Вилейка 1-я рота заканчивала сбор населения, избивая их прикладами. Лично видел как изменники Родины ГИЛЬЧУН, КУРКА, КНАП, ЮРЧЕНКО, ШИЛО, ЛОЗИНСКИЙ, гнали жителей, избивая их прикладами. Взвод ПАСЕЧНИКА кончал с поджогом домов в деревне Ново-Вилейка, кто лично зажигал я уже не видел. Из деревни Ново-Вилейка 1-я рота, штаб батальона, артминвзвод, выставив впереди себя жителей, собранных в деревне Ново-Вилейка около 7–9 человек двинулись на деревню Вилейка. Судьба жителей деревни Ново-Вилейка, согнанных под прикладами 1-й роты выставленных впереди 1-й роты при движении на деревню Вилейки, мне неизвестна.

Вторая рота, пропустив через свою оборону третью роту, которая двигалась на деревню Гребени, сама пошла на деревню Городище, выполнив дневное задание. При движении 2-й роты в деревню Городище, слева по движению 2-й роты и в направлении 1-й и 3-й роты был слышен скоротечный бой, вскорости прекратившийся, и в этой же стороне был виден большой пожар, который начался в период боя: вторая рота, находясь в деревне Городище на ночлег, ночью имела бой с партизанами, в самой деревне не было ни одного человека. Во время ночного боя было сожжено несколько домов, а утром при уходе 2-й роты на продолжение карательной операции, изменники Родины ГНИДЬ, ПЛАЗОТНЮК, ЯСИНСКИЙ с майстром (унтер-офицером полиции) зажгли остальные дома. С деревни Городище 2-я рота имела задачу занять деревню Кромовичи. При следовании 2-й роты из Городища в Кромовичи, недалеко, были обнаружены свежие ячейки, и видно было, что обитатели их не так давно ушли, а в левой стороне, куда накануне ушли 1-я и 3-я роты, шла стрельба и был виден пожар. По прибытии 2-й роты в Кромовичи, рота разместилась в одном здании, уже точно не помню, не то в школе, не то в детском садике, а может, это была старая помещи-

чья усадьба, где недалеко были старые заброшенные коровники или конюшни. Здесь шеф роты, обер-лейтенант немец собрал всех немцев, бывших во 2-й роте и командиров взводов из числа изменников Родины, сказал, что с этого дня начинается карательная операция против партизан. Партизаны должны быть уничтожены, но не надо трогать мирных жителей и жечь их дома. Жители должны из леса возвращены в деревни, чтобы обрабатывать поля, а вся молодежь, здоровая молодежь отправлены на работу в Германию. После совещания, проведенного шефом роты обер-лейтенантом немцев из дер. Кремовичи, взвод АРХИПЕНКО и ИВАЩЕНКО были отправлены мною на прочесывание лесов, а к вечеру привели около 15 человек, которых закрыли в коровник под охрану пулеметного взвода. Командиру пульвзвода КАНТОР, мною был дан строгий приказ никого из полицейских к задержанным не пускать. Вечером того же дня были доставлены еще около 30 человек, собранных в лесах 1-й и 3-й ротами. Такой сбор населения продолжался 5–6 дней всеми ротами 118-го батальона. Надо сказать, что, несмотря на мой приказ полицейским не ходить к задержанным, большая часть роты ходила для [из]насилования женщин, за что мною был наказан старшина роты КОЗИК ударами по лицу. Примерно на 5-й или 6-й день, когда было собрано около 200 человек из лесов населения всеми ротами в деревню Кремовичи прибыл взвод 3-й роты, по давности не помню, какой и под чьей командой, с группой немцев на легковой машине шефа батальона КЕРНЕРА, в числе которых был врач батальона изменник Родины КОВАЛЬ. По прибытии вышеуказанной группы немцев офицеров, охраняемые в коровнике граждане были выведены на двор, от них была отделена молодежь в отдельную группу. Перед всеми выступил офицер немец, звания не помню, он был не из батальона, который сказал, что все должны вернуться в свои деревни, засеять поля и трудиться, молодежь должна ехать работать в Германию. После выступления офицера немца все население, собранное 1-й, 2-й и 3-й ротами в деревню Кремовичи, было отпущено по домам, отдельная молодежь была осмотрена врачом 118-го батальона изменником Родины КОВАЛЬ и под конвоем части взвода 3-й роты отправлена в неизвестном мне направлении. Здесь, в деревне Кремовичи, распуская по домам задержанных в лесах граждан 1-й, 2-й и 3-й ротами, было взято один или

два человека, подозреваемых в связях с партизанами, судьба мне неизвестна. Во время этих событий, в деревню Кремовичи уже подходила 3-я рота 118-го батальона, а вторая рота примерно через час убыла на продолжение карательной операции. Вторая рота за 4–5 дней пройдя целый ряд деревень Бегомльского района, которые были частично сожжены другими немецкими карателями, оставив справа Бегомель выгнала в деревню Бегомльского района Бабцы. Здесь надо сказать, что если на предыдущие операции каждой роты уходящей отдельно и батальоном в целом по выезду из Пleshениц подводами, которые собирала пleshеницкая полиция из близко расположенных деревень вокруг Пleshениц, немцы не ограничивали, причем подводы брались и в период других операций, то на данную операцию их было строго ограничено и все подводи проверялись жандармерией. Так, со 2-й ротой с боеприпасами пулеметного взвода ехал подводчик 40–42 лет, который имел хорошую лошадь и хорошую повозку. При бое с партизанами в первый день операции в деревне Ново-Вилейка не прятался от стрельбы как другие. При приводе населения из леса в деревне Кремовичи пришлося³³ ко всем приведенным. Дорогой еще с Пleshениц рассказывал командиру взвода изменнику Родины КАНТОР, потом мне, через переводчика ЗАЛИЗКО шефу роты обер-лейтенанту помощнику шефа роты лейтенанту, что он с одной из деревень Бегомльского района, был вроде старостой при немцах в своей деревне, знает кто ушел в партизаны и кто с партизанами связан. В 1942 году из деревни с семьей ушел в Бегомель, из Бегомля в декабре 1942 года, забрав семью, с немцами переехал в Пleshеницы и жил у дальних родственников, что он был в подводчиках почти во всех операциях, где проводил 118-й батальон со своего приезда в Пleshеницы. Высказывал желание попасть в свою деревню и разделаться с партизанами и связанными с партизанами людьми. Когда 2-я рота двигалась по деревням Бегомелского района на деревню Бабцы, очень сожалел, что не пошли через его деревню. Вторая рота 118-го полицейского батальона прибыв в деревню Бабцы застала там финские подразделения участвовавшие в карательной операции против советских партизан, финские подразделения были одеты в немец-

³³ Так в тексте.

кую форму вермахта. Вторая рота, простояв два дня в деревне Бабцы продолжая карательную операцию вышла в деревню Ускромье. В районе деревни Ускромье простояв в обороне по реке Березина, рота сменная финским подразделением ушла в деревню Волча. По прибытии в деревню Волча застала там 1-ю, 3-ю роты, артминвзвод и штаб 118-го батальона. В деревне Волча простояли всем 118-м батальоном примерно 3–4 дня. По прибытии 2-й роты в деревню Волча я официально доложил командиру батальона СМОВСКОМУ о прибытии роты и что не имею потерь. При докладе командиру батальона, у него сидел командир 1-й роты ВИННИЦКИЙ и командир 3-й роты НАРЯДЬКО, которые тут же рассказали, что после ухода 2-й роты они еще несколько дней стояли 1-я рота в Вилейке, а 3-я рота в деревне Кромовичи, возвращалась 1-я рота и в деревню Ново-Вилейку, еще раз там был бой с партизанами, что в 1-й роте убит один немец-мастер и в 3-й роте тяжело ранен немец-мастер. По уходу от командира батальона СМОВСКОГО встретил комвзвода ПАСЕЧНИК, комвзвода ГИЛЬЧУК, помкомвзвода КМИТ и другие, которые рассказали, что после ухода из дер. Кромовичи несколько дней и имели бой с партизанами. Взвод МЕЛЕШКО и взвод ПАСЕЧНИКА возвращался еще в дер. Н.-Вилейка, где был бой в первый день операции, там переносили через речушку машину майора КЕРНЕРА. Деревню дожгли. В 1-й роте погиб мастер-немец, что был при взводе ПАСЕЧНИКА, они взводом вели из леса людей, на них напали партизаны и убили только одного немца. На второй день его нашли убитым в лесу с автоматом, партизаны даже не забрали автомата. Пасечник сказал, что он думает, что его убил мастер-немец со взвода МЕЛЕШКО, они почему-то не любили друг друга. В 3-й роте подорвался на mine тоже мастер-немец ехавший на подводе. Я их спросил, где сейчас МЕЛЕШКО, что его не видно. Кто-то из этой группы ответил, он тут недалеко в доме, можете зайти, там МЕЛЕШКО, ЛУКОВИЧ, ГНАТЕНКО и двое с СД разговаривают с одним, мы его несколько дней таскали с собой. Я понял, какой может идти разговор, распрощался и ушел. На второй или третий день в дер. Волча вернулся из отпуска начальник штаба ВАСЮРА, в который он уезжал еще с Плещениц после 10–12 дневной карательной операции. Начальник штаба ВАСЮРА прибыл с колонной автомашин, привезших боепи-

тание и продукты, с этой колонной уехал в отпуск шеф 2-й роты немец обер-лейтенант, его обязанности стал выполнять его помощник лейтенант-немец до конца операции. Через сутки, по возвращении из отпуска начальника штаба ВАСЮРА, я встретился с ним в доме, где располагался он и командир батальона СМОВСКИ. Когда я только зашел к ВАСЮРЕ, первое, что он мне сказал: «А тебе КОРНИЙЦА, я получил от него записку». Я тут же ему отпарировал: «Привет передал полковнику (так называли командира батальона СМОВСКОГО), а письмо майору КЕРНЕРУ на память, я о такой сволочи, как КОРНИЕЦ, и говорить не хочу, расскажи об отпуске». Тут же начальник штаба батальона изменник Родины ВАСЮРА рассказал: «Знаешь, я в отпуск ездил в Латвию, где у меня осталась жена. В Латвии очень тихо, никаких партизан нет, все население занято работами, правда, в Латвии идет мобилизация в латвийские национальные формирования. Скоро начнется наступление немцев, немцы покажут большевикам Сталинград, ведь с немцами сейчас идут и русские, я эти формирования видел. Когда возвращался из отпуска, то здесь, в Белоруссии, уже тоже спокойно, я за один день из Минска приехал в батальон. Скоро здесь партизанам тоже будет конец. Вот находишься на операции и сам видишь, что делается вокруг, эта операция закончится и будет порядок». Я прослушав ВАСЮРУ, поговорив о разных мелочах ушел, а на второй день с ротой выступил на продолжение карательной операции. В первый день ухода из деревни Волча, оставив еще там 1 роту, 3-ю роту, артминвзвод и штаб батальона, пройдя 5–7 км. Расположились в деревне, названия не помню, переночевали и пошли дальше до следующей деревни, название которой также не помню. При подходе к деревне, нас встретило человек 5–7 населения, имея молоко, яйца и особенно приветствуя подводчика, о котором я сказал выше, расспрашивая его о здоровье семьи. Придя в деревню, в которой было население, но названия ее я не помню, расположились на ночь. На второй день утром я услышал шум и отдельные выстрелы, быстро собрался, вышел на улицу, где лично увидел шефа роты лейтенанта-немца, старшего офицера роты САНДУЛ, переводчика ЗАЛИЗКО и командира взвода МИНЬКО, стоящего рядом с подводчиком, следовавшим с пулеметным взводом роты из Плещениц. Командир взвода МИНЬКО со своим взводом по указке подводчика выгонял

на улицу людей. Когда на улице было собрано около 20 человек их под охраной погнали в конец деревни, там в конце деревни отобрали, опять же по указке подводчика 13–14, человек, возможно, больше. Поставили под сараем и залпом взвода МИНЬКО расстреляли. К убитым подошел старший офицер САНДУЛ, переводчик ЗАЛИЗКО, помкомвзвода МИРОНЮК, сделали по выстрелу уже в лежащих, МИРОНЮК зажег сарай, шефом 2-й роты немцем лейтенантом остальные стоявшие рядом люди были предупреждены трупы не забирать, сарай не тушить, отпущены по домам. Подводчик был с ротой до самого конца карательной операции и из деревни Маковье уехал в Плещеницы. Это все лично видел и помню, за исключением названия деревни. Примерно через час в деревню пришли каратели из 54-го или 57-го Днепропетровского полицейского батальона. По приходу 54-го или 57-го полицейского батальона 2-я рота вышла на продолжение карательной операции и, пройдя деревни Разлитье, Недадь, Броды по р. Березине, заняла оборону. Тут же, еще рота не полностью заняла оборону, шеф роты лейтенант-немец, сказал, что ему и мне надо ехать в штаб батальона. Мы с шефом взяв подводу, переводчика ЗАЛИЗКО и еще пулеметчика с ручным пулеметом, по давности фамилии не помню, выехали в штаб батальона. Следуя в штаб батальона проехали в деревню Холмовка, Рем, Маковье, которые были целы, захватив в Холмовке командира 3-й роты НАРЯДЬКО и его шефа роты немца прибыли в штаб батальона в деревню Уборок, последовали в том же составе в свои подразделения. Примерно через три дня 2-я рота получила приказ оставить свою оборону по р. Березина около деревни Броды, сменив 1-ю роту в деревне Уборок. Следуя уже со 2-й ротой через деревни Холмовка, Рем, Маковье, Уборок, деревня Уборок уже была сожжена, штаб батальона находился в деревне Маковье. Сменив 1-ю роту в обороне по р. Березина против деревни Уборок, 2-я рота в первый вечер потеряла одного человека, в руках которого взорвалась граната. На второй день взводом АРХИПЕНКО был обнаружен пустой лагерь видно скрывшихся жителей, видно, обнаруженный 1-й ротой. Люди с лагеря, надо полагать, также уведены 1-й ротой, простояв здесь дней 6, вторая рота была снята с обороны и отправлена опять под деревню Брод, причем шефом роты лейтенантом немцем мне было сказано, что в деревне Броды будет нахо-

даться наш ротный обоз, кухня, расчет станкового пулемета один отдыхающий взвод, я или старший офицер САНДУЛ. Он шеф роты в деревне Броды постоянно, время от времени проверяя оборону. Также потребовал, кроме ординарца, САВИЦКОГО, дать ему полицейского КАЗАЧУК, с ним постоянно находился и переводчик ЗАЛИЗКО. В один из дней долго не было смены взводу ИВАЩЕНКО, который должен был уходить на отдых в деревню Брод, а должен был прийти из отдыха взвод МИНЬКО, а на смену мне старший офицер САНДУЛ. Я снял взвод ИВАЩЕНКО оставив в обороне только взвод АРХИПЕНКО и из пулеметного взвода отделение и расчет станкового пулемета, ушел в деревню Брод. По прибытию в деревню Брод не оказалось ни шефа роты лейтенанта немца, ни старшего офицера САНДУЛ, ни всего взвода МИНЬКО, был только кладовщик полицейский ЩЕРБИНКА и ординарец шефа 2-й роты САВИЦКИЙ, которые сказали, что на зорьке все ушли ловить партизан. Примерно к 15 часам вернулся взвод МИНЬКО, шеф роты лейтенант-немец, старший офицер 2-й роты САНДУЛ, два немца СД, обер-лейтенант немец с полевой жандармерии, представитель штаба ЛЮТЫК и помкомандира 3-го взвода ЯРКО, откомандированный в штаб батальона по распоряжению командира батальона СМОВСКОГО еще в деревне ВОЛЧА. Там было указание командира батальона СМОВСКОГО одного человека, но командир взвода ИВАЩЕНКО просил откомандировать именно ЯРКО, говоря о нем «он мутит воду во взводе, как грабить или кого стрелять — он первый, а как идти в цепи в лесу, где можно схватить пулю, он ЯРКО увивается, как уж, прячась за чужие спины».

По возвращении взвода МИНЬКО и указанных выше немцев и изменников Родины, комвзвода рассказал, что на рассвете приехали со штаба СД, жандарм, изменники Родины ЛЮТЫК, ЯРКО, что переговоры с шефом роты немцем, тот поднял его взвод, взял старшего офицера САНДУЛ, переводчика ЗАЛИЗКО, полицейского КОЗАЧУК, старшину роты КОЗАК, и все они быстро пошли в деревню Недадь. В деревне Недадь быстро собрали людей, увели на край деревни в ригу, там представитель штаба зачитал по списку, переданным ему одним из СД, граждан деревни Недадь, на глазах оставшихся, загнали в сарай, а сарай МИРОНЮК, КАЗАЧУК, ЯРКО, КОЗАК зажгли с четырех сторон, пытавшихся выйти

стреляли, стреляли все без исключения, в том числе и САНДУЛ. Мы под Слуцком, говорили МИНЬКО, стреляли в гет[т]о евреев, такой злости не было как здесь, особенно САНДУЛ, он в прошлом командир КА. Через несколько дней после событий в Недали в роте утонул полицейский, фамилию его не помню, а я начал замечать, что в роте бывает очень много пьяных, особенно когда возвращается отделение с любого взвода, ходящее патрулем в деревне Маковье, места размещения штаба. Начал следить и в один из дней после возврата отделения из взвода АРХИПЕНКО заметил много подвыпивших, в том числе и самого командира взвода АРХИПЕНКО. Когда я вызвал АРХИПЕНКО и пристращал он рассказал, еще когда мы стояли здесь в обороне не первый раз в лесу недалеко от деревни Тартак обнаружили брошенный жителями лагерь, а в лагере был большой самогонный аппарат и немного закваски, выгнали самогон, а на это у меня мастер ИВАСЮК, потом начали промышлять на зерно, его много есть спрятанного в деревнях, начали его отыскивать, забирать зерно, мололи в 3-й роте на жорнах³⁴. Жорна 3-я рота забрала в лагере жителей около Березины напротив деревни Холмовка. Теперь мы с 3-й ротой в союзе, один день гонят они, другой мы. После указанного разговора, примерно, через два дня рота была снята с обороны в деревне Броды, куда пришел 54-й или 57-й Днепропетровский полицейский батальон и пришла в деревню Маковье, где размещался штаб батальона и артвзвод и 1-я рота. 3-я рота размещалась в деревне Ре, так как Холмовка была сожжена. Размещались уже в Маковье, на второй или третий день во 2-ю роту явился откомандированный в штаб батальона помкомвзвода ЯРКО, ведя впереди себя мужчину лет 35 и женщину с двумя или тремя детьми. Приведенный ЯРКО мужчина предъявил листовку изданную немцами с предложением сдаваться партизанам в плен немцам. Шеф роты сразу предложил приведенному сдать оружие, который уйдя под конвоем ЯРКО, примерно через 2 минут принес винтовку и 10 патронов к ней. После сдачи винтовки и патронов, задержанный ЯРКО шефом 2-й роты лейтенантом-немцем был отпущен с его семьей домой. Через пару дней, когда рота была на марше в деревне Мстиж для погрузки на автомашины и отправки

³⁴ Так в тексте.

в Борисов, ЯРКО вернулся в роту и хвастал перед все[м] взводом, это слышал я лично, что задержанного им партизана он на второй день арестовал и расстрелял, а жену привел и тоже сдал немцам для отправки в Германию. Перед уходом из деревни Маковье, шеф 2-й роты лейтенант-немец сказал, что операция закончена, мы сегодня-завтра уйдем из деревни Маковье, при уходе из деревни, дома где размещаются полицейские, надо сжечь и он шеф 2-й роты, такую команду отдал через переводчика ЗАЛИЗКО командирам взводов. Дом, где размещался я с шефом 2-й роты лейтенантом немцев сжег полицейский КОЗАЧУК, кто жег другие дома я не видел. Припоминаю, что были разговоры, что с деревни Уборок работники штаба с частью артминвзвода ходили на разбор затора из бревен на реку Березина, а также на ремонт привлекая население. Были также разговоры, что деревню Уборок сожгли работники штаба 118-го батальона при уходе из деревни Уборок в деревню Маковье, конкретно по этому вопросу я не говорил ни с кем. По прибытию в деревню Мстиж 2-я рота была погружена на автомашины и отправлена в Борисов, в Борисове при сборе всего 118-го батальона, батальон был погружен в эшелон и прибыл на ст. Барановичи, где простояв несколько дней, опять был погружен на эшелон, доехав до ст. Новоельня. Переночевав на ст. Новоельня на второй день автомашинами выехал в Новогрудок. Мне был разрешен отпуск еще в Барановичах, но не был вручен отпускной билет, а переночевав в Новогрудке ночь, я, получив обмундирование, уехал в отпуск в гор. Киев, откуда больше в 118-й батальон не вернулся.

При следовании из Новоельни в Новогрудок, припоминаю, что старший офицер 2-й роты изменник Родины САНДУЛ сказал мне: «Ты с АРХИПЕНКО пошел где-то ночевать, а я с ротой остался ночевать на станции, ночью какой-то пацан приходил до штаба, сам ВАСЮРА его застрелил, здесь тоже очень много партизан».

Должен сказать, что на последней операции мая-июня 1943 г., особенно после отъезда из деревни Волча шефа 2-й роты оберлейтенанта немца, оставшийся за него шефом роты лейтенант-немец, приказывал даже отдельным полицейским сжигать дома, где размещались на ночлег полицейские и офицеры рот. Так, были сожжены несколько домов деревни Маковье. В деревне Броды дома не сжигали, так как сюда на смену 2-й роты 118-го батальона пришли

полицейские 54-го или 57-го Днепропетровского батальона. Пользуясь предоставленной мне картой Бегомльского и Плещеницкого районов, масштаб в 1 см 2 км издания 1970 г. деревней, в которой расстреляли около 15 человек населения и саму деревню сожгли, по указке изменника, бывшего в подводчиках в пулеметном взводе КАНТОРА и везшего боеприпасы для пулеметных расчетов ГНИДЬ и ЯСНИЦКОГО, была деревня Клинники или Горелое. Деревня была небольшой и располагалась в лесу. До майско-июньской карательной операции, подводчика указавшего семьи партизан, не встречал, имя фамилии его не знаю, но только помню с его рассказа, что с Бегомльского района, в Бегомль ушел к немцам от партизан, с немцами из Бегомля в декабре 1942 года переехал в Плещеницы с семьей и жил у дальних родственников, адреса и примерно где жил в Плещеницах не знаю. О том, что деревня была Клинники или Горелое, где имел место расстрел населения по указке председателя, не могу, но помню, что она находилась до деревни Недадь и события происходили после ухода 2-й роты из деревни Волча. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 2. Л. 224–235. Заверенная копия. Машинопись.

№ 90. Из протокола допроса И.И. Козыченко

г. Гродно

6 августа 1973 г.

[...] В начале лета 1943 года примерно в мае месяце мне приходилось в составе 118-го полицейского батальона выезжать на карательную операцию против партизан и мирного населения в Бегомльский район Минской области. Операция проводилась на протяжении месяца. Кроме нашего батальона в этой операции участвовали и другие немецкие карательные формирования. 118-й батальон выезжал на операцию в полном составе из поселка Плещеницы. Для выезда привлекался конный транспорт с подводчиками, которыми были местные жители поселка Плещеницы и окружающих деревень. В ходе операции полицейские батальона совершали тяжкие преступления. Сжигали деревни, расстреливали захваченных партизан и мирных советских граждан. Некоторые факты таких преступлений я знаю, так как мне приходилось быть очевидцем их. Ниже я постараюсь об этом рассказать подробно. Я также помню частично маршрут движения батальона на данной операции. Правда, батальон не всегда был вместе. Иногда роты двигались по своим определенным маршрутам, но между ними и штабом батальона всегда поддерживалась связь через связных.

По выезде из Плещениц, где все имущество батальона было погружено на подводы и двигалось с нами, мы следовали по шоссейной дороге в сторону Бегомля. Проехав примерно 8–10 километров, из³⁵ шоссейной дороги мы повернули влево и продолжали двигаться дальше в северо-западном направлении. По пути проезжали через одну деревню, в которой при дороге стояли большие общественные постройки, напоминавшие МТС или каких-то мастерских. Сразу после этой деревни, названия которой я не помню, вторая рота батальона отделилась и пошла лесом правее основной колонны. Штаб батальона, с которым находился я, первая и третья роты, а также весь обоз с гражданскими подводчиками двигались по дороге дальше и в следующей деревне, которой очевидно была Горное,

³⁵ Так в тексте.

разбились на две части. Штаб, третья рота и обоз, свернув вправо, взяли курс по направлению к деревне Новая Вилейка, двигались по лесной дороге. Первая рота под командованием Винницкого также двигалась в этом направлении, но на некотором удалении с левого фланга от нас. Когда мы проходили лес, что между деревнями Горное и Новая Вилейка, то по нашему обозу из леса с левой стороны было дано две очереди из автоматического оружия, в результате чего была ранена лошадь одного подводчика. Кто обстрелял наш обоз в то время, я не знал. Некоторые полицейские из третьей роты открыли на несколько минут ответный огонь по лесу, но по нас никто больше не стрелял и партизан не приходилось там видеть. Затем мы вышли из леса по дороге на открытую местность, откуда видна была на возвышенности деревня Новая Вилейка. Название этой деревни я помню с периода войны. Между лесом, из которого мы вышли, и Новой Вилейкой протекала небольшая речка в виде канавы. Дорога, по которой мы следовали, вела в Новую Вилейку через эту речку. Помню, что тогда возле речки со стороны нашего подхода подорвался на mine полицейский Словский. Он был при штабе батальона каптенармусом. В связи с таким случаем собирались к речке многие командиры и рядовые полицейские. Командиром батальона Смовским было приказано переправляться на другую сторону реки в проверенных местах. Многие полицейские с легким оружием переходили речку в брод. Также помню, что кто-то из полицейских третьей роты, кто именно — затрудняюсь сказать, пригнали к тому месту человек 6–7 стариков из местных жителей и заставили их делать переправу. Старики подвозили на лошади бревна и ложили через речку. По настилу бревен прошла легковая автомашина Кернера и затем весь наш обоз. Пока штаб батальона и обоз переправлялись через речку, то полицейские третьей роты и возможно подоспевших других рот нашего батальона тем временем зашли в Новую Вилейку, находившуюся в 400–500 метрах от речки. Подъехав затем с одного конца деревни, я видел как ходили по дворам старшина третьей роты Козловский Андрей, командир взвода Петрейчук и другие полицейские, всех не помню. Также я видел тогда, как в огороде с того конца деревни, где проходила проселочная дорога, лежал труп мужчины в гражданской одежде с перерезанным горлом. Труп был виден с дороги, и я к нему подходил с одним немцем. Кто его

зарезал, не знаю. У него в шее торчал нож. По виду зарезанный мужчина был в возрасте примерно 23–25 лет. Находились ли в деревне другие местные жители, я затрудняюсь сказать, так как по деревне не ходил. Как поступили полицейские с теми стариками, которые делали переправу через речку, я сейчас не помню. В деревне Новая Вилейка мы были примерно в послеобеденное время. Находились в ней часа два-три, а затем уехали дальше в северном направлении. По выезде деревня Новая Вилейка была подожжена полицейскими нашего батальона. Кто конкретно из полицейских поджигал в ней дома, сейчас не помню.

После Новой Вилейки все роты батальона и штаб с обозом двигались в одном направлении. Затем не доезжая деревни Вилейка каким-то образом разбились на три части. Первая рота следовала впереди и она как-будто ушла в деревню Вилейка. Имелся ли перед Вилейкой бой полицейских нашего батальона с партизанами я сейчас не помню. Я оказался в группе полицейских из третьей роты и штаба. При нас был обоз, но весь ли, затрудняюсь сказать. После Новой Вилейки прибыли мы в один небольшой поселок к концу дня и остановились в нем на ночлег. Как назывался тот поселок, я не помню. В нем имелось тогда домов 5–6. Кернера, Смовского и Луковича с нами не было в том поселке. Очевидно они находились с другими подразделениями батальона. Остановившись в поселке на ночлег, я видел как к концу того дня как поблизости горела одна деревня. Позже я узнал из рассказов полицейских, кто именно рассказывал, я не помню, что горела деревня Вилейка и что ее подожгла первая рота нашего батальона после перестрелки с партизанами, но сгорела не вся, а часть деревни. Сколько дней мы находились в поселке, я сейчас не помню. Совершали ли полицейские какие-либо преступления в нем, я не знаю. Из поселка мы выехали на второй или третий день и прибыли в деревню Вешки, где имелась кузница в конце деревни. В первый день по прибытии в Вешки полицейскими было сожжено несколько домов, принадлежавших семьям партизан или связных партизан. Кто указал нашим полицейским на конкретные дома, которые были подожжены, я не знаю. Фактов расстрела людей в Вешках я не видел, но некоторые местные жители были в то время в деревне. Я помню, что командир взвода Петрейчук со своими подчиненными полицейскими задержал в лесу в районе

деревни Вешки группу мирных граждан и угнал их в направлении Вилейки. Куда тех людей Петрейчук доставил и как поступил с ними впоследствии, я не знаю. Это было примерно на третий день как началась операция и мы прибыли в район деревень Вилейка, Вешки. Я также помню, что в деревне Вешки перед поджогом домов семей партизан полицейские Козловский Андрей, Субботин, Клименко и Варламов занимались грабежом имущества в тех домах, забирали скот, хлеб, птицу и грузили на подводы. В этом помогали им и другие полицейские, но кто именно, сейчас не помню. После того как имущество было погружено на подводы, полицейские подожгли дома с надворными постройками. Я видел, что поджигали постройки факелами Козловский, Субботин, Клименко, Пиджаристый и другие полицейские третьей роты и штаба батальона, всех не помню. Ночевали ли мы в Вешках, я точно не помню. Из этой деревни я и некоторые другие полицейские со штаба батальона через какой-то хутор прибыли по проселочной дороге на повозках в деревню Вилейку. К тому времени в Вилейке находилась первая рота во главе с Винницким, майор Кернер, Смовский, Лукович, три немца в форме СД, один полицейский в черной форме и, возможно, другие полицейские из 118-го батальона. Гражданских подводчиков, с которыми мы были в Вешках, в Вилейку не брали оставили их на хуторе при обозе. Вместе с подводчиками оставались на хуторе и полицейские третьей роты, которые были вместе со мной в Вешках, а также мои подчиненные Кира и Сидоренко. Было поручено им готовить там обед.

Вместе со мной в деревню Вилейка прибыли тогда Пиджаристый, Дмитриенко, Скрыпка, Вакарчук, Варламов, санитар Никитенко и врач Коваль. К тому времени в Вилейке было несколько не сожженных домов с одного конца деревни. Большая часть деревни была сожженной. Когда я с указанными лицами прибыл в Вилейку, то к тому времени во дворе или огороде одного дома было собрано большое количество мирных граждан, в том числе женщины, дети, старики, мужчины и молодежь. Их охраняли полицейские из первой роты, но кто именно затрудняюсь сказать. Я видел, что возле собранных людей находились командиры взводов Мелешко Василий, Пасечник и Славутенко, помощники командиров взводов Лакуста и Панкив, Слижук, Катрюк, Филиппов Василий и пулеметчик Кнап.

Находились там и другие полицейские, но всех не помню. В другом доме, который стоял через улицу напротив того двора, где были собраны люди, размещался штаб. Я видел тогда в штабе Кернера, Смовского, его денщика Вусса, Луковича, Винницкого, шефа первой роты обер-лейтенанта, трех немцев в форме СД и полицейского в черной форме. Кто был такой в черной полицейской форме я не знаю. Раньше я нигде его не встречал. Начальника штаба Васюру я там не видел. Где он в то время находился, не знаю.

Примерно в обеденное время собранных людей стали подразделять на группы. Это делали немцы Поль со штаба 118-го батальона, переводчик Лукович с участием Винницкого, шефа первой роты обер-лейтенанта Засс, немцев в форме СД и полицейского в черной форме. Помню, что было выделено в одну группу несколько женщин с детьми разного возраста и заперты в какое-то не жилое помещение. Несколько человек мужчин были отобраны в другую группу и отведены в другое помещение, а молодежь — в третью группу. Остальные люди были отпущены. Были ли это только жители Вилейки или из других еще деревень точно не знаю. Помню, что из отобранных групп женщин и мужчин водили на допрос к Кернеру и Смовскому. О чем они допрашивали задержанных граждан я не знаю, так как присутствовать на допросе мне не приходилось. Затем отобранную группу женщин с детьми в количестве около 30 человек загнали в отдельный сарай и уничтожили вместе с сараем. Находясь тогда возле штаба, я видел как группу женщин с детьми конвоировали к месту расстрела Лукович, Слижук, Лакуста, Катрюк, Филиппов. В числе конвоировавших были и другие полицейские первой роты и штаба батальона, но остальных по фамилиям не помню. Сарай, в котором было уничтожено около 30 человек, находился примерно в 300 метрах от дома, где размещался штаб Кернера и Смовского. Во время уничтожения людей в сарае я был на улице у штаба и видел как людей загнали в сарай конвоировавшие выше названные полицейские. Когда люди были загнаны в сарай, то сразу возле сарая полицейские установили два или три ручных пулемета. Затем в сарай была брошена граната, отчего получился сильный взрыв. После чего по сараю с людьми был открыт ружейно-пулеметный огонь. Сарай загорелся. Все находившиеся в сарае люди были убиты и сожжены. Помню, что в то время Филиппов и Слижук были

с автоматами, Лукович с пистолетом, Катрюк и Лакуста с ручными пулеметами. У Катрюка был чешский пулемет с рожком. У Лакусты обычно на вооружении имелся карабин в первое время службы в батальоне. Но когда конвоировали группу женщин с детьми к сараю, то Лакуста был с ручным пулеметом Дегтярева. Он взял пулемет на то время у кого-то из полицейских первой роты, у кого именно, сейчас не помню. Когда конвоировали людей к сараю и убивали их, то рядом со мной у штаба находились Дмитриенко, Вакарчук, Скрыпка, денщик Вусс, санитар Никитенко, врач Коваль и возможно другие полицейские. Кернер, Смовский, обер-лейтенант Засс и один немец в форме СД находились в штабе и вызывали по одному на допрос задержанных из групп мужчин. Припоминается мне сейчас, что два немца в форме СД и полицейский в черной форме также находились у сарая, когда уничтожали женщин с детьми. Командир роты Винницкий, командиры взводов Мелешко, Пасечник и Славутенко в тот день находились в Вилейке все время. Видел я их в числе других полицейских возле собранных людей во дворе дома, на улице деревни и возле штаба. Были ли они на месте уничтожения группы женщин с детьми, не помню.

Задержанную в Вилейке молодежь писаря Дмитриенко и Скрыпка заносили в списки, а врач Коваль проверял состояние здоровья в целях отправки на работу в Германию. Списки составлялись на немецком и русском языках. Где был сборный пункт для отправки в Германию и куда увезли из Вилейки молодежь, я не знаю. Вскоре после уничтожения женщин с детьми в сарае я вместе с Дмитриенко и Вакарчуком из Вилейки уехал на хутор, где стоял наш обоз. Когда мы прибыли на хутор, то там находились взвод Билыка и еще один взвод из третьей роты, командира которого я сейчас не помню. По времени это было к исходу дня. На хуторе мы ночевали одну ночь и на следующий день уехали по направлению к деревне Кромовичи. Как назывался хутор, где мы ночевали, не помню. Он находился за лесом, примерно в полутора-двух километрах от деревни Вилейка. Совершали ли полицейские нашего батальона какие-либо преступления на хуторе, я не знаю.

Как показал я выше, в деревне Вилейка задержанных мужчин водили на допрос к Кернеру и Смовскому в штаб. Задержанных мужчин было не много, не больше 8–10 человек, но сколько точно

затрудняюсь сейчас сказать. Помню, что мужчины были потом в сарае того дома, где размещался штаб. Они были под охраной. Кто из полицейских охранял их, вспомнить не могу. Находясь возле штаба, я видел тогда, как Поджаристый и Скрипка по одному из сараев водили мужчин на допрос. Заходили в то время в штаб командир роты Винницкий, шеф роты обер-лейтенант Засс, немец Польш, переводчик Лукович и возможно другие немцы и полицейские нашего батальона, всех не помню. О чем допрашивали мужчин я не знаю. Через несколько дней позже мне рассказывали Скрипка и Пиджаристый о том, что мужчин, которых они водили на допрос в штаб расстреляли в Вилейке, но кто их расстрелял они не говорили мне и я не интересовался. Знаю только из их рассказов, что первая рота и штаб батальона ночевали в Вилейке после расстрела женщин с детьми. Как я уехал из Вилейки, первая рота и штаб батальона нашу группу догнали на второй или третий день в одной из больших деревень, которыми были Кромовичи или Березки. Какие еще злодеяния были совершены в то время в Вилейке, я не знаю. Деревни Вилейка, Вешки, Кромовичи и Березки, их названия я помню с периода войны, так как мне приходилось в них быть.

По окончании этой операции полицейский первой роты Филиппов Василий говорил мне, что в лесу, когда двигались из Горное в направлении Новой Вилейки, был обстрелян наш обоз и ранена лошадь подводчика не партизанами, а самим Филипповым. Это он сделал с провокационной целью, чтобы вызвать репрессии в отношении мирных жителей и оправдать эти репрессии ответными мерами на «действия» партизан. Филиппов действительно был с первой ротой, которая двигалась после деревни Горное на левом фланге от штаба батальона и обоза. На вооружении у него все время был автомат и, насколько я помню, по обозу было дано две очереди из автоматического оружия.

В ходе допроса я пользовался топографической картой масштаба 1:200 000, выпуска 1966 года. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26703. Т. 6. Л. 194–201. Подлинник.

№ 91. Из протокола допроса И.И. Козыченко

г. Гродно

7 августа 1973 г.

[...] Вчера на допросе я рассказал, что вспомнил про действия 118-го батальона в первые карательные операции на территории Бегомльского района, о тех злодеяниях, которые были совершены полицейскими в деревнях Новая Вилейка, Вилейка и Вешки. Сегодня я буду продолжать рассказывать про эту операцию.

Двигаясь дальше в северном направлении после хутора, где приходилось ночевать, мы занимались проческой лесной местности. С нами был взвод Билыка, обоз и другие подразделения из третьей роты. На своем пути мне приходилось вместе с Кирой и Сидоренко взрывать на дороге столбы с одним или с двумя проводами. Очевидно партизаны сделали для себя телефонную связь, а возможно это сохранилась довоенная линия связи. Эта линия проходила примерно на участке деревень Вешки — Кромовичи. На своем пути полицейские задерживали скрывавшихся в лесах мирных граждан и доставляли как-будто в деревню Кромовичи. В то время я видел как командир взвода Петрейчук с группой полицейских из третьей роты доставлял в направлении Кромович около 20 человек молодежи. Где была задержана та молодежь, я не знаю. Видел я, как Петрейчук с полицейскими конвоировал молодежь тогда, когда подрывал по дороге телефонные столбы. Они нас обогнали и пошли дальше по направлению Кромович. Как поступили впоследствии с той молодежью, я точно не знаю, но предполагаю, что могли отправить на работу в Германию. О том, чтобы в Кромовичах наши полицейские расстреливали мирных граждан, я не видел. Сколько времени мы находились в Кромовичах, я не помню. Знаю только, что из этой деревни мы прибыли затем в деревню Березки и находились в ней несколько суток. В Березках был штаб батальона, первая и третья роты. Помню, что Кернер, Смовский и первая рота прибыли в Березки несколько позже нас, примерно на второй день.

Когда мы были в Березках, то полицейские первой и третьей рот ходили днем на проческу лесной местности в районе этой деревни. Иногда полицейские по целым дням находились в лесах и возвра-

щались только под вечер. Я вместе с Кирой и Сидоренко на проческу леса не ходили, были при штабе. Совершали ли полицейские нашего батальона какие-либо преступления в деревне Березки и в ее окрестностях, я не знаю. Возможно и совершались там какие-нибудь преступления, но я не видел. Вместе с нами в Березках был обоз и подводчики. Помню, как один из подводчиков по имени Антон в Березках в моем присутствии обращался к Смовскому и просил у него разрешения сходить в свою деревню к матери. Он говорил, что мать его проживала в то время поблизости от деревни Березки. Как была фамилия Антона и в какой деревне проживала его мать я сейчас не помню. Ему было тогда примерно лет 45, а может и больше. Он ехал с батальоном с самих Плещениц. На его повозке ехал денщик Вусс с вещами командира батальона Смовского. Помню, что из Березок Антон ходил в свою деревню и вместе с ним Смовский посылал командира взвода Мелешку с группой полицейских с его взвода. Ходили они ночью. Совершали ли они в деревне Антона какие-либо преступления, не знаю. Из рассказов самого Антона помню, что в первые годы войны он находился в Бегомле и когда партизаны разбили этот гарнизон, то вместе с полицией и немецкой жандармерией он прибыл в Плещеницы и там проживал со своей семьей. Служил Антон в полиции или нет, я не знаю. На операции он был вместе с нами в гражданской одежде. По окончании операции уехал в Плещеницы. Помню, что в Плещеницах Антон приходил в расположение штаба 118-го батальона, где мне приходилось видеть его один или два раза. Я также помню, что Антон вместе с нашим батальоном выезжал перед этим на десятидневную карательную операцию в западном направлении от Плещениц.

По выезде окончательно из деревни Березки мы опять проезжали Кромовичи и двинулись по направлению к шоссе к дороге Плещеницы — Бегомль. Штаб батальона, в том числе и я с подчиненными Кирой и Сидоренко, находились вместе с третьей ротой. На своем пути головное охранение третьей роты, в которое входили взвода Гнатенко и Петрейчука, задержало в лесу несколько скрывававшихся мирных граждан и доставило их в одну деревню, находившуюся в лесу. Пока обоз двигался по лесным дорогам в этом направлении, а вместе с обозом был я и другие по охране обоза, то полицейские третьей роты и штаба батальона в деревне расстреляли много людей

в сарае и подожгли все дома. Кто конкретно из полицейских расстреливал людей и поджигал дома, я не видел, так как это злодеяние было совершено перед самым моим приездом. Я только видел, как горели дома и сарай, в котором были расстреляны люди. Командир взвода Билык, который находился в деревне с самого начала, рассказывал тогда мне что в сарай загнали и расстреляли большое количество мирных граждан, захваченных в самой деревне, и тех, которые были доставлены из леса взводами Гнатенко и Петрейчука. В числе расстрелянных были женщины, дети и мужчины. Однако сколько всего человек там погибло, не знаю. Помню, что деревня состояла из двух улиц или поселков, между которыми имелаь небольшая речка или канава. Сарай, в котором были расстреляны люди, находился как-то в стороне от улицы, ближе к речке, за которой в нескольких метрах начинался второй поселок. Как называлась деревня, я точно не могу сказать, не помню. Предполагаю только, что это могла быть деревня Чупры. Сожженная деревня находилась на участке между Кромовичами и шоссеной дорогой Плещеницы — Бегомль. Где находились тогда первая и вторая роты не знаю. С нами вместе их не было. После сожжения этой деревни мы двигались по направлению к реке Березина и прошли еще большое расстояние. В основном проходили по лесной местности, ночевали в каких-то деревнях и потом в районе Бегомля встретились с первой ротой. Где была в то время вторая рота, не знаю. Затем из-под Бегомля мы прибыли в деревню Маковье. Первая рота сразу ушла в направлении деревни Уборок, а третья — в деревню Холмовка. И первая и третья роты находились по несколько дней в засаде на партизан в болоте вдоль реки Березина. Из имевшихся в то время разговоров в штабе батальона я знаю, что на второй или третий день, после нашего прибытия в тот район, третья рота сожгла Холмовку. Когда мы прибыли в Маковье, то начальник штаба Васюра был вместе со штабом. Где он был до этого, я не знаю. Помню, что в деревню Маковье кто-то из полицейских доставил в то время двух задержанных парней в возрасте примерно 17–18 лет. Их подозревали в связи с партизанами. Начальник штаба Васюра и переводчик Лукович допрашивали задержанных в доме, где размещался штаб. Подвергали их избиению и разным пыткам, чтобы признали в связи с партизанами и рассказали, где есть партизаны. Васюра и Лукович заставляли задержанных копать для себя

яму за сараем дома, где был штаб батальона. Задержанные парни и после этого ничего не сказали. Тогда Васюра и Лукович отвели обоих к выкопанной яме и расстреляли их из пистолетов прямо в упор. В то время я находился в штабе батальона и все это видел. Кроме меня в штабе находились тогда писаря Дмитриенко и Скрыпка, старшина штаба Варламов, денщик Вусс и другие полицейские, всех не помню. Расстрелянных парней Васюра поручал закопать кому-то из полицейских со штаба, возможно старшине Варламову, так как он считался и комендантом штаба батальона. Из какой деревни были те расстрелянные парни я не знаю. Они были в поношенной гражданской одежде. Хорошо помню, что это было в дер. Маковье.

Примерно на третий или четвертый день после расстрела двух парней в Маковье был доставлен в штаб батальона один партизан. Его доставили полицейские из третьей роты, кто именно сейчас не помню, от реки Березина. Задержанного партизана допрашивали в штабе Васюра, Лукович и два немца со штаба нашего батальона. Находясь во дворе штаба, я видел, как партизан выскочил из дома и стал убегать в сторону леса. За ним бежали Васюра, Лукович, я и другие полицейские. Васюра и Лукович по убежавшему стреляли из пистолетов, но он продолжал убегать. Поблизости леса убежавший наскочил на засаду полицейских третьей роты и из них кто-то дал очередь из пулемета по нему и убил. Кто конкретно из полицейских третьей роты убил убежавшего партизана, я не знаю. О том, что это был партизан, говорили тогда Васюра и Лукович. Куда дели потом труп убитого, мне неизвестно. Других фактов задержания и расстрела людей в деревне Маковье, я не знаю.

Будучи в Маковье, мне приходилось ездить к реке Березина, где находилась в засаде первая рота во главе с Винницким. Там имелся затор плотов на реке и Винницкий настаивал их взорвать, чтобы внезапно не напали на них партизаны из-за реки. Для этой цели начальник штаба Васюра направлял туда меня и Киру. Ездили мы на подводе через деревню Уборок, в которой в то время находился Винницкий с полицейскими первой ротой. Там он дал нам своего проводника из полицейских и мы ходили к реке пешком, так как проехать было невозможно от Уборка к месту засады³⁶. Видел

³⁶Так в тексте.

я у реки командира Пасечника со своим взводом. Осмотрев те места, я с Кирой плоты не стали взрывать, так как своей взрывчаткой их не взорвали бы. После этого мы возвратились в штаб батальона.

Помню, что из Маковья штаб батальона вместе со Смовским, Васюрой и другими полицейскими переезжал в деревню Уборок и находился там несколько дней. Переезжал в Уборок и я вместе с обозом, но как-будто на второй день меня отправили опять в Маковье. Вместе со мной возвратились в Маковье мои подчиненные Кира, Сидоренко и другие полицейские штаба батальона. В Маковье мы заняли прежние дома и находились здесь до конца операции. Совершали ли полицейские 118-го батальона какие-либо преступления в деревне Уборок, я не знаю.

Из имевшихся в то время разговоров в штабе батальона я знаю, что вторая рота под командованием Франчука Николая действовала в районе деревень Недаль, Брод и одну из этих деревень как будто сожгла. Были ли расстреляны люди в них, сейчас не могу сказать, не помню.

Расстреливали ли полицейские нашего батальона людей в деревнях Холмовка, Уборок и Недаль, мне неизвестно. О факте расстрела двух мальчиков-подростков в Холмовке, трупы которых находились в сундуке, где хранилось зерно, я ничего не знаю и об этом слышу впервые. В Холмовке мне приходилось быть только в первый день проездом, когда следовали в Маковье. Специально в эту деревню я не ездил.

Помню, что штаб батальона из Уборок через некоторое время возвращался в деревню Маковье и находился здесь до конца операции. Штаб Смовского размещался в Маковье в доме одного местного жителя, а майор Кернер с немцами размещался в другом доме через улицу напротив первого. При штабе находились тогда Васюра, Лукович, Пиджаристый, Вакарчук, Ярko, Лютык, Дмитриенко, Варламов и Скрыпко. Полицейский Ярko переводился в штаб батальона из первой или второй рот и выезжал на эту операцию вместе со штабом. Насколько я помню, он был денщиком у майора Кернера.

Командир батальона Смовский любил выдавать себя за полковника, хотя имел звание майора полиции, и полицейские называли его полковником. Так было, когда стояли в Плещеницах и во

время операций. В звании подполковника никого из командиров 118-го батальона не было. О том, чтобы на данной операции при штабе батальона или в ротах имелись мотоциклы, я не помню. Когда батальон передислоцировался в Западную Белоруссию, то мотоциклы были в штабе и в каких-то ротах. Кто из полицейских ездил на них, сейчас не помню.

Я уже выше показал, что в деревне Маковье со штаба батальона бежал один задержанный партизан, за которым гнались Васюра, Лукович и я. Первые двое по убежавшему стреляли из пистолетов. Гнался ли кто-либо из полицейских верхом на лошади за убежавшим, я не помню. Слышал тогда, как по убежавшему раздалась очередь из автоматического оружия, и он был убит. Сослуживцы в то время говорили, кто именно говорил, не помню, что убежавший был убит из ручного пулемета полицейским третьей роты. Кто конкретно убил, не знаю. Был ли убежавший партизаном или это гражданский человек, я точно не знаю. Допрашивали его начальник штаба Васюра, переводчик Лукович, немец Кирфельд и еще один немец, фамилии которого не помню.

О факте расстрела 16 человек мужчин, работавших по настилу гати на болоте в районе деревни Уборок, я ничего не знаю и впервые об этом слышу.

По окончании операции все три роты и штаб батальона собрались возле деревни Мстиж и оттуда на подводах по булыжниковой дороге уехали на Борисов. В городе Борисове долго не задерживались. Там мы погрузились в эшелон и выехали в западную Белоруссию.

Больше про карательную операцию, которая проводилась целый месяц 118-м батальоном на территории Бегомльского района, ничего не могу вспомнить. Эта операция началась в мае месяце, а окончилась во второй половине июня. Название деревень Маковье, Уборок и Холмовка я помню с периода войны. [...]

№ 92. Из протокола допроса Н.А Шульги

г. Гродно

13 октября 1973 г.

Вопрос: Продолжайте давать показания в отношении карательной деятельности 118-го батальона.

Ответ: С осени 1943 года, точнее время не помню, 3-я рота, в которой я проходил службу, стояла в городе Щучине. Я являлся денщиком командира роты Нарядько Ивана. В период дислокации 3-й роты в местечке Щучин солдаты занимались охраной отдельных объектов, а также принимали участие в вооруженной борьбе против партизан. Мне припоминается случай, когда ранней весной 1944 года примерно 12 солдат нашей роты во время сопровождения продуктов питания и боеприпасов на автомашинах по шоссе Лида — Щучин попали на засаду партизан. В результате происшедшего боя часть солдат была убита, а несколько человек, в том числе и Бабич, ранено. На второй день одно из подразделений третьей роты, какое именно не помню, выезжало к месту боя, там обнаружили три или четыре наших солдат убитыми. Одним из них был санитар третьей роты, по фамилии сейчас не помню. Занимались ли они поиском партизан, мне неизвестно, так как я в составе этой группы не был. Кто конкретно выезжал на эту операцию, выезжал ли вместе с этой группой Нарядько, в моей памяти не сохранилось. Что конкретно делали полицейские при выезде на эту операцию, не помню, возможно, в это время кто-либо и рассказывал, что там происходило, но в настоящее время конкретно об этом я показать ничего не могу. Помню, что после этой операции, по-моему, Бондаренко Василий привез велосипед. Как я тогда слышал, что они якобы встретили на дороге какого-то мужчину и взяли у него велосипед. Что они сделали с этим мужчиной, мне неизвестно. Кроме того, после этой операции в роте появилась кубанка, которую носили поочередно Абдулаев и Солоп. Где они взяли эту кубанку, я не помню.

Вопрос: Свидетель Мышак Сергей Порфиорович на допросе 26 июля 1973 года показал, что во время операции, на которую выезжали полицейские третьей роты в связи с обстрелом колонны автомашин, которая везла продукты и боеприпасы, на хуторе было

убито трое мужчин среднего возраста в гражданской одежде. Вначале их задержали, затем немецкий офицер и Игнатенко допрашивали. После допроса Солоп, Бондаренко Василий, Котов и Волошин отвели задержанных в лес, приказали им бежать, а сами по ним открыли стрельбу. Выдержка из показаний Мышака в этой части Вам зачитана, что Вы можете пояснить по этому вопросу?

Ответ: Показания Мышака Сергея в части расстрела трех мужчин мне зачитана следователем, суть его показаний понятна. Возможно, во время этой операции и были расстреляны мужчины, но этого факта не помню, так как сам на эту операцию не выезжал. Когда вернулся из этой операции Субботин, я не помню.

Вопрос: Продолжайте давать показания о карательной деятельности 118-го батальона.

Ответ: В июне 1944 года, незадолго до нашего ухода из местечка Щучино, прошел слух, что на окраине местечка советскими партизанами ночью расстреляна семья вместе с находившимся там сыном коменданта Щучинской полиции. Однако вскоре к нам в расположение роты пришли жандармы и ходили по расположению. Наши полицейские после этого стали говорить, что из семьи, которая расстреливалась, осталась в живых дочка хозяина. Она якобы была только ранена и затем сказала, что среди расстреливавших их семью был украинец с усиками, а в то время у нас усики носил Солоп Сергей. Спустя 3–4 дня, после того как были жандармы, командир роты Нарядько выстроил нас и заявил: «Если только жандармы еще придут в расположение и будут кого-либо арестовывать, то их надо стрелять». Жандармы больше к нам не приходили, а мы вскоре из Щучина выехали в Лиду, где находился штаб батальона.

Когда я был судим в 1945 году, то на процессе узнал, что семью на окраине Щучина, где был и сын коменданта полиции расстреляли Набережный, Солоп и Субботин, а не советские партизаны. Сейчас мне Каган Иван Тимофеевич рассказывал, что Субботин после расстрела принес к нему на конюшню и спрятал под пол костюм и другое награбленное имущество, которое он взял в доме расстрелянных. Костюм Субботин в карты во Франции³⁷, а также Каган говорил, что Субботин в это время прятал и часы в его телеге.

³⁷ Так в тексте.

За что была расстреляна эта семья, какое участие в этом принимал Нарядько, мне не известно.

Вопрос: На допросе 26 июля 1973 года Мышак Сергей Порфирович показал, что от Вас лично слышал, о том, что когда расстреливали эту семью, то Субботин и Солоп старуху стреляли в затылок, а молодую женщину ранили в шею. Затем эту женщину поместили в лазарет, где она кем-то была добита. Выдержка из показаний Мышака от 26 июля 1973 года в этой части Вам зачитана, что Вы можете сказать теперь по этому вопросу?

Ответ: Показания свидетеля Мышака от 26 июля 1973 года в части расстрела семьи в местечке Щучин мне зачитаны следователем. Суть показаний понятна. Мышаку об этом факте расстрела, а именно о том, что этих женщин стреляли Субботин и Солоп, я не рассказывал. Об этом я сам узнал от Качина. Я считаю, что Мышак слышал об этом факте от кого-то другого, но не от меня. Я лично до сих пор не знал о том, что старую женщину Субботин и Солоп стреляли в затылок, а молодую ранили в шею. Возможно, это было и так, но мне об этом ничего не известно.

Вопрос: Какие факты злодеяний Вы еще знаете?

Ответ: Кроме указанных мною фактов случаев убийства и расстрела граждан я не помню. Летом 1944 года, точно месяца я не помню, я вместе с командиром роты Нарядько и другими полицейскими выезжал через станцию Дошанку в населенные пункты на берег Немана, где занимались сбором с населения продовольственных поставок. В частности забирали скот, хлеб и другие продукты. В это время сел мы не сжигали и мирное население не расстреливали. Вскоре после этого мы под натиском партизан и, по-моему, советских войск стали отступать через Лиду, Гродно, Польшу и во Францию. Во Франции карательной деятельностью наш батальон не занимался.

Вопрос: Свидетель Мышак на допросе 23 июля 1973 года показали, что во время дислокации 118-го батальона на реке Березине и когда третья рота была в засаде, то полицейским рот приходилось ходить за продуктами в штаб батальона, который стоял в деревне Уборок. Во время одного посещения штаба Вы вместе с Мышаком, Королем или Котовым слышали рассказ писаря штаба Скрыпки о том, как Васюра и переводчик Лукович в селе Уборок расстреляли

двух партизан. Выдержка из показаний Мышака в той части Вам зачитана. Что Вам известно об этом факте расстрела?

Ответ: Выдержка из протокола допроса свидетеля Мышак от 23 июля 1973 года в части расстрела двух партизан мне зачитана следователем. Суть показаний понятна. Да, в то время, когда мы стояли на реке Березине, то мне действительно приходилось ходить за продуктами в штаб батальона. С кем именно я ходил и сколько раз, не помню. О том, что в деревне Уборок Васюра и Лукович убили двух партизан, я, возможно, в это время и слышал, но в настоящее время об этом факте я сказать ничего не могу, так как не помню.

Вопрос: На допросе по своему делу 5 марта 1945 года Вы показали, что принимали участие в сжигании деревень два раза: один раз когда были в Логойске, а второй раз когда стояли в Плещеницах. Выдержка из протокола допроса в этой части Вам зачитана. Что Вы можете пояснить по этому вопросу в настоящее время.

Ответ: Выдержка из моих показаний мне зачитана следователем. Суть показаний понятна. Подписи на листах протокола допроса от 5 марта 1945 года мои. О том, чтобы я принимал участие в сжигании деревни, когда мы стояли в Логойске, я не помню, а что касается сжигания деревни, когда мы стояли в Плещеницах, то это я тогда имел в виду деревню Чупры, но я лично там домов не поджигал, кто их поджигал не видел, а стояли при этом в оцеплении деревни с винтовкой в руках с задачей не допустить ухода мирных граждан во время расправы над ними в лес.

Вопрос: Что Вам известно о карательной деятельности полицейских двух других рот 118-го батальона?

Ответ: Две другие роты нашего батальона также активно проводили свою карательную деятельность, но конкретно о их злодеяниях, кроме тех, где мы участвовали вместе, мне ничего не известно.

Вопрос: Каковы взаимоотношения у Вас были с теми лицами, которых Вы назвали во время допроса?

Ответ: Взаимоотношения со всеми лицами у меня были обычными.

Вопрос: Чем Вы желаете дополнить свои показания?

Ответ: Во время дислокации батальона весной 1943 года, точнее время указать не могу, я ездил в отпуск. Отпуск мне дали, как я сейчас помню, не за заслуги, а потому, чтобы я отвез домой к Нарядько

баян, который он взял во время одной из операций. Где он взял баян и при каких обстоятельствах, я не помню. Знаю, что я возил тогда баян родителям Нарядько, которые жили в селе Матусаво Шполян-ского района Черкасской области, где жил и проживаю в настоящее время и я. Вместе со мной в это время в отпуск ездил и Салоп Сергей. За что ему давали отпуск, мне неизвестно. С ним мы ездили вместе, так как он проживал до войны в деревне Искрена, которая находится в Шполянском районе и не далеко от Матусаво. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело № 26703. Т. 8. Л. 179–190. Подлинник. Типографский бланк, рукопись.

№ 93. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

1 ноября 1973 г.

[...] Вопрос: Что Вам известно о карательной деятельности 118-го полицейского батальона в период так называемой «Березинской операции»?

Ответ: На «Березинскую операцию» 118-й полицейский батальон выезжал в полном составе во второй половине мая месяца 1943 года. Выезжали на эту операцию на подводах. Подводчиков брали из окрестных деревень местечка Плещеницы. Начали движение по дороге на Бегомль. Ехали вначале шоссейной дорогой, а затем взяли путь западнее этой дороги. Ориентируясь по топографической карте Минской области масштабом 1:200 000 на запад мы свернули, по-моему, в районе деревни Жердяжье, хотя точно место поворота не помню. Затем поехали проселочными дорогами. Ехали следующим порядком. Двигались первая, за ней вторая и третья роты. КЕРНЕР, по-моему, ехал в легковой автомашине, но за какой ротой он ехал, не помню. Замыкал колону обоз батальона. Как я помню станковые пулеметы нашей роты, которыми командовал СЛАВУТЕНКО, двигались вместе с ротой на подводах. С пулеметами ехали пулеметчики. Я помню только ЛЕЩЕНКО, имя и отчество не знаю, который был первым номером одного из пулеметов. Штаб батальона двигался вместе с ротами и рядом с ними впереди или же сзади двигался расчет пушки, которым командовал БЕСКАНДЕРОВ и минометный взвод, которым командовал БИЛЫК. Через какие деревни мы двигались, я в настоящее время не помню. Но, ориентируясь на карте, вспоминаю, что проезжали какую-то речушку, где был деревянный мостик. Этот мостик и речушку я запомнил потому, что когда мы были в деревне, которая находилась правее по ходу нашего движения, то нам кто-то сообщил, что на mine возле этого мостика, где была насыпь, подорвался СЛОВСКИЙ. При каких обстоятельствах он подорвался, я не знаю, но такой случай имел место тогда, когда первый взвод преодолел речку и был уже в деревне. Речка была мелкая, а поэтому я думаю, что мой взвод через мостик не шел. Я помню, что когда

первая рота перешла речку, то из деревни по ней стали стрелять. Мы дали ответный огонь. Перестрелка длилась недолго. В деревню вошла вся первая рота. Заходили ли в эту деревню две другие роты не помню. Возможно они шли в обход деревни, но точнее сказать, где они находились в то время, когда мы были в деревне, сказать не могу, не помню. Что собой представляла та деревня, сказать затрудняюсь. Это была обычная деревня, каких много мы повстречали на своем пути. Деревня была небольшая. От речки стояла на расстоянии до 400 метров, на небольшой возвышенности. По топографической карте в то время и сейчас я ориентируюсь хорошо, так как приходилось по ней работать, поэтому считаю, что в настоящее время эта деревня называется Новая Вилейка. Как эта деревня называлась в то время, возможно также Н. Вилейкой, не помню. Жителей в этой деревне не было. В деревне мы были недолго. Мой взвод двигался в авангарде батальона и, поэтому домов в этой деревне не поджигал, но я знаю, что эта деревня была сожжена. Какой взвод или рота поджигала эту деревню, мне неизвестно. На этой деревне мы вышли на дорогу, которая вела в д. Вилейка. Шли ли впереди нашей первой роты в том числе первого взвода мирные граждане, не помню. Возможно, и шли, но откуда их могли взять и кто, не знаю. В деревню Вилейка, которую я вспоминаю, первый взвод шел в основном лесом. В эту деревню шла первая рота вся. За ней двигался штаб и другие роты, но как они шли и каким маршрутом, не знаю. Перед деревней мой взвод ушел влево от деревни, а два других двигались вдоль дороги, а возможно рядом с ней с правой стороны деревни. Это было сделано для того, чтобы оцепить деревню, так как там должны были находиться партизаны. Перед деревней часть первой роты была обстреляна партизанами со стороны леса. Огонь по полицейским велся интенсивно. Мой взвод в связи с тем, что был левее деревни, обстрелян, по-моему, не был, хотя этого я утверждать не могу. Полагаю об этом потому, что с моего взвода раненых и убитых в это время не было. По остальной части роты, как я уже говорил, огонь был со стороны леса интенсивный. Было ли в этом лесу кладбище или просто лес, не знаю. С нашей стреляли в основном станковые пулеметы первой роты, которые двигались следом за ротой по дороге. Деревня была большой, более ста домов. Тянулась в основном одной улицей. Возле деревни протекала ре-

чушка. Была ли в этой деревне церковь, не помню. Жителей в деревне не было. В этот день было сожжено несколько домов, но кто их поджигал, не помню. Возможно они загорелись во время перестрелки с партизанами. В деревне в этот день мы на ночлег не останавливались, а пошли прочесывать лес вокруг этой деревни. Лес прочесывали два или три дня. Ночевали в каких-то деревнях. Название деревень не помню, но знаю, что в них мы злодеяний не делали. Во время прочески леса перед нами была поставлена задача <нрзб> жителей деревни и отправлять их домой под разными предложениями. Для какой цели мы должны были собирать жителей деревни в лесу и отправлять их домой, мне неизвестно было. Возможно, кто-нибудь из офицеров, в том числе и командиров взводов знал для чего мы должны были собирать людей в деревне, но я не знал. Когда прочесывали лес, мой взвод мирных жителей в деревне не встречал. Я помню, что мы обнаружили в лесу какой-то скот и пригнали его в деревню. Полицейские других взводов приводили в деревню людей, а также некоторые люди в деревню пришли сами. Я хорошо не помню, кто приводил людей в деревню, но знаю, что когда мы вернулись в д. Вилейка, то люди в деревне были. На этот раз штаб батальона, первая и, по-моему, третья роты остановились в деревне. На следующий день, а возможно и в этот же день было приказано кем-то из числа командиров штаба свести всех людей к штабу. Я снял с оцепления отделения ЛАКУСТЫ и КАТРЮКА с тем, чтобы они занимались сбором жителей деревни. Кроме этих отделений людей сгоняли к штабу полицейские третьего взвода, первой роты, которым командовал ПАСЕЧНИК. Сбором населения занимался и второй взвод первой роты. В этот же день полицейский какой-то другой роты приводили молодежь из соседних деревень в д. Вилейка. Сколько было приведено молодежи из соседних деревень и кто именно ее приводел, не помню. Людей собирали всех около дома, где размещался штаб. Возле штаба были СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ, ВИННИЦКИЙ, КЕРНЕР, ЗАСС, БИЛЫК и другие офицеры штаба. После того как жители деревни были собраны возле штаба молодежь из общей массы отобрали и погрузили на машины, которые были присланы в деревню за молодежью. Машин было, по-моему, более пяти. На машинах были немцы, которые сопровождали молодежь. Сколько было собрано молодежи,

сказать затрудняюсь, была группа не менее 10 человек. При колонне автомашин были и мотоциклами, но сколько их было, не помню. Кто занимался погрузкой людей в машину, я также не помню. Я лично погрузкой молодежи в машины не занимался. Затем была отобрана группа женщин и детей. Группа была не менее 10 человек, но сколько было женщин и детей в настоящее время сказать затрудняюсь, не помню. Командир батальона КЕРНЕР дал приказание ЗАСС отвезти эту группу в сарай и расстрелять. С другой стороны СМОВСКИЙ дал приказ ВИННИЦКОМУ — расстрелять эту группу. ВИННИЦКИЙ дал мне команду сопровождать эту группу до сарая. Из моего взвода сопровождали эту группу полицейские первого отделения во главе с ЛАКУСТОЙ. Кроме них был третий взвод первой роты под командованием ПАСЕЧНИКА. Кроме рядовых полицейских группу женщин и детей вели к сараю немец старший лейтенант ЗАСС, ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ, ВИННИЦКИЙ, ФИЛИППОВ, СМОВСКИЙ и я. Сарай, к которому привели группу женщин и детей находился от штаба примерно на расстоянии до 200–300 метров. Сарай был деревянный с соломенной крышей. Что было в этом сарае не знаю, в сарай не заходил. После того как людей загнали в сарай, двери сарая закрыли. Двери, по-моему, закрывали ЛУКОВИЧ и ФИЛИППОВ. Каким образом полицейских перед сараем, не помню. Был ли при этом станковый пулемет не знаю, не видел. Ручные пулеметы были. После расстановки полицейских ЗАСС дал команду поджечь сарай. Дублировалась ли эта команда или нет, не помню. Сарай подожгли немцы и ЛУКОВИЧ. ЛУКОВИЧ поджигал сарай факелом. Поджигали ли сарай другие, не знаю. Когда крыша сарая сторела и обвалилась, то в это время были слышны взрывы гранат. Кто бросил гранаты и сколько не помню. Знаю, что взрывы гранат были. Затем СМОВСКИЙ дал команду открыть огонь. Дублировалась ли эта команда, не помню. В это время открыли огонь все полицейские отделения ЛАКУСТЫ, и он в том числе, стреляли по сараю и полицейские взвода ПАСЕЧНИКА. Из первого отделения моего взвода стреляли ЛАКУСТА, из имевшегося у него карабина, КУРКА, ЮРАЩУК, ДЗЕБА и ШВЕЙКО. В этом отделении стрелял кто-то из ручного пулемета, но у кого был в то время на вооружении ручной пулемет, не помню. Полицейские третьего взвода также все стреляли по сараю.

Особенно мне запомнился КМИТ Иван, который был командиром одного из отделений третьего взвода. По сараю стрелял и командир третьего взвода ПАСЕЧНИК. Кроме полицейских взводов стреляли по сараю немцы, ЛУКОВИЧ, ФИЛИППОВ и другие. Стреляли ли по сараю ВАСЮРА, СМОВСКИЙ и ВИННИЦКИЙ, сказать затрудняюсь, не помню. У меня был на вооружении пистолет, и я лично по сараю не стрелял. Стрельба была бесконтрольная, а потому кто сколько раз выстрелил не могу, да и определить это в то время было невозможно. Знаю, что рядовые полицейские, которые были возле сарая, стреляли все. После того как мы убедились, что все люди убиты и сгорел сарай вместе с людьми, мы все вернулись к штабу. Возле штаба группы мужчин, которая оставалась стоять, когда мы увели женщин, не было. Куда их увели и кто, мне неизвестно. В то время я слышал от мужчин, но от кого, не помню, что мужчин допрашивали в штабе, а затем их также расстреляли в каком-то сарае. Как было в действительности, сказать не могу, при этом не присутствовал. После этого мы выехали дальше по направлению Бегомля. Когда мы уехали в тот же день или на второй день, не помню. Деревня была сожжена, но кем именно, не помню, так как лично сам не видел. Деревня горела после того, как первый взвод из деревни вышел. Поджигали дома в деревне полицейские, которые выезжали из деревни последними. Кто выезжал последним, не помню. Вдеревне Вилейка была первая рота и штаб батальона. Были ли в этой деревне две другие роты, не помню. Других случаев убийств в этой деревне я не знаю. Трупов убитых людей в деревне не видел. Расстреливались ли граждане в этой деревне по одному и возле своих домов, мне неизвестно. Взаимоотношения со всеми мной названными лицами были обычные. Неприязненных отношений с ними не было, родственниками не являлись. Смогу ли я узнать всех этих лиц в настоящее время, утвердительно сказать не могу. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 69–75. Заверенная копия. Машинопись.

№ 94. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

2 ноября 1973 г.

[...] Вопрос: Продолжайте давать показание о карательной деятельности 118-го полицейского батальона в период Березинской операции.

Ответ: После того как в деревне Вилейке окончилась наша карательная деятельность и эта деревня была сожжена, батальон стал продвигаться дальше в сторону реки Березина. Двигаясь по этому маршруту мы пришли в какую-то деревню. Название деревни не помню. Какие в этой деревне были дома или места, в моей памяти не сохранилось. Через сколько дней после выхода из деревни Вилейка мы прибыли в эту деревню, точно сказать не могу. Через два или три дня. В эту деревню прибыл весь батальон в полном составе, здесь же был и штаб. В деревне мы все расположились по домам. Жители в деревне, по-моему были, но сколько было жителей в деревне, все ли они находились дома или часть их пришла в деревню после нашего прибытия, не помню. Возможно, часть людей была в лесу, а затем пришла в деревню, сказать затрудняюсь, не помню. В каких домах размещался штаб батальона и роты, сказать не могу, все разместились в деревне. Был ли бой перед этой деревней точно не помню, по-моему, боя с партизанами не было. В первый день нашего прибытия, а возможно, на второй день была дана команда собирать людей в одно место. Я лично такую команду получил от ВИННИЦКОГО, а он получил команду собирать людей в штабе батальона. После этого полицейские моего взвода и другие полицейские первой и третьей рот стали сгонять людей к штабу. Людей сгоняли не всех, а был какой-то список. В этом списке были внесены, как я полагаю, лица, которые имели связь с партизанами и семьи активистов. Лично я этого списка не читал и в руках не держал, но видел, как староста деревни, немец и какие-то полицейские ходили по деревне со списком. Как фамилия старосты деревни, мне неизвестно. После того как люди были собраны в одно место, из штаба вышел КЕРНЕР, СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ, ВУСС, КОЗЫНЧЕНКО, ВИННИЦКИЙ, НАРЯДЬКО, ФРАНЧУК, БИЛЫК

и другие и подошли к общей массе людей. Людей было собрано много, сколько точно, сказать затрудняюсь, но более чем 50 человек. В основном было взрослое население. Мужчин больше, чем женщин. Были ли дети, не помню. Возможно, и были, но не очень много. После этого поступила команда, от кого точно, не помню, конвоировать эту группу в сарай. При этом впереди шли ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ и ЗАСС, которые показывали дорогу к сараю. Затем шли мирные граждане, которых конвоировали три взвода первой роты, какой-то взвод второй роты и один взвод третьей роты. За конвоирами шли рядом, а возможно, чуть позади ВИННИЦКИЙ, ВУСС, ФИЛИППОВ, НАРЯДЬКО, КОЗЫНЧЕНКО, ПАСЕЧНИК, БИЛЫК и я. Был ли при этом ФРАНЧУК, не помню. Я хорошо помню, что мой взвод был в полном составе. Командовали отделениями в то время ЛАКУСТА, КАТРЮК и ДУМИЧ. Сарай от места сбора населения находился примерно в 300 метрах, почти на окраине деревни. Здание сарая было деревянным, крыша соломенная. Что было в сарае и какие его размеры, не помню. Знаю, что все люди вместились в этом сарае. В сарай в это время толкнули и старосту. Кто его толкнул, требовали ли граждане это, или нет не помню. Знаю, что старосту тоже закрыли в сарае вместе со всеми. Двери сарая закрыли. Кто закрывал двери сарая, точно сказать не могу, видел, что в это время возле сарая был ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ и КАТРЮК. Закрывали ли они двери или проверяли, как закрыты двери кем-то другим, точно сказать не могу, не помню. После этого всех полицейских первой роты, один какой-то взвод второй роты и один взвод третьей роты поставили в оцепление сарая в виде подковы на расстоянии до 50 метров. Полицейские стояли лицом в сторону дверей сарая. Затем сарай подожгли. Кто конкретно поджигал сарай, всех не помню, но видел, как поджигали сарай ЛУКОВИЧ и ЛЮТЫК. Сарай был подожжен с двух сторон. Гранат в сарай, по-моему, не бросали. Были ли взрывы гранат не помню, возможно и были. Как только сарай стал гореть, из сарая раздались страшные крики. Тут же ЗАСС и ВАСЮРА дали команду открыть огонь по сараю. Был ли при этом перед сараем станковый пулемет, не помню. По-моему, не было. По сараю открыли огонь все полицейские, которые стояли в оцеплении. Я помню, что стреляли по сараю ЛУКОВИЧ, ФИЛИППОВ, ЛЮТЫК, ЛОЗИНСКИЙ, КМИТ, САХНО, КНАП, ВУСС, ЛАКУСТА,

КАТРЮК, ИВАНЬКИВ, КУРКЕЧ, ГОНЧАРОВ, ДУМИЧ, КАТРЮК и другие. Стрелял ли по сараю ВАСЮРА, не помню. Я при этом был, но по сараю, по-моему, не стрелял. Давал ли я команду своему взводу на открытие огня, из-за давности времени не помню. Сколько сделал каждый полицейский выстрелов, не знаю, стреляли долго. Ушли от сарая после того как убедились, что в живых никто не остался и сарай догорал. После уничтожения этих граждан мы вернулись в деревню, а затем в этот день или во второй день ушли дальше. Чем занимались остальные полицейские, которые не участвовали в уничтожении граждан в сарае, не помню. Я считаю, что другие роты из деревни первыми двигаться не могли, так как СМОВСКИЙ всегда посылал первую роту в авангард батальона. Вторая рота в период нахождения батальона в деревне могла прочесывать лес возле этой деревне и собирать в лесу мирных граждан. Но было ли это так, я сказать не могу, не помню. В моей памяти осталось то, что после уничтожения граждан в сарае дома в деревне не поджигали и первая рота, как обычно, вышла из деревни первой, а за ней все остальные. Дальше мы двигались по направлению д. Уборок, название этой деревни я не помню. В пути движения горела деревня Маковье или же рядом стоящая возле нее деревня, но обстоятельств сожжения той деревни я не помню, так как лично я там не был.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что после уничтожения жителей деревни Вилейки на третий или четвертый день был сожжено в сарае 78 жителей деревни Осовы. Что Вы можете пояснить по этому вопросу?

Ответ: Судя по времени я думаю, что деревня, о которой я рассказывал и где было уничтожено более 50 человек жителей деревни, называется Осовы. Больше в то время такого количества людей мы нигде не уничтожали, а поэтому я считаю, что именно в Осовах мы уничтожили при тех обстоятельствах, о которых я рассказывал, более 50 человек. Сколько всего было уничтожено в сарае людей, было ли уничтожено именно 78 человек, сказать не могу, не помню.

Вопрос: Что Вам известно о карательной деятельности 118-го батальона в районе деревни Нестановичи, Пleshеницкого района?

Ответ: Название деревни Нестановичи, Пleshеницкого района я припоминаю. В районе этой деревни мы были и проводили карательную операцию. Это было где-то в начале весны 1943 года. Точ-

нее время указать не могу. На эту операцию выезжала первая рота в полном составе. Мне запомнилось, что в районе этой деревни нами было убито на лугу до 10 человек. В этой группе были в основном мужчины, были ли женщины, не помню. Люди бежали из деревни через луг в лес. Стреляли по ним все полицейские первой роты. На эту операцию выезжал я, ЛАКУСТА, КАТРЮК, КНАП, САХНО, ЛОЗИНСКИЙ, КУРКА и все другие. Все эти полицейские стреляли по убегающим жителям деревни. Были ли это партизаны или местные жители, точно сказать не могу. Были убиты по-моему, все люди которые бежали по лугу. К трупам я лично не подходил. Подходил ли кто либо другой к трупам, не помню. Деревню не сжигали. Грабежом в деревне занимались, но в основном местные полицейские Плещеницкой полиции, которые выезжали вместе с нами. Сколько полицейских из местной полиции, не знаю. После этого вернулись в Плещеницы. Взаимоотношения со всеми названными мною лицами были обычными. Ссор и личных счетов не было и нет. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 76–80. Заверенная копия.
Машинопись.*

№ 95. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

3 ноября 1973 г.

[...] Вопрос: Что вам известно о карательной деятельности 118-го батальона?

Ответ: В то время, когда первая рота 118-го батальона дислоцировался в местечке Ивье, название местечка помню с войны, весной 1944 года, во время выезда на одну из операций нами были обстреляны два всадника, а затем убито 2 мужчины, которые убежали в лес. В какой это было деревне, точно сказать не могу. Из местечка Ивья мы выезжали в основном в трех направлениях, а именно: Морино, Галеново и Зубковичи. Этот факт, возможно, имел место в Галеново или Зубковичи, но точно сказать не могу, не помню. Произошло это при следующих обстоятельствах. Первая рота в полном составе вышла в одну из деревень. Кто командовал ротой, не помню. Мог командовать ротой вместо Винницкого старший лейтенант Решетов или я. Помню, что вместе с нами выезжал и немец ЗАСС, шеф первой роты. Когда стали заезжать в деревню, то из деревни выскочили два всадника на лошадях. Какой масти были лошади, не помню. По ним был открыт огонь. Стреляли в основном из станкового пулемета, за которым был Лещенко и ручных пулеметов. Стреляли Иванькив, Кнап, Лакуста, Катрюк и другие. Стреляли из автомата и винтовок, но кто конкретно, сказать не могу. Всадники скрылись в лесу. До них было расстояние примерно 300 метров, а поэтому я считаю, что их мы не убили. Во время обстрела всадников из той же деревни выбежали двое мужчин в гражданской одежде и побежали в направлении леса. Этих мужчин полицейские первой роты убили. По ним стреляли Лещенко из пулемета, Иванькив, Лакуста, Кнап, Катрюк, Филиппов, Лозинский и другие. Кто конкретно из них убил этих мужчин сказать не могу, не знаю. Они были убиты во время ухода в лес, но не доходя до него. Мужчины находились от полицейских на расстоянии до 200 метров, а потому каждый, кто стрелял, вел прицельный огонь. В этой деревне убитых больше, по-моему, не было. Деревню не сжигали. Жители в деревне были. Команду грабить имущество никто не давал. Грабили ли отдельные

полицейские имущество в этой деревне, мне неизвестно. После этого мы вернулись в Ивье.

В моей памяти сохранился случай убийства одного мужчины в то время, когда полицейские первой роты везли по узкоколейке вагончик с продуктами со станции Гавья в местечке Ивье. Это было при следующих обстоятельствах. Для первой роты и местной полиции прибыли в феврале или марте 1944 года из гор. Лиды, где стоял штаб батальона, продукты. За ними была послана группа полицейских, которая должна была привезти продукты в вагончике, который возили на лошадях. Кто конкретно возглавлял эту группу, я не помню. Если не ошибаюсь, то Лакуста в этой группе был, а с ним было еще примерно до 10 человек. В пути движения от станции Гавья до Ивья эта группа была обстреляна партизанами. Какая между ними была перестрелка, я не знаю, так как там не был. Затем было сообщено в роту о необходимости прислать подкрепление. Подкрепление было послано, но сколько человек, не помню. Рота в полном составе не выходила, а были посланы отдельные полицейские. Но при вступлении в Ивье мне, от кого точно, не помню, стало известно, что полицейские первой роты, которые выезжали в место обстрела, или же той группой, которая сопровождала вагончик с продуктами, был убит один человек без оружия. Кто его убил, я не знаю, но такой факт был. О том, чтобы кого-нибудь задержали в это время и привезли в Ивье, я не помню.

Ранней весной 1944 года полицейскими первой роты был убит один мужчина в одной из деревень Зубковичи или Петровичи. Выезжали в одну из этих деревень все полицейские первой роты. Боя с партизанами не было. В деревне жители деревни были. Чем конкретно в этой деревне занимался, не помню. Но какая-то группа убила одного мужчину. Я лично труп этого мужчины не видел и по людям не стрелял. Знаю, что такой факт имел место. Кто мне об этом рассказал, не помню. Докладывали мне об этом факте или я узнал о нем каким-либо другим путем, вспомнить не могу. Был ли в этой группе Лакуста, Курко, Сахно, Лазинский и Кнап, мне неизвестно. Вероятно кто-нибудь из них был, но я в настоящее время не помню. Знаю, что в одной из этих деревень был убит один человек. Что еще происходило в этой деревне, избивал ли кто-нибудь мирных граждан, мне неизвестно. Из этой деревни мы возвратились в Ивье.

Как я помню и ориентируясь по карте, мы выезжали на одну из операций в деревню Миколаево. На эту операцию выезжала первая рота в полном составе, при этом была пушка и миномет. Выезжали на эту операцию весной 1944 года. Точнее даты не помню. Когда стали подъезжать к деревне Миколаево нас обстреляли партизаны. Мы открыли ответный огонь. Во время стрельбы было убито несколько партизан, которые убежали к речке. Я тогда [не] знал, что эта речка называлась «Неман». Стреляли по убежавшим полицейские всех трех взводов. Из моего взвода стрелял Катрюк, Филиппов, Иванькив, Курка, Теличко, Лакуста и другие, всех по фамилии не помню. Сколько было убитых партизан, точно сказать не могу, но не менее трех человек. Сколько было убито человек полицейскими первого взвода, а сколько убили другие полицейские, не знаю. Кто конкретно убил этих партизан, мне неизвестно. Стрелял ли по убегающим людям станковый пулемет, не помню. Деревню не сжигали. Мирных жителей деревни не грабили и не убивали. После этого возвратились в местечко Ивье. Были ли задержанные партизаны, не помню.

Весной 1944 года во время выезда первой роты в дер. Морино, я помню случай убийства не менее двух человек примерно на половине пути от Ивья до Морино. Кто командовал тогда ротой, не помню. С нами был тогда станковый пулемет, была ли пушка, не помню. Когда мы двигались по дороге, то увидели двух вооруженных мужчин. По ним открыли стрельбу из винтовок и пулеметов. Двое стали убегать, но оба были убиты. Один был убит на моих глазах, а за другим кто-то гнался, но кто именно, не помню. Второй был убит также. Я говорю об этом потому, что по возвращении группы, которая бежала со стрельбой за мужчиной, последняя принесла винтовку. Сколько всего было винтовок захвачено, не помню. Кто конкретно убил мужчин, не знаю. Вначале стреляли полицейские, которые шли с винтовками в дозоре, а затем стали стрелять и другие. Стреляли и из ручных пулеметов.

Вопрос: Следствие располагает данными, что одного мужчину в это время убил из пулемета Кнап Остап Федорович, которому вы якобы дали приказ на открытие огня по мужчинам. Что вы можете сказать теперь об убийстве этих мужчин?

Ответ: В первой роте служил полицейский по фамилии Кнап, имя и отчество не помню. На эту операцию он выезжал, но сказать о том, что именно он убил одного из мужчин не могу, не помню. Возможно, я давал команду открыть огонь и именно Кнапу, но сейчас этого я не помню. Кнап имел ручной пулемет, а поэтому не исключено, что именно он убил одного из мужчин, так как из пулемета, одного или же двух, стрельба по мужчинам велась.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что в период нахождения первой роты в м. Ивье в феврале или марте месяце 1944 года полицейскими первой роты была сожжена деревня, жителей в которой не было.

Ответ: Я хорошо помню и утверждаю, что в период дислокации первой роты в м. Ивье первая рота деревню не сжигала. Сжигала ли деревни местная полиция, мне неизвестно. Участия в сожжении деревень полицейские первой роты не принимали, совместно с местной полицией на карательные операции, по-моему, не выезжали.

Вопрос: На допросе 28 мая 1973 года вы показали, что в одной из деревень, которая находилась в 5–6 километрах от м. Ивье, полицейские первой роты убили двух партизан, у одного из них был автомат с разбитыми пулями прикладом. Что вы можете сказать о названии деревни, ежели вам представить карту, где имеется м. Ивье и его район.

Ответ: Ориентируясь по топографической карте масштабom 1:200 000, представленной мне следователем, я полагаю, что деревня, где было убито два партизана, называется Павловичи. Как я вспоминаю, в этой деревне мы были, название ее я в то время помнил хорошо, так как она находится от Ивья недалеко. Именно в этой деревне один партизан имел автомат с разбитым прикладом. Назвать характерные особенности этой деревни затрудняюсь, не помню.

Вопрос: Что вам известно о сожжении деревни, в которой было примерно 20 домов и были ульи с пчелами, которые покусали несколько человек полицейских вашего батальона?

Ответ: Случай, когда некоторые полицейские ходили с опухшими лицами от укусов пчел, я помню. Это было вскоре после уничтожения граждан еврейской национальности в землянках Налибокской пущи. В то время первый взвод занимал позицию в лесу и в деревне не находился. Возможно, кто-нибудь из полицейских ходил в дерев-

ню самовольно и лазил по ульям, но я хорошо помню, что первый взвод участия в сожжении деревни в это время не принимал. Была ли сожжена какая-нибудь деревня вблизи от леса, где мы располагались, мне неизвестно. Возможно, и была сожжена какая-нибудь деревня, так как вблизи от нас деревни не были, но я этого не помню. Мой взвод участия в сожжении деревень в то время не принимал, а стоял в лесу. Отдельные полицейские из моего взвода, возможно, и были покусаны в это время пчелами, но лишь потому, что могли ходить в эту деревню самовольно и не исключено, что также лазили по ульям. Где были в то время две другие роты, не помню.

Вопрос: Какое участие принимали пулеметчики станковых пулеметов во время уничтожения мирных жителей в деревне Хатынь?

Ответ: После того, как жители деревни Хатынь были закрыты в сарае, а возможно, чуть раньше, было установлено два станковых пулемета с двух сторон перед сараем чуть с боков и на расстоянии от сарая примерно 50 метров. Когда люди стали в сарае гореть, то из пулеметов и других видов оружия была открыта стрельба. Помню, что из одного станкового пулемета стрелял Лещенко, который был первым номером расчета станкового пулемета. И именно он вел стрельбу по сараю. Других пулеметчиков в настоящее время по фамилии не помню.

Вопрос: На допросе 28 мая 1973 года вы показали о том, что в числе других полицейских по лесорубам, на дороге Плещеница Логойск, после убийства Вельке, стрелял, кажется, Кнап. Сможете ли вы сказать утвердительно о том, что в числе других стрелявших был на первой машине Кнап и из какого вида оружия он стрелял?

Ответ: Вспоминая же события, я считаю, что в числе других полицейских по лесорубам стрелял и Кнап, которого я знал в то время хорошо. Он стрелял из ручного пулемета, который был установлен на кабине первой автомашины, где ехала часть второго взвода первой роты, а в кабине ехал я. Каким номером ручного пулемета был Кнап в то время, не помню. Был ли кто-нибудь рядом с ним когда он стрелял по лесорубам, не помню. Кто давал указание установить пулемет на кабине, не знаю, возможно, и я.

Вопрос: На допросе 18 сентября 1973 года свидетель Кнап Остап Федорович показал, что весной 1944 года полицейские первой роты под вашим командованием выезжали на одну из операций в Ивьев-

ском районе, в результате которой были убиты два партизана, а один из них был задержан и доставлен в м. Ивье. При этом он показал, что схватили его возле какого-то татарского селения в деревне, которая располагалась возле реки. Что вы можете пояснить о названии этой деревни и обстоятельствах задержания мужчины во время этой операции? Выдержка из показаний свидетеля Кнапа О.Ф. в этой части вам зачитана.

Ответ: Выдержка из показаний свидетеля Кнапа О.Ф. мне зачитана следователем. Суть показаний свидетеля Кнапа мне понятна. Судя по обстоятельствам выезда и маршруту движения деревни, в которой было убито два партизана и был взят один мужчина в м. Ивье [эта деревня], называется Николаево. О событиях в этой деревне я уже показывал, теперь хочу дополнить только то, что тот задержанный мужчина был нами доставлен в местную полицию и там содержался под охраной. Однако я хорошо помню, что, по-моему, тот мужчина разобрал в доме, где он содержался, печку и убежал. Других случаев задержания мужчин в м. Ивье не помню. Просил ли задержанный мужчина показать пулеметчика, который по нему стрелял, не помню, возможно, и просил.

Взаимоотношения со всеми мною названными лицами были обычные. Ссор и личных счетов не было и нет. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 81–87. Заверенная копия. Машинопись.

№ 96. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

4 ноября 1973 г.

[...] Вопрос: Продолжайте рассказывать о преступной карательной деятельности 118-го полицейского батальона.

Ответ: В период десятидневной операции, на какой точно день не помню, полицейскими первой роты было убито 3 или 4 партизана, в³⁸ одного из них был чешский ручной пулемет. Это было при следующих обстоятельствах. Мы двигались по болотистой местности и прочесывали лес с целью обнаружения партизан. В районе реки Вилии, не переходя реку, нами были обнаружены партизаны, которые стали вести по нас огонь. В ответ на их стрельбу мы открыли стрельбу по этим партизанам. Они стали убегать. Лакуста со своим отделением и Катрюк со своим отделением, а также другие полицейские первой роты других взводов стали преследовать партизан, стреляя по ним. Это было на удалении от меня, а поэтому кто конкретно убил партизан, я не видел. Помню, что когда Лакуста и Катрюк со своими отделениями возвратились обратно, то кто-то из них говорил, что убили всех убегающих. Сколько человек было убито, не помню, но знаю, что было убито не менее трех человек. При этом Катрюк принес чешский ручной пулемет, который у него остался на вооружении. Во время этой операции были при роте пушка и миномет, но по этим людям из них нецелесообразно стрелять по одному убегающему человеку.

Мой взвод на этой операции был в полном составе, а поэтому я считаю, что по убегающим партизанам стреляли и Курка, который был в отделении Лакусты. В каком месте это происходило, точно сказать не могу, но мне запомнилось то, что в этот день мы по мосту перешли реку Вилия и пришли в какую-то деревню, которая находилась на противоположном берегу реки. Название этой деревни не помню. Она была вымощена камнем. В деревне стояла литовская полиция. Других характерных особенностей в этой деревне, не помню. В этой деревне мы ночевали, а затем поехали дальше. Судя

³⁸ Так в тексте.

по карте, я полагаю что эти события происходили возле деревни Костюки или Кумельщина, хотя категорически этого утверждать не могу, хорошо не помню.

Вопрос: Что Вам известно о сожжении деревень в период десятидневной операции?

Ответ: В период десятидневной операции деревни, возможно, и сжигались, но я случаев сожжения деревень в период этой операции не помню.

Вопрос: Что было на вооружении у Лакусты?

Ответ: Как я помню, то у Лакусты на вооружении был карабин. Однако, находясь в м. Ивье, он выезжал на карательные операции, иногда брал у меня автомат, который у меня появился в м. Ивье. При каких обстоятельствах у меня на вооружении в м. Ивье стал автомат и где я его взял, из-за давности времени не помню.

Когда мы находились в Плещеницах, то у меня вначале была десятизарядная винтовка «СВТ», а затем, когда привезли командирам рот пистолеты, то Винницкий где-то в феврале или марте месяце отдал мне свой польский пистолет марки «Радам». Он похожий на «ТТ», только чуть массивнее. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 2. Л. 88–92. Заверенная копия.
Рукопись.*

№ 97. Из протокола допроса О.Ф. Кнапа

г. Минск

19 ноября 1973 г.

[...] Следующая крупная операция, в которой мне пришлось участвовать, — это расстрел лесорубов и жителей деревни Хатынь. Это было во второй половине марта 1943 года. Шеф первой роты гауптман Вельке в сопровождении одного или двух взводов, точно не помню, первой роты выехал на автомашинах в сторону Логойска. Группу полицейских, сопровождавших Вельке, возглавлял заместитель командира первой роты, он же командир первого взвода первой роты лейтенант Мелешко. Какое количество автомашин у них было, не знаю. Наш второй взвод сопровождать Вельке не выезжал. Я не могу сказать, в связи с чем они выехали в сторону Логойска. Километрах в пяти за Горбатым мостом их обстреляли партизаны, убили гауптмана Вельке, трех полицейских и ранили Мелешко. Помню, что в батальон возвратился раненый Мелешко, который привез трупы полицейских. Труп Вельке он якобы не привозил. Я хорошо помню, что Мелешко приезжал в расположение батальона с забинтованной головой. По сообщению Мелешки весь батальон был поднят по тревоге и выехал к месту убийства партизанами Вельке и других полицейских. Помню, что в расположение 118-го батальона прибыли три грузовые автомашины из жандармерии, на которых приехало несколько полицейских районной полиции и жандармов. На те же грузовые автомашины погрузились и мы. На автомашины грузились не по подразделениям, а кто на какую сел. Полицейские второго взвода расселись по всем трем автомашинам. Кроме нашего взвода на автомашины погрузились пулеметный взвод первой роты и полицейские третьей роты. Вся ли третья рота погрузилась на эти три автомашины, сказать не могу. Помню, что кроме полицейских второго и пулеметного взводов первой роты на автомашинах ехали и полицейские третьей роты. Я хорошо помню, что на автомашине, на которой ехал я, были и полицейские третьей роты, но по фамилиям ехавших со мной полицейских третьей роты вспомнить не могу. В то время я был подносчиком у ручного пулеметчика Иващенко, который свой пулемет установил на кабине автомашины, сам все время находился за пулеметом в боевом положении. В кабине нашей

автомашины ехал командир нашего взвода Франчук. Первой ушла автомашина, в кабине которой ехал Мелешко, за ней наша, за нами — третья автомашина. Как мне помнится, командиры батальона Кернер и Смовский ехали в легковой автомашине, которая двигалась сзади колонны. Замыкали колонну несколько жандармов на мотоциклах. Они же и прикрывали легковую автомашину с командирами. Интервал между машинами был не более 30–40 метров. Я ехал на второй автомашине, вместе с Каленчуком Николаем стоял около ручного пулеметчика Иващенко. Оба мы держали диски, вернее, находились рядом с ящиком с дисками. В руках держали винтовки. Иващенко находился за ручным пулеметом в боевом положении. На крыльях автомашин лежали полицейские в боевом положении. Все мы находились в боевом положении, оружие держали наготове. На кабине первой автомашины также был установлен ручной пулемет, но чей, не помню. Когда мы проехали Горбатый мост и еще пару километров, то услышали, что ехавшие на первой автомашине полицейские открыли огонь из автоматического оружия. Наша вторая автомашина сразу остановилась. Мы не знали в связи с чем открылась стрельба, поэтому соскочили на землю, залегли в кювете и приняли боевое положение. Мы не знали, кто и куда стреляет. Одно было ясно, что стреляют те, где остановилась первая автомашина. Стрелять туда мы не могли, так как там находились полицейские, ехавшие на первой автомашине. Во время движения автомашин я никого впереди не видел, хотя и стоял возле кабины автомашины и смотрел вперед. После прекращения огня мы пошли к первой автомашине, начали спрашивать находившихся там полицейских, в связи с чем они стреляли. Те ответили, что по дороге в сторону Плещениц шла группа людей, которых конвоировал якобы взвод Пасечника. Гражданские лица, увидев приближающуюся к ним автомашину, начали разбегаться в лес. По убежавшим и был открыт огонь. При дороге за кюветом с правой стороны по движению от Плещениц я видел около десяти трупов мужчин и женщин в гражданской одежде, без оружия. Трупы были разбросаны. До пяти лежало при дороге, остальные дальше от дороги в лесу в 15–20 метрах от дороги. Была ли в это время стрельба в глубине леса, не помню. Все ли гражданские, которых гнали в Плещеницы были убиты и что то были за люди, не знаю. Около убитых граждан я видел Винницкого, Мелешко, Смовского, Васюру, Слижука, Франчука, Лакусту, Катрюка,

Курку, Лозинского, Сахно и других. Откуда там появились Лакуста, Катрюк, Курка, Лозинский, Сахно, сказать не могу. Стреляли ли они по гражданским лицам, которые были убиты, конвоировали ли они их в Плещеницы, не знаю. Был разговор, что гражданских конвоировал третий взвод, но откуда там появился первый взвод, не знаю. Больше мы на автомашины не грузились, сразу пошли прочесывать лес. Возле места, где были расстреляны гражданские лица, кроме полицейских 118-го батальона и районной полиции, плещеницких жандармов, никаких других карателей не было. От места расстрела гражданских лиц мы пошли прочесывать лес вдоль шоссе в сторону Логойска. Прошли километров пять, потом повернули влево по ходу движения и от дороги пошли вглубь леса. Я шел в цепи первой роты. Были ли какие-либо другие каратели, и где двигалась третья рота, не знаю. По лесу прошли около пяти километров, вышли на опушку. В лесу никого не обнаружили и перестрелки не было. На опушке мы остановились. Впереди простиралось поле. Населенных пунктов видно не было. На одном из наших флангов раздалась автоматическая стрельба. Показалась красная ракета. По цепи была передана команда командиров наступать цепью вперед и стрелять на ходу. Некоторое время мы шли по полю и стреляли со всех видов оружия вперед. Стрелял и я. Затем показалась деревня Хатынь. Название деревни узнал сейчас. Мы обстреляли ее. По деревне стреляли минометы, станковые и ручные пулеметы и из винтовок. Несколько автоматических очередей было выпущено из деревни Хатынь в нашу сторону. Затем стрельба из деревни прекратилась, подошли вплотную к деревне. В это время показалась белая ракета, что означало прекращение огня. Поступила команда окопаться и занять боевую позицию. Первая рота окопалась в 500 метрах от деревни Хатынь. На позиции находились с полчаса. Затем поступила команда двигаться в деревню. Когда мы подошли к деревне, в ней я впервые в этой операции увидел эсэсовцев. Что это было карательное подразделение и откуда оно прибыло, не знаю. Эсэсовцы обыскивали дома, выгоняли из домов людей и сводили в центр деревни к отдельно стоявшему сараю. Наш второй взвод сразу поставили в оцепление сарая. Полицейские третьего и первого взводов первой роты пошли помогать эсэсовцам, сгонять людей к сараю. Первоначально людей собирали к сараю, затем начали загонять в сарай. К сараю и в сарай загоняли всех жителей деревни Хатынь — мужчин, женщин, детей,

стариков. Многие женщины на руках несли грудных детей. Умеющие ходить дети шли, держась за родителей. Когда начали людей загонять в сарай, поднялся сплошной плач, крик. После того, как всех людей загнали в сарай и закрыли дверь его, первый и третий взводы первой роты тоже поставили в оцепление сарая, установили один или два, хорошо не помню, станковых пулемета. Станковые пулеметы были установлены против дверей сарая в 30 метрах от него. Полицейские второго взвода людей в сарай не загоняли. Перед нами была поставлена задача не допустить, чтобы люди убежали за сарай. Людей в сарай загоняли полицейские первого и третьего взводов первой роты 118-го батальона и эсэсовцы. Когда все люди были загнаны в сарай, эсэсовцы ушли грабить и жечь деревню. Место казни оцепили только полицейские первой роты 118-го батальона. Сразу же сарай оцепили полудугой, со станковыми пулеметами в центре. Лукович отошел от командиров: Кернера, Смовского, Васюры, Винницкого, Мелешко, Пасечника и командиров эсэсовцев, которые стояли вместе с нашим и поджег сарай с людьми. Крыша была соломенная и сразу загорелась. В сарае поднялся страшный крик, обреченные на смерть люди начали ломать дверь. Поступила команда открыть огонь по находившимся в сарае людям. Все стоявшие в оцеплении места казни полицейские открыли по находившимся в сарае людям огонь. Стреляли из станкового и ручных пулеметов, автоматов и винтовок. Я тоже стрелял из винтовки, сделал не менее пяти выстрелов. Мне все-таки припоминается, что было установлено два станковых пулемета, первыми номерами которых были Лещенко и Поляков. Хорошо помню, что Лещенко стрелял из станкового пулемета по находившимся в сарае людям. По находившимся в сарае людям стреляли все полицейские первой роты, в том числе Лакуста из карабина, Курка, Лозинский, Сахно из винтовок, Мелешко из автомата. Стреляли все. Смовский, Винницкий и Васюра были вооружены пистолетами. Стреляли ли они по находившимся в сарае людям, сказать не могу. Они стояли около станкового пулемета в центре. Все стоявшие в оцеплении места казни полицейские первой роты мне были хорошо видны. Я видел, что стреляли все. Видел я, как стреляли и Курка, Лозинский, Сахно, Лакуста. Стреляли до тех пор, пока не затихли крики находившихся в сарае жителей деревни Хатынь. Прекратили стрелять только тогда, когда весь сарай уже был объят пламенем, смолкли крик и плач людей в сарае. Из сарая ни-

кому выбраться не удалось. Все загнанные туда люди погибли, а их было более сотни. Сколько всего человек погибло, сказать не могу, не считал. Полагаю, что погибли в пламени и от наших выстрелов все жители деревни Хатынь. Хочу заметить, что вместе с нами по сараю стреляли и несколько эсэсовцев, которые находились около командиров. На допросе в марте я показывал, что по находившимся в сарае людям стрелял и начальник штаба Васюра. Но категорически я этого утверждать не могу. Хорошо помню, что Васюра находился вместе с командирами перед сараем, но стрелял ли он, я не видел. После расстрела людей в горящем сарае, первую роту с оцепления места расправы сняли и увели за деревню к лесу, откуда я видел, что вся деревня начала гореть. После расстрела людей полицейские первой роты в деревню не заходили и поджоге домов участия не принимали. Дома жгли эсэсовцы. Где находились полицейские третьей роты, сказать не могу. Их в оцеплении сарая не было. Возможно, они стояли в оцеплении деревни. Полицейские первой роты, непосредственно расстреливавшие людей в горящем сарае, имущества в деревне не грабили. Кто забрал скот и имущество крестьян и забирали ли его вообще, не знаю. Как мы возвращались в Плещеницы, ехали ли на автомашинах, шли ли пешком, не помню.

Вопрос: Вам предъявляется перевод донесения Кернера окружному начальнику СС и полиции Борисова в Плещеницах от 12 апреля об обстоятельствах расстрела лесорубов и жителей деревни Хатынь. Что Вы можете пояснить по существу данного документа?

Ответ: С предъявленным мне переводом донесения командира 118-го батальона Кернера окружному начальнику СС и полиции Борисова в Плещеницах от 12 апреля 1943 года я ознакомился, прочитал его лично. В донесении идет речь об обстоятельствах расстрела гражданских лиц на шоссе Плещеницы — Логойск и жителей деревни Хатынь, то есть о той операции, о которой я сегодня даю показания и показывал раньше. В донесении сказано, что операция эта была проведена 22 марта 1943 года, на шоссе было расстреляно 23 человек, а в селе Хатынь наряду с 34 партизанами погибли многочисленные жители деревни. С датой проведения операции я согласен. Это действительно было во второй половине марта 1943 года. Возможно, что и 22 марта 1943 года. Я числа не помню. Правильно в сообщении сказано, что были убиты в тот день Вельке, три полицейских и два полицейских ранены. Ранены были Мелешко и шофер легковой ав-

томашины. В отношении количества расстрелянных севернее Губы мирных жителей, ничего сказать не могу. Возможно, что там было убито 23 человека. Я лично видел около десяти трупов, возможно и больше. Трупов я не считал. Согласен я и с тем, что в уничтожении деревни Хатынь принимали участие какие-то эсэсовцы. Но были это батальон Дирлевангера, не знаю. На мой взгляд в сообщении Кернера неправильно указано, что в деревне Хатынь были убиты 34 партизана и что партизаны в деревне Хатынь оказали нам упорное сопротивление, вели огонь из всех домов деревни. Трупов партизан в деревне я не видел. Партизаны сделали несколько выстрелов из деревни. В сообщении преувеличено, что партизаны стреляли из всех домов деревни. Почему Кернер неправильно об этом написал, не знаю. Но в общем в сообщении говорится об уничтожении той деревни, которая была сожжена в день убийства гауптмана Вельке. Это действительно была Хатынь.

Вопрос: На допросе 21 марта 1973 года³⁹ Вы показали, что во время карательной операции в деревне Хатынь стоявшие в оцеплении сарая рядовые полицейские по находившимся в сарае людям не стреляли и не могли стрелять, так как впереди находились командиры и станковый пулемет. На допросе 17 октября и сегодня Вы показали, что стреляли все полицейские. Какие Ваши показания правильны?

Ответ: На допросе 21 марта 1973 года я боялся давать откровенные показания по этому вопросу. Если бы я сказал, что стреляли рядовые полицейские, то мне пришлось бы говорить, что стрелял и я. А это говорить я боялся. Поэтому правильными являются мои показания от 17 октября и на допросе сегодня, и прошу именно их принимать во внимание. Сейчас я преодолел страх и даю откровенные и правдивые показания. Скрывать мне уже ничего не нужно.

Вопрос: Об обстоятельствах расстрела гражданских лиц на шоссе Плещеницы — Логойск в день убийства Вельке Вам оглашаются показания очевидцев этого преступления: Гуздальского Казимира Иосифовича, Акулича Петра Иосифовича от 16 мая 1973 года; Лис Михаила Иосифовича от 24 мая 1973 года, Иотко Доменика Фелициановича от 25 мая 1973 года. Что Вы можете пояснить по существу их показаний?

³⁹См. док. № 78. — Прим. ред.

Ответ: Выдержки из показаний свидетелей Гуздальского Казимира Иосифовича, Акулича Петра Иосифовича от 16 мая 1973 года, Лис Михаила Иосифовича от 25 мая 1973 года, которые зачитаны мне следователем, слышал. Перечисленные свидетели показывают об обстоятельствах расстрела тех гражданских лиц, о расстреле которых я дал показания на допросе сегодня. Это действительно было в день убийства Вельке и произошло на шоссе Плевницы — Логойск. Свидетели Гуздальский, Лис и Иотко, на мой взгляд, правильно показали об обстоятельствах расстрела на шоссе гражданских лиц. Они совершенно верно утверждают, что расстрел гражданских лиц начался в тот момент, когда первая грузовая автомашина подъехала к ним. Автомашина шла со стороны Плевниц. Как полицейские первого и третьего взводов конвоировали лесорубов, избивали ли они их прикладами винтовок, как их собирали в лесу, я не знаю. Я знаю только, что когда шедшая из Плевниц первая грузовая автомашина встретила конвоируемых в Плевницы лесорубов, то сразу начался их расстрел. Как я уже показал, что лично я ехал на второй автомашине и начала расстрела лесорубов не видел, кто их начал расстреливать, не знаю. Когда я подошел к месту расстрела, то на дороге действительно лежало много людей. Место все было в крови. Подходя к месту расстрела, я видел, как по людям, убежавшим в лес, стрелял Иванкив из ручного пулемета, а по тем, кто лежал на шоссе, стреляли Катрюк и Мелешко из автоматов. В это время к месту расстрела лесорубов подошла легковая автомашина, на которой приехали Кернер и Смовский. Кто из них приказал прекратить расстрел, не помню, но такую команду кто-то из них дал. Не помню, кто приказал лежавшим на дороге лесорубам встать. Часть людей поднялась, а часть осталась лежать. Поднявшимся приказали стащить убитых в кювет, что они и сделали. Я не могу сказать, добивали ли раненых до того, как подняли живых или после. Только помню, что раненых добивали Мелешко, Иванкив, Катрюк, Панкив. Когда трупы стащили в кювет, нашему взводу было приказано начать проческу леса вдоль дороги, и мы ушли. Где в это время был Лакуста, я не помню. Догонял ли он убежавших в лес лесорубов и расстреливал ли их там, сказать не могу, не видел. На месте расстрела лесорубов я видел Сахно и Лозинского, однако стреляли ли они по лесорубам, сказать не могу, не видел. Когда я подошел к месту расстрела, то в это время они вроде по лесорубам не стреляли.

Выше я показал, что не помню, где был Лакуста. Я ошибся. Я хотел сказать, что не видел, расстреливал ли он лесорубов, но на месте расстрела я его видел. Был там и его подчиненный Курка. Выше я также показывал, что не знаю, все ли гражданские были убиты. Это действительно так. Когда я еще находился на месте расстрела, что часть гражданских еще не были расстреляны. Но что с ними сделали, когда наш взвод ушел прочесывать лес, расстреляли ли или отправили в расположение батальона, мне неизвестно.

Что касается показаний свидетеля Акулича Петра Иосифовича, то он, видимо, ошибается. Я не помню, и не видел, чтобы следом за лесорубами и конвойной группой шла грузовая автомашина, и на ней за ручным пулеметом ехал каратель с повязанной головой. Такого не было. За лесорубами грузовых и легковых автомашин не было. Возможно, они были, когда лесорубов еще только выгнали на шоссе, чего я не видел. Но когда расстреливали лесорубов, то никаких автомашин сзади не было. Все машины прибыли из Плещениц. Там с повязанной головой был только Мелешко. Он вместе с нами приехал на место расстрела лесорубов из Плещениц. Ехал он в кабине первой грузовой автомашины, затем принимал участие в расстреле лесорубов на шоссе, что я лично видел.

Все свидетели правильно показывают, что из Плещениц пришла легковая автомашина, на которой приехали Кернер и Смowskiй. Они прекратили расстрел лесорубов. Еще раз заявляю, что по лесорубам я не стрелял. Свидетель Мелешко на очной ставке со мной утверждал, что ехал на первой автомашине за ручным пулеметом и стрелял лесорубов. Он ошибается. Я пулеметчиком тогда не был, а сказал он так потому, что помнит меня как пулеметчика ручного пулемета по Ивью, поэтому ошибочно полагает, что я и в то время был ручным пулеметчиком, в чем заблуждается.

Вопрос: Почему же на очной ставке с Мелешко Вы не показали, что он сам расстреливал лесорубов?

Ответ: В то время я не мог вспомнить все обстоятельства расстрела лесорубов. После ознакомления с показаниями свидетелей Гуздальского, Акулича, Лис, Иотко я вспомнил, как все происходило и кто расстреливал лесорубов. Я не в отместку Мелешко показал, что он расстреливал лесорубов. Он действительно стрелял. Особенно злым на лесорубов были Мелешко и Панкив. Мелешко за то, что его ранили, а Панкив мстил за убийство вместе с Вельке его земляка, фа-

милиии которого не помню. Я не оговариваю Мелешку, просто в то время не мог вспомнить, чем он занимался на месте расстрела лесорубов.

Вопрос: О том, что из Плещениц к месту убийства гауптмана Вельке выехали не на второй, а на первой автомашине и принимали участие в расстреле лесорубов, кроме Мелешки, показали также свидетели Топчий Тимофей Прокофьевич 25 июля 1973 года, Савченко Николай Иванович 27 октября 1973 года, выдержки из показаний которых Вам оглашены. Что Вы можете пояснить по существу их показаний?

Ответ: Выдержки из показаний свидетелей Топчего Тимофея Ивановича от 27 октября 1973 года, которые мне зачитаны следователем, слышал. Хочу заметить, что Топчего по совместной службе в 118-м батальоне я не помню. Возможно, он и служил в пулеметном взводе, как указано в протоколе его допроса, но я его забыл, в связи с этим не могу сказать, в каких взаимоотношениях с ним находился. Свидетели Топчий и Савченко показывают неправду, что я ехал на первой автомашине и принимал участие в расстреле лесорубов. Они также неправильно показывают, что я в то время ручным пулеметчиком. Их показания, так же как и показания свидетеля Мелешко, по этому вопросу я отрицаю. Ручным пулеметчиком я не был, на первой автомашине не ехал и в расстреле лесорубов участия не принимал. Я ехал на второй автомашине и был свидетелем расстрела лесорубов, но сам в их расстреле участия не принимал, ни одного раза по лесорубам не выстрелил. Вот все, что я могу показать по существу их показаний. Они или умышленно оговаривают меня, или ошибаются в связи с давностью.

Допрос производился с перерывом с 12 часов 45 минут до 14 часов 30 минут.

Мои показания записаны правильно. Протокол прочитан лично, поправок по протоколу не имею.

Кнап [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 2. Л. 89, 93–102. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 79–85.

№ 98. Из протокола допроса Г.Н. Васюры

г. Гродно

20 ноября 1973 г.

[...] На службу в 118-й полицейский карательный батальон я поступил осенью 1942 года. В то время этот батальон дислоцировался в городе Киеве. После окончания школы пропагандистов на территории Германии в местечке Вустрау меня в группе выпускников направили в город Киев в распоряжение Управления полиции. Из Управления полиции в числе 7 человек, бывших командиров Красной Армии — Мелешко, Коровина-Корниец, Козынченко, Билык, Франчука, Ковальчука, меня направили в 118-й полицейский батальон, который к этому времени был уже сформирован. Всех нас назначили на офицерские должности, в основном командиров взводов этого батальона. Я лично был назначен командиром 1-го взвода 1-й роты. Коровин-Корниец был назначен начальником штаба батальона, а Козынченко — техником по боевому вооружению батальона. Став служить в батальоне, я вскоре познакомился с другими командирами этого батальона — командиром 1-й роты Винницким, командиром 2-й роты Шудра и командиром 3-й роты Нарядко. Я также познакомился с командиром батальона майором Смовским.

Имя и отчество этих сослуживцев я также не знаю. Из командиров отделений я узнал Лакуста и Катрюка, которые служили в первом взводе 1-й роты. Больше из командиров отделений я никого не помню. Мне стало известно, что наряду с командирами-украинцами в 118-м полицейском батальоне имелось немецкое командование. От немцев батальоном командовал Кернер, имя и отчества не знаю. Он имел звание майора немецкой армии. При каждой роте и при каждом взводе также имелись немцы-шефы, которым подчинялись командиры-украинцы, хотя эти немцы и являлись по званию младшими командирами. Все немцы держались от нас, командиров, обособленно, всегда располагались в отдельном помещении, указания и распоряжения получали от Кернера и передавали их в роты и взводы. Часто немцы о своих действиях не ставили в известность даже командира батальона Смовского. Фактически получалось,

что в батальоне было два штаба: немецкий и украинский. Почти все свои дела украинский штаб согласовывал с немцами, самостоятельно принимали решения только по вопросам организации охраны, связи между подразделениями, наведения дисциплины и мелких назначений в батальоне.

Вопрос: Кого Вы знаете из рядовых полицейских 118-го украинского полицейского батальона?

Ответ: Всего в 118-м полицейском батальоне числилось около трехсот человек, и в то время я многих знал по фамилиям, особенно из первого взвода первой роты, где я некоторое время являлся командиром взвода. Сейчас, спустя более тридцати лет, я позабывал многие фамилии полицейских, а тех, кого помню, то только по фамилиям, имя и отчество я никого назвать не могу. По фамилиям из рядовых полицейских мне помнятся:

Скрипко, все время являлся писарем при штабе батальона, на карательные операции выезжал только в том случае, когда выезжал весь батальон;

Вусс, припоминаю Павел, все время был денщиком командира батальона Смовского;

Егоров, конюх и кучер лошади, закрепленной за Смовским;

Пиджаристый, писарь в батальоне по пищевому и продуктовому снабжению;

Лютык, кассир и делопроизводитель батальона;

Александров, связист батальона;

Чижик, парикмахер батальона;

Антоненко, полицейский третьей роты;

Спивак, полицейский 1-го взвода 1-й роты;

Шнайдер, пулеметчик, какой роты не знаю, был убит партизанами в один день с немцем Вельке;

Топчий, полицейский, какого взвода и роты не помню. Больше никого назвать не могу.

Вопрос: Знаете ли Вы Курка Михаила Дмитриевича, Кнапа Остапа Федоровича, Сахно Степана Васильевича и Лозинского Ивана Михайловича?

Ответ: Названных выше бывших полицейских 118-го полицейского батальона я сейчас уже не припоминаю и ничего о них показать не могу. Не знаю, смогу ли я теперь опознать этих бывших полицейских, так как прошло более тридцати лет.

Вопрос: С какой целью был сформирован 118-й полицейский батальон?

Ответ: Еще когда мы были в Киеве, нам объявили, что батальон был создан для борьбы с партизанами на оккупированной территории.

Вопрос: Имели ли место случаи расстрела полицейских вашего батальона в Плещеницах?

Ответ: Я помню, примерно в январе 1943 года было два случая расстрела полицейских нашего батальона за связь с партизанами. Первый раз было расстреляно трое полицейских, вторично один полицейский совместно с каким-то гражданским человеком. Кто конкретно расстреливал их — немцы или сами полицейские, — я не помню. Точнее, троих расстреляли немцы, а кто расстрелял полицейского с незнакомым гражданином, я не помню. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 104. Т. 8. Л. 8–12. Заверенная копия.
Типографский бланк, машинопись.*

№ 99. Из протокола допроса С.В. Сахно

г. Гродно

8 декабря 1973 г.

[...] Вопрос: Правильно ли Вы показали на допросе 5 октября 1973 г. об обстоятельствах задержания и расстрела лесорубов, работавших вблизи места убийства Вельке?

Ответ: Должен сказать, что на допросе 5 октября с. г., не имея намерения что-либо скрыть от следствия, а лишь ввиду давности, об обстоятельствах задержания и расстрела граждан, работавших недалеко от места убийства Вельке и полицейских партизанами, я показал не совсем точно. Сейчас за время нахождения под следствием, я припомнил более полно и точнее обстоятельства, при которых были задержаны лесорубы и часть из них расстреляна полицейскими нашего батальона.

После перестрелки с засадой партизан, когда мы прошли на место засады и убедились, что партизаны ушли, все мы, полицейские первого и третьего взводов, вернулись к легковой машине, возле которой был убит Вельке и полицейский. В это время одна из машин ушла в Плещеницы сообщить о случившемся и за помощью. Но кто на ней уехал, хорошо сейчас не помню, кажется, на ней отправили трупы убитых. После этого Мелешко, который получил легкое ранение в голову, сказал, что лесорубы знали о засаде партизан, и дал команду их задержать. Все мы, т. е. полицейские первого и третьего взводов вместе с командирами, направились к месту работы лесорубов и выгнали их всех на шоссе. Мелешко и другие полицейские ругались на лесорубов, угрожали им, но на месте задержания по ним не стреляли, никто из лесорубов бежать в это время не пытался. Взяв лесорубов в кольцо, полицейские первого и третьего взводов погнали их по дороге на Плещеницы. Когда мы выгоняли лесорубов из леса на шоссе, я слышал, что один из них говорил другим, что зря они все не убежали, когда началась стрельба на месте засады.

Не помню сейчас я точно, на какое расстояние отконвоировали мы лесорубов от места засады, когда со стороны Плещениц подъехали две или три грузовые машины с полицейскими второго взвода первой роты и третьей роты. С ними были командиры Винницкий,

Нарядько и другие. Прибывшие полицейские сошли с машин, и в это время впереди колонны получился какой-то шум, крик и часть лесорубов бросилась бежать в лес. По ним был открыт огонь, и некоторых из убежавших лесорубов убили.

На допросе 5 октября с. г. я неправильно показал, что задерживали лесорубов и конвоировали их, а затем расстреляли несколько полицейских первого взвода во главе с Лакустой, а третий взвод, якобы, оставался на месте убийства Вельке. Это я показал ошибочно и лишь по причинам, о которых показал выше. В действительности задерживали и конвоировали лесорубов, а также приняли участие в стрельбе по убежавшим лесорубам полицейские первого и третьего взводов вместе с полицейскими, прибывшими из Плещениц. Я лично видел, что по убежавшим лесорубам стреляли Мелешко, Слижук, Катрюк, Кмит, Лакуста, Лютык, Филиппов, Пасечник, Панкив, Василенко. Стреляли многие, так как была команда стрелять. Стрелял ли по убежавшим я лично, хорошо сейчас не помню. Полицейский третьего взвода Лозинский стрелял по убежавшим, что я лично видел. Убил ли он кого-либо из лесорубов, сказать затрудняюсь. В числе стрелявших полицейских я видел и прибывшего со вторым взводом полицейского Кнапа, которого хорошо знал, но стрелял ли он по убежавшим лесорубам, утверждать не могу. В результате стрельбы по убежавшим около дороги и в лесу было убито около десяти мужчин и женщин, возможно и дальше в лесу были убитые. Преследовали ли бежавших, не помню. Тех лесорубов, которые не убежали, а остались на шоссе во время стрельбы по убежавшим, позже, по приказу командиров, под охраной специально выделенного конвоя, отправили в Плещеницы. О дальнейшей их судьбе мне не известно. После расстрела лесорубов все мы вместе с прибывшей помощью и штабом вернулись к месту убийства Вельке, а оттуда направились на деревню Хатынь.

Вопрос: В какое время ушла машина за помощью в Плещеницы и где находились другие машины во время задержания и конвоирования лесорубов?

Ответ: Насколько я сейчас помню, одна из машин ушла в Плещеницы сразу, когда мы собрались на месте убийства Вельке. Другие ушли позже, но, когда, не помню. Во время стрельбы по лесорубам были машины, которые прибыли из Плещениц.

Вопрос: Вы видели Мелешко при конвоировании лесорубов от места задержания до места расстрела?

Ответ: Хорошо помню и могу утверждать это, что Мелешко был, когда собирали лесорубов, в лесу и во время расстрела, причем он лично стрелял по убежавшим. А был ли он с нами во время конвоирования лесорубов от места задержания до места расстрела, не могу утверждать, не помню.

Вопрос: На допросе 12 ноября 1973 года обвиняемый Лакуста показал, что вы преследовали убежавших лесорубов, что вы покажете об этом?

Ответ: Насколько я припоминаю, лесорубы стали убегать в одну сторону и по ним был открыт огонь. Была ли необходимость их преследовать, сказать затрудняюсь. Возможно, я и преследовал убежавших лесорубов, этого не припоминаю.

Вопрос: На допросе 5 ноября 1973 года Мелешко показал, что вы стреляли по лесорубам. Что вы сейчас об этом покажете?

Ответ: Выше я показал, что стрелял ли по убежавшим лесорубам я лично, хорошо не помню. Должен признать, что поступила команда командиров стрелять по убежавшим, поэтому и я в числе других полицейских произвел несколько выстрелов по лесорубам из винтовки, так как командиры находились рядом. Убил ли я лично кого-нибудь из убежавшим лесорубов, не знаю. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 2. Л. 111–114. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы, Минск, 2009. С. 104–105.

№ 100. Из протокола допроса И.И. Козыченко

г. Гродно

4 апреля 1974 г.

[...] Мне неизвестно, чтобы до прибытия в поселок Плещеницы 118-й батальон участвовал в каких-либо карательных операциях. Правда, МЕЛЕШКО со своим пулеметным взводом из Минска выезжал один раз в какой-то район Минской области. Куда и с какой целью он выезжал, участвовал ли он тогда в каких-либо конкретных карательных действиях, не знаю. Помню, что из той поездки он вернулся уже в Плещеницы, где говорил мне, что партизаны действительно есть. В поселке Плещеницы разместились командование батальона с немецкими и украинским штабами, первая рота и часть третьей. Один или два взвода третьей роты были направлены в Логойск, а вторая рота в полном составе — в Слуцкий район. В конце марта или начале апреля 1943 года все подразделения батальона были собраны в Плещеницах.

По прибытии в Плещеницы батальон включился в борьбу с партизанами и поддерживающими их мирными гражданами. Ежедневно какое-то подразделение выезжало в деревни Плещеницкого района, где проводило карательные операции. Очень часто со взводом на карательные операции выезжал и МЕЛЕШКО. Я лично выезжал только на те карательные операции, в которых участвовал весь батальон. С отдельными подразделениями мне выезжать не приходилось, поэтому не могу сказать, где и какие ими совершались злодеяния. Мне известны следующие факты расстрелов и истязаний советских граждан, в которых принимали участие ВАСЮРА, МЕЛЕШКО и другие полицейские.

В конце зимы 1943 года плещеницкими жандармами были расстреляны три полицейских нашего батальона. Их расстреляли, видимо, за связь с партизанами. Фамилий расстрелянных не знаю.

Примерно в апреле 1943 года были расстреляны ВИНОГРАДОВ и еще один полицейский, фамилии которого не помню. Этих стреляли наши каратели, но кто — не помню.

Я лично видел, как в украинском штабе ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ допрашивали и избивали ВИНОГРАДОВА и другого, вместе с ВИ-

НОГРАДОВЫМ расстрелянного полицейского. За что они были расстреляны, точно не знаю, но полагаю, что за связь с партизанами. ВИНОГРАДОВА и его товарища опознал какой-то гражданский мужчина. Весь личный состав был выстроен во дворе. Гражданский ходил перед строем и присматривался к каждому. После того, как он указал на ВИНОГРАДОВА и второго, последние сразу были арестованы. На второй день ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ в присутствии одного немца их допрашивали. Я чего-то заходил в помещение штаба и лично видел как ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ резиновым шлангом по очереди избивали ВИНОГРАДОВА и второго арестованного, которых допрашивали вместе. ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ обзывали арестованных нецензурными словами, требовали от них в чем-то признания. Арестованные молчали. В комнате, где производился их допрос, я был не очень долго. В моем присутствии ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ избивали шлангом арестованных. Били их по лицу, голове, рукам.

На следующий день ВИНОГРАДОВ и второй арестованный были расстреляны. Расстреливали их несколько полицейских из первой роты, но кто именно, не помню.

В апреле 1943 года я видел, как ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ допрашивали и избивали в штабе в Плещеницах четырех гражданских мужчин. Допрашивали они их в присутствии СМОВСКОГО, КЕРНЕРА и еще одного немца, фамилии которого не помню.

Среди задержанных был один знакомый мне старик, фамилии его не помню, с которым я глушил рыбу. Поэтому меня также вызвали на допрос и спрашивали, в каких отношениях я находился с тем стариком, давал ли ему гранаты. В связи с этим я оказался непосредственным очевидцем допроса этих четырех мужчин. ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ в моем присутствии избивали задержанных кулаками и пистолетами, дверьми зажимали им пальцы. ВАСЮРА лично избивал задержанных и зажимал дверьми им пальцы. Все задержанные были пожилыми мужчинами. На следующий день их отпустили. Был разговор, что тех стариков спровоцировал капрал ФИЛИППОВ, который часто ходил в разведку. В чем заключалась провокация, не знаю. Знакомый мой старик жил в деревне Рудня, которая рядом с поселком Плещеницы. Я помню, где стоял его дом и смогут указать. Полагаю, что тот старик уже умер, так как в то

время ему было более пятидесяти лет. Откуда были остальные трое задержанных, их фамилий, не знаю.

В марте 1943 года, числа не помню, шеф первой роты гауптман Вельке в сопровождении первого и третьего взводов первой роты на автомашинах выехали из Плещениц по шоссе в сторону Логойска. Вместе с Вельке выезжал и МЕЛЕШКО. В пути их обстреляли партизаны, убили Вельке и еще троих полицейских из числа украинцев. МЕЛЕШКО Василий и шофер легковой автомашины были легко ранены. В связи с этим в батальоне объявили тревогу. Каким образом в батальоне узнали о нападении партизан на Вельке и сопровождающих его полицейских, не знаю. В момент объявления тревоги я не был в расположении батальона. Когда я пришел, то батальон уже выехал к месту боя. Хорошо помню, что командир батальона СМОВСКИЙ, начальник штаба ВАСЮРА тоже выехали вместе с батальоном. Из подразделений туда выехали следующие: третья рота в полном составе, второй взвод первой роты, четыре расчета станковых пулеметов первой роты, два расчета станковых пулеметов третьей роты, минометчики и расчет пушки.

Хорошо помню, что вместе со всеми туда выезжали первый номер станкового пулемета ЛЕЩЕНКО, минометчик СУББОТИН.

Когда вечером батальон возвратился в Плещеницы, я зашел проведать раненного МЕЛЕШКО. И поинтересовался у него, что произошло. МЕЛЕШКО мне рассказал, что он ехал в легковой автомашине вместе с Вельке. С ним был и один пулеметчик ручного пулемета. Легковая автомашина шла впереди. Когда партизаны открыли огонь, ручной пулеметчик был убит, шоферу осколком лобового стекла засыпало глаза. Он — МЕЛЕШКО — выскочил из автомашины, лег за колесо и открыл огонь из ручного пулемета по партизанам. Вельке побежал от машины и был убит. Здесь подошли грузовые автомашины с полицейскими первого и третьего взводов первой роты, которые тоже открыли огонь по партизанам. Партизаны отступали. Они задержали каких-то лесорубов и часть из них расстреляли на шоссе. После прибытия подкрепления из Плещениц и Логойска пошли преследовать партизан, подошли к одной деревне — в суде по делу ЛАКУСТЫ я узнал, что деревня называлась Хатынь, — обстреляли ее со всех видов оружия, в том числе из станковых пулеметов и ми-

нометов. Ворвавшись в деревню, всех ее жителей вместе с детьми расстреляли и сожгли в сарае, деревню тоже сожгли.

Я спросил МЕЛЕШКО, были ли то партизаны или нет. Он мне ответил примерно следующее: «Не знаю, кто там был, но мы им дали так дали, отвели душу». МЕЛЕШКО сказал, что во время обстрела деревни и расстрела ее жителей карателями командовали СМОВСКИЙ, ВАСЮРА и КЕРНЕР. Что конкретно делали там ВАСЮРА, МЕЛЕШКО, ЛЕЩЕНКО, СУББОТИН, расстреливали ли они лично людей, не знаю. МЕЛЕШКО мне об этом не говорил.

Помню, что МЕЛЕШКО и якобы ВАСЮРА с большой группой полицейских, не помню из каких рот, выезжал на карательную операцию в деревню Заречье Плещеницкого района. Я не знаю какое злодеяние они совершили в деревне Заречье. Судя по тому, что во время этой операции было убито несколько немцев и местных полицейских, трупы которых они привезли в Плещеницы, полагаю, что вели бой с партизанами.

Категорически не утверждаю в части даты, но, кажется, 1 мая 1943 года 118-й батальон в полном составе выехал на карательную операцию, которая проводилась в течение десяти дней в западном направлении от поселка Плещеницы в районе польско-советской границы до 1939 года. Маршрут движения батальона, названия деревень, в которых останавливались, не помню. Припоминается, что в первый день мы в брод переправились через мелководную, шириной до 10 метров речку. Сразу за рекой остановились на ночь в большом селе, которое стояло на возвышенности. До этого села, названия его не помню, все подразделения батальона двигались вместе. От этой деревни повернули на юг, двигались вдоль речки, затем по мосту вернулись на этот берег реки и продолжали движение в направлении Плещениц. Ориентируясь по представленной мне топографической карте Плещеницкого и соседних районов масштаба 1:200 000, полагаю, что вброд мы переправлялись через речку Вилию перед деревней Погост, переночевали в дер. Погост, перешли возле поселка Долгиново, в районе деревни Каменно через мост переехали на эту сторону реки. Ночевали в деревне Крайск, затем через деревни Людвиново, Боброво, Рудня, Слободу вернулись в Плещеницы. До деревни Погост все подразделения батальона следовали вместе. Дальше каждая рота шла по указанному ей марш-

ругу. По пути полицейские рот прочесывали леса, проверяли населенные пункты. Были разговоры, что третья рота сожгла одну деревню без жителей. Я не могу конкретно сказать, чем занималась каждая рота, расстреливали ли они людей. В ротах я не бывал и на боевые операции с ними не ходил. Все время находился при обозе штаба, следил за сохранностью боеприпасов.

Во время десятидневной операции первой ротой была задержана и доставлена в штаб партизанская радистка, которую куда-то отправили. Я ее видел.

Во время этой операции батальоном командовали СМОВСКИЙ и ВАСЮРА. Они намечали маршруты движения и отдавали боевые приказы командиром рот. Неоднократно приходилось слышать, как ВАСЮРА отчитывал и ругал командиров подразделений за невыполнение приказов.

Во время так называемой десятидневной операции мне известен один случай расстрела мирных граждан полицейскими штаба батальона с участием ВАСЮРЫ.

Это было примерно утром 8, 9 или 10 мая 1943 года. Помню хорошо, что в тот же день батальон закончил операцию и мы вечером возвратились в поселок Плещеницы.

Накануне штаб, расчет пушки, минометное подразделение прибыли в одну деревню Плещеницкого района, названия деревни не помню. Деревня средняя, улица в ней похожа на букву «Г». Характерных зданий не имела. От других деревень она ничем не отличалась. Помню, что в стороне, в 70–80 метрах от нее стоял большой сарай. В деревне штаб батальона остановился на ночь. Где размещались роты, находились ли они в этой или соседних деревнях, не помню.

Когда наш обоз прибыл в деревню и мы проезжали мимо немецкого и украинского штабов, которые размещались в домах напротив друг друга, я видел около штабов содержавшихся под охраной двух девушек. Не помню кто на мой вопрос пояснил, что одна из девушек партизанская радистка, которую задержали и привели полицейские первой роты. В деревне находившиеся в моем подчинении подводы остановились на ночь далеко от штаба. Вечером к нам подошел переводчик ЛУКОВИЧ и хвастался, что нашел в деревне учительницу, к которой пойдет ночевать. Утром я лично видел,

как ЛУКОВИЧ вел к штабу женщину 25–26 лет. Действительно ли она работала учительницей, не знаю. Утром среди полицейских пошел слух, что оперативные сотрудники штаба ночью в деревне арестовали несколько человек, которых допрашивали, избивали, а утром расстреляли в отдельно стоявшем сарае. Перед выездом из деревни я видел издали как горел сарай. Я спросил полицейского штаба ПИДЖАРИСТОГО, почему горит сарай. Он мне ответил, что ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ и другие офицеры, расстреляли в сарае людей и заматают свои кровавые следы. ЛУКОВИЧ даже расстрелял учительницу, с которой провел ночь. Я лично не видел, как они расстреливали людей, поэтому не могу сказать, сколько человек было расстреляно и за что. Я видел издали только горевший сарай. Сарай загорелся в тот момент, когда наш обоз уже выехал на противоположную от горевшего сарая окраину села, СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, КЕРНЕР, их адъютанты и ЛУКОВИЧ из деревни вышли последними и догоняли нас. Я видел, как они проезжали мимо нас. Мы еще стояли и ожидали их. Из этой деревни мы в тот же день возвратились в Плещеницы.

В прошлом году бывший командир второй роты ФРАНЧУК в разговоре со мной по этому факту, говорил, что он лично тогда заходил в штаб и видел как ВАСЮРА шомполом избивал мужчину.

Ориентируясь по представленной мне карте Плещеницкого и соседних с ним районов масштаба 1:200 000, полагаю, что этот факт имел место в деревне Людвиново.

Через три-четыре дня после десятидневной операции МЕЛЕШКО в составе первой роты выезжал на карательную операцию в одну из деревень Плещеницкого района. Деревня называлась якобы Дальковичи. Мне припоминается такое название. Помнится, что на эту операцию выезжал и ВАСЮРА. Я на эту операцию не выезжал и не знаю, что там произошло. Не помню, кто из полицейских мне говорил, что в деревне Дальковичи они вели бой с партизанами, а затем сожгли деревню. Были ли там убиты партизаны и расстреляны местные жители, не знаю. Помню, что во время этой операции один полицейский был ранен в живот.

Во второй половине мая 1943 года я в составе 118-го полицейского батальона выезжал на карательную операцию против партизан и мирного населения и Бегомльский район Минской области.

Операция началась в Бегомльском районе, а закончилась возле речки Березины, вдоль которой батальон продолжительное время занимал боевую позицию. Операция длилась больше месяца. В ней участвовало большое количество немецких карательных формирований. 118-й полицейский батальон на операцию выехал в полном составе. В расположении батальона в Плещеницах было оставлено только несколько полицейских с немцем Кирфельдом для охраны имущества. Выезжали на своих и мобилизованных в Плещеницах и окрестных деревнях подводах. В качестве подводчиков привлекались местные жители.

По пути от поселка Плещеницы до реки Березины полицейские батальона прочесывали леса, выгоняли скрывавшихся от карателей местных жителей и отправляли их в Германию, сжигали села, расстреливали мирных жителей и захваченных партизан.

Помню следующие злодеяния.

Из Плещениц до деревни Горное батальон двигался вместе. Затем разделился на две части. Штаб, третья рота и обоз по дороге поехали в сторону деревни Новая Вилейка. Вторая и первая роты двигались по сторонам.

При выходе из леса перед деревней Новая Вилейка штабной обоз был обстрелян из автоматического оружия с левой стороны. Убит никто не был, только ранена одна лошадь. Полицейские третьей роты открыли ответный огонь. После прекращения огня мы двинулись дальше. На мосту через речку перед деревней Новая Вилейка — название деревни помню с периода войны — каптенармус батальона СЛОВСКИЙ подорвался на mine. Пока обоз переправился через речку, роты пошли в деревню Новая Вилейка. Проезжая через деревню, я видел в ней старшину третьей роты КОЗЛОВСКОГО Андрея, командира взвода ПЕТРЕЙЧУКА и других, всех не помню. Хорошо помню, что ВАСЮРА и МЕЛЕШКО в этой операции участвовали с первого дня. Мне запомнилось, что ВАСЮРА ругал мужчин, которых привели полицейские третьей роты делать переправу через речку перед деревней Новая Вилейка, где подорвался на mine СЛОВСКИЙ.

Когда обоз, с которым следовал я, проезжал деревню Новую Вилейку, возле дороги в огороде я видел труп мужчины в гражданской одежде, в шее которого торчал нож. Деревня Новая Вилейка была

сожжена. Жгли ее после нашего ухода. Какое подразделение батальона и кто конкретно из полицейских поджигал в ней дома, не знаю.

После Новой Вилейки все роты и штаб с обозом пошли на сторону деревни Вилейки. Перед деревней третья рота и часть обоза в том числе и я отделились от батальона и прибыли в небольшой поселок Патрубовщина. Обоз остался в поселке Патрубовщина, а третья рота пошла в деревню Вешки. КЕРНЕРА, СМОВСКОГО, ВАСЮРЫ, ЛУКОВИЧА с ними не было. Они с первой ротой ушли в деревню Вилейку. Находясь в поселке Патрубовщина, я видел, как горела соседняя деревня. Позже узнал, что горела деревня Вилейка, перед которой первая рота вела бой с партизанами, а затем сожгли часть деревни.

Из поселка Патрубовщина я с обозом на второй или третий день прибыл в деревню Вешки. В этой деревне, помню, была кузница. Деревню Вешки обоз только проехал. Когда мы оставались возле деревни Вешки, то в ней горело несколько домов. Много скота было согнано в одно место. Я видел, как по деревне Вешки ходили КОЗЛОВСКИЙ Андрей, СУББОТИН, КЛИМЕНКО, ВАРЛАМОВ, БИЛЫК и грабили имущество граждан: забирали скот, птицу, хлеб и грузили на подводы. Они же и поджигали дома. Я видел, как СУББОТИН факелом поджигал один дом. Были ли расстреляны люди в деревне Вешки, не знаю.

Из деревни Вешки штабной обоз поехал по дороге в сторону деревни Кромовичи. В пути к нам прибыл посыльный штаба и передал приказ мне прибыть в деревню Вилейку за ящиком тола. Обоз был остановлен на дороге, а я, ВАРЛАМОВ, писаря ДМИТРИЕНКО, СКРИПКА, ВАКАРЧУК и старшина штаба ВАРЛАМОВ, санитар НИКИТИНКО и врач КОВАЛЬ, которым тоже было приказано прибыть в штаб, уехали на одной подводе в деревню Вилейка. В деревне Вилейка я увидел первую роту, командиров батальона КЕРНЕРА, СМОВСКОГО, начальника штаба ВАСЮРУ, командира первой роты ВИННИЦКОГО, переводчика ЛУКОВИЧА, штабных немцев и трех немцев в форме СД. Большая половина деревни была сожжена. Только в одном конце деревни стояло несколько домов. Я увидел также, что во дворе одного дома было собранно большое количество мирных граждан: мужчин, женщин, стариков, детей. Их охраняли полицейские первой роты, по фамилиям которых за давностью перечесть не могу. Здесь же, возле собранных граждан находились

МЕЛЕШКО Василий, командир третьего взвода 1-й роты ПАСЕЧНИК, командир пулеметного взвода СЛАВУТЕНКО, командиры отделений ЛАКУСТА, ПАНКИВ, КАТРЮК, старшина 1-й роты СЛИЖУК и ФИЛИППОВ.

В доме напротив размещался штаб, где находились КЕРНЕР, СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ВИННИЦКИЙ, ЛУКОВИЧ, денщик СМОВСКОГО ВУСС, немец шеф первой роты ЗАСС, три немца в форме СД, один местный полицейский в черной форме.

Когда меня допрашивали по делу ЛАКУСТЫ, я показывал, что ВАСЮРЫ там не видел. Сейчас вспомнил, что видел там и ВАСЮРУ. Он стоял рядом со СМОВСКИМ. Когда я подошел к СМОВСКОМУ и ВАСЮРЕ и спросил с какой целью меня вызвали, на улице выносили столы, за них садились писаря и что-то переписывали. Собранных граждан начали сортировать. Женщин, детей, стариков в количестве до 30 человек, точного количества не знаю, выделили в одну группу. Несколько мужчин отвели и закрыли в сарае. Молодежь выделили в отдельную группу. Во время сортировки полицейские подводили граждан к писарям, те их спрашивали, записывали. Результаты опроса ЛУКОВИЧ переводил немцу. СМОВСКИЙ, ВАСЮРА находились здесь же. СМОВСКИЙ и КЕРНЕР стояли во дворе. ВАСЮРА подходил к писарям, чем-то интересовался, затем подходил к СМОВСКОМУ, КЕРНЕРУ, переговаривался с ними, снова возвращался к писарям, отдавал какие-то приказы полицейским, торопил их. Возле писарей находились немец ЗАСС, ВИННИЦКИЙ, ЛУКОВИЧ, немцы в форме СД. Они непосредственно участвовали в сортировке людей. ВАСЮРА командовал писарями, полицейскими, как бы руководил всеми карателями, так как СМОВСКИЙ и КЕРНЕР стояли в стороне и наблюдали за этой операцией.

Как мне помнится, молодежь сразу увезли куда-то. Женщин с детьми загнали в отдельно стоявший в конце деревни сарай, расстреляли и сожгли в нем.

Находясь возле штаба, я видел и хорошо помню, что женщин и детей расстреляли и сожгли в сарае полицейские из взводов МЕЛЕШКО и ПАСЕЧНИКА. Помню, что к месту расправы их конвоировали МЕЛЕШКО, ЛАКУСТА, ЛУКОВИЧ, СЛИЖУК, КАТРЮК, ФИЛИППОВ, ПАНКИВ. В числе конвоировавших были и другие полицейские первой роты. Всех перечислить не могу.

Хорошо помню, что ВАСЮРА и начальник немецкого штаба, немец, фамилии которого не помню, тоже следом пошел к месту расправы. Мне видно было, как людей загоняли в сарай, устанавливали ручные пулеметы и оцепили сарай. Когда людей закрыли, раздался взрыв. Видимо, в сарай бросили гранату. После этого по находившимся в сарае людям был открыт огонь. Сарай загорелся. Закрытые в нем женщины и дети были убиты и сожжены. Помню, что МЕЛЕШКО тогда был вооружен пистолетом и автоматом, а ВАСЮРА — пистолетом. Стреляли ли они лично по находившимся в сарае людям сказать не могу. От сарая я находился в 300 метрах, лица людей видны были плохо. Но я хорошо помню и категорически утверждаю, что МЕЛЕШКО и ВАСЮРА сопровождали женщин и детей к сараю и находились там в момент расправы, командовали полицейскими.

Когда учинялась расправа над женщинами и детьми, СМОВСКИЙ, КЕРНЕР, ЗАСС и один немец в форме СД находились в штабе и вызвали на допрос задержанных мужчин. После расправы над женщинами и детьми к ним присоединился и ВАСЮРА. О чем они допрашивали задержанных мужчин, избивали ли их, не знаю. Я только видел, как ПИДЖАРИСТЫЙ и СКРИПКА по одному из сарая водили мужчин на допрос. Позже ПИДЖАРИСТЫЙ и СКРИПКА говорили мне, что задержанных мужчин расстреляли в д. Вилейке. Но кто их стрелял, они не говорили.

Молодежь осматривал врач Коваль, писаря их заносили в списки. Затем молодежь куда-то отправили. Некоторое время спустя после расстрела в сарае женщин и детей мне приказали подорвать телефонные столбы на дороге Вешки — Кромовичи. Я получил ящик тола и выехал из деревни Вилейки к оставленному на дороге штабному обозу, начал подрывать столбы. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 3. Л. 19–29. Подлинник.

№ 101. Из протокола допроса И.И. Козыченко

г. Гродно

5 апреля 1974 г.

[...] После подрыва телефонных столбов я с обозом прибыл в деревню Кромовичи, где уже находилась вторая рота нашего батальона. В деревне Кромовичи я видел большую группу гражданских лиц, которых охраняли полицейские. Еще по пути в д. Кромовичи я видел как взвод ПЕТРЕЙЧУКА в направлении этой деревни гнал до 20 человек молодежи. Как поступили с собранными гражданами точно не знаю, полагаю, что их отправили в Германию. Я не видел, чтобы в деревне Кромовичи полицейские расстреливали граждан.

Первой роты и оперативных работников штаба, в том числе и ВАСЮРЫ в деревне Кромовичи не было. С ними мы встретились в деревне Березки. Из деревни Березки полицейские первой и третьей рот ходили на операции по проческе леса. В лесу они находились полный день, а ночь возвращались в деревню. Я на операции в лес не ходил, поэтому не могу сказать, какие злодеяния там творили полицейские рот. Я не помню, чтобы во время моего пребывания в деревне Березки каратели там расстреливали людей. В деревне Березки обоз со штабом находились два-три дня. Я хорошо помню, что в деревне Березки были ВАСЮРА и МЕЛЕШКО. В деревне Березки я видел полицейских первой и третьей рот. Была ли там вторая рота, не помню.

Помню, что в деревне Березки один подводчик по имени Антон в моем присутствии обращался к СМОВСКОМУ с просьбой разрешить ему сходить в свою деревню. Антон возил вещи СМОВСКОГО. СМОВСКИЙ разрешил ему сходить в свою деревню. Сопровождал Антона МЕЛЕШКО с группой полицейских из своего взвода. Было ли совершено какое-либо преступление группой МЕЛЕШКО в деревне, куда они ходили с подводчиком Антоном и почему ему была выделена группа полицейских во главе с МЕЛЕШКО, не знаю. Но ходили они ночью.

Из деревни Березки мы выехали в направлении шоссейной дороги Плещеницы — Бегомль. Не доезжая шоссе, полицейскими третьей роты и штаба батальона в одной деревне было расстреляно

и сожжено в сарае много людей, сожжены были и постройки в деревне. Кто конкретно из полицейских расстреливал людей и поджигал дома, я не видел, так как это злодеяние было совершено перед самым моим приездом в деревню. Я только видел, как горели дома и сарай, в котором были расстреляны люди. Командир минометного взвода БИЛЫК, который находился в деревне в момент расправы над ее жителями рассказывал тогда мне, что в сарае расстреляно большое количество мирных граждан, захваченных в самой деревне и доставленных из леса взводами ГНАТЕНКО и ПЕТРЕЙЧУКА. В этой деревне я видел СУББОТИНА, БЕСКАНДЕРОВА, КЛИМЕНКО. Были ли в этой деревне ВАСЮРА и МЕЛЕШКО, не помню.

Помнится, что деревня состояла из двух улиц или поселков, между которыми протекала небольшая речка. Сарай находился в стороне от улицы, ближе к речке. Расположение деревни сохранилось в памяти, и я, видимо, смогу ее опознать, если она отстроилась по старому плану. Названия деревни не знаю. Ориентируясь по представленной мне топографической карте Бегомльского района масштаба 1:200 000, полагаю, что это деревни Чупры или Жамойск. Слышал, что где-то рядом с этой деревней вторая рота тоже совершила какое-то злодеяние.

Отсюда я с обозом двинулся в сторону реки Березины, переехали шоссеюную дорогу Плещеницы — Логойск и прибыли в одну деревню, названия которой не помню, но, ориентируясь по карте, полагаю, что это была деревня Осовы. К нашему приезду в дер. Осовы, в ней уже находились первая рота, минометный взвод БИЛЫКА и командование батальона КЕРНЕР, СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, и другие немцы, фамилий которых не помню и переводчик ЛУКОВИЧ. Вокруг деревни было выставлено боевое охранение. Нам указали место, где мы должны остановиться. Переночевав одну ночь, я утром пошел в штаб узнать, куда следовать дальше. Возле штаба я увидел большую группу мужчин, женщин, детей, которых охраняли полицейские. Здесь же находились КЕРНЕР, СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ВИННИЦКИЙ, МЕЛЕШКО, ЛАКУСТА, ФИЛИППОВ, СЛИЖУК, БИЛЫК и другие. Всех за давностью вспомнить не могу. Когда мужчин, женщин, детей стали отводить от штаба, они начали кричать, что почему только их гонят, староста тоже связан с партизанами. ЛУКОВИЧ перевел немцу, что выкрикивали люди. Рядом с ним

находился ВАСЮРА, который мне и ЛЮТЫКУ приказал привести старосту. Выполняя указание ВАСЮРЫ, я и ЛЮТЫК пошли домой к старосте, арестовали и привели его. ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ и немец ЗАСС сказали старосте, что говорят на него люди. Староста что-то объяснял им. ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ, и ЗАСС присоединили старосту к другим арестованным гражданским лицам и погнали их к отдельно стоявшему в конце деревни сараю. Я хорошо помню, что людей к сараю конвоировали ВАСЮРА, ВИННИЦКИЙ, МЕЛЕШКО, ЛАКУСТА, СЛИЖУК, ЛУКОВИЧ, КАТРЮК, КНАП и другие полицейские первой роты. Я и ЛЮТЫК шли следом. Помню, когда людей загнали в сарай, закрыли в нем, оцепили сарай полукругом и открыли по находившимся в сарае людям огонь со всех видов оружия. Категорически не утверждаю, но, кажется, перед сараем был установлен станковый пулемет, который был передан взводу МЕЛЕШКО. Я тоже стоял в оцеплении и стрелял из винтовки по людям.

Получив команду от немца ЗАССА, ВАСЮРА и МЕЛЕШКО приказали находившимся в оцеплении полицейским открыть огонь по закрытым в сарае людям. Стреляли ли они сами, не знаю. Но они — МЕЛЕШКО и ВАСЮРА — командовали конвойной группой, приказывали конвоировать людей в сарай, закрывать и стрелять в нем. Помню, что сарай зажигали, но кто и каким образом, не знаю. В числе стрелявших по находившимся в сарае людям помню ФИЛИППОВА, СЛИЖУКА, КАТРЮКА, ЛАКУСТУ, ЛЮТЫКА, БИЛЫКА, ПАНКИВА, ЛУКОВИЧА. Из первой роты было много полицейских, но фамилии их я забыл, да и не всех знал.

СУББОТИНА я видел в деревне Осовы, но стрелял ли он по находившимся в сарае людям, не помню.

В деревне Осовы было расстреляно и сожжено в сарае более пятидесяти человек, точного количества не знаю. За что их расстреляли, мне неизвестно. Когда люди арестовывали и доставляли к штабу, я не видел, поэтому не могу сказать, кто непосредственно их арестовывал.

После расстрела людей я сразу уехал из деревни Осовы. Несмотря на то, что в деревне Осовы я находился непродолжительное время, расположение ее помню и смогу опознать.

После деревни Осовы я с обозом прибыл в деревню Маковье. Название этой деревни помню с периода войны, так как здесь мы стояли

долго. В деревне Маковье размещался штаб батальона. Первая рота стояла в дер. Уборок, третья — в деревне Холмовка. Где остановилась вторая рота не помню. На второй или третий день после нашего прибытия в деревне Маковье третья рота сожгла деревню Холмовку. Это я знаю из рассказов полицейских. Был ли кто убит в Холмовке, не знаю.

Деревню Маковье помню хорошо. Она состоит из одной длинной улицы, которая, примерно, в центре имеет изгиб, то есть улица не прямая. В месте изгиба улицы — ложбина. В деревне было в то время не менее 50 дворов. Дома были деревянные. Характерных зданий как школа, церковь не было. Со стороны деревни Холмовки перед деревней Маковье был овраг. За оврагом в сторону Холмовки стояло около двадцати домов, но к какой деревне Холмовке или Маковье они относились не знаю. Начало деревни Маковье со стороны дер. Холмовки я считаю от оврага. Штаб батальона разместился в двух домах, стоявших по обе стороны улицы, почти напротив друг друга в начале деревни. В одном жили СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ЛУКОВИЧА, во втором — КЕРНЕР и другие немцы. В промежутке от оврага до штаба стояло около десяти домов по каждой стороне улице. Дом, в котором размещались СМОВСКИЙ, ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ, был пятистенный. В первой половине стояла обыкновенная русская печь, здесь и работали СМОВСКИЙ, ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ. Во второй половине дома они жили. Я там не был. Лично я размещался примерно в центре деревни в 500–600 метрах от штаба в сторону деревни Уборок. В деревне жителей не было. Но хозяйка дома, в котором остановились СМОВСКИЙ, ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ, была дома, жила в своем сарайчике. В то время ей было более 30 лет. Фамилии и имени ее не знаю. С ней не разговаривал. В соседнем с тем домом, в котором стоял я, жила девушка 18–19 лет. Фамилии и имени ее не знаю. Помню, что ЛУКОВИЧ вызывал ее в штаб и допрашивал.

КЕРНЕР, СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ систематически выезжали в расположение рот, в деревни Мстиж, Уборок. В деревне Уборок они тоже имели квартиры, в которых останавливались и работали.

Дня через четыре после прибытия в деревню Маковье ВАСЮРА приказал мне переехать с обозом в деревню Уборок, что мною и было сделано. Однако в Уборке я с обозом только переночевал

на окраине деревни. На следующий день я по приказу ВАСЮРЫ возвратился в деревню Маковье и больше в деревне Уборок не был. Я даже не знаю, в каких домах деревни Уборок останавливалась СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, КЕРНЕР и другие полицейские штаба.

Когда я возвратился в деревню Маковье из Уборка, то в тот же день приехал на подводе хозяин дома, в котором мы стояли раньше и снова разместились. С ним были жена и дочь. Хозяина с женой выселили из деревни. Дочь их согласилась готовить нам пищу, поэтому ее оставили дома. Фамилию и имя ее забыл. В то время ей было лет 25.

Расположение домов, в которых жили СМОВСКИЙ, ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ, КЕРНЕР, а также я, помню и смогу указать.

Когда мы стояли в деревне Маковье, то при Кернере и его помощниках КИРФЕЛЬДЕ, которого называли адъютантом, радисте-писаре, фамилии его не помню, был связной полицейский из украинцев по фамилии ЯРКО. До этого ЯРКО служил в одной из рот, якобы в первой. Ездил ли ЯРКО на мотоцикле, не помню.

На третий или четвертый день нашего пребывания в деревне Маковье кто-то из полицейских доставил в штаб двух парней в возрасте 17–18 лет. Не помню кто из полицейских мне рассказывал, что тех парней ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ допрашивали, избивали. Парни на допросе говорили, что пришли из лесу за картошкой. Я очевидцем их допроса не был. Действительно ли их ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ избивали, не знаю. Но я видел как ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ их расстреливали. Я зачем-то пришел к штабу и увидел, что в огороде за сарайчиком стоят ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ и два молодых парня. Последние были одеты в крестьянские пиджачки, без пальто или другой теплой одежды. Один был в шапке-ушанке, второй — без головного убора. Что у них было на ногах, не видел, так как близко к ним не подходил. По росту парни были одинаковые. Я находился в тридцати метрах от них, поэтому характерных [примет] у парней не заметил. Помню только, что они были в обыкновенной крестьянской одежде. Остановившись во дворе прямо при входе в украинский штаб, я продолжал наблюдать за действиями ВАСЮРЫ и ЛУКОВИЧА, которым парни кланялись и о чем-то просили их. ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ настойчиво, в грубой форме приказывали парням рыть яму. Парни яму рыли более тридцать минут. ВАСЮРА за это время несколько раз

заходил в штаб и возвращался к парням, возле которых неотлучно находился ЛУКОВИЧ и еще один полицейский штаба, но кто именно, не помню. Находившийся здесь же во дворе штаба денщик СМОВСКОГО, ВУСС сказал мне, что парней будут расстреливать. Возможно ВУСС говорил мне и об избииении парней ВАСЮРОЙ и ЛУКОВИЧЕМ. Когда парни вырыли яму, ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ поставили их лицом к яме и выстрелами из пистолетов в затылок расстреляли. ВАСЮРА расстрелял одного, ЛУКОВИЧ — второго. Сделали они по одному выстрелу. Я наблюдал, как они расстреливали их на расстоянии 30 метров. Мне было хорошо видно, что именно ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ расстреляли парней. После расстрела парней ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ мимо меня прошли в штаб. Трупы парней кем-то из полицейских штаба были зарыты в той же яме. Позже я ходил на место расстрела и видел могилку. Хорошо помню, где она находилась и смогу указать. Где в это время была хозяйка дома, в котором размещался штаб, не знаю. Во дворе ее не видел.

Мне припоминается, что очевидцами расстрела парней были писаря ДМИТРИЕНКО, СКРИПКА, старшина штаба ВАРЛАМОВ и ВУСС.

Правда, не буду категорически утверждать, что все они были и видели, как ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ расстреливали парней. Возможно, кто-то из них и не был. Но в памяти моей запечатлелось, что якобы именно ДМИТРИЕНКО, СКРИПКА, ВАРЛАМОВ и ВУСС были очевидцами расстрела парней. Парни были расстреляны в конце мая или начале июня 1943 г.

Дня два-три спустя после расстрела двух парней в деревню Маковье в штаб батальона был доставлен партизан. Мне представляется, что партизана привели полицейские третьей роты, фамилий их не помню. Я как-то зашел в помещение штаба. В то время ВАСЮРА, ЛУКОВИЧ и два немца допрашивали того партизана. Я о чем-то спросил ВАСЮРУ, но он ответил, что ему некогда, и я вышел из помещения во двор. В это время партизан выбежал из дому через двери и побежал в сторону леса. Помню, что партизан был выше среднего роста, широкоплечий, здоровый. За ним погнались ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ. К догоняющим партизана присоединились я и другие полицейские. Сейчас не помню, кто, ВАСЮРА или ЛУКОВИЧ, бежали впереди и из пистолетов стреляли по убежавшему партизану. Возле

леса по партизану открыли огонь и охранявшие деревню полицейские. Партизан был убит. От чьей пули погиб партизан, трудно сказать. ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ по партизану из пистолетов сделали несколько выстрелов, но сколько каждый из них, не могу сказать. Как мне помнится труп партизана был зарыт на месте убийства. Возможно его и не зарывали, а только присыпали.

Других факторов расстрела или убийства людей в деревне Макове не помню.

Были ли совершены какие-либо злодеяния в деревне Уборок или возле нее, допрашивал ли ВАСЮРА кого-либо в деревне Уборок, мне неизвестно.

Не помню, кто из полицейских в то время мне говорил, что вторая рота нашего батальона действовала в районе деревень Недадь, Броды и в одной из них полицейскими взвода Минько было расстреляно несколько человек.

В июне 1943 года операция закончилась. Все роты и штаб батальона собралась возле деревни Мстиж, откуда уехали в город Борисов.

Во время передислокации из г. Борисова в г. Новогрудок на станции Новоельня ВАСЮРА застрелил подростка. На этой станции мы выгружали из вагонов. Какой-то подросток появился возле эшелона. ВАСЮРА заподозрил в чем-то подростка и застрелил его. Я лично не видел, как он стрелял, но мне об этом говорили мои подчиненные КИРА и СИДОРЕНКО.

Знаю, что ВАСЮРА и МЕЛЕШКО участвовали в карательной операции против партизан и мирных граждан в Налибокской пуще на территории Новогрудского района. Из рассказов ПЕТРЕЙЧУКА, БЕСКАНДЕРОВА мне известно, что полицейскими нашего батальона в Налибокской пуще были обнаружены и расстреляны граждане еврейской национальности. Сколько там было расстреляно человек, принимали ли в этом участие ВАСЮРА, МЕЛЕШКО, не знаю. Я на эту операцию не выезжал, так как был отправлен в Минск в госпиталь. Какие еще злодеяния были совершены ВАСЮРОЙ и МЕЛЕШКО, не знаю.

Хочу заметить, что на операцию в Налибокскую пущу батальон выезжал под командованием ВИННИЦКОГО, так как СМОВСКИЙ в это время находился в отпуске и уезжал к семье. Со СМОВСКИМ якобы ездил и его денщик ВУСС.

Из госпиталя я возвратился в город Новогрудок, где застал только хозяйственные подразделения штаба. Сам штаб уже находился в городе Лиде, куда через несколько дне переехали и мы. Роты стояли в соседних с Лидой поселках: первая в Ивье, третья — в Щучине, вторая — в Василишках. В Лиде стоял только штаб. За время дислокации штаба в городе Лиде я не наблюдал, чтобы в штаб доставлялись и допрашивались там партизаны и гражданские лица. ВАСЮРА иногда выезжал в расположение той или иной рот. Чем он там занимался, участвовал ли в карательных операциях, расстрелах и истязаниях советских граждан, мне неизвестно.

МЕЛЕШКО Василий в составе первой роты находился в поселке Ивье. О его преступной деятельности за период пребывания в поселке Ивье я ничего показать не могу. Совершались ли там им какие-либо злодеяния, не знаю.

Вопрос: Вы показали, что в длительной карательной операции, проводившейся в мае-июне 1943 года в Бегомльском районе Минской области и около реки Березины участвовали ВУСС и СУББОТИН. Вы хорошо это помните?

Ответ: Да, я это хорошо помню и категорически утверждаю, что ВУСС и СУББОТИН в этой операции участвовали. Неоднократно продумывая эту операцию от начала до конца, я вспоминаю, что СУББОТИНА видел в деревне Вешки, когда он в ней поджигал дома, а также в той деревне, в которой третья рота расстреляла и сожгла в сарае людей, и в деревне Осовы. В процессе операции видел его и в других местах.

ВУССА я видел как в начале операции, так и в конце. Его с вещами СМОВСКОГО возил подводчик по имени Антон. Припоминаю, как в деревне Маковье во дворе штаба он что-то варил с хозяйкой. Разговаривал я с ним и тогда, когда ВАСЮРА и ЛУКОВИЧ расстреливали парней. Помнится, что ВУСС был и в деревне Вилейке около штаба во время разделения людей на группы.

Вопрос: Что Вам известно о личном участии ВУССА и СУББОТИНА в расстрелах и истязаниях советских граждан?

Ответ: Я ни разу не видел, чтобы ВУСС и СУББОТИН лично расстреливали людей во время службы в 118-м батальоне. ВУСС был вооружен винтовкой. Это я хорошо знаю как старший оружейный мастер. Выезжал он на все длительные операции, во время кото-

рых неотлучно находился при командире батальона СМОВСКОМ, выполняя его распоряжения. В тех деревнях, где производились массовые расстрелы мирных жителей в присутствии и по команде СМОВСКОГО, находился и ВУСС. Но что он делал, в чем заключалось его личное участие в массовых расстрелах советских граждан, сказать не могу.

СУББОТИН служил заместителем командира взвода тяжелого оружия: минометов и пушки. Командиром этого взвода был офицер БИЛЫК якобы Петр, родом из-под Киева.

Расчет пушки возглавлял БЕСКАНДЕРОВ. Национальность его и откуда родом не знаю.

СУББОТИН был заместителем БИЛЫКА по минометам и непосредственно являлся первым номером — наводчиком — батальонного миномета. Все минометчики, в том числе и СУББОТИН, кроме того, на вооружении имели винтовки.

Во время дислокации батальона в поселке Плещеницы взвод БИЛЫКА представлял из себя самостоятельную боевую единицу и подчинялся непосредственно командиру батальона и начальнику штаба. СУББОТИН с минометчиками систематически выезжал на однодневные операции в села Плещеницкого района с карательными группами разных рот. Редко когда на операции выезжала одна рота. Обычно на ту или иную операцию выезжали смешанные группы: один взвод из первой, один или два из третьей роты или наоборот. Минометчиков придавали этим карательным группам. Так что СУББОТИН на однодневные операции выезжал как с первой, так и со второй и третьей ротами. Если на операцию выезжала большая группа карателей — бывали случаи, что выезжали и мелкие подразделения, — то обязательно ей придавалось тяжелое оружие: станковые пулеметы, минометы, пушки. Я не могу сейчас сказать, в каких однодневных операциях принимал участие СУББОТИН, так как я на такие операции не выезжал. Я могу только с полной достоверностью показать, что СУББОТИН выезжал в деревни Хатынь, Заречье, Дальковичи, на десятидневную и длительные карательные операции в Бегомльский район и Налибокскую пущу. Какие злодеяния совершал он лично во время этих и других карательных операций, не знаю. Я только видел, как он в деревне Вешки поджигал дома.

Среди полицейских батальона были разговоры, что СУББОТИН вместе с КЛИМЕНКО активно себя вели. В чем заключалась их активность, я не интересовался. По возвращении СУББОТИНА с той или иной карательной операции мне неоднократно приходилось у него видеть награбленные продукты: сало, мясо, яйца, самогон. Награбленные продукты и водка у него не выводились. Не раз он угощал и меня.

Во время дислокации батальона на территории Гродненской области, минометчики во главе с БИЛЫКОМ и СУББОТИНЫМ были приданы третьей роте и стояли в городе Щучине. О его преступной деятельности в этот период я ничего не знаю, так как в город Щучин я выезжал только несколько раз с целью проверки оружия.

Вопрос: Свидетель ВАРЛАМОВ Иван Матвеевич показал, что во время переезда батальона из города Борисова в город Новогрудок на станции Новоельня, кроме подростка, был убит и взрослый мужчина. Что известно об этом?

Ответ: О расстреле ВАСЮРОЙ подростка на станции Новоельня я слышал. Об этом мне говорил тогда же покойный КИРА, который являлся очевидцем убийства ВАСЮРОЙ подростка. О расстреле взрослого мужчины на станции Новоельня мне ничего неизвестно. Я не слышал, чтобы на станции Новоельня кроме подростка был убит и взрослый мужчина.

Вопрос: Почему КИРУ Вы назвали покойным?

Ответ: Кира погиб во Франции. Он полез в какой-то погреб и попорвался в нем на mine. Об этом мне говорили еще во Франции. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 3. Л. 30–40. Подлинник.

№ 102. Из протокола допроса И.М. Варламова

г. Гродно

6 апреля 1974 г.

[...] В период Великой Отечественной войны я служил более двух лет в 118-м украинском полицейском батальоне. Начал службу у оккупантов с начала лета 1942 года в 117-м украинском полицейском батальоне рядовым полицейским. Этот батальон тогда находился в городе Шполе Черкасской области. Примерно в августе 1942 года я в составе одного подразделения вместе с командиром роты Нарядько был переведен в 118-й полицейский батальон, который дислоцировался в городе Киеве. Этим батальоном командовали немецкий офицер Кернер и изменник Родины Смowskiй Константин. Состоял батальон из трех стрелковых рот, немецкого штаба и штаба из изменников Родины.

Лично я вначале находился в третьей роте, был рядовым полицейским. Командовал этой ротой бывший советский офицер Иван Нарядько. Затем, в феврале 1943 года, после прохождения в Минске двухнедельных курсов телефонистов, я был назначен Смowskiм старшиной штаба батальона. В этой должности я служил до отступления батальона на территорию Германии, то есть до конца лета 1944 года.

По совместной службе в 118-м украинском полицейском батальоне я знал Васюру Григория, Мелешко Василия, Вусса Павла и Субботина Георгия. Взаимоотношения у меня с ними были нормальные. Личных счетов ни к кому из них не имею. После войны ни с кем из них нигде не встречался.

Васюра Григорий являлся в прошлом советским офицером, с 1915 года рождения, по национальности украинец, уроженец одной из восточных областей Украины, высокого роста, плотного телосложения, круглолицый, волосы на голове светло-русые. В 118-м полицейском батальоне он имел звание лейтенанта полиции и был начальником штаба батальона. Заступил на эту должность сразу по прибытии батальона в поселок Плещеницы. До этого он был каким-то командиром в первой роте, но каким именно точно не знаю. Васюру я стал хорошо знать с того времени, когда он был назначен начальником штаба.

Мелешко Василий — бывший советский офицер, в возрасте примерно 27–28 лет по состоянию на период войны, по национальности

украинец, уроженец одной из восточных областей Украины, выше среднего роста, плотный, лицо овальной формы, волосы на голове темно-русые, стройный, с военной выправкой. В 118-м батальоне он имел звание лейтенанта полиции, был командиром первого взвода и одновременно являлся заместителем командира первой роты. Всегда был активным, пользовался авторитетом у немцев и командира батальона Смовского.

Вусс Павел, по национальности украинец, выходец из областей Западной Украины, в возрасте 28–30 лет по состоянию на период войны, высокого роста, тонкий, круглолицый, с большими бровями напущенными вперед, волосы на голове густые, русые. Он все время был денщиком у командира батальона Смовского и находился при украинском штабе. Служил в батальоне до отступления немецких войск на запад в 1944 году.

Субботин Георгий, в батальоне называли его Жорой, по национальности русский, в возрасте примерно 25–27 лет по состоянию на период войны, уроженец из районов Дона, выше среднего роста, лицо овальной формы, волосы на голове русые, нос длинный с небольшой горбинкой. В 118-м полицейском батальоне служил до отступления на территорию Франции и был командиром минометного расчета в минометно-пулеметном взводе.

В отношении их преступной деятельности за период службы в полицейском батальоне мне известно следующее:

В мае-июне 1943 года Васюра Григорий, Мелешко Василий, Субботин Георгий и Вусс Павел в составе 118-го полицейского батальона участвовали в карательной операции против мирного населения и советских партизан в районе Бегомля и реки Березины. Мне также приходилось выезжать на данную операцию. Батальон выезжал на эту операцию из поселка Плещеницы в полном составе. Выезжали на подводах с привлечением в подводчики местных жителей поселка Плещеницы и окружающих деревень. В первый день операции по выезде из Плещениц при подходе к небольшой речке в то месте, где был разрушен мост, на mine подорвался полицейский Словский из украинского штаба. Это было возле деревни Новая Вилейка Бегомльского района. Полицейские столпились к тому месту, где взорвалась мина. Начальник штаба Васюра в целях безопасности стал кричать на полицейских, чтобы не ходили вдоль речки, и приказал привлечь местное население для налаживания переправы. Я видел как полицейские привели откуда-то около 6 человек в гражданской

одежде, все были мужчины. Их заставили сносить бревна и делать переправу через речку. Все то происходило на моих глазах. Я слышал, как Васюра кричал на мужчин в гражданской одежде, чтобы они побыстрее делали переправу. Когда была налажена через речку переправа, то мужчин не гражданских не отпустили, а гнали их впереди первой роты по проселочной дороге в деревню Вилейку в целях обнаружения заминированных участков и безопасности движения полицейских. Следуя в этом направлении, я с обозом проезжал мимо деревни Новая Вилейка и видел, как она горела. Подожгли ее полицейские из первой роты, но какие именно подразделения, затрудняюсь сказать. Когда обоз со штабом переправлялся через речку, то часть полицейских первой роты ушло в Новую Вилейку и вскоре начали гореть постройки. Были ли в деревне жители и погиб ли там кто-либо из мирного населения, я не знаю.

Двигаясь по проселочной дороге после Новой Вилейки дальше, первая рота столкнулась с партизанами и вступила в бой. Партизаны сделали засаду на кладбище возле деревни Вилейка. Когда первая рота вела бой с партизанами, то я находился с обозом штаба примерно в 300 метрах от кладбища, так как мы двигались вслед за первой ротой. Смовский и Васюра во время боя находились впереди обоза. В то время я видел, как возвращались назад в сторону Новой Вилейки мужчины в гражданской одежде, которых полицейские гнали по дороге впереди себя. Мужчины проходили мимо нашего обоза, и на моих глазах никто их более не задерживал.

Когда прекратился бой с партизанами полицейские первой роты, в том числе и офицер Мелешко со своим взводом, ворвались в деревню Вилейку и стали ее поджигать с одного конца. Были ли жители деревни дома, я не знаю. Проезжая обозом штаба через деревню, я только видел недалеко от улицы в огороде убитого мужчину. Он был в гражданской одежде, оружия при нем я не видел. Правда, близко к трупу я не подходил. Обоз наш в самой Вилейке останавливался на очень короткое время. Двигаясь мимо кладбища, основную улицу мы пересекли в поперек и выехали за деревню на высотку с редким сосонником⁴⁰. Васюра со Смовским, немцы и некоторые другие полицейские из штаба оставались вместе с первой ротой в самой Вилейке. Видно было, как полицейские суетились по деревне и загорались дома все больше и больше. Это происходило

⁴⁰ Так в тексте.

во второй половине дня, под вечер. После подожжения Вилейки все убыли из нее, и примерно в полутора-двух километрах в одном небольшом поселке штаб батальона остановился на ночлег. Как назывался поселок, я сейчас не помню. В поселке тогда находились Смовский, Васюра, немцы со штаба батальона и многие полицейские первой роты. Находился здесь и я с обозом. Ночью выставлялись посты пулеметные из первой роты. Где находились в это время вторая и третья роты нашего батальона, я не знаю. На второй день с утра полицейские первой роты и штаба выехали из поселка и прочесывали лесную местность в том районе. Из полицейских в поселке никто не оставался. Не было в нем и мирного населения. Дома в поселке полицейскими не сжигались. Во время прочески местности полицейские первой роты и штаба обнаруживали мирное население со скотом. По указанию Смовского и Васюры полицейские отправляли мирное население в свои деревни и говорили людям, что дома их никто не будет трогать. Люди поверили и многие целыми семьями возвращались домой в деревню Вилейку и соседние с ней деревни. О том, что мирные жители послушали полицейских и возвращались в Вилейку, знали немцы, Смовский, Васюра и все другие со штаба батальона. Переночевав еще одну ночь на каком-то хуторе, первая рота во главе с Винницким и штаб батальона на третий день операции снова прибыли в деревню Вилейку, в которой оставалось несожженными несколько домов с одного конца деревни, и учинили расправу над мирными жителями. Насколько я помню полицейские первой роты согнали всех жителей в одно место и разделили на несколько групп. Отобранную молодежь увезли сразу на грузовых автомашинах с немецкой охраной для угона в Германию. Группу женщин с детьми поместили в один сарай, а группу мужчин из 6–7 человек загнали в другой сарай. Некоторые жители были отпущены. Находясь в тот день в деревне Вилейке, я видел, как группу мужчин полицейские из первой роты перегнали в другой сарай, находившийся рядом с домом, в котором размещался штаб батальона. В штабе тогда были Смовский, Васюра, Винницкий, Мелешко и немцы. Находясь в то время во дворе соседнего дома, я лично видел, как полицейские Катрюк и другие из первого взвода первой роты, по фамилии остальных не помню, везли мужчин по одному на допрос в штаб. После допросов мужчин со штаба отводили по одному в один сарай, находившийся примерно в 200 метрах через улицу от того дома. Я лично видел, как в сарай отводили со штаба

трех или четырех мужчин. Отводили их по одному полицейские со взвода Мелешко, по фамилии полицейских сейчас не помню. В тот же день под вечер этих мужчин в сарае расстреляли полицейские из первой роты, а на следующий день перед отъездом из Вилейки сарай с трупами подожгли. Кто конкретно из полицейских расстреливал мужчин в сарае и кто поджег сарай, сейчас не могу сказать, не помню. Хорошо только помню, что после допроса в штабе в штабе мужчины были расстреляны в сарае полицейскими из первой роты. В один и тот же день полицейскими первой роты в другом сарае была расстреляна и группа женщин с детьми. Очевидцем этого факта я по каким-то причинам не был, но об этом мне известно из рассказов в то время кого-то из полицейских батальона. Кто об этом мне рассказывал, сейчас не помню.

В деревне Вилейке в день расстрела мирных жителей, насколько я помню, были денщик командира батальона Вусс Павел, писаря штаба батальона Дмитриенко Василий и Скрипка Василий, офицер по вооружению Козынченко Иван Иванович, начфин Вакарчук, переводчик Лукович и другие со штаба батальона.

После Вилейки мы двигались дальше по проселочным дорогам по направлению к реке Березине. Помню, что в одной деревне на этом пути кто-то из полицейских третьей роты задержал одного мужчину в гражданской одежде и передал его в украинский штаб батальона. Задержанного мужчину допрашивали в доме, где размещался штаб. Допрашивали его командир батальона Смовский и Васюра. Находился с ним еще Лукович. Я слышал, как задержанный мужчина, когда вели его в штаб, говорил полицейским, что он пастух, житель этой деревни, и за лесом на лугу пасет коров, а в деревню шел на обед. Он был босой, в белых штанах из холста и в темном поношенном пиджаке. Нижняя челюсть, него была скривлена на сторону. Припоминаю, что из числа полицейских, которые вели в штаб задержанного мужчину, один был по фамилии Казак или Козачук из третьей роты. Когда этого мужчину допрашивали, я все время не был в штабе и куда-то отлучался. В тот же день задержанный мужчина был расстрелян по подозрению в принадлежности к партизанам. На второй день я лично видел его убитым. Лежал он в огороде, где был посеян ячмень, примерно в 5–6 метрах от дороги. Мои сослуживцы Ефименко Валентин и Дохивник Дмитрий, которые дежурили при телефоне в украинском штабе, в то время говорили, что задержанного мужчину после водили в немецкий

штаб батальона, а затем его расстреляли. Кто конкретно расстрелял, я не знаю. Названия той деревни я сейчас не помню. Стояли мы тогда в ней два или три дня, а потом уехали из нее и прибыли в деревню, которая стояла возле реки Березины. В ту деревню с нами пришла и вторая рота. Называлась эта деревня как будто Броды. На допросе в сентябре 1973 года я сказал ошибочно, что после расстрела пастуха мы прибыли в деревню Уборок. Хорошо подумав, я сейчас вспомнил, что допрашивал задержанного мужчину не один Смовский, а вместе с начальником штаба Васюрой и Луковичем, чего я не показал раньше, и после той деревни прибыли со второй ротой к реке Березине, где находилась деревня Броды или Брод.

В деревне Броды мы стояли несколько дней. Штаб батальона, кухня и обоз находились в самой деревне, а роты ходили в засады на партизан вдоль реки Березины. Тогда в расположении штаба батальона были расстреляны два человека, задержанные спящими в сарае в одно из ближайших деревень. Задержаны они были полицейскими одной из рот во время облавы и доставлены в Броды. Я лично видел, когда их привели к штабу. Это были два молодых человека, в возрасте примерно 20–25 лет, среднего роста, стройные, с лица худощавые. Они были одеты в черную форму немецкой полиции. Воротники и обшлага на рукавах мундиров были серые. Оружия в то время при них не было. Кто конкретно из полицейских доставил их к штабу, сейчас не помню. Привели их к штабу в часов 9–10 утра. В украинском штабе с ними разговаривали Васюра, Смовский, Лукович, водили их майору Кернеру, а потом обоих расстреляли за сараем дома, где размещался немецкий штаб. Из рассказов моих сослуживцев Александрова и Глушенка Ивана мне известно, что обоих задержанных расстреляли за сараем начальник штаба Васюра Григорий и Лукович. Александров и Глушенко являлись телефонистами при штабе, видели, как Васюра с Луковичем расстреляли задержанных парней и об этом тогда рассказали мне. Припоминаю, что задержанные парни, по их словам, ранее служили где-то в полиции и ушли из полиции, чтобы перейти на сторону партизан, но были задержаны спящими в сарае. Трупы расстрелянных были закопаны кем-то из полицейских батальона на том месте за сараем в деревне Броды. Хочу пояснить, что украинский штаб батальона размещался рядом, в соседнем в доме с немецким штабом. Примерно в 100–150 метрах от тех домов, где были штабы, протекала река

Березина. Улица в деревне Броды была в форме полудуги, северная часть ее почти примыкала к реке. Местных жителей тогда в деревне никого не было. Дома в деревне Броды полицейским нашего батальона не сжигались. На допросе в сентябре прошлого года я показал ошибочно, что два человека в черной форме немецкой полиции были расстреляны в деревне Уборок. В действительности это было в деревне Броды в первые дни по прибытии нашего батальона к реке Березине. В деревне Уборок штаб батальона также останавливался, но это было значительно позже, к концу операции. Деревня Уборок, насколько я помню, не стоит на берегу реки Березины.

Когда мы стояли на берегу реки Березины, по-моему, это также было в деревне Броды Бегомльского района, командир отделения Маршицкий из третьей роты обнаружил в реке под лопухами одного партизана, которого кто-то из полицейских третьей роты доставили в штаб. Я видел, когда привели его к штабу. Вся одежда на нем была мокрой. Партизан был среднего роста, не бритый, в возрасте примерно 30 лет. Оружия при нем в то время не было. Задержанного партизана в доме, где находился украинский штаб, допрашивал Васюра Григорий с Луковичем. Во время допроса или же, возможно же, после допроса партизан каким-то образом выбежал из штаба и направился бежать в сторону леса. В это время Васюра поднял шум, выскочили из штаба Лукович, Васюра и еще кто-то из полицейских. Васюра кричал на Луковича и других полицейских, что плохо охраняли партизана, и приказал не упускать его живьем. Лукович гнался за партизаном и стрелял по нему из пистолета, но партизан продолжал бежать. В то время за деревней находилась засада полицейских второй роты, которые обратили внимание на стрельбу Луковича, заметили бежавшего партизана, открыли по нему огонь и убили. Кто конкретно из полицейских второй роты убил партизана, я не знаю. К убитому партизану я не ходил, но о том, что он был убит, все тогда знали, так как об этом после шел разговор в штабе. Закапывали убитого партизана или же труп был оставлен незакопанным, я сейчас не помню. Засада полицейских второй роты находилась примерно в 500 метрах от расположения штаба, и в промежутке этого расстояния был убит партизан. Мирного населения тогда в деревне не было. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 3. Л. 46–53. Подлинник.
Типографский бланк, машинопись.*

№ 103. Из протокола допроса П.Ф. Дзебы

г. Гродно

17 апреля 1974 г.

[...] В период службы в 118-м полицейском батальоне Мелешко Василий, также начальник штаба батальона Васюра неоднократно участвовали в карательных операциях против советских партизан и мирного населения.

Я помню следующие операции с участием вышеупомянутых лиц.

В конце 1942 года наш батальон из Киева переехал в Белоруссию. После непродолжительного пребывания в Минске первая и третья роты расположились в местечке Плещеница Минской области, вторая рота где-то в другом населенном пункте. Штаб находился в Плещеницах.

Зимой, в 1943 году, во время карательной операции, которую возглавлял Мелешко, была сожжена деревня, а имущество жителей разграблено. На эту экспедицию выезжал и я в составе своего отделения, которым командовал Лакуста Григорий. Полицейских было в количестве около роты: два взвода первой и один третьей рот. Всеми полицейскими командовал Мелешко.

Деревня, куда мы ехали на санях, располагалась где-то в восточном направлении от Плещениц. Помню, что ехали туда лесной дорогой. Деревня находилась примерно в восьми километрах от Плещениц. Это был однодневный выезд. На окраине леса, примерно в полукилометре от деревни, поступила команда приготовиться к наступлению на деревню. Когда мы стали цепью двигаться на деревню, оттуда по цепи было произведено несколько выстрелов из винтовки. Никто из карателей не был убит. По команде командира взвода по деревне полицейские дали ответный огонь. Деревню мы заняли. В стапятидесяти-двухстах метрах от деревни я видел два трупа. Это были партизаны, у которых полицейские забрали винтовку. Говорили тогда каратели, что погибших партизан было четверо. Но я видел двух. Жителей в деревне я не видел. На улице или во дворах, в домах трупов я не видел. Полицейские ходили по домам, изымали продукты, вещи. Уходя, каратели деревню подожгли. Кто именно поджигал дома, не могу сказать. По-моему,

делали то полицейские нашего отделения Теличко, Швейко. Мелешко я также видел в деревне. Занимался ли он грабежом или уничтожением построек, не знаю. Скот, принадлежащий местным жителям, полицейские забрали. Помню, что командиры отделений Катрюк и Лакуста привезли оттуда по поросенку. В этой операции принимали участие все полицейские отделения, в котором я служил, такие, как Курка, Шелюх, Кипран, вышеупомянутый Швейко и Теличко и другие.

Деревня полностью сгорела. Находясь в деревне, я не видел, чтобы кто-либо из карателей бросал в дома через окна гранаты или расстреливал людей. На улице я местных жителей не видел. В домах людей также не встречал.

Как называлась уничтоженная деревня, я не могу сказать, не помню. Там я был один раз.

В 1943 году, зимой, карателями 118-го батальона, выезжавшими на операцию из Плещениц, была учинена расправа в деревне, расположенной в западном направлении от Плещениц. Эта операция имела место после того, как днем раньше там были партизанами убиты несколько жандармов и полицейских из Плещеницкой полиции. В этой операции участвовал и Мелешко как командир взвода. Васюра туда не выезжал. Операцию возглавлял командир первой роты Винницкий, в распоряжении которого была вся первая рота и часть третьей. Из Плещениц мы выехали утром на подводах, взяв у местных жителей.

Деревня находилась от Плещениц не ближе чем в двенадцати километрах.

Первая рота следовала впереди. И при подходе к деревне мы первыми попали под огонь, который велся из сарая, стоявшего недалеко от деревни, слева по ходу нашего движения. Мы быстро соскочили с подвод, стали рассредоточиваться. Мелешко дал команду взводу двигаться на сарай и вести огонь по сараю и деревне. Его команду продублировал командир отделения Лакуста. Взвод открыл огонь по сараю и деревне. Перебежками мы стали продвигаться к сараю, откуда велась стрельба из автоматического оружия и винтовок.

Под прикрытием огня полицейской роты подлез к сараю и поджег его. Оттуда бросились убежать в лес двое мужчин. Оба были

убиты. Один продолжал нас обстреливать из сарая. Он в нем и погиб — тоже были тогда разговоры среди карателей.

Когда наш и второй взвод вошли в деревню, в ней уже горели три или четыре дома. Они загорелись во время обстрела деревни из минометов и всех видов оружия. Мелешко и командир отделения Лакуста приказали своим подчиненным прочесать деревню, обыскать постройки. При проческе деревни наш взвод шел цепью. Я и Темечко, Кипран шли огородами. Другие полицейские шли по улице, некоторые заходили в дома. Мелешко находился среди полицейских, но что конкретно делал, не знаю. С нами не шел. А находился с другими полицейскими. Мелешко Василия увидел с Винницким — там же были Лакуста, Катрюк — уже в середине деревни, куда мы вышли в ходе прочески. Они находились на улице. Проходя огородами еще до встречи с Мелешко и другими, которых я сказал, — я видел в середине деревни двух убитых мужчин. Трупы их лежали в городе возле дома.

Около следующего дома, тоже в огороде, лежала убитая женщина. Трупы находились примерно в тридцати метрах от Мелешко и других командиров. Кто из карателей убил этих людей, я не видел. Но их во время стрельбы по деревне во время наступления, или же те каратели нашего взвода, что шли по улице. А по улице шли и стреляли Иванкив, Швейко, Темечко. С ними шел и Лакуста. Стреляли ли эти каратели по людям, я не видел, так как я не только шел огородами, но и заходил в дома и сараи с целью обнаружения партизан. Поэтому не мог видеть все, что делали шедшие по улице полицейские. Людей на улице я не видел. Кроме нашего взвода, в этой деревне был также второй взвод нашей роты и другие каратели. Горели постройки, в дома заходили полицейские и забирали имущество, продукты. Кто конкретно поджигал дома, я не могу сказать, но видел только, что этим занимался Швейко. Поджигали ли постройки другие полицейские первого взвода и в том числе Мелешко, не знаю. Но во время операции я не ходил по всей деревне, дошел лишь до середины улицы. Когда деревню мы покидали, все постройки горели. Расположение построек в деревне я хорошо не помню. Помню, что дома были по обе стороны улицы. Затем на некотором удалении начинались опять постройки. Но туда наш взвод не ходил, там хозяйничали другие каратели. Там тоже разда-

валась стрельба, горели постройки. Были убиты люди и там, о чем имели место разговоры среди полицейских.

В указанной операции принимали участие плещеницкие полицейские, а также жандармами⁴¹.

После уничтожения построек каратели уехали в Плещеницы, забрав трупы убитых полицейских и жандармов — убитых днем раньше.

Сколько всех построек сгорело во время указанной карательной операции, сколько погибло местных жителей и партизан, я не знаю.

В зимнее время 1943 года первая рота в полном составе под командованием Винницкого предпринимала операцию в одной из деревень Плещеницкого района, расположенной от Плещениц в 15–18 километрах. Выезжали на санях, в каком направлении, не припоминаю.

Около деревни нас обстреляли. Огонь вели из деревни. Потом стрелявшие по полицейским стали уходить в лес, находившейся близко от деревни.

По команде Мелешко полицейские взвода открыли ответную стрельбу. Стреляли также каратели из других подразделений. Во время этого непродолжительного боя было убито несколько убежавших. Это были мужчины.

Из разговоров мне известно, что погибшие были партизанами. Как говорили тогда полицейские, убито было около семи человек. В деревне нами были также захвачены несколько запряженных в сани лошадей, на санях были какие-то трофеи. Как называлась деревня, не знаю. Постройки в ней каратели не поджигали, мирных жителей не расстреливали. Но население ее подвергалось ограблению.

Вопрос: На допросе 14 августа 1973 года по делу Лакусты и других вы показали, что тот случай имел место в деревне, расположенной в юго-западном направлении от Плещениц. Теперь же заявляете, что не помните, где эта деревня расположена.

Почему вы даете противоречивые показания?

Ответ: Где в действительности расположена эта деревня по отношению к Плещеницам, я не могу точно сказать, так как этого

⁴¹ Так в тексте.

не помню. О том, что она находится на юго-западе от Плещениц, я не уверен. Тогда при допросе я просто допустил ошибку.

Вопрос: Известно, что 19 января 1943 года в районе деревни Селище, расположенной юго-восточнее Плещениц, карателями было убито семь партизан.

Что можете пояснить по этому вопросу?

Ответ: Поскольку я не могу сказать, в каком направлении мы выезжали на указанную мной операцию, то не отрицаю, что это могло быть в деревне Селище. Название деревни, где проводилась операция, я, может быть, даже и не знал тогда, а может быть, знал, но просто забыл.

Вопрос: Из немецких трофейных документов об операции в районе деревни Селище видно, что полицейскими-украинцами были убиты четырнадцать партизан и в их числе комиссар. Что можете пояснить в связи с этим?

Ответ: Был ли⁴² среди погибших комиссар, я не помню. О таком большом количестве убитых партизан мне что-то не приходилось слышать. Я не знаю такого случая, чтобы во время однодневных операций карателями батальона были убиты в районе какой-либо из деревень четырнадцать партизан. В операции, о которой я выше показывал, от рук карателей погибло, как мне известно от сослуживцев, семь человек. Были ли потери со стороны партизан в лесу около деревни, не знаю.

Вопрос: Сегодня на допросе вы показали, что 1943 году зимой карателями 118-го батальона, выезжавшим под командованием Мелешко, была сожжена деревня, расположенная в восточном направлении от Плещениц, а имущество ее жителей полицейскими разграблено.

Следствие располагает данными о том, что 6 января 1943 года полицейские 118-го батальона уничтожили деревню Чмелевичи, которая находится юго-восточнее Плещениц, убили трех ее жителей. Что вы можете показать по данному вопросу?

Ответ: Возможно, операция, о которой показал я, имела место в деревне Чмелевичи. Я же деревню с таким названием не помню, поэтому сказать, что нами была сожжена именно эта деревня, не могу. Но в деревне я не видел убитых людей, а видел два трупы недалеко от деревни.

⁴² Зачеркнуто «Погиб».

Вопрос: Продолжайте показания об участии Васюры и Мелешко в карательных операциях против мирных граждан и партизан.

Ответ: Весной 1943 года под командованием Мелешко группа полицейских 118-го батальона выезжала для захвата партизана в одну из деревень, расположенную на северо-запад от Плещениц. В операции принимал участие наш, первый, и второй взвод первой роты. В этой группе был и повар третьей роты по фамилии Мышак. Партизан был захвачен во дворе обманным путем. Полицейским удалось схватить его, когда ему каратели сказали, что приехали к нему решить вопрос о переходе полицейских на сторону партизан. О встрече с ним якобы уже заранее было обусловлено.

Мелешко и остальные полицейские остались на опушке леса около деревни, а Мышак и еще несколько карателей ушли в деревню. Вскоре они доставили к ним на подводе связанного партизана. Подводу они взяли в деревне. Говорили полицейские, что это был партизанский комиссар. На санях он был доставлен в Плещеницы и помещен в расположении батальона. О судьбе его я ничего определенного сказать не могу. Говорили, что его будто бы сдали в жандармерию. Я хорошо помню, что в Плещеницы партизана доставили на санях, снег еще был на дороге.

Вопрос: На допросе 14 августа 1974 года вы показали, что в этой операции взводами командовали Лакуста и Ильчук, и об участии в ней Мелешко ничего не показали. Теперь заявляете, что Мелешко принимал в ней участие и являлся старшим группы. Как же было в действительности?

Ответ: О Мелешко тогда меня не спрашивали, поэтому о роли его в этой операции я ничего не показал. В действительности же он возглавлял группу по захвату партизана. Ильчук и Лакуста командовали тогда взводами. Ильчук являлся командиром второго взвода, а Лакуста как помощник командира взвода возглавлял наш первый взвод. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 3. Л. 90–105. Подлинник.
Типографский бланк, рукопись.*

№ 104. Из протокола допроса П.Ф. Дзебы

г. Гродно

18 апреля 1974 г.

[...] В марте 1943 года карателями 118-го батальона была учинена расправа над лесорубами и в тот же день уничтожена вместе с ее жителями деревня Хатынь. Название этой деревни мне стало известно во время судебного следствия по делу Лакусты и других.

В тот день утром во главе с шефом роты немцем Вельке группа полицейских батальона на автомашинах выехала в сторону Минска. целью поездки, как мне было тогда известно, являлось исправление телефонной связи на участке от Плещениц в сторону Минска. В составе этой группы был и я. Мелешко возглавлял свой взвод. Ехал также с нами и третий взвод нашей роты во главе с командиром его Пасечником. Для исправления связи были взяты в Плещеницах два связиста, не имевшие отношения к батальону. Это были гражданские люди.

В километрах 14–15 от Плещениц в пути нашего следования по шоссе, следовавшая впереди нашего взвода легковая автомашина была обстреляна партизанами. В машине находились Вельке, Мелешко, шофер и пулеметчик. По ней и был сосредоточен огонь партизан. Наша машина (грузовая) остановилась, мы соскочили и стали стрелять в сторону партизан. Вторая автомашина, находившаяся сзади нас с полицейскими третьего взвода, тоже остановилась. Полицейские этого взвода тоже вступили в бой.

Вельке, пулеметчик были убиты. В перестрелке с партизанами погиб и командир отделения первого взвода по фамилии Данько. Мелешко и шофер легкой автомашины были ранены. Причем Мелешко получил легкое ранение в области уха. Куда ранен был шофер, не помню. Я не видел, кто и когда наложил повязку Мелешко, но видел на его голове светлую повязку, через которую около уха просачивалась кровь. Это было уже после того, как перестрелка прекратилась и мы подошли к месту нападения партизан на легковую автомашину.

Мелешко дал команду прочесать лес по обе стороны шоссе. Эту его команду я слышал сам, так как находился здесь же. Лакуста

во исполнение его команды повел наше отделение в направлении, откуда обстреляли карателей партизаны, т. е. в лес влево, если следовать в сторону Минска. Весь первый взвод ушел в этом направлении. Взвод Пасечника ушел в лес справа от шоссе. Я не знал, что на участке, где наш взвод должен был делать проческу, находятся лесорубы. Я думал, что проческа будет произведена с целью обнаружения партизан. Я находился в составе отделения Лакусты. Я не помню, чтобы на пути отделения нам встречались люди. А когда мы вышли после прочески участка на шоссе, там находились собранные лесорубы. Кто их собрал, полицейские нашего или же третьего взвода, сказать не могу. Лесорубы были с пилами и топорами. Собранных людей было несколько десятков.

Мелешко приказал лесорубов гнать под конвоем в Плещеницы. Этот приказ касался первого взвода. По приказу командира отделения Лакусты сзади лесорубов шли я, Темечко, Курка, Юращук и другие полицейские отделения. Третий взвод двигался сзади. Машины находились сзади дальше. Я не видел, чтобы хотя бы одна из машин уехала в сторону Плещениц. Мелешко, Лакуста, Катрюк шли с группой других полицейских впереди лесорубов. Я не видел, чтобы Мелешко после обстрела партизанами карателей уехал в Плещеницы. Справа и слева от лесорубов также шли конвоиры.

Колонна карателей и лесорубы медленно двигались в сторону Плещениц. Как-то неожиданно несколько лесорубов бросились бежать влево в лес. По ним открыли огонь из винтовки десятизарядной, Иванкив из ручного пулемета, взятого у погибшего Данько, Швейко — также из ручного пулемета. Почти одновременно с этим послышалась команда: «Ложись!» Кто из карателей ее подал, не могу сказать. Не поняв сначала, в чем дело, я упал, но тут же поднялся и увидел, как по убегающим стреляли упомянутые полицейские. Около шоссе сразу же было убито 5–6 человек, убегающих от карателей. Остальные продолжали убежать. Их преследовали и на ходу стреляли Иванкив, Лакуста, Швейко. Вскоре они вернулись и Иванкив заявил, что мало кто из лесорубов убежал. Остальные, мол, убиты. Я не видел, стреляли ли каратели по тем лесорубам, которые не убежали и оставались на месте. Где находился Мелешко в момент расправы над лесорубами, я не могу сказать, не помню.

Я не слышал, чтобы была команда расстреливать лесорубов. Может быть, расправа над ними началась без команды. В связи с чем лесорубы начали убегать, я не знаю. Я не видел, чтобы к этому моменту прибыла помощь из Плещениц и чтобы лесорубов избивали каратели перед расстрелом. Мне почему-то запомнилось, что помощь на автомашинах прибыла после того, как расправа над лесорубами уже закончилась.

Хорошо помню, что с карателями, прибывшими на помощь, был и начальник штаба Васюра. Хочу сказать, что когда я вместе с Кипраном и другими полицейскими отконвоировал в Плещеницы оставшихся в живых лесорубов, то в расположении батальона, кроме охраны, никого не осталось: все выехали к месту убийства Вельке и расправы над лесорубами. Остальные каратели батальона, кроме нас — конвоиров и охраны, приняли участие в расстреле жителей Хатыни. Какова роль была в этой расправе начальника штаба Васюры и командира взвода Мелешко, не знаю. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26746. Т. 3. Л. 136–142. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 109–111.

№ 105. Из протокола допроса П.С. Вуса

г. Гродно

18 апреля 1974 г.

[...] На прошлом допросе я показал, что 118-й украинский полицейский батальон при окончательном выезде из поселка Плещеницы Минской области участвовал в карательной операции на реке Березине. В составе батальона на эту операцию выезжал и лично я. Операция была многодневной. На пути из Плещениц до Борисова мы прошли большое расстояние. Батальон двигался на конном транспорте. В ходе операции мы проезжали многие населенные пункты, названий которых я не помню сейчас. Припоминаю только, что на своем пути мы проезжали поблизости от районного центра Бегомль. Он запомнился мне потому, что во время операции поселок Бегомль неоднократно назывался моим сослуживцами. Заезжали ли мы в самый Бегомль не помню. От начала и до конца операции я лично двигался вместе с обозом штаба батальона и охранял имущество СМОВСКОГО. Когда останавливались в населенных пунктах на ночлег или же стоянку делали на несколько дней, то обоз штаба батальона, в основном, находился при штабе. Один или два случая были, когда штаб двигался с первой ротой, а обоз штаба следовал до определенного пункта назначения со второй ротой.

Вопрос: Назовите, кто из рядовых полицейских и командиров батальона находился при штабе батальона, когда штаб располагался в деревнях Маковье и Уборок бывшего Бегомльского района?

Ответ: Названий деревень Маковье и Уборок бывшего Бегомльского района я не помню. Знаю только, что под конец операции на реке Березине штаб батальона находился по 5–6 дней в двух или трех деревнях. В тех деревнях и я был вместе со штабом. Одну из них я немного представляю сейчас. В ней штаб размещался, примерно, на середине деревни в большом крестьянском доме из двух половин. Хозяйка того дома была выселена с детьми в сарай. В расположении штаба находился и я с обозом. Помню, что деревня была большой, с домами по обе стороны улицы. С одной стороны деревни был луг, где поселились наши кони. Эту деревню я запомнил лучше других, возможно, это и была Маковье или Уборок. В той деревне

при штабе батальона находились СМОВСКИЙ, ВАСЮРА Григорий, ЛУКОВИЧ, ПИДЖАРИСТЫЙ Иосиф, КОЗЫНЧЕНКО Иван, ЛЮТЫК, ВАРЛАМОВ Иван, СКРЫПКА Василий, ВАКАРЧУК, ДМИТРИЕНКО Василий, я лично, второй денщик командира батальона ГОЛОСОВСКИЙ, парикмахер Чижик, телефонисты ДОХИВНИК и АЛЕКСАНДРО, сигналист ШТОЙКО Стефан, ездовые полицейские ЕГОРОВ и Байда. Кроме этих лиц, почти всегда находился в украинском штабе командир первой роты ВИННИЦКИЙ Иосиф.

Вопрос: Знаете ли Вы полицейского из 118-го батальона по фамилии Ярко, и если знаете, то что Вам о нем известно?

Ответ: В 118-м батальоне был полицейский по фамилии Ярко. Такая фамилия у меня в памяти сохранилась. Знал я Ярко слабо, и поэтому не могу сейчас сказать, был он рядовым полицейским или каким-либо командиром. В личность его я теперь не представляю. В какой роте находился Ярко и придавался ли он во время операции на реке Березине штабу батальона, не могу сказать, не помню. Ничего более о нем не знаю.

Вопрос: Как подчиненные командиры и рядовые полицейские называли в батальоне СМОВСКОГО и ВАСЮРУ?

Ответ: Хорошо помню, что подчиненные командиры и рядовые полицейские часто называли в батальоне СМОВСКОГО Константином паном полковником, и это ему очень нравилось. В особенности, в батальоне его величал паном полковником командир первой роты ВИННИЦКИЙ Иосиф. ВАСЮРУ в батальоне подчиненные называли адъютантом командира батальона.

Вопрос: Имелись ли в 118-м полицейском батальоне мотоциклы и автомашины во время операции на реке Березине?

Ответ: Я знаю, что во время операции на реке Березине в нашем батальоне была легковая автомашина, на которой ездил майор КЕРНЕР. Других автомашин и мотоциклов в батальоне во время Березинской операции я не видел. На каком транспорте увозили задержанную молодежь в ходе операции для отправки в Германию, не могу сказать, не знаю.

Вопрос: Что Вам известно о факте расстрела в расположении штаба в деревне Маковье трех задержанных партизан?

Ответ: О факте расстрела в расположении штаба в деревне Маковье трех советских партизан мне ничего неизвестно. Такого случая,

чтобы во время операции на реке Березине доставлялись в штаб нашего батальона задержанные партизаны, я не помню.

Вопрос: Что Вы знаете о расстреле 16 человек советских граждан возле деревни Уборок во время Березинской операции?

Ответ: О расстреле какой-либо группы советских граждан возле деревни Уборок во время Березинской операции мне ничего не известно. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 3. Л. 67–69. Заверенная копия.

№ 106. Из протокола допроса Г.В. Спивака

г. Гродно

25 апреля 1974 г.

[...] С лета 1942 года до лета 1944 года, месяцев не помню, я служил рядовым полицейским во втором или третьем отделении третьего взвода первой роты 118-го полицейского батальона. Командиром моего отделения был Семенюк. 118-й батальон действовал в основном на территории Белоруссии: в Плещеницком и Бегомльском районах Минской области; Новогрудском, Слонимском, Ивьевском, Щучинском районах Гродненской области.

С лета 1944 года в течение двух месяцев я служил в 30-й дивизии «СС» на территории Германии и Франции. Примерно в августе 1944 года наше карательное формирование перешло на сторону французских партизан. Приблизительно с декабря 1944 года по март 1945 года я служил во французском иностранном легионе на территории Алжира.

По совместной службе в 118-м полицейском батальоне хорошо помню Васюру Григория, отчества не помню, который первое время служил командиром взвода в первой роте 118-го батальона, затем его начальником штаба; Мелешко якобы Василий, отчества не помню, который служил командиром первого взвода первой роты, одновременно являлся заместителем командира первой роты Винницкого.

Васюра и Мелешко бывшие офицеры Советской Армии. Откуда они прибыли в 118-й батальон, не знаю. В батальоне они служили все время, принимали участие в карательных операциях, расстрелах и истязаниях советских граждан. Во время службы в 118-м батальоне с Васюрой мне общаться почти не приходилось. Я был рядовым, а Васюра начальником штаба. Когда штаб стоял в городе Лиде, мне приходилось с Васюрой выезжать в одно село Лидского района за сеном. Одновременно Васюра приказал старосте села собрать водки и продуктов лично для него, так как он намеривался справлять крестины своему ребенку. В том селе выпили водки и мы. За это Васюра избил меня в селе. По прибытию в Лиду вызвал меня в штаб, сильно избил пряжкой ремня, потекшую из меня на пол кровь за-

ставлял слизывать языком, потом арестовал на пятнадцать суток. В то время я был злой на него. В настоящее время обида прошла, злости на него не питаю. Показания в отношении его буду давать правдивые, оговаривать его не намерен.

С Мелешко у меня были нормальные отношения. Я знал его как командира первого взвода. Личных счетов у меня с ним не было и нет. Он мне не родственник. Показания в отношении его также буду давать правдивые, оговаривать его не собираюсь.

Васюра и Мелешко службу в 118-м батальоне несли ревностно, были строги и требовательны к подчиненным, немцам служили преданно, за что были награждены медалями. Особо отличившимся немцы выдавали ленточки, которые они носили в петлице. Васюра и Мелешко тоже носили такие ленточки. За что конкретно они их получили, не знаю.

Когда после разоружения нашего формирования во Франции стал вопрос о возвращении на Родину, Мелешко был среди тех, кто не желал возвращаться в Советский Союз. Почему он не желал возвращаться домой, не знаю.

Кроме Васюры и Мелешко, а также тех полицейских, которых я называл на допросах по делу Лакусты, по совместной службе в 118-м полицейском батальоне, хорошо помню командира отделения из третьего взвода первой роты Панкива, имени и отчества его не помню. Он был командиром первого отделения, одновременно заместителем командира третьего взвода; командира минометного взвода Билыка, имени и отчества не знаю; минометчика Субботина; Лещенко, служившего не то первым номером станкового пулемета, не то командиром отделения в пулеметного взвода; Кушнера, имени и отчества не знаю, служившего рядовым во втором или первом взводе первой роты. Взаимоотношения у меня с ними были нормальные, они мне не родственники, личных счетов у меня с ними не было. Где они проживают в настоящее время, не помню. Панкив, как Васюра и Мелешко, предано служил немцам, участвовал во многих карательных операциях. Лещенко тоже предано служил немцам, стремился отличиться.

Васюру, Мелешко, Панкива, Лещенко, Билыка, Кушнера в личность помню хорошо и смогу опознать. Личность Субботина помню слабо и не уверен, что узнаю его.

Все перечисленные лица принимали активное участие в карательных операциях, во время которых расстреливались мирные граждане и партизаны, сжигались населенные пункты. Я помню следующие злодеяния:

В первых числах января 1943 года, как мне помнится, первая рота и часть третьей из Плещениц выехали в деревню Чмелевичи. Название деревни узнал в судебном заседании по делу Лакусты. С периода войны названия деревни не помню. Выезжали мы на санях. Помню, что в деревне Чмелевичи выезжали Мелешко и Панкив. Были с нами и станковые пулеметы, но какие расчеты не помню. Категорически не утверждаю, но кажется, что в деревню Чмелевичи в составе второго взвода первой роты выезжал и Кушнир. Участвовал ли в этой операции Васюра, не помню, но кто-то из штаба был. Перед деревней Чмелевичи был бой с партизанами. После отступления партизан, мы ворвались в деревню и сожгли ее. По партизанам стреляли Мелешко из автомата, Панкив, Кушнир из винтовок. Велся огонь и из станкового пулемета. Мелешко и Панкив, кроме того, приказывали подчиненным стрелять по партизанам и по селу. В числе поджигавших постройки в деревне Чмелевичи видел Пасечника, командир нашего взвода, его заместителя Панкива, командира нашего отделения Семенюка, рядовых Лозинского, Сахно. Поджигал ли дома Мелешко, сказать не могу. Он действовал со своим взводом в другом месте села. Чем занимался Кушнир в деревне, не помню. Вся ли деревня Чмелевичи была сожжена или только часть ее, находились ли в ней в то время жители, сгонялись ли они в одно место, были ли убитые среди партизан и жителей села, не помню.

Зимой 1943 года, месяца не помню, первая рота под командованием Винницкого и Мелешко выезжали в одну деревню Плещеницкого района, названия которой не помню. В судебном заседании по делу Лакусты эту деревню называли Заречье. В связи с чем мы выезжали туда, были в деревне накануне убиты жандармы и местные полицейские, не помню. Припоминается, что при подходе к деревне нас обстреляли из отдельно стоявшего перед деревней сарая. Кто-то из полицейских подполз к сараю и поджег его. [В суде подсудимый Кнап показывал, что он поджег сарай.] Деревню мы обстреляли со всех видов оружия. В этой операции участвовали и по деревне стреляли Мелешко, Лакуста, Пасечник, Панкив, Лещенко, Лозин-

ский, Сахно, Кушнир. Выезжал ли на эту операцию начальник штаба Васюра, не помню. Когда партизаны ушли из деревни, мы ворвались в нее и подожгли. Мелешко командовал своим взводом, отдавал приказы подчиненным полицейским стрелять по деревне и поджигать дома. Стрелял по деревне и сам. Но поджигал ли он лично дома в деревне, сказать не могу. Помню, что Панкив дома поджигал и приказывал это делать своим подчиненным. Чем занимались в деревне расчеты станковых пулеметов, в том числе Лещенко, сказать не могу, не помню. Не видел я, и чем занимался в деревне Кушнир. Помню, что в деревне я видел несколько трупов в гражданской одежде, но сколько человек было убито, были ли они убиты во время обстрела деревни или их расстреляли находившиеся в деревне полицейские нашего батальона, сказать не могу. Возможно, в то время и знал это, но сейчас не помню. В этой деревне поджигал дома и я. Помню, что в деревне был большой разрыв между домами, возможно, что каждая часть домов являлась самостоятельной деревней. Обе части домов я считаю за одну деревню. Помню, что станковые пулеметчики, которые возили пулеметы на подводах, в деревне брали поросят.

В деревнях больше всего грабили станковые пулеметчики, так как они имели, на чем отвозить награбленное.

Зимой 1943 года, месяца не помню, вся первая рота под командованием Винницкого и Мелешко выезжала в одну деревню Плещеницкого района. Названия деревни не помню. Расположена она как мне помнится между шоссейными дорогами на города Борисов и Минск на расстоянии от 5 до 10 километров от Плещениц. Когда мы подходили к деревне, то увидели, что из неё на санной подводе быстро уезжают трое мужчин. Командиры, в том числе Мелешко, Пасечник и Панкив приказывали своим подчиненным открыть огонь по подводе, сами первые начали стрелять. По их команде полицейские открыли огонь на подводе и всех троих мужчин, ехавших на ней, убили. Выезжали ли на эту операцию Васюра, Кушнир, Лещенко, не помню. Если рота была в полном составе, то Кушнир выезжал и стрелял по подводе, так как по ней стреляли все выезжавшие на операцию полицейские, в том числе и я.

В конце зимы или весной 1943 года, месяца не помню, первая рота в полном составе выезжала в одну деревню Плещеницкого района,

расположенную между шоссейными дорогами на Бегомль и на Борисов. Названия деревни не знаю. Располагалась она не очень далеко от шоссе на город Борисов, примерно 15 километрах от Плещениц. Помню, что на эту операцию выезжали Винницкий, Мелешко, Лакуста, Пасечник, Панкив, Лещенко, Кушнир и другие полицейские первой роты. Второй и третий взводы оцепили деревню со всех сторон. Первый взвод с командованием роты ушел в деревню. Когда наш взвод пришел в деревню и присоединился к полицейским первого взвода, то последние рассказали, что в деревне были задержаны три пожилые мужчины, которых допрашивал Винницкий, Мелешко, Лакуста, Пасечник, а затем расстреляли. За что и кто непосредственно их расстреливал, кто дал команду расстрелять, не знаю. Очевидцем расстрела не был. Даже трупов не видел. Знаю об этом факте только со слов полицейских первого взвода. Я не могу сейчас вспомнить, от кого первого я это услышал. Когда мы смешались с полицейскими первого взвода, то все они говорили нам об этом. Убитых они называли партизанами.

Весной 1943 года, якобы в марте, в батальон поступило сообщение, что на дороге Плещеницы — Логойск повреждена телефонная линия. Для исправления ее, а возможно, и с какой-то другой целью, по дороге в сторону Логойска на автомашинах выехали первый и третий взводы первой роты. Командовали этой группой карателей шеф первой роты гауптман Вельке, командиры взводов Мелешко и Пасечник. Выезжал и командир первого отделения третьего взвода Панкив. Вельке, Мелешко, пулеметчик ручного пулемета Шнайдер ехали впереди в легковой автомашине командира батальона. Полицейские первого и третьего взводов ехали на двух грузовых автомашинах, выделенных плещеницкой жандармерией. В составе третьего взвода выезжал и я. Станковых пулеметов с нами не было. Когда мы проехали Горбатый мост на шоссе Плещеницы — Логойск, то увидели работавших в лесу людей, которые очищали придорожную полосу. Проехав еще примерно с километр, легковая автомашина была обстреляна партизанами из лесу с левой стороны дороги по движению. Гауптман Вельке и пулеметчик Шнайдер были убиты. Мелешко легко ранен в голову. Получил какое-то ранение и шофер легковой автомашины. Нам была дана команда спешиться и открыть огонь по партизанам. Третий, то есть наш, взвод пошел

окружать партизан, стреляя в их сторону. Первый взвод тоже стрелял по партизанам. Когда мы подошли к месту, откуда стреляли партизаны, то их там уже не было. В снегу валялось много стреляных гильз. Следы партизан вели в сторону от дороги. Мы не стали их преследовать. Командиры взводов Мелешко и Пасечник часть полицейских оставили в засаде, в районе перестрелки с партизанами на случай, если последние возвратятся и попытаются напасть на нас. Остальным полицейским было приказано собрать и выгнать на шоссе работавших в лесу гражданских лиц, которых впредь буду называть лесорубами. Часть полицейских первого взвода под командованием Лакусты и Катрюка, некоторое количество полицейских третьего взвода, в том числе и я, под командованием Пасечника и Панкива оцепили лесорубов и выгнали их на шоссе Плещеницы — Логойск. Лесорубов было много. Среди них были мужчины и женщины. Было приказано конвоировать лесорубов в расположение батальона в Плещеницы. Их конвоировали полицейские первого взвода. Следом шли полицейские третьего взвода. Где в это время находился Мелешко, не помню. О случившемся каким-то образом было сообщено в штаб батальона. Возможно, кто-либо специально для этого ездил в Плещеницы. Когда мы от места убийства гауптмана прошли километров шесть в сторону Плещениц, встретили следовавшее из Плещениц на автомашинах подкрепление. Прибыли полицейские второго взвода первой роты, вся третья рота, взвод станковых пулеметов, в его составе и Лещенко, минометчики, в их числе и Субботин. Прибыли также командир батальона Смовский, шеф батальона немец Кернер, начальник штаба батальона Васюра. Когда следовавшие из Плещениц автомашины с перечисленными подразделениями 118-го батальона подъезжали к нам, лесорубы начали разбегаться в лес. Была дана команда открыть по ним огонь. Хорошо помню Иванкив из ручного пулемета, Лакуста из карабина, Панкив, Лозинский и я из винтовок открыли по лесорубам огонь. Стреляли все полицейские первого и третьего взводов первой роты. В расстреле лесорубов приняли участие и некоторые полицейские, прибывшие на первых автомашинах из Плещениц. После расстрела лесорубов видел я и Мелешко на месте расстрела, но принимал ли он участие в этом, сказать не могу. Расстреляно было часть, то есть около двадцати лесорубов. Оставших-

ся лесорубов отправили в распоряжение батальона. Кто их туда конвоировал, не знаю. Васюра тоже был на месте расстрела лесорубов, но стрелял ли он лично по лесорубам, не помню. Расстрел был произведен за несколько минут. Полицейских на месте расстрела было много. Запомнить всех, кто стрелял лесорубов, было невозможно. Куда дели трупы расстрелянных, не знаю. После расстрела лесорубов все полицейские 118-го батальона под командованием Кернера, Смовского, Васюры, командиров рот и взводов пошли на место убийства партизанами гауптмана Вельке, где встретили прибывших из Логойска эсэсовцев. Все полицейские 118-го батальона и прибывшие эсэсовцы, рассыпавшись в цепь, пошли прочесывать лес в том направлении, в каком вели следы партизан. Прошли по лесу километра четыре и вышли к деревне Хатынь. Название деревни я узнал во время допросов на следствии и в суде по делу Лакусты и других. В то время названия деревни я не знал, но хорошо помню ее расположение по отношению к Плещеницам и шоссейной дороге Плещеницы — Логойск. Именно мы прибыли в деревню Хатынь, так как она была расположена на пути нашего движения, то есть в двадцати километрах от Плещениц по шоссе Логойск — Плещеницы и в четырех километрах от шоссе с левой стороны. Когда мы прибыли к деревне Хатынь, то увидели, что из нее убегает несколько человек. По деревне был открыт огонь со всех видов оружия. Кто дал общую команду обстреливать деревню, не знаю. Нам дал команду стрелять по деревне командир нашего взвода Пасечник. Его команду повторили командиры отделений, в том числе и Пасечник, оговариваюсь, Панкив. Помню, что по деревне вели огонь и станковые пулеметы. Лещенко со своим расчетом тоже стрелял по деревне. Потом деревню окружили со всех сторон, установили вокруг нее станковые и ручные пулеметы с таким расчетом, чтобы любое пространство простреливалось. Помню, что первый взвод первой роты сразу стоял в середине деревни около одного сарая. Полицейские второго и третьего взводов первой роты, часть полицейских третьей роты и эсэсовцы начали сгонять людей к сараю, возле которого стоял первый взвод первой роты. Наш третий взвод тоже сгонял людей к сараю. Из нашего взвода, помню, людей к сараю сгоняли Панкив, Семенюк, Василенко, Горецкий, Власенко, Полевский, Погорецкий, Савко, Лозинский, Почапский,

я и другие. Из первого взвода людей сгоняли к сараю Лакуста, Катрюк, Иванкив, Харченко, Швейко, Курка. Со второго взвода Кнап, Кушнир, Кмит, братья Коленчуки. Остальных фамилий не помню. В деревне были Лещенко и Субботин, но чем они занимались, не могу припомнить. Смовский, Кернер, Васюра, Винницкий, Нарядько, Мелешко, Пасечник, немцы из нашего батальона и несколько эсэсовцев сразу ходили по деревне, давали указания различного рода, командовали полицейскими, сгонявшими людей. Потом они подошли к сараю и стояли там. Мы приводили людей к командирам Смовскому, Кернеру, Васюре, Винницкому, Мелешко, Пасечнику и другим командирам. С площади в сарай жителей деревни Хатынь загоняло много полицейских, в том числе Смовский, Васюра, Мелешко, Пасечник, Панкив, Лакуста, Лозинский, Кнап, Кушнир, я и другие полицейские первой и третьей рот, а также немцы. Когда людей загнали в сарай, двери его закрыли и заперли. Перед сараем полукругом были выстроены полицейские всех трех взводов первой роты. Я не могу сказать, что все отделения первой роты были выстроены перед сараем. Возможно, одно или два отделения находились в каком-либо другом месте и выполняли иную задачу. Я лично стоял в цепи перед сараем. Из нашего взвода в оцеплении сарая с людьми стояли Пасечник, Панкив, Семенюк, Василенко, Лозинский. Из первого взвода Мелешко, Лакуста, Катрюк, Харченко, оговариваюсь, не Харченко, а Швейко, Курка. Из второго взвода Кнап, Кушнир, Смовский, Кернер, Васюра, Винницкий, немцы-шефы стояли рядом с нами около сарая, но не в общей цепи. Они командовали, как поставить оцепление возле сарая, где и какое подразделение поставить. Были ли поставлены перед сараем станковые пулеметы, а если были, то сколько, сказать не могу, не помню. Когда перечисленные мною и другие полицейские были выстроены перед сараем, в котором были заперты жители деревни Хатынь, в том числе женщины, дети, старики, кто-то из наших полицейских поджег крышу сарая. В сарае люди начали кричать, плакать, стучать в дверь. Поступила команда нам открыть по находившимся в горящем сарае людям огонь. Первое распоряжение на открытие огня, видимо, дал Кернер. Его команду продублировал кто-то из наших командиров. По этой команде все стоявшие в оцеплении сарая полицейские, в том числе я, Панкив, Лозинский, Кнап, Кушнир, Ла-

куста, Пасечник, Мелешко и другие открыли огонь по находившимся в сарае людям. Стрельба велась из ручных пулеметов, автоматов, винтовок. Мелешко стрелял из автомата, Панкив из винтовки, Кушнир из винтовки. Васюра был вооружен пистолетом. Стрелял ли он по находившимся в сарае людям, сказать не могу, не видел. Но он находился здесь же около сарая и принимал непосредственное участие в расстановке оцепления перед сараем и в загоне людей в сарай. Из винтовок каждый из полицейских по находившимся в сарае людям сделал не менее пяти выстрелов. После того как крики людей прекратились, то есть когда все находившиеся в сарае люди были расстреляны, стрелявшие по людям полицейские были выведены из деревни и отправлены к дороге. В деревне в это время находились полицейские других подразделений, которые грабили имущество и поджигали дома. Все постройки в деревне были сожжены. В сарае было расстреляно и сожжено не менее ста человек. После расстрела людей и сожжения деревни мы возвратились в Плещеницы. Немцы, местные полицейские уехали на подводах, а часть возвращались пешком. Чем конкретно занимались в деревне Хатынь Лещенко, Субботин, Билык, сказать за давностью не могу. Возможно, я тогда и видел, где они находились и что делали, но сейчас забыл. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26706. Т. 3. Л. 175–183. Подлинник.
Опубликовано частично: Хатынь. Трагедия и память: Документы
и материалы. Минск, 2009. С. 111–113.*

№ 107. Из протокола допроса Г.В. Спивака

г. Гродно

27 апреля 1974 г.

[...] В продолжение своих показаний от 25 и 26 апреля 1974 года могу показать следующее. По рассказам полицейских первой роты, сейчас не могу вспомнить, кто именно мне об этом говорил, — во время передвижения 118-го батальона из города Борисова в город Барановичи начальник штаба батальона Васюра на станции под названием якобы Ельня расстрелял мальчика. Говорили, что Васюра убил мальчика прямо возле вагонов. За что и при каких обстоятельствах он его застрелил, сказать не могу. Очевидцем расстрела не был и трупа мальчика не видел. Но о том, что Васюра застрелил мальчика, говорили все полицейские батальона, в том числе был разговор и среди полицейских нашего отделения. Но кто первый мне об этом сказал, не помню. Каким образом мальчик оказался возле нашего эшелона, что он там делал, за что Васюра его застрелил, мне неизвестно. Я не могу категорически утверждать, что правильно указал название станции, на которой Васюра убил мальчика. Из разговоров полицейских я запомнил, что он застрелил мальчика на станции Ельня. Станция эта находится где-то под городом Барановичи. Мы там или разгружались или стояли несколько дней. Мальчик был убит возле штабного вагона, к которому я не подходил, поэтому трупа мальчика не видел. Но там же на станции среди полицейских батальона распространился слух, что Васюра застрелил мальчика возле эшелона. Куда девали труп мальчика, не знаю.

Возможно, что со станции Ельня 118-й батальон прибыл в город Новогрудок, где расположились в военных казармах на окраине города. В городе Новогрудке мы простояли с неделю затем весь батальон под командованием Кернера, Смовского и Васюры принял участие в карательной операции против партизан в Налибокской пуще. Двигались мы проселочными дорогами, прочесывали леса. Через какую-то речку переправлялись на пароме. Маршрута движения батальона назвать не могу, названий населенных пунктов, которые мы проходили, не знаю. Помню, во время прочески леса первая и третья роты обнаружили по одной землянке, в которых

скрывались граждане еврейской национальности. Я не видел той землянки, которую обнаружила третья рота. Обнаруженная первой ротой землянка была тщательно замаскирована. Как и кто ее обнаружил, не помню. Землянку обнаружили полицейские первого и второго взвода нашей роты. Наш взвод к землянке не подходил. Я только слышал разговоры, что когда открыли лаз в землянку, то из нее раздался выстрел. Тогда ее забросали гранатами. Говорили, что гранату в землянку бросил командир отделения второго взвода Кмит. Кто еще бросал гранаты, не знаю. Говорили, что выстрелом из землянки был ранен немец, поэтому ее и забросали гранатами. Сколько человек погибло в землянке, не знаю. Был ли задержан там мужчина еврейской национальности, указывал ли он на другие землянки и находил ли полицейские первой роты другие землянки, расстреливались ли обнаруженные в землянках люди вне землянок, не знаю. Васюра и Мелешко участвовали в этой операции, но в чем конкретно выражалось их личное участие в расстреле обнаруженных в землянке евреев, не знаю. Панкив тоже был там, но стрелял ли он евреев, сказать не могу. По рассказам полицейских третья рота тоже обнаружила землянку с евреями, которые были расстреляны, но кто там их стрелял, не знаю. Как я уже показывал, мне представляется, что Кушнир служил во втором взводе первой роты, поэтому он должен был быть возле землянки, в которую бросил гранату командир отделения из второго взвода Кмит. Видел ли я там Кушнира, сейчас не могу вспомнить. Больше о расстреле евреев в землянках ничего показать не могу. Сжигались ли населенные пункты во время этой операции, не помню. Бывший полицейский первой роты Топчий рассказывал мне, что после расстрела евреев в землянках первой ротой была сожжена деревня, возле которой в лесу на деревьях были обнаружены ульи с пчелами. Но я лично не помню, чтобы участвовал в сожжении такой деревни. Возможно, она была сожжена другими подразделениями первой роты.

После этой операции батальон оказался в Слонимском районе. Первая рота стояла в деревне километрах в 12 от города Слонима. Названия деревни не помню. Я не помню, чтобы первая рота участвовала в карательных операциях в Слонимском районе, расстреливала людей и сжигала населенные пункты. Мне помнится только, что первая рота из деревни, в которой стояла, выезжала в соседние

деревни, собирала молодежь, пригоняла ее в ту деревню, в которой располагалась, где работала комиссия по отправке людей в Германию. Я хотел освободить одну девушку от отправки в Германию, за что был арестован и в течение трех месяцев содержался в Слонимской тюрьме. Когда за мной приехал Катрюк, то штаб батальона уже стоял в Лиде, а первая рота находилась в поселке Ивьё. После освобождения из тюрьмы я около месяца находился при штабе в городе Лиде, где был избит Васюрой. Об этом я уже рассказал, когда показывал о своих взаимоотношения с ним. Для прохождения службы в первой роте в поселок Ивьё я был отправлен после первого января 1944 года, то есть после Нового 1944 года. В Лиде штаб размещался в 150 метрах от железнодорожного вокзала. За время моего пребывания при штабе в городе Лиде я не был очевидцем, чтобы в штаб доставлялись задержанные партизаны или гражданские лица и допрашивались там. Чем занимался Васюра во время нахождения штаба в городе Лиде, не знаю. В Лиде Васюра жил с женой, которую он привез откуда-то. Чтобы справить крестины, он ездил в деревню собирать продукты, где мне и досталось от него.

Во время дислокации первой роты в поселке Ивьё нам приходилось выезжать в села Ивьевского района, где иногда случались перестрелки с партизанами. Я не помню, чтобы в Ивьевском районе мне приходилось участвовать в сожжении населенных пунктов. Помню, мы часто выезжали в село Морино, которое стоит на берегу реки. Однажды мы сделали засаду около реки в Морино. По другую сторону реки паслись лошади. Появился какой-то мужчина, который намеревался завернуть от реки лошадей. Мы по нему открыли огонь. Мужчина упал на кочку. Убили ли мы его или укрылся от нашего огня за кочкой он, не знаю. Мы к нему не подходили. Я не видел, чтобы он поднялся и ушел. В этой операции участвовали Мелешко и Панкив, стреляли ли они по мужчине, не помню. Как Мелешко, так и Панкив являлись командирами. Они приказывали подчиненным стрелять, стреляли и сами, но в данном случае я не помню, стреляли они или нет.

Зимой 1944 года Мелешко и Панкив в числе группы карателей выезжали в деревню Павловичи, где были убиты два партизана. Когда мы подходили к деревне, то увидели, что из деревни в сторону леса бегут два мужчины. По ним был открыт огонь. Мужчин убили на поляне. До леса они добежать не успели. Мелешко и Панкив

тоже стреляли по убежавшим. Деревню Павловичи помню с периода войны, она расположена за татарской улицей Ивьы. Из полицейских участвовавших в этой операции помню Лакусту, Катрюка, Курку, Харченко, Пасечник, Панкив, Семенюк, Василенко, Полевский, Дедовский, Горецкий, Власенко, Почапский, Лозинский, Савка, Томьюк. Все они стреляли по убежавшим из деревни партизанам.

Летом 1944 года наша рота вела бой с польскими партизанами около деревни Дынделишки. Во время этой операции были убиты полицейские из третьего взвода Киндер и Герман. Были ли убитые среди польских партизан, не знаю, но человек пять мы взяли в плен. Позже они были отпущены.

В поселке Ивье недалеко от школы проживала женщина с двумя дочерьми. Фамилии и имени ее не знаю. Мы часто у той женщины покупали водку и выпивали в ее доме. Я точно не знаю, но был разговор, что она связана с партизанами. Однажды она была задержана в селе Морино. Я не могу сказать при каких обстоятельствах она была задержана, так как в ее задержании участия не принимал. Но я видел, как Мелешко из пистолета застрелил ее за деревней возле реки. Я находился в десяти-пятнадцати метрах от Мелешко и видел лично, как он ее застрелил — из пистолета. Куда девали ее труп, что-то не припоминаю. Возможно, я ушел с места расстрела. На месте расстрела женщины находилось много полицейских первого взвода, которые видели, как Мелешко ее застрелил. Кто из полицейских третьего взвода при этом присутствовал, не помню. Помню, что тогда на операцию выезжали командир нашего взвода Пасечник и командир первого отделения третьего взвода Панкив, но были ли они на месте расстрела Мелешкой женщины, в настоящее время сказать не могу. В связи с чем мы выезжали тогда в деревню Морино, не знаю. Командиры нам не объясняли, зачем и куда едем. Я лично видел и хорошо помню, что именно Мелешко расстрелял в деревне Морино женщину, которая жила в поселке Ивье рядом со школой, в которой размещалась наша рота. Расстреляна она была в теплое время, снегу не было. Было ли это весной или летом 1944 года, сказать за давностью не могу. Месяца не помню. Я не могу категорически утверждать, но разговоры были, что труп той женщины бросили в речку. Но я этого не видел и кто ее бросал, не знаю. Кто мне говорил о том, что ее труп бросили в реку, не помню.

Других фактов участия Мелешко, Панкива, Лещенко в карательных операциях на территории Ивьевского района не помню. Выезжали мы много раз в деревни Ивьевского района. Возможно, во время этих выездов и убивали отдельных партизан и мирных граждан, но в настоящее время не могу вспомнить подобных фактов.

Вопрос: Свидетель Топчий Тимофей Прокофьевич на допросе 26 апреля 1974 года показал, что во время березинской операции после расстрела людей в деревне Вилейке второй и третий взводы первой роты участвовали в проческе леса, где задерживали мирных жителей, которых доставили в деревню к дому, в котором размещались Винницкий, Мелешко и немцы. Показания свидетеля Топчия по этому вопросу Вам зачитаны. Вам известен такой факт?

Ответ: Ознакомившись с показаниями свидетеля Топчий Тимофея Прокофьевича от 26 апреля 1974 года о том, что после деревни Вилейки второй и третий взводы первой роты во время прочески леса задерживали мирных, доставляли их в деревне к Винницкому, Мелешко и немцам, перед отъездом деревню сожгли, могу показать, возможно, такой факт и имел место, но я его в настоящее время не помню. Леса прочесывать приходилось часто. Бывали случаи, что в лесу задерживали людей и доставляли в села, но где это было и что командование делало с теми людьми, не знаю. С тех пор прошло много времени, многие факты забыты. Я дал показание о тех фактах, которые помню. Больше к своим показаниям ничего добавить не могу. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 3. Л. 192–197. Подлинник.

№ 108. Из протокола допроса Т.П. Топчего

г. Гродно

25 апреля 1974 г.

[...] В период Великой Отечественной войны я служил на протяжении двух с лишним лет в 118-м украинском полицейском батальоне, который был сформирован летом 1942 года в городе Киеве. Служили в нем в основном лица украинской национальности. Состоял батальон из трех рот, немецкого и украинского штабов и хозяйственного подразделения. Командовали батальоном из штаба батальона. В это время по приказанию командира роты Винницкого и командира взвода Мелешко Василия полицейские первого взвода перебежками стали наступать на сарай, открыли по нему огонь и в то время кого-то из партизан или местных жителей там убили, но кого именно, я не знаю, так как к сараю мне лично не приходилось подходить. Сарай тот полицейскими был подожжен, и я видел, как он горел. В этой деревне тогда было еще сожжено пара домов со стороны леса. Кто из полицейских их поджигал, сейчас не помню. Местных жителей в деревне я тогда не видел. Ориентируясь по топографической карте, я считаю, что той деревней могла быть деревня Прудки. В марте 1943 года в день убийства партизанами гауптмана Вельке, полицейскими первой и третьей рот 118-го батальона с участием эсэсовцев из Логойска была уничтожена деревня Хатыни и ее жители. В этой операции участвовала вся первая рота, в том числе командир взвода Мелешко Василий, которого я видел возле Хатыни. Вместе со мной на эту операцию выезжали из Плещениц на автомашинах Лещенко Василий, Щербань Семен и Строкач Иван.

Следуя по шоссе на дороге в сторону Логойска, за Горбатым мостом мы встретили на шоссе группу людей, которых тогда называли лесорубами. Задержанных конвоировали в направлении Плещениц полицейские первого и третьего взвода первой роты, выезжавшие утром для сопровождения гауптмана Вельке. Когда мы встретились, то конвоировавшие полицейские начали избивать лесорубов прикладами оружия. Лесорубы стали разбегаться по сторонам, и полицейские открыли по ним огонь. В результате этого несколько человек было убито. Я лично видел до пяти убитых,

которые лежали недалеко от дороги. У места расстрела лесорубов в числе других полицейских находились тогда командир взвода Мелешко Василий, командир отделения Думич Григорий, пулеметчик Иванкив, Кушнир Ива и помощник командира третьего взвода Панкив. Я видел, как Иванкив из ручного пулемета стрелял по разбегавшимся лесорубам. Стреляли ли по людям Мелешко, Думич, Панкив и Кушнир, не помню. Вместе со мной к месту расстрела этих людей прибыли на автомашинах полицейские второго и четвертого взводов, в том числе Лещенко Василий, Щербань Семен и Строкач Иван. Сколько всего человек было там убито, я затрудняюсь сказать, всех убитых не считал. Кто из полицейских стаскивал трупы убитых в одно место, я не видел. Знаю только, что оставшихся в живых лесорубов Дзеба и еще кто-то из полицейских, кто именно, не помню, погнали в Плещеницы.

После этого события мы двинулись по лесу цепью и прибыли к Хатыни. Когда полицейские и эсэсовцы брали ее в кольцо, то из деревни в противоположную сторону от нас начали убежать люди по два, три человека. Заметив убегающих, командир взвода Славутенко приказал нашему пулеметному расчету открыть огонь по ним. Щербань Семен начал стрелять, но насколько прицел правильно не был установлен в пулемете, то пули ложились близко от нас. Это заметил Мелешко Василий и Славутенко Михаил и стали на нас ругаться. Вместо Щербаня и меня залегли за станковый пулемет они сами. Мелешко на моих глазах правильно поставил прицел и дал очередь из пулемета по убегавшим людям, а Славутенко направлял ленту с патронами. После очереди Мелешко более не видно было, чтобы люди убегали. Был ли кто-либо убит Мелешко, я затрудняюсь сказать. Это было на большом расстоянии, и мне к тому месту не приходилось подходить.

Когда Хатынь была окружена, то Мелешко Василий со своим взводом, в том числе Думич Григорий, Иванкив, Кушнир и помощник командира третьего взвода Панкив в числе других полицейских ушли в деревню. Наш пулеметный расчет был оставлен на опушке леса с задачей не выпускать никого из деревни и предотвращать возможное нападение из леса партизан. Вместе со мной на посту находились Щербань Семен, Строкач Иван и Поляков Павел. Прибыл со своим станковым пулеметом к Хатыни и Лещенко Василий.

Я видел его, когда подходили к деревне. Где он находился во время расстрела жителей в деревне, не знаю. Поблизости от нашего поста других пулеметных точек не было.

Когда находившиеся в деревне каратели учиняли расправу над мирными жителями, то я слышал с поста оцепления крики людей, стрельбу, а также видел пылавшие в огне дома.

При возвращении из Хатыни полицейские Швейко Юрий и еще кто-то, кто именно, не помню, рассказывали мне, что полицейские нашего батальона и эсэсовцы загнали всех жителей в один сарай и расстреляли. Они говорили, что в расстреле людей в сарае в числе других карателей участвовали Мелешко Василий и Пасечник со своим взводом.

Когда мы после Хатыни выехали на шоссейную дорогу Плещеницы — Логойск в районе деревни Большая Губа, то я видел майора Кернера. Он стоял на шоссе, и возле него были Смовский, Васюра Григорий, Винницкий. В то время к ним подбежала какая-то женщина в крестьянской одежде, плакала и что-то просила у них. Это я хорошо видел, так как был от них на близком расстоянии. Затем, когда обе роты полностью вышли из леса на шоссе, уехали в Плещеницы. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 3. Л. 163, 168–170. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано частично: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 102–104.

№ 109. Из протокола допроса Т.П. Топчего

г. Гродно

26 апреля 1974 г.

Примерно в конце марта или в начале апреля 1943 года Мелешко Василий со своим взводом в составе первой роты 118-го батальона выезжал из Плещениц на операцию, во время которой в одной деревне полицейскими были расстреляны трое мужчин. Названия той деревни я сейчас не помню, так как был в ней только один раз. Деревня небольшая, стояла на бугре недалеко от леса. От Плещениц она находилась примерно 8–10 километрах в северо-западном направлении. Когда мы ехали в эту деревню, то по выезде из поселка Плещеницы проезжали мимо лесопильного завода. По прибытии в деревню полицейскими были задержаны в самой деревне трое мужчин, примерно среднего и старшего возраста. Все они были в простой крестьянской одежде, небритые. Находясь там, я лично видел как задержанных мужчин за сараем в деревне допрашивали офицеры Лукович и Мелешко Василий. Подчиненные Мелешко Лакуста Григорий и Катрюк Владимир при этом присутствовали. В порядке любопытства я тогда подошел близко к ним и хотел послушать, о чем они допрашивают задержанных, но Лакуста или Катрюк заругался на меня и прогнал оттуда. Вскоре после этого я слышал, как возле сарая, где производился допрос задержанных мужчин, раздалась стрельба из автоматического оружия. Кто-то из полицейских, кто именно, не помню, тогда говорил, что задержанных трех мужчин после допроса расстреляли как партизан. Кто именно из полицейских расстрелял этих мужчин, я не знаю. Возможно, в то время и называли сослуживцы тех, кто расстрелял мужчин, но сейчас я не помню.

Весной 1943 года, примерно в апреле месяце, командир взвода Мелешко Василий в составе группы полицейских из первой роты выезжал из Плещениц в деревню Рудня, в которой был захвачен тогда партизан. Мне также приходилось выезжать на эту операцию. Партизан находился тогда с лошадью в самой деревне. Увидев, что прибыли полицейские, он бросил лошадь и пытался через огороды убежать в лес. Однако убежать не удалось. Полицейские Филиппов

Василий и другие его окликнули с провокационной целью, чтобы он не убежал, так как переходим на сторону партизан, догнали его и задержали. По приказанию Мелешко задержанный партизан был связан по рукам и ногам. Весь день возили его с собой и доставили его в Плещеницы в штаб батальона, где подвергался допросам. По рассказам сослуживцев, задержанного партизана допрашивали в украинском штабе с участием Васюры Григория и Луковича, а затем на второй или третий день его расстреляли. Я лично не был очевидцем, когда партизана расстреливали и перед этим допрашивали в штабе, но об этом тогда многие знали из полицейских батальона и вели разговор в моем присутствии.

В первых числах мая 1943 года 118-й полицейский батальон в полном составе выезжал из Плещениц на десятидневную карательную операцию против партизан и мирного населения в район бывшей советско-польской границы. В составе батальона в этой операции участвовали начальник штаба Васюра Григорий и командир взвода Мелешко Василий. На допросе по делу Лакусты Григория и других в прошлом году я ошибочно показал, что, следуя на эту операцию, по выезде из Плещениц мы проходили деревню Хотавичи, которая находится в 5–6 километрах от поселка Плещеницы в западном направлении. Сейчас я более точно вспомнил, что Хотавичи мы проезжали по возвращении из операции. Следуя на десятидневную операцию, из Плещеницы мы двигались несколько в другом направлении, и первой деревней на нашем пути была деревня Околово Плещеницкого района. После Околово мы свернули с шоссейной дороги Плещеницы — Бегомль влево и двигались по проселочным дорогам.

В первый день операции в одной деревне, названия ее сейчас не помню, командир роты Винницкий и командир взвода Мелешко Василий с участием своих подчиненных Лакусты и Катрюка допрашивали женщину-учительницу и били ее. Находясь в деревне, я был очевидцем, когда Лакуста и Катрюк задержали ее во дворе одного дома и повели к Мелешко с Винницким. Женщина была в возрасте примерно 30 лет. Когда ее допрашивали, я находился на улице возле того дома и слышал, как она кричала в доме и просила не бить ее, так как ни в чем не виновата. За что они задержали и били учительницу, мне неизвестно. Возможно, подозревали ее в связи с партизанами Винницкого и Мелешко я видел тогда с плетками на руках. После

допроса учительница якобы была куда-то отправлена под охраной полицейских. О дальнейшей ее судьбе мне ничего не известно.

Двигаясь дальше в западном направлении, первой ротой с участием Мелешко Василия и его подчиненных Думича Григория, Иванькива, Кушнира Ивана была сожжена одна деревня, перед которой на нашем пути в лесу имелся большой завал. Посчитали эту деревню партизанской и сожгли ее. Поджигали дома там многие полицейские первой роты, в том числе Иванькив, Кушнир и Думич. Поджигали спичками и факелами из соломы. В самой деревне видел я и Мелешко, который приказывал подчиненным полицейским обыскивать постройки и поджигать. Названия деревни я сейчас не помню. Она была с одной прямой улицей, вымощенной камнем. Жителей в деревне не было. Это я хорошо помню. С одной стороны деревни в лесу были обнаружены шалаши без людей и полицейскими сожжены.

После сожженной деревни мы держали курс по направлению к реке Вилия, где проходила бывшая советско-польская граница. Ранее на допросе по делу Лакусты Григория и других я ошибочно назвал эту реку Илией. Теперь я припоминаю, что это была река Вилия. Перед рекой со стороны нашего подхода взвод Мелешко Василия прочесывал болото с кустарником, в котором заметно было, что находились люди. Полицейские взвода Мелешко пошли цепью по болоту и убили там до шести человек скрывавшихся граждан. Об этом тогда рассказывали сами полицейские из первого взвода по выходе из болота, кто именно, не помню. В числе полицейских, которые прочесывали болото, были Думич Григорий, Кушнир Иван, Катрюк, Иванькив. Из них Катрюк захватил там чешский ручной пулемет и до конца службы в батальоне с ним не расставался. Участвовал ли сам Мелешко в убийстве людей в болоте, я не знаю. Перед проческой болота я слышал только, как Мелешко приказал полицейским своего взвода итти⁴³ по болоту цепью. Вскоре после этого я слышал, как полицейские его взвода открыли стрельбу в болоте.

Преодолев болотистую местность, наша рота подошла к реке Вилия и переходила ее в брод. Переправлялись мы через реку в том месте, где близко от реки на бывшей польской стороне стояла деревня, в которой мы тогда ночевали. Затем первая рота прибыла в местечко

⁴³ Так в тексте. — Прим. ред.

с вымощенными камнем улицами, в котором находился немецкий гарнизон. Я предполагаю, что это было Долгиново. В это местечко тогда собрались все три роты и штаб батальона. Там мы ночевали одну ночь и затем двинулись в обратном направлении, но другим маршрутом. Когда мы находились в местечке, то я видел в штабе Смовского Константина и начальника штаба Васюру Григория. Они прибыли туда со второй и третьей ротой. Каким маршрутом наш батальон двигался в обратном направлении и какие еще были совершены преступления Мелешко Василием, а также начальником штаба Васюрой, не знаю.

Вскоре после возвращения из десятидневной операции первая рота участвовала в уничтожении деревни Дальковичи Плещеницкого района. В составе первой роты на эту операцию выезжал и Мелешко Василий со своим взводом. Когда рота вышла из леса и стала наступать на Дальковичи, то партизаны нас обстреляли из-за церкви и ранили двух наших полицейских. Завязался бой с партизанами. Мелешко Василий со своим взводом и приданный им станковый пулемет Лещенко Василия наступали с боем на деревню там, где находилась церковь, и раньше всех ворвались в деревню. Второй и третий взвода наступали с боем с флангов. Наш пулеметный расчет, в который входили Щербань Семен, Строкач Иван и я, прикрывал подходы к деревне со стороны леса с первого фланга. Минометный расчет Субботина Григория и орудийный расчет Бескандерова вели огонь по деревне из тяжелого миномета и пушки. Когда деревню заняли, то я видел в ней в числе других полицейских Мелешко, Субботина, Лещенко, Билыка. В деревне Дальковичи кто-то из полицейских, кто именно, не помню, тогда мне говорил, что было убито несколько партизан, в том числе и женщина-санитарка. Часть убитых партизан находились возле церкви. Очевидно, партизан убили при наступлении на деревню. Погиб ли тогда кто-либо из мирных жителей, я не знаю. Перед отходом деревня Дальковичи была подожжена полицейскими. Поджигать дома приказывали своим подчиненным Мелешко Василий и другие командиры взводов.

Во второй половине мая 1943 года 118-й батальон полицейский батальон⁴⁴ в полном составе выезжал из Плещениц на длительную карательную операцию в Бегомльский район. Как участник опера-

⁴⁴Так в тексте. — Прим. ред.

ции я знаю, что в ней принимали участие начальник штаба Васюра Григорий и командир взвода Мелешко Василий.

В начале операции первая рота с участием Мелешко и его взвода вела бой с партизанами возле деревни Вилейка Бегомльского района. Партизаны находились в засаде на кладбище. После боя полицейские первой роты, в том числе и Мелешко со своим взводом, ворвались в деревню Вилейку и подожгли ее. В это время я со станковым пулеметом был на посту у кладбища. Видел, как в деревню ушли многие полицейские первой роты, в том числе Мелешко, его подчиненные Думич Григорий, Кушнир Иван, Лакуста Григорий и другие.

В Вилейке и в ее окрестности первая рота была два или три дня. Мне приходилось вместе с Поляковым и Строкачем Иваном быть на посту со станковым пулеметом на кладбище. Мелешко Василий и другие командиры приходили ночью проверять нас и приказывали не спать на посту, так как партизаны могут внезапно напасть. Днем вся первая рота занималась проческой леса лесной местности в районе деревни Вилейки. В ходе прочески полицейские обнаруживали скрывавшихся мирных граждан и говорили им возвращаться домой в деревню, никто трогать там их не будет. После этого люди возвращались из леса домой. Видел я, как уходили из леса целыми семьями. Отправлять мирное население из леса в деревни приказывали командир роты Винницкий и командиры взводов. Расстреливали ли полицейские нашего батальона мирных жителей в деревне Вилейке, мне неизвестно. Очевидцем расстрела людей там я не был и об этом ничего показать не могу.

Из Вилейки мы двигались в направлении Бегомля. На своем пути мы прибыли в одну деревню, в ней ночевали, а на следующий день перед отъездом ее сожгли. Названия деревни я не помню. Она состояла из одной длинной улицы, по обе стороны которой стояли дома. Кажется, дома были в деревне разбросаны. К деревне с одной стороны близко примыкал лес, а с другой стороны было большое поле, за которым был виден лес.

Когда наш взвод с обозом находился в деревне, то полицейские второго и третьего взводов с участием Ильчука, Пасечника и Панквива, прочесывая лес в том районе, обнаружили несколько женщин и мужчин с детьми и доставили их в деревню. Я лично видел, когда полицейские Панквив, Заяц Василий, Кнап Остап и другие

задержанных людей вели по улице к тому дому, где размещались офицеры Винницкий, Мелешко Василий и немцы, находившиеся при нашей роте. О том, что людей задержали тогда в лесу и привели в деревню, знали многие полицейские первой роты, так как там была только одна наша рота. С первой ротой было четыре или пять немцев, из них один офицер, а остальные вахмайстры. Немцы были в серо-зеленой форме и разговаривали только на немецком языке. Свободно разговаривал на немецком языке и командир роты Винницкий. Со слов других полицейских я знаю, что задержанных и доставленных из леса людей допрашивали в деревне Винницкий, Мелешко и немцы. Кто об этом говорил тогда мне, сейчас не помню. Как впоследствии поступили с теми людьми, я не знаю. Находясь в деревне, я видел, как в первый день прибытия горели две или три постройки в деревне. Одну из них зажигательными пулями поджег на моих глазах полицейский из первого взвода Пыпа Владимир. Насколько я помню, это он поджег жилой дом. Находился тот дом в начале деревни с нашего прихода. В этой деревне полицейский из нашего взвода Кремлев Павел изнасиловал в бане женщину, и над ним тогда полицейские смеялись, что запачкал форму в сажу. Перед отъездом дома в деревне поджигали многие полицейские первой роты. Я видел, как поджигали постройки первого взвода, в том числе Иванькив, Кушнир, Думич Григорий. Сожженная первой ротой деревня находилась примерно в 8–10 километрах от Вилейки в сторону Бегомля. Ориентируясь на топографической карте, я считаю сейчас, что это была деревня Жамойск или Красники.

Помню, что на своем пути до Бегомля во время этой операции в одной из деревень, где останавливалась первая рота и ночевала, полицейскими было обнаружено большое количество материи. Кто конкретно ее обнаружил, я не знаю. Материя была обнаружена в какой-то постройке или возле постройки, в вырытой яме в земле. Было там и самодельное льняное полотно в трубках, которое забрали для себя немцы. Будучи в городе Борисове по окончании операции, немцы это полотно отправляли посылками домой в Германию. [...]

№ 110. Из протокола допроса Т.П. Топчего

г. Гродно

27 апреля 1974 г.

[...] В ходе Березинской операции первая рота на своем пути к реке Березине была в деревне Осовы. Название этой деревни я сейчас припомнил. В составе первой роты был в ней и наш пулеметный расчет. В Осовы мы прибыли после Бегомля. Вместе с первой ротой были в Осовах штаб нашего батальона и еще вторая или третья рота. Видел я там майора Кернера, Смовского и начальника штаба Васюру Григория. Штаб батальона и первая рота находились в Осовах дня два. Насколько я помню, местные жители находились в деревне. Были они с самого начала дома или после возвращались в деревню, я затрудняюсь сказать. Факт тот, что местных жителей я видел в деревне. В том доме, где размещался я, Строкач Иван и весь наш пулеметный расчет, были дома хозяин и его семья. Ночью наш пулеметный расчет, и Лещенко Василий со своим расчетом станкового пулемета выставлялись на посты по концам деревни. Деревня Осовы как будто нами не сжигалась. Расстреливали ли полицейские людей в ней из числа местных жителей я не помню.

После деревни Осовы мы двигались по лесным и проселочным дорогам к реке Березине и прибыли в деревню Уборок. Вместе с нашей ротой в то время двигался и штаб батальона. При подходе к деревне Уборок партизаны обстреляли из засады нашу роту. Завязался минут на 10–15 бой с партизанами. В бою участвовала вся первая рота, в том числе и Мелешко Василий со своим взводом. Затем партизаны отступили в болото по направлению к реке Мрай. Преследовали их полицейские первого и второго взводов под командованием Мелешко Василия. Ему придавались станковые пулеметы Лещенко Василия и Васильченко Виктора. Это я помню хорошо, потому что там из расчета Лещенко был убит пулеметчик Кремлев Павел. Третий взвод Пасечника и пулеметный расчет Щербаня были оставлены в деревне Уборок для прикрытия тыла. Возле деревни имелось кладбище, на котором был установлен наш станковый пулемет, и я со Строкачем Иваном находились там на посту в первый

день прибытия. Примерно в тот же день в деревню Уборок прибыл и штаб нашего батальона вместе со Смовским и Васюрой.

Обоз наш вместе с кухней и гражданскими подводчиками, а также штаб батальона находились в самой деревне Уборок, а взвода первой роты были рассредоточены вдоль реки Березины, где находились несколько дней в засаде на партизан. Знаю, что в то время возле деревни Уборок были убиты два человека. Когда я приходил в Уборок за обедами, то в деревне я видел начальника штаба Васюру Григория и других полицейских, находившихся при штабе. Тогда кто-то из моих сослуживцев, кто именно не помню, рассказывал мне, что возле деревни убиты двое молодых мужчин, из которых одного убил Васюра Григорий, а второго убил часовой полицейский. Задержанных мужчин вначале Васюра допрашивал в штабе и заподозрил их в принадлежности к партизанам. Такой тогда был разговор среди полицейских. Трупов убитых мужчин я не видел. Знаю только из рассказов, что они были убиты в нескольких метрах от деревни в поле в сторону леса. Трупы убитых лежали вместе, на некотором расстоянии один от другого, но в одном направлении от деревни. Возвращаясь с обедами к реке, где была наша засада, кто-то из полицейских мне показал место расстрела двоих мужчин. Кто были двое расстрелянных, местными жителями или партизанами, я не знаю.

Когда я находился в засаде на Березине, то из-за реки в то время на нашу сторону перебрались человек 10 мужчин в гражданской одежде. Оружия при них не было. Кто они такие были, я не знаю. Мужчины были задержаны полицейскими взвода Мелешко Василия, так как на его участке они переправлялись через реку, и отправлены в деревню Уборок. В то время пользовался слухами среди полицейских, что задержанных мужчин из штаба батальона куда-то увезли, а как поступили с ними, не знаю.

Других фактов задержания и расстрела людей в деревне Уборок и в ее окрестности я не знаю. Деревня Уборок полицейскими нашего батальона не сжигалась.

Помню я также деревню Маковье Бегомльского района, которая находится близко от Уборка. Мы проезжали ее один или два раза, следуя в Уборок. Как будто в деревне Маковье несколько дней стоял штаб нашего батальона. Какие преступления были совершены

в то время полицейскими батальона в Маковье, я не знаю. О факте расстрела людей в количестве до 16 человек возле дороги между деревнями Маковье и Уборок мне ничего неизвестно. Других населенных пунктов, через которые проходила первая рота во время операции, я сейчас не помню.

По окончании операции в районе реки Березины 118-й полицейский батальон в полном составе прибыл в город Борисов, где мы погрузились в эшелон и выехали в Западную Белоруссию. Помню, что в Западную Белоруссию мы ехали через город Барановичи и на железнодорожной станции Новоельня выгружались из эшелона.

Мне неизвестно, что на станции Новоельня начальник штаба Васюра Григорий расстрелял из пистолета мальчика школьного возраста в том месте, где выгружалась первая рота. Сам я не видел, когда он расстреливал мальчика, но об этом рассказывали мне Поляков Павел и Щербань Семен, когда мы выехали на подводах из Новоельни, следуя в город Новогрудок. При каких обстоятельствах и за что Васюра убил мальчика, я не знаю. Труп убитого я не видел.

Из Новоельни весь батальон прибыл в город Новогрудок и разместился там в военном городке. В Новогрудке я видел командира батальона Смовского и начальника штаба Васюру Григория. Они выстраивали там весь батальон по ротам и проверяли, не сбежал ли кто-либо из полицейских в пути следования из Минской области в Западную Белоруссию. Смовский Константин имел звание в батальоне майора полиции, но подчиненные командиры и рядовые полицейские часто называли его полковником. Смовскому нравилось, когда его величали полковником, и об этом знали все в батальоне.

В июле 1943 года из Новогрудка батальон в полном составе выезжал на карательную операцию в районе Налибокской пуши. В этой операции в составе батальона участвовали Васюра Григорий и Мелешко Василий со своим взводом. Приходилось выезжать на операцию и мне со станковым пулеметом, при котором были еще Щербань, Строкач Иван и Поляков. Участвовал в операции и Лещенко Василий со своим расчетом станкового пулемета.

Во время этой операции мы занимались проческой лесной и болотистой местности Налибокской пуши. В ходе прочески леса полицейскими были обнаружены землянка с евреями, которых там расстреляли. В расстреле евреев участвовали полицейские первой

роты, в том числе командир взвода Мелешко Василий. Сам я очевидцем не был, но об этом мне рассказывали тогда мой командир взвода Славутенко Михаил и Щербань Семен, которые присутствовали при этом и с убитых евреев золотые ценности. Оба они показывали мне и другим полицейским золотые монеты и говорили, что взяли у убитых в землянке. Они также говорили, что обнаружили землянки с евреями полицейские взвода Мелешко, в землянки бросали гранаты и стреляли по землянкам. Сколько человек было расстреляно в землянках, я не могу сказать, не знаю. Лично мне к землянкам не приходилось подходить.

После расстрела евреев в землянках мы продолжали заниматься проческой лесной местности и вышли к одной деревне. В этой деревне мы ночевали одну ночь. Была там только одна первая рота, в том числе и Мелешко Василий со своим взводом. Названия деревни я не помню. Близко от деревни в лесу были обнаружены тогда ульи с пчелами и полицейские доставали мед. На второй день перед отъездом деревню мы подожгли. В числе полицейских первой роты в поджоге деревни участвовал взвод Мелешко.

Во время нахождения первой роты в поселке Ивье я помню случай выезда на операцию по борьбе с партизанами в марте или начале апреля 1944 года. На эту операцию выезжала вся первая рота, в том числе и Мелешко Василий со своим взводом. Операция была однодневная, проезжали мы тогда деревню Дуды Ивьевского района и от нее удалились дальше примерно на 7–8 километров. В том районе первой ротой тогда была сожжена одна деревня, названия которой я не помню. На подходе к деревне Винницким и Мелешко было приказано открыть огонь по деревне. Как-будто перед этим из деревни также раздались один-два выстрела. Деревня находилась при самом лесе. Люди все убежали в лес, и мы в ней никого не застали. После обстрела мы ворвались в деревню, забрали скот и другое более ценное имущество жителей, а перед отъездом подожгли все постройки.

Мне известно, что в начале 1944 года, примерно в марте месяце группа полицейских первой роты совместно с Мелешко Василием выезжала из Ивья в деревню Морино Ивьевского района для борьбы с партизанами. В деревне Морино тогда Мелешко расстрелял одну женщину, местную жительницу, по подозрению в связи с партиза-

нами. Труп ее полицейскими был сброшен в реку Неман. Сам я очевидцем не был, так как оставался тогда по болезни в Ивье, но об этом по возвращении из Морино говорили в роте многие полицейские. Кто конкретно об этом мне рассказывал, не помню сейчас.

Знаю я еще об одном случае избияния женщины на допросе в первой роте. Это было зимою в конце 1943 года или в начале 1944 года. Кто-то из полицейских на базаре в Ивье задержал молодую женщину, в возрасте примерно до 30 лет, и доставил ее в расположение нашей роты. Первоначально поместили ее в бункер возле часового, а потом водили на допрос в комнату, где находились Винницкий и Мелешко Василий. Находясь в то время в расположении роты, я слышал, как женщина на допросе кричала и просилась громко не бить ее. Водил ее на допрос командир отделения Катрюк. Видел я, как после допроса он вел ее снова в бункер. Она была избита и растрепана, с синяками и кровоподтеками на лице. С комнаты, где допрашивали женщину, выходили тогда Винницкий, Мелешко и Лакуста Григорий. Какая судьба в дальнейшем была той женщины, я не знаю. После того дня я нигде ее не видел. Что это была за женщина, местная жительница Ивья или приезжая, я не знаю.

Вопрос: По показаниям бывших полицейских 118-го батальона свидетелей Мелешко Василия Андреевича, Козынченко Ивана Ивановича и осужденного Лакусты Григория Григорьевича, с участием первой роты в деревнях Вилейка и Осовы Бегомльского района были совершены массовые расстрелы семей партизан и других советских патриотов. Что Вы можете пояснить в связи с этим?

Ответ: Да, припоминаю, что в деревне Осовы Бегомльского района был массовый расстрел людей, в котором принимали участие полицейские первой роты и штаба батальона. С помощью местного старосты были отобраны семьи партизан и расстреляны в одном сарае, находившемся несколько в стороне от жилых домов. Когда семьи партизан згоняли⁴⁵ и расстреливали в сарае, я лично со станковым пулеметом находился на посту в конце деревни. С того места мне не было видно, как людей расстреливали. Слышал я стрельбу в том направлении, где находился сарай. По времени это происходило утром. После расстрела людей первая рота и штаб батальона

⁴⁵ Так в тексте. — *Прим. ред.*

в тот же день из деревни Осовы уехали по направлению к реке Березине. Знаю, что в згоне⁴⁶ семей партизан в сарай участвовали полицейские взвода Мелешко Василя и некоторых других взводов. Некоторых полицейских со взвода Мелешко я видел с поста, как заходили в дома с конца деревни и выводили на улицу некоторые семьи, а затем погнали людей на середину деревни. По фамилии тех полицейских я сейчас не могу вспомнить, но хорошо знаю, что это были из первого взвода, которым командовал Мелешко. Кто конкретно из полицейских первой роты и штаба батальона расстреливал людей в сарае, не знаю. Возможно, тогда и называли мне сослуживцы тех, кто расстреливал людей в Осовах, но за давностью времени уже забыл.

В отношении массового расстрела советских патриотов в деревне Вилейке Бегомльского района я ничего показать не могу, так как не помню, при каких обстоятельствах там происходил расстрел людей. [...]

ЦА КГБ РБ Арх. уг. д. 26706. Т. 3 Л. 169–174. Подлинник.

⁴⁶Так в тексте. — Прим. ред.

№ 111. Из протокола допроса Г. Думыча (М. Янковского)

г. Белосток

29 апреля 1974 г.

[...] До 1942 г. я проживал с матерью в д. Кунын, р-н Жулкев, в настоящее время это Нестеровский район. В июне или июле месяце 1942 г. однажды на улице дер. Кунын встретили меня жители этой же деревни: Чапляк и Иосифович и Кудык Григорий. В разговоре со мной они мне сказали, что я должен обратиться к немецким властям с целью поездки на работу в Германию или же вступить в украинскую полицию в Киеве. Угрожая мне, сказали, что я из двух этих предложений должен выбрать одно. При этих обстоятельствах я согласился со вторым предложением, а именно на службу в украинской полиции. Тогда же Чапляк дал мне для заполнения анкету на немецком языке, которую я лично дома заполнил, внося в нее свою фамилию, имя, год рождения и место жительства. Согласно рекомендации Чапляка и Кудыка, анкету эту после заполнения я выслал почтой в Киев, в адрес украинской полиции, адрес которой они мне дали. В конце июля 1942 г. по почте я получил из Киева письменное указание о явке в указанное время, но точного числа я в настоящее время не помню, только помню, что это было в августе 1942 г. В указанный день поездом я выехал в Киев, сначала со ст. Дубрусын доехал до ст. Львов, а оттуда в Киев. В деревни Кунын, кроме меня, в это время в Киев никто не ехал в полицию. Из окрестной местности также не знаю, чтобы этим же поездом кто-то ехал из Львова в Киев с целью вступления в полицию. Ехал тогда в Киев я один и не знаю о том, чтобы тогда же ехал в Киев Вус Павел из дер. Крехив. По приезду в Киев я явился по указанному адресу. Приняла меня там в секретариате женщина, уроженка Буковины, которая знала немецкий язык и, как потом я узнал, по имени она была Слава, фамилию не знаю. В это же время в полицию в Киеве приезжали и другие. Всего набралось человек 50. Разместили нас в военных казармах, а питание получали из местной кухни. Через два дня я и другие были обмундированы в литовские или латвийские мундиры, получили также русские винтовки с патронами.

Когда были мы обмундированы и вооружены, то ежедневно ходили из казарм за Киев на учения. Обучали нас строевой подготовке, обращению с оружием, разборке и сборке оружия. Руководил и проводил с нами обучение Винницкий, имени его я не помню. Кроме Винницкого надзор за обучением проводил унтер-офицер-немец, которого звали Ганс. Обучение наше проходило полтора месяца, где-то с половины августа до конца сентября 1942 г. После окончания периода обучения, получили мы унтер-офицерские звания. Те, которые ранее служили уже в какой-нибудь армии, получили звание капрала и высшие унтер-офицерские звания, а тем, которые в армии не служили, присвоили звание старший солдат — называли таких вице[-]капралами. Я также получил звание вице-капрал. Когда мы были уже обучены, в начале октября 1942 г. к нам приехали две роты такой же полиции, как мы. С ними приехали также офицеры и унтер-офицеры. Тогда же была проведена реорганизация и из нас и из прибывших были сформированы три роты: первая, вторая и третья. Из этих трех рот был сформирован 118-й батальон украинской полиции т. зв. «шутцманшафт». Откуда прибыли вышеуказанные две роты, я не знаю, но полицейские, находящиеся в этих ротах, были уже выучены и вооружены, где они проходили обучение, не знаю. Батальон насчитывал до 300 чел. Приблизительно через неделю после организации 118-го батальона прибыл к нам командир Смовский Константин. Я получил назначение в первую роту, первый взвод командиром третьего отделения, эти обязанности я исполнял до начала 1943 года.

Во время нахождения в Плещеницах меня из командира третьего отделения сняли, а вместо меня на эту должность назначили Данко, а после его смерти командиром третьего отделения был назначен Пасечник. После этого снятия с должности командира отделения я и дальше оставался в первой роте как портной, а через некоторое время стал батальонным.

Между Плещеницами и Логойском была какая-то небольшая речка, на которой находился деревянный мост называемый «Горбатым мостом». Мост этот охранялся полицейскими нашего батальона. Я как командир отделения с подчиненными мне полицейскими также два раза находился на охране этого моста. Однажды на охрану моста был назначен командир отделения 3-й роты Сагайдак со сво-

им отделением, который ушел со всем отделением, за исключением одного полицейского, в партизаны. Приблизительно через неделю от ухода Сагайдака в партизаны на расстоянии между Плещеницами и Логойском была прервана телефонная связь. Не знаю, каким образом и кто первый установил повреждение телефонной линии. Однако об этом жандармы из Плещениц сообщили командованию нашего батальона. Из нашего батальона был направлен 1-й взвод 1-й роты под командованием Мелешко, а также 5–6 белорусских полицейских с задачей найти место повреждения телефонной линии. С взводом Мелешки и я в этот раз выезжал. Всего нас выехало человек 40. Это было в марте 1943 г. Выехали мы из Плещениц на трех грузовых автомашинах, принадлежащих местной жандармерии. Всеми нами руководил немец, капитан Вельке, который являлся шефом 1-й роты 118-го батальона. Он тогда ехал впереди колонны в открытой батальонной автомашине, званой «лазиком». Я ехал на второй или третьей автомашине. Шоферами автомобилей являлись белорусские полицейские, а шофером автомобиля, на котором ехал Вельке, являлся наш полицейский, фамилию его не помню. Этот шофер летом 1944 г. во время отступления из Белоруссии нашего батальона от нас уехал с немцем — командиром 118-го батальона, и они больше уже в батальон не возвратились. На указанный выезд вместе с Вельке в его автомашине ехал также и Мелешко.

Кроме личного оружия в этот раз мы имели один ручной пулемет, который находился на первой грузовой автомашине у полицейского Иванкива. Выехали мы приблизительно в 10 час. утра. Проехав «Горбатый мост», дальше мы ехали лесом. Едучи лесом по правой стороне дороги, уточняя, по левой стороне дороги, которой мы ехали, я видел работающих в лесу при самой дороге рабочих. В том месте, где оканчивался лес, мы увидели при столбе оторванную телефонную линию. В этом месте и в этот час наши автомашины были обстреляны из леса партизанами. При первом выстреле наши автомашины остановились, и мы начали соскакивать из них в придорожную канаву. В результате первых выстрелов был убит немец Вельке и легко ранен шофер. Затем выстрелы прекратились, и Данько со своим отделением направился в направлении автомашины Вельке. В это время партизаны снова начали стрельбу, в результате чего был убит Данько и еще один наш полицейский был ранен. Некоторые поли-

цейские, которые были впереди, также стреляли, но в результате этой стрельбы был ли кто убит или ранен из партизан, то я не знаю. Я, находясь в укрытии в придорожной канаве, не стрелял. Партизан видно не было, наверное, укрылись в лесу. Когда эта стрельба прекратилась, то я слышал, как партизаны из леса кричали «ура». Было видно, что они атакуют нас, но фактически их голоса все удалялись от нас. Когда партизаны ушли, тогда один из белорусских полицейских влез на телефонный столб, соединился с Плещеницами и сообщил жандармерии, что мы попали в засаду партизан. Затем двое белорусских полицейских наладили прерванную телефонную линию, и мы возвращались в направлении Плещениц.

После смерти Вельке командование над всеми нами принял Мелешко. Труп Вельке остался на сиденье автомашины, где он ехал и был убит. Труп Данько мы взяли на автомашину. В обратном направлении автомашины возвращались в той же последовательности, в какой мы ехали из Плещениц. На автомашинах никто из нас не ехал, все мы шли по обе стороны автомашин, идущих посередине дороги. Лесные рабочие, о которых я вспоминал, работали на расстоянии 1 км от места, в котором мы имели столкновение с партизанами. По моему предположению, этих рабочих было около 20 чел., все были мужчины разного возраста. Откуда были эти рабочие, я не знаю, не знаю также, какие были деревни вблизи их работы. В том месте, где они работали, наши автомашины и мы задержались. Не помню или Мелешко сам, или же кто-то из полицейских, по его приказу, позвал рабочих, чтобы вышли из леса на шоссе, что они все и сделали. Рабочих поставили на шоссе, и Мелешко их спрашивал, что они знают о партизанах. Они ответили, что ничего об этом не знают и никаких партизан не видели. Когда мы тронулись идти, имея перед собой рабочих, то в это время один из них начал убегать в лес. Видел, что по убегающему рабочему стреляли полицейские: Лакуста, Катрюк, Иванкив и, наверное, Мелешко. Иванкив стрелял из ручного пулемета. Никто тогда на автомашинах не ехал. Несмотря на стрельбу, убегающему рабочему удалось счастливо убежать. Как только исчез он в лесу, то Мелешко сразу первым начал стрелять из имеющегося 10-зарядного карабина в оставшихся рабочих. Затем в этих рабочих стрелял также из ручного пулемета Иванкив, а также Лакуста и Катрюк. Другие полицейские, в том числе и я, в рабочих

не стреляли. Находился я на расстоянии 10–15 м от этих полицейских, которые стреляли в рабочих, и видел точно, кто стрелял. Как по убегающему одному рабочему, так и по остальным лесным рабочим приказа стрелять никто не давал. Убили в этот раз приблизительно 12 рабочих. Расстреляли их на шоссе Плещеницы — Логойск в лесу, и трупы были оставлены на месте расстрела.

Не знаю, кто и что потом сделал с их трупами. Когда начали стрелять, то все рабочие упали на шоссе и поэтому часть из них осталась жива. Затем Мелешко сказал им встать и приказал полицейскому Кнапу, чтобы он их отвел в Плещеницы. Кнап со своим отделением повел оставшихся рабочих в Плещеницы, а еще до этого, по приказу Мелешко, отъехали в Плещеницы автомашины только с белорусскими полицейскими, а также с трупами Вельке и Данько. Знаю, что на следующий день немец Кернер освободил из-под ареста всех задержанных лесных рабочих. Когда рабочих конвоировали в Плещеницы, то в это время к нам из Плещениц прибыло командование нашего батальона, а также остальные два взвода 1-й роты и вся 3-я рота. Командование приехало на автомашинах, одолженных, наверное, у жандармерии Плещениц, а полицейские пришли пешком. В составе командования прибыли: Смовский, Кернер, Васюра, Винницкий, переводчик Лукович, врач и офицер боепитания. На месте встречи с нами командование оставило автомашину, на которой приехали, и эта автомашина вернулась, наверное, к «Горбатуму мосту», а мы все пошли на то место, где имели столкновение с партизанами и где был убит Вельке. Когда мы дошли к этому месту, то с противоположной стороны из Логойска приехали к нам на автомашинах эсэсовцы. Приехали они на 7–8 военных автомашинах. Прибыли они численностью одной роты, а может быть, и больше. Были они из бригады «Дирлевана»⁴⁷, размещавшейся в Логойске. Командирами этих эсэсовцев были немцы, а остальные составляли сбор разных национальностей, так как и в нашем батальоне. Командование СС и командование нашего батальона после короткого совещания дало приказ идти в левую сторону леса, в том именно направлении, откуда были раньше слышны крики «ура» и куда ушли партизаны. Лесной дорогой впереди шли эсэсовцы, а мы за ними.

⁴⁷ Так в тексте. Имеется в виду Дирлевангера. — Прим. ред.

Участок леса, через который мы переходили, был короткий. На опушке леса все задержались, с этого места была видна деревня Хатынь. Справа от нас вела дорога в эту деревню. Дорога была заросшая кустами. С левой стороны от деревни шел лес. Между дорогой и полосой леса в направлении деревни была открытая местность, покрытая глубоким снегом. После совещания командования, по дороге в направлении дер. Хатынь были направлены эсэсовцы, а с левой стороны краем леса в деревню пошла наша 3-я рота. 1-ю нашу роту, в составе которой был и я, расставили на краю леса на широту открытого участка, отделяющего деревню от нас. Я находился в составе 1-го взвода 1-й роты командира Мелешко, и наш взвод занял позицию на краю леса на участке от указанной дороги, ведущей в деревню, а дальше были расставлены остальные наши два взвода 1-й роты. На участке, занимаемом нашим 1-м взводом, находилось также командование СС и нашего батальона, среди них был также Васюра. Немного дальше влево от командования был установлен тяжелый миномет. От края леса, где находился я с другими, до деревни Хатынь было 700–800 м. Когда эсэсовцы и наша 3-я рота подходили к деревне, то из деревни были слышны три винтовочных выстрела один за другим. Думаю, что это был сигнал тревоги партизан, потому что после этих выстрелов, на противоположной от нас стороне деревни в лес побежали партизаны. За деревней видна была гора, а еще выше лес и когда партизаны через эту гору убегали в лес, то их было видно. По убегавшим партизанам открыли огонь из имеющегося оружия, наступающие на деревню эсэсовцы и наша 3-я рота. От нас в это время только миномет выстрелил несколько раз. Из миномета я видел, что стрелял офицер боепитания, фамилию которого не помню. Обстрел убегавших партизан длился 20 мин. В результате этого обстрела на горе около самого леса убили женщину-партизанку. Потом я лично видел ее труп, была это молодая женщина. Полицейский Катрюк затем мне показывал и говорил, что у убитой этой партизанки он забрал пояс и пистолет, а также ручные часы с браслетом. Было ли тогда убито больше партизан, этого я не знаю, потому что других трупов я не видел. После ухода из деревни партизан мы, по приказу командования, с окраины леса пошли стрелковой цепью в таком составе, как занимали позицию вместе с командованием, в т. ч. Васюра и Мелешко в деревню. Наша

3-я рота и СС еще до нас вошли в деревню Хатынь. Когда мы шли в деревню, то с правой стороны нашего движения начали гореть постройки деревни. Горело уже три дома с той стороны деревни, в которую вошли в нее эсэсовцы. Предполагаю, что они были подожжены потому, что в момент возникновения пожара стрельбы уже слышно не было. Не видел и не знаю, кто их поджег. Когда мы вошли в деревню Хатынь в составе 1 взвода, я видел, как наши полицейские: Иванкив, Кмит, Катрюк и еще несколько фамилий, которых не помню, поджигали дома деревни. Полицейские эти были из 1-й роты и вместе со мною вошли они в деревню. Брали они солому, поджигали ее от огня горящих уже трех домов и этой соломой поджигали другие строения. Подожгли они около 5 построек. Также видел, как эсэсовцы с той стороны, с которой они вошли, забирали из домов всех жителей, несмотря на пол и возраст, гнали всех собранных людей в противоположный конец деревни. Всех собранных жителей деревни Хатынь привели на левую сторону деревни. В этом месте также собралось все наше командование и СС. Собранных людей поместили в сарае, стоящем на окраине деревни. Не знаю, давал ли кто такое приказание. Когда я возвратился от того места, где лежал труп партизанки, то сарай, в который был согнан народ, уже горел. На расстоянии каких-то 15 м от горящего сарая стояло командование нашего батальона и СС. Я также подошел туда, где они стояли. Еще ближе к сараю к той стороне, в которой была дверь, стояли полицейские и эсэсовцы и с этой именно стороны и я стал вместе с другими. Кто поджег сарай с людьми, я не видел. Дверь сарая была открыта, и я видел как из горящего сарая через открытую дверь выбегали люди. По выбегающим из сарая я видел как стреляли: немцы, эсэсовцы и некоторые наши полицейские. Из наших полицейских видел как по выбегающим из сарая людям стреляли: Иванкив из ручного пулемета, Катрюк из карабина, Кмит из пистолета, Лукович из пистолета и другие, которых в настоящее время не помню. По выбегающим из сарая также стреляли немцы, которые служили в нашем батальоне. Когда уже почти весь сарай сгорел и не было видно, чтобы кто-то из находящихся там людей остался в живых, то тогда мы и наше командование отошли от сарая. Кто давал приказ поджечь сарай с людьми, не знаю. Не слышал также, чтобы кто приказывал стрелять по людям, выбегающим из горящего

сарая. Не знаю, сколько человек сожжено и расстреляно в сарае. Только знаю, что было там уничтожено много людей, женщин, детей и стариков. Предполагаю, что было там уничтожено больше чем 100 человек. Деревня Хатынь насчитывала 40–50 дворов. Все ли ее жители были сожжены или же расстреляны, этого я не знаю. Были сожжены все постройки деревни. Вся деревня уже горела, когда был подожжен сарай с людьми. Сарай этот подожгли как последнюю постройку. Грабил ли кто что в деревне из эсэсовцев, полицейских или немцев, я не знаю.

С наступлением темноты мы ушли из догорающей дер. Хатынь. Направились мы пешком в обратный путь в Плещеницы, а эсэсовцы в Логойск. Когда мы возвращались, то уже на шоссе к нам прибежал один пожилой мужчина лет 50, он имел опаленное лицо и на плечах обожженную одежду. Говорил, что он из деревни Хатынь. Когда, где и при каких обстоятельствах он обгорел, я этого не знаю. Плакал и просил, чтобы его забрали и сделали ему перевязку. Кернер приказал врачу, который был вместе с нами, чтобы он его забрал и позаботился о нем. Мужчина этот пришел с нами в Плещеницы. Что с ним затем произошло, я точно не знаю, но другие полицейские говорили, что он был освобожден. Вместе с командованием при горящем сарае я видел стоящих Васюру и Мелешко. Я лично не видел, чтобы в этой операции в деревне Хатынь Васюра или же Мелешко стреляли в кого-нибудь или же поджигали постройки не знаю также, что они конкретно делали за время продолжения этой операции, кроме тех обстоятельств, о которых я в отношении их двоих показал. Полицейские, которые стреляли по выбегающим из горящего сарая людям, как Иванкив, Катрюк и Кмит, все они были из 1 взвода, командиром которого был Мелешко, но давал ли им Мелешко приказ стрелять в этих людей, я не знаю. Также не знаю, чтобы Мелешко давал приказание поджигать постройки деревни Хатынь.

Кроме указанных мною операций, в которых я лично принимал участие, весной 1943 года из Плещениц еще три раза вместе с другими полицейскими я выезжал на разные операции. Один выезд был в деревню, названия которой я не помню, расположенную от Плещениц в 5 км. Выезжал туда, как мне помнится, только в составе одной 1-й роты. Во время этого выезда никакого боя с партизанами не произошло и даже партизан мы нигде не встретили. Граждан-

ских лиц тогда также не расстреливали и не арестовывали, а также не поджигали никаких деревень. Заехали только в одну деревню и сразу оттуда возвратились, не проведя там никаких действий. Следующие два выезда из Плещениц, в которых я принимал участие, были похожи на описанный выше выезд, проходили они весной 1943 года. Эти два раза я выезжал в составе двух наших рот — 1-й и 3-й. Ездили мы тогда в деревню, названия которой я не знаю, расположенную за деревней Заречье. В этот раз также никакой стычки с партизанами мы не имели и никто нами убит не был. Объехали мы только территорию и возвратились в Плещеницы. Независимо от этих выездов, о которых я показал и в которых, между прочим, принимал личное участие, также были выезды нашего батальона из Плещениц, в которых я участия не принимал. [...]

ЦА КГБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 3. Л. 237–257. Перевод с польского. Заверенная копия. Опубликовано частично: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 114–117.

№ 112. Из протокола допроса Г. Думыча (М. Янковского)

г. Белосток

3 мая 1974 г.

[...] Из Плещениц первый наш выезд на операцию был под конец декабря 1942 года или же в январе 1943 года. Были мы тогда в деревне Хотавичи приблизительно на расстоянии 10 км от Плещениц. На этой операции находились 1-я и 3-я роты, а также командование батальона. На месте остались только охрана, т. е. те полицейские, которые в это время несли караульную службу у казарм. Я как командир 3-го отделения вместе с подчиненными мне полицейскими принимал участие в этой операции. Объявили сбор, и Смовский нам сказал, что поедем на операцию против партизан. Как мне помнится, мы у местной жандармерии, кажется, одолжили в этот раз двое саней с лошадьми, на которых ехало командование батальона, а мы пешком. Наверно, кто-то из жандармерии также был с нами на этой операции. Когда мы перешли лес и вышли на его опушку, то оттуда была видна дер. Хотавичи на расстоянии одного километра. Была это небольшая деревня. Наше командование издало нам приказ, каким образом мы должны были атаковать деревню Хотавичи. Справа в направлении деревни, через поле, пошел сначала третий взвод под командованием Кантора, за ним второй под командованием Васюры. Таким же образом с левой стороны шли в деревню взводы третьей роты. Командование батальона в частности Смовский, Кернер и Винницкий, который являлся тогда командиром 1-й роты, временно остались на опушке леса. При них остался я со своим 3-м отделением 1-го взвода 1-й роты. Приблизительно на половине между деревней и лесом наши взводы были обстреляны из деревни партизанами. Тогда полицейские залегли на поле в снегу и начали обстреливали деревню из имеющегося оружия. Через некоторое время стрельба со стороны партизан прекратилась и наши взводы поднялись и дальше пошли в деревню. Когда первые полицейские подходили к деревне, то на ее окраине начался пожар со стороны деревни, где наступала 1-я рота, загорелись 4 дома. Были ли они кем подожжены или загорелись в результате обстрела деревни, этого я не знаю, потому что не видел. Как только мы увидели пожар в деревне,

тогда командование батальона и я со своим отделением пошли в деревню. В деревне Хотавичи сгорело около 4 домов. Когда все полицейские вошли в деревню, то командование собрало нас в деревне и мы улицей прошли через всю деревню и пошли дальше в направлении Плещениц. Когда вошли в деревню, то никого там не убили и никого мы не взяли с собой. Был ли кто убит из местных жителей или же партизан в результате обстрела полицейскими деревни, этого я не знаю, потому что трупов никаких не видел. Также не знаю, погибли ли кто в горящих домах. Партизаны, наверное, из деревни ушли в лес противоположный к деревне с другой стороны нашего наступления.

В дер. Хотавичи я больше ни в каких операциях не участвовал. Не участвовал я в дер. Хотавичи и в операции, когда полицейские убили там двух мужчин, указанных старостой этой деревни, об этом случае я ничего не знаю. Не участвовал я также и в операции в деревне Чмелевичи. Перепутать название деревень Хотавичи и Чмелевичи я не мог. О том, что деревня, в которой мы проводили вышеуказанную операцию, называлась Хотавичи, я знаю из того, что тогда говорили, что это дер. Хотавичи.

Следующий мой выезд из Плещениц на операцию проходил в январе или феврале, а может быть, в марте 1943 года. Этот раз мы ездили в деревню Заречье, расположенную на расстоянии 10 км от Плещениц. Я в это время уже не был командиром отделения, но на эту операцию ездил в составе 1-й роты. В предшествующий день в район дер. Заречье выехали из Плещениц местные жандармы и подчиненные им полицейские белорусы. Были они атакованы партизанами, в результате чего погибли около пяти жандармов и с десять полицейских. Остальные возвратились в Плещеницы и наверно сообщили об этом командованию нашего батальона. Сделали нам тревогу, и Смовский нам сказал, что в операции с партизанами погибли жандармы и полицейские и что нужно поехать и найти трупы убитых. На эту операцию выехали наша 1-я и 3-я роты, взяв с собой оружие, минометы, станковые и ручные пулеметы. Ехали мы на нескольких санях, а остальные шли пешком, а я, Сыжук и Филиппов на лыжах. С нами ехали также жандармы и белорусские полицейские из Плещениц.

Войдя в лес, мы все задержались на его опушке. Командование батальона направило 3-й взвод 1-й роты, командиром которого был Кантор, в разведку в дер. Заречье, видимую с опушки леса, где

мы задержались. Вслед за 3-м взводом пошел 1-й взвод роты, командиром которого был Мелешко. Разведка наша была обстреляна партизанами из сарая, стоящего на некотором расстоянии от деревни от деревни. Наши полицейские 1-й и 3-й взвод также открыли огонь из имеющегося оружия в направлении этого сарая. Затем наше командование приказано остальным полицейским находящимся на опушке леса расположиться в цепь, установив также орудие и тяжелый батальонный миномет. Я с Филипповым и Слыжуком на лыжах отъехали метров 20 в лес и натолкнулись на трупы убитых жандармов и полицейских, о чем сообщили Смовскому. Смовский нам троим приказал забрать трупы и положить их в сани. Для этого также выделили нам несколько белорусских полицейских и одного жандарма. Когда мы занимались сбором трупов, то остальные начали атаку деревни Заречье. При выходе из леса наших полицейских обстреляли из деревни партизаны. Тогда деревню начали обстреливать из орудия и миномета, а также из другого оружия полицейские обстреливали деревню и одновременно атаковали деревню. В результате интенсивного обстрела стрельба из деревни и из сарая прекратилась и партизаны, наверное, отошли в лес. Сначала загорелся стоящий в стороне сарай, из которого обстреляли нашу разведку, а потом видел, как горели постройки в деревне. К этому сараю первым дошел Контер со своим взводом и отделением, которым командовал Катрюк, о чем я знаю из рассказа полицейских.

Поджег ли кто из них сарай или он загорелся в результате обстрела, этого я не знаю. Не знаю также, каким образом возник пожар в деревне Заречье. Когда я с другими после сбора трупов доехал к деревне, то наши полицейские уже были все в деревне. Много построек деревни Заречье сгорело в этот раз, но вся деревня полностью сожжена не была. Не знаю, погиб ли кто в деревне или же в сарае в результате обстрела и сожжения деревни полицейскими. Никого из деревни мы с собой не взяли. Не знаю, чтобы в этот раз кроме деревни Заречье была сожжена еще какая-либо деревня и чтобы кто был убит среди полицейских или же местных жителей. Названия местности и фамилии указанных мною я сообщаю на украинском языке. Операцией в деревне Заречье руководили: Смовский, Винницкий и немец Вельке. В деревне Заречье трупов никаких я не видел и вообще не знаю, чтобы там был кто-нибудь убит нами. Знаю, что Мелешко в этой операции был, но какое конкретно участие он в ней принимал, этого я не знаю.

В отношении Васюры, то он, наверное, в операции в дер. Заречье участия не принимал.

Между Плещеницами и Логойском была какая-то небольшая речка, на которой находился деревянный мост называемый «Горбатым мостом». Мост этот охранялся полицейскими нашего батальона, я как командир отделения с подчиненными мне полицейскими также два раза находился на охране этого моста. Однажды на охрану моста был назначен командир отделения 3-й роты Сагайдак со своим отделением, который ушел совсем отделением, за исключением одного полицейского, в партизаны. Приблизительно через неделю от ухода Сагайдака в партизаны на расстоянии между Плещеницами и Логойском была прервана телефонная связь. Не знаю каким образом и кто первый установил повреждение телефонной линии. Однако об этом жандармы из Плещениц сообщили командованию — нашего батальона. Из нашего батальона был направлен 1-й взвод 1-й роты под командованием Мелешко, а также 5–6 белорусских полицейских с задачей найти место повреждения телефонной линии. С взводом Мелешки и я в этот раз выезжал. Всего нас выехало человек 40. Это было в марте 1943 г. Выехали мы их Плещениц на трех грузовых автомашинах, принадлежащих местной жандармерии. Всеми нами руководил немец-капитан Вельке, который являлся шефом 1-й роты 118-го батальона. Он тогда ехал впереди колонны, открытой батальонной автомашине, званой «лазиком». Я ехал на второй или третьей автомашине. Шоферами автомобилей являлись белорусские полицейские, а шофером автомобиля на котором ехал Вельке являлся наш полицейские, фамилию его не помню. Этот шофер летом 1944 г. во время отступления из Белоруссии нашего батальона от нас уехал с немцем — командиром 118-го батальона, и они больше уже в батальон не возвратились. На указанный выезд вместе с Вельке в его автомашине ехал также и Мелешко.

Кроме личного оружия в этот раз мы имели один ручной пулемет, который находился на первой грузовой автомашине у полицейского Иванкива. Выехали мы приблизительно в 10 час. утра. Проехав «Горбятый мост», дальше мы ехали лесом. Едучи лесом по правой стороне дороги уточняю, по левой стороне дороги, которой мы ехали, я видел работающих в лесу при самой дороге рабочих. В том месте, где оканчивался лес, мы увидели при столбе оторванную телефонную линию. В этом месте и в этот час наши автомашины были обстреляны из леса партизанами. При первом выстреле наши

автомашины остановились, и мы начали соскакивать из них в придорожную канаву. В результате первых выстрелов был убит немец Вельке и легко ранен шофер. Затем выстрелы прекратились и Данько со своим отделением направился в направлении автомашины Вельке. В это время партизаны снова начали стрельбу, в результате чего был убит Данько и еще один наш полицейский был ранен. Некоторые полицейские, которые были впереди, также стреляли, но в результате этой стрельбы был ли кто убит или ранен из партизан, то я не знаю. Я, находясь в укрытии в придорожной канаве не стрелял. Партизан видно не было, наверно, укрылись в лесу. Когда эта стрельба прекратилась, то я слышал как партизаны из леса кричали «ура». Было видно, что они атакуют нас, но фактически их голоса все удалялись от нас. Когда партизаны ушли, тогда один из белорусских полицейских влез на телефонный столб, соединился с Плещеницами и сообщил жандармерии, что мы попали в засаду партизан. Затем двое белорусских полицейских наладили прерванную телефонную линию и мы возвращались в направлении Плещениц.

После смерти Вельке командование над всеми нами принял Мелешко. Труп Вельке остался на сидении автомашины, где он ехал и был убит. Труп Данько мы взяли на автомашину. В обратном направлении автомашины возвращались в той же последовательности, в какой мы ехали из Плещениц. На автомашинах никто из нас не ехал, все мы шли по обе стороны автомашин, идущих посередине дороги. Лесные рабочие, о которых я вспоминал, работали на расстоянии км от места, в котором мы имели столкновение с партизанами. По моему предположению этих рабочих было около 20 чел., все были мужчины, разного возраста. Откуда были эти рабочие я не знаю, не знаю также какие были деревни вблизи их работы. В том месте, где они работали, наши автомашины и мы задержались. Не помню или Мелешко сам, или же кто-то из полицейских, по его приказу, позвал рабочих, чтобы вышли из леса на шоссе, что они все и сделали. Рабочих поставили на шоссе, и Мелешко их спрашивал, что они знают о партизанах. Они ответили, что ничего об этом не знают и никаких партизан не видели. Когда мы тронулись идти, имея перед собой рабочих, то в это время один из них начал убегать в лес. Видел, что по убегающему рабочему стреляли полицейские: Лакуста, Катрюк, Иванкив и, наверно, Мелешко. Иванкив стрелял из ручного пулемета. Никто тогда на автомашинах не ехал. Несмотря

на стрельбу, убегающему рабочему удалось счастливо убежать. Как только исчез он в лесу, то Мелешко сразу первым начал стрелять из имеющегося 10 зарядного карабина в оставшихся рабочих. Затем в этих рабочих стрелял также из ручного пулемета Иванкив, а также Лакуста и Катрюк. Другие полицейские, в том числе и я, в рабочих не стреляли. Находился я на расстоянии 10–15 м от этих полицейских, которые стреляли в рабочих, и видел точно, кто стрелял. Как по убегающему одному рабочему, так и по остальным лесным рабочим приказа стрелять никто не давал. Убили в этот раз приблизительно 12 рабочих. Расстреляли их на шоссе Плещеницы — Логойск в лесу, и трупы были оставлены на месте расстрела.

Не знаю, кто и что потом сделал с их трупами. Когда начали стрелять, то все рабочие упали на шоссе и поэтому часть из них осталась жива. Затем Мелешко сказал им вставать и приказал полицейскому Кнапу чтобы он их отвел в Плещеницы. Кнап со своим отделением повел оставшихся рабочих в Плещеницы, а еще до этого по приказу Мелешко отъехали в Плещеницы автомашины только с белорусскими полицейскими, а также с трупами Вельке и Данко. Знаю, что на следующий день немец Кернер освободил из-под ареста всех задержанных лесных рабочих. Когда рабочих конвоировали в Плещеницы, то в это время к нам из Плещениц прибыло командование нашего батальона, а также остальные два взвода роты и вся 3-я рота. Командование приехало на автомашинах одолженных, наверно, у жандармерии Плещениц, а полицейские пришли пешком. В составе командования прибыли: Смовский, Кернер, Васюра, Винницкий, переводчик Лукович, врач и офицер боепитания. На месте встречи с нами командование оставило автомашину, на которой приехали и эта автомашина вернулась наверно к «Горбатому» мосту, а мы все пошли на место, где имели столкновение с партизанами и где был убит Вельке. Когда мы дошли к этому месту, то с противоположной стороны из Логой[с]ка приехали к нам на автомашинах эсэсовцы. Приехали они на 7–8 военных автомашинах. Прибыли они численностью одной роты, а может быть, и больше. Были они из бригады «Дерлевана»⁴⁸, размещавшейся в Логойске. Командирами этих эсэсовцев были немцы, а остальные составляли сбор разных национальностей, так, как и в нашем батальоне. Командование

⁴⁸ Так в тексте. Имеется в виду Дирлевангера. — Прим. ред.

«СС» и командование нашего батальона после короткого совещания дало приказ идти в левую сторону леса, в том именно направлении, откуда были раньше слышны крики «ура» и куда ушли партизаны. Лесной дорогой впереди шли эсэсовцы, а мы за ними.

Участок леса, через который мы переходили, был короткий. На опушке леса все задержались, с этого места была видна деревня Хатынь. Справа от нас вела дорога в эту деревню. Дорога была заросшая кустами. С левой стороны от деревни шел лес. Между дорогой и полосой леса в направлении деревни была открытая местность, покрытая глубоким снегом. После совещания командования, по дороге в направлении дер. Хатынь были направлены эсэсовцы, а с левой стороны краем леса в деревню пошла наша 3-я рота. 1-ю нашу роту, в составе которой был и я, расставили на краю леса на широту открытого участка, отделяющего деревню от нас. Я находился в составе 1-го взвода 1-й роты командира Мелешко, и наш взвод занял позицию на краю леса на участке от указанной дороги, ведущей в деревню, а дальше были расставлены остальные два взвода 1-й роты. На участке, занимаемом нашим 1-м взводом находилось также командование «СС» и нашего батальона, среди них был также Васюра. Немного дальше влево от командования был установлен тяжелый миномет. От края леса, где находился я с другими, до деревни Хатынь было 700–800 м. Когда эсэсовцы и наша 3-я рота подходили к деревне, то из деревни были слышны три винтовочных выстрела один за другим. Думаю, что это был сигнал тревоги партизан, потому что после выстрелов на противоположной от нас стороне деревни в лес побежали партизаны. За деревней видна была гора, а еще выше лес, и когда партизаны через эту гору убежали в лес, то их было видно. По убегающим партизанам открыли огонь из имеющегося оружия наступающие на деревню эсэсовцы и наша 3-я рота. От нас в это время только миномет выстрелил несколько раз. Из миномета я видел что стрелял офицер боепитания, фамилию которого не помню. Обстрел убегающих партизан длился 20 мин. В результате этого обстрела на горе около самого леса убили женщину-партизанку. Потом я лично видел ее труп, была это молодая женщина. Но полицейский Катрюк затем мне показывал и говорил, что у убитой этой партизанки он забрал пояс и пистолет, а также ручные часы с браслетом. Было ли тогда убито больше партизан, этого я не знаю, потому что других трупов я не видел. После ухода

из деревни партизан, мы по приказу командования с окраины леса пошли стрелковой цепью в таком составе, как занимали позицию вместе с командованием, в т. ч. Васюра и Мелешко в деревню. Наша 3-я рота и «СС» еще до нас вошли в деревню Хатынь. Когда мы шли в деревню, то с правой стороны нашего движения начали гореть постройки деревни. Горело уже три дома с той стороны деревни, в которую вошли в нее эсэсовцы. Предполагаю, что они были подожжены потому, что в момент возникновения пожара стрельбы уже слышно не было. Не видел и не знаю, кто их поджег. Когда мы вошли в деревню Хатынь в составе 1-го взвода, я видел, как наши полицейские: Иванкив, Кмит, Катрюк и еще несколько, фамилии которых не помню, поджигали дома деревни. Полицейские эти были из 1-й роты и вместе со мною вошли они в деревню. Брали они солому, поджигали ее от огня горящих уже трех домов и этой соломой подожгли другие строения. Подожгли они около 5 построек. Также видел, как эсэсовцы с той стороны, с которой они вошли, забирали из домов всех жителей, несмотря на пол и возврат, гнали всех собранных людей в противоположный конец деревни. Всех собранных жителей деревни Хатынь привели на левую сторону деревни. В этом месте также собралось все наше командование и «СС». Собранных людей поместили в сарае, стоящем на окраине деревни. Не знаю давал ли кто такое приказание. Когда я возвратился от того места, где лежал труп партизанки, то сарай, в который был согнан народ, уже горел. На расстоянии каких-то 15 м от горящего сарая стояло командование нашего батальона и «СС». Я также пошел туда, где они стояли. Еще ближе к сараю к той стороне, в которой была дверь, стояли полицейские и эсэсовцы и с этой именно стороны и я стоял вместе с другими. Кто поджег сарай с людьми, я не видел. Дверь сарая была открыта и я видел как из горящего сарая через открытую дверь выбегали люди. По выбегающим из сарая я видел, как стреляли: немцы, эсэсовцы и некоторые наши полицейские. Из наших полицейских видел как по выбегающим из горящего сарая людям стреляли: Иванкив из ручного пулемета, Катрюк из карабина, Кмит из пистолета, Лукович из пистолета и другие, которых в настоящее время не помню. По выбегающим из сарая также стреляли немцы, которые служили в нашем батальоне. Когда уже почти весь сарай сгорел и не было, видно чтобы кто-то из находящихся там людей остался в живых, то тогда мы и наше командование отошли от сарая.

Кто давал приказ поджечь сарай с людьми, не знаю. Не слышал также, чтобы кто приказывал стрелять по людям выбегающим из горящего сарая. Не знаю сколько человек сожжено и расстреляно в сарае. Только знаю, что было там уничтожено много людей, женщин, детей и стариков. Предполагаю, что было там уничтожено больше чем 100 человек. Деревня Хатынь насчитывала 40–50 дворов. Все ли ее жители были сожжены или же расстреляны, этого я не знаю. Были сожжены все постройки деревни. Вся деревня уже горела, когда был подожжен сарай с людьми. Сарай этот подожгли как последнюю постройку. Грабили ли кто что в деревне из эсэсовцев, полицейских или немцев, я не знаю.

С наступлением темноты мы ушли из догорающей дер. Хатынь. Направились мы пешком в обратный путь в Плещеницы, а эсэсовцы в Логойск. Когда мы возвращались, то уже на шоссе к нам прибежал один пожилой лет 50, он имел опаленое лицо и на плечах обожженную одежду.

Говорил, что он из деревни Хатынь. Когда, где и при каких обстоятельствах он обгорел, я этого не знаю. Плакал и просил, чтобы его забрали и сделали ему перевязку. Кернер приказал врачу, который был вместе с нами, чтобы он его забрал и позаботился о нем. Мужчина этот пошел с нами в Плещеницы. Что с ним затем произошло, я точно не знаю, но другие полицейские говорили, что он был освобожден. Вместе с командованием при горящем сарае я видел стоящих Васюру и Мелешко. Я лично не видел, чтобы в этой операции в деревне Хатынь Васюра или же Мелешко стреляли в кого-нибудь или же поджигали постройки не знаю, также, что они конкретно делали за время продолжения этой операции, кроме тех обстоятельств, о которых я в отношении их двоих показал. Полицейские, которые стреляли по выбегающим из горящего сарая людям, как: Иванкив, Катрюк и Кмит, все они были из 1-го взвода, командиром которого был Мелешко, но давал ли им Мелешко приказа стрелять в этих людей, я не знаю. Также не знаю, чтобы Мелешко давал приказание поджигать постройки деревни Хатынь. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 3. Л. 226–235. Копия.
Машинопись.*

№ 113. Из протокола допроса Г. Думыча (М. Янковского)

г. Белосток

4 мая 1974 г.

Кроме указанных мною операций, в которых я лично принимал участие, весной 1943 года из Плещениц еще три раза вместе с другими полицейскими я выезжал на разные операции. Один выезд был в деревню, названия которой я не помню, расположенную от Плещениц в 5 км. Выезжал туда, как мне помнится, только в составе одной 1-й роты. Во время этого выезда никакого боя с партизанами не произошло и даже партизан мы нигде не встретили. Гражданских лиц тогда также не расстреливали и не арестовывали, а также не поджигали никаких деревень. Заехали только в одну деревню и сразу оттуда возвратились, не проводя там никаких действий. Следующие два выезда из Плещениц, в которых я принимал участие были похожи на описанный выше выезд, проходили они весной 1943 года. Эти два раза, я выезжал в составе двух наших рот — 1-й и 3-й. Ездили мы тогда в деревню, названия которой я не знаю, расположенную за деревней Заречье. В этот раз также никакой стычки с партизанами мы не имели и никто нами убит не был. Объехали мы только территорию и возвратились в Плещеницы. Независимо от этих выездов, о которых я показал и в которых, между прочим, принимал лично участие, также были выезды нашего батальона из Плещениц, в которых я участия не принимал. Какие были результаты этих выездов, я точно не знаю. Однако, однажды в апреле или же мае 1943 г. после возвращения из одного такого выезда полицейский Катрюк привез ручной пулемет. Катрюк мне лично рассказывал, что в каком-то лесу в болоте обнаружили партизан и тогда убили там двух польских партизан и он у этих партизан добыл ручной пулемет. Вышеуказанная операция, как припоминаю, проходила с неделю а может быть и 10 дней. Участвовали в ней полицейские 1-й и 3-й роты, в т. ч. также Васюра и Мелешко, но кто и что конкретно в этой операции делал, я этого не знаю. Я с несколькими полицейскими на нее не ездил, оставался в казармах. Жгли ли деревни и расстреливали ли местных жителей во время этой

операции, я не знаю. Катрюк и другие полицейские рассказывали, что во время этой операции задержали партизанку радистку, которую затем передали в Минск. Через некоторое время после этой 10-дневной операции полицейские 118-го батальона в мае 1943 года выехали на двух недельную операцию, о которой я показывал раньше и на которую я также не выезжал. Чем закончились другие операции полицейских нашего батальона, в которых я участия не принимал, этого я не знаю и о результатах этих операций ни от кого ничего не слышал. Я в это время занимался портняжеством в батальоне и поэтому не во всех операциях принимал участие.

Зимой 1943 г. приблизительно в марте месяце, когда мы находились в Плещеницах, то однажды полицейский Филиппов выехал на повозке в одну местность, с ним выезжали другие полицейские из нашего батальона, но кто — не знаю, целый взвод или только отделение. Куда они ездили я не знаю. По возвращении из этого выезда они привезли одного партизана. Где и при каких обстоятельствах они взяли этого партизана, я не знаю. Вообще говорили, что Филиппов имел контакт с партизанами и этим удалось ему заменить этого партизана. Я лично видел привезенного Филипповым и другими полицейскими партизана. У этого партизана Филиппов взял себе автомат. Партизана сначала посадили под арест в Плещеницах и, как мне помнится, то в этот же день, когда его привезли, расстреляли. Фамилию партизана я не знаю. Факт расстрела я лично не видел. Вечером возвратившись из города в казарму, то я слышал, как говорили другие полицейские, что партизана этого убил на поле около леса полицейских Кмит. Кто об этом говорил, я не помню. Также не знаю, чьему приказу Кмит убил партизана. Филиппов являлся писарем 1-й роты. В 1944 г., когда мы отступали из Лиды, то полицейские рассказывали, что Филиппов ушел в партизан и я его уже больше в нашем батальоне не видел. Кроме расстрела вышеуказанного партизана, больше никаких других фактов расстрела кем-нибудь из нашего батальона других партизан или советских граждан в районе размещения нашего батальона в Плещеницах я не знаю. Также мне неизвестны такие факты, чтобы Васюра или же кто-то другой из нашего батальона принимал участие в допросах, издевательствах и расстреле советских граждан и партизан, доставленных в штаб нашего батальона. Какую деятельность проявляли

Васюра и другие штабные офицеры в период размещения в Лиде, я не знаю. Что касается Слонима, то я даже не знаю, когда и вообще ли размещался там штаб 118-го батальона. Отсюда также не знаю о деятельности Васюра и других штабистов в Слониме.

В конце июня 1943 г. после 4–5 дневного нахождения в Новогрудке я в составе всего 118-го батальона выезжал оттуда на операцию в Налибокскую пущу. На этой операции вместе с другими были Васюра и Мелешко. Тяжелое оружие и наши вещевые мешки на повозках, а мы шли пешком. На этой операции мы находились дней 10. Из Новогрудка мы шли три дня по дороге, ночевали в деревнях. После трехдневного марша мы дошли до реки Неман. Переправившись через реку мы задержались в маленькой деревне, состоящей из 7 дворов. Находились мы в этой деревне три дня, потому что шел дождь и мы не могли идти дальше. На четвертый день распогодилось и мы пошли дальше. Нашу 1-ю роту направили лесом с левой стороны дороги. Я также шел в составе 1-й роты. Остальные наши подразделения, командование батальона и повозки ехали лесной дорогой. Некоторое время в лесу, где мы шли было сухо, а затем в каком-то месте леса на дороге перехода 1-й роты появилась большая пойма, которая была довольно глубокой. Нашу 1-ю роту через лес вел впереди Мелешко, только перед поймой впереди шел полицейский Кмит, потому что среди нас он был самым высоким. Пройдя пойму, мы в лесу вышли на возвышенность. Идя дальше по дороге нашего марша, мы в лесу наткнулись на небольшую насыпь, похожую на холм. Не помню кто из полицейских 1-й роты провалился в дырку ногой. По этой причине он позвал полицейских и мы все из 1-й роты собрались около этого насыпа. Затем этот полицейский начал разгребать в этом месте, где у него провалилась нога, в это время из ямы прогремел один выстрел, которым этот полицейский был ранен. После этого выстрела мы сориентировались, что это был какой-то схрон и в нем были люди, которых мы посчитали за партизан. Тогда Мелешко начал кричать, чтобы из схрона [вышли] все кто там находился. Однако его крик и предложения не принесли никакого результата, потому что из схрона никто не выходил. Тогда кто-то из полицейских бросил гранату, только не помню, бросили ее во внутрь схрона или же рядом с схроном. Не знаю, Мелешко или кто другой приказал бросить гранату. После взрыва грана-

ты из схрона начали выходить люди. Вышло их всего человек 20. Как оказалось это были евреи. Среди них было 4–5 женщин, один ребенок в возрасте 3–4 лет, а остальные мужчины. Вынесли они с собой из схрона 2 или 3 ржавых карабина. Не помню, по чьему приказанию они выстроились в шеренгу. Во время построения 4 или 5 мужчин и одна женщина начали убежать в сторону ближайшего болота. По убегающим стали стрелять наши полицейские. Видел как по ним стрелял Иванкив из ручного пулемета, Мелешко из 10-зарядного карабина, а также Лакуста, Катрюк и Кмит. Я и другие полицейские по убегающим евреям не стреляли. В результате обстрела, все убегающие евреи были убиты. Затем Мелешко обратился к остальным евреям, чтобы они сказали, где скрываются другие евреи, обещая при этом, что если покажут других, то им за это ничего не будет. Один из евреев вышел из строя, сказав, что может показать место укрытия остальных евреев. С этим евреем пошел полицейский Кушнир и еще один, которого не помню. Этот еврей пошел с ними к ближайшему большому дубу, что-то там сказал на еврейском языке, и из-под корней этого дуба вылезли еще два еврея. Кушнир вместе со вторым полицейским по приказанию Мелешко, повели сразу этих двух евреев и того третьего, который их указал, к командованию нашего батальона, которое в то время находилось за возвышенностью в лесу на расстоянии 50–60 м от схрона, в котором были евреи. Кмит, по чьему приказанию, не знаю, вместе с полицейскими своего отделения в нашем присутствии расстреляли всех этих евреев, которые стояли в строю. При этом присутствовал Мелешко, который затем обо всем этом доложил командованию батальона. Немец Мюллер приказал расстрелять оставшихся трех евреев. Приказывал в свою очередь Мелешко мне, чтобы я расстрелял этих трех евреев. Я ответил ему, что не могу этого сделать, потому что не имею на это совести. Мелешко начал кричать за это на меня, говоря, что это из меня за солдат, а по возвращению в Новогрудок за невыполнение этого приказа Смовский направил меня в штрафную роту в Минск. Вышеуказанных евреев при моем и других полицейских присутствии расстрелял из ручного пулемета Иванкив, отведя их в кусты, Иванкив сделал это по своей инициативе, потому что никто из присутствующих ему приказания расстрелять этих евреев не давал. Таким образом, в трех разных

местах в лесу были расстреляны обнаруженные нами евреи в количестве около 20 человек. Трупы их остались на месте расстрела. Кто и что затем сделал с этими трупами, я этого не знаю. Не знаю также, был ли кто тогда убит в схроне. Васюра вместе с другими командира батальона присутствовал только при расстреле Иванкивым трех евреев. После расстрела евреев мы все пошли цепью дальше, прочесывая лес, а затем вышли на лесную дорогу. Перешли через мост на реке Неман и дошли до местечка, названия которого не помню. В этом местечке находился батальон латышей, который также, наверно, вернулся с какой-то операции, потому что были мокрыми. После короткого отдыха из этого местечка мы направились в обратную дорогу в Новогрудок. Возвращаясь, мы одну ночь ночевали в деревнях. На следующий день в Новогрудок выехало только командование нашего батальона и один взвод 1-й роты. Я также возвратился в Новогрудок. Остальные наши подразделения остались в этих деревнях, в которых мы ночевали. Через два дня я выехал в Минск, поэтому не знаю, где роты нашего батальона затем находились и что в это время делали. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706, т. 3. Л. 235–239. Копия.

№ 114. Из протокола допроса свидетеля С.П. Мышака

г. Гродно

14 мая 1974 г.

[...] В феврале или марте 1943 года, точной даты не помню, но еще лежал снег, один или два взвода первой роты под общим командованием Мелешко сопровождали из Плещениц в сторону Минска немецкого офицера в звании гауптман Вельке. Они выехали на грузовых автомашинах. Цели их выезда не знаю. Были разговоры, что они выезжали проверять телефонную линию. Километрах в 6–7 за Горбатым мостом на шоссе Плещеницы — Логойск они были обстреляны партизанами из засады. Вельке и еще один немец, пулеметчик ручного пулемета, фамилию его забыл, были убиты. Мелешко и шофер легковой автомашины легко ранены. Я с ними не выезжал, поэтому обстоятельств обстрела партизанами Вельке и сопровождавших его полицейских, поведения полицейских в момент и после обстрела, не знаю. Припоминается, что в батальон кто-то приехал на грузовой автомашине и сообщил командованию батальона о случившемся. В связи с этим все находившиеся в Плещеницах подразделения 118-го батальона, за исключением караула, были подняты по тревоге и на прибывших из жандармерии четырех грузовых автомашинах выехали к месту боя. В составе третьей роты выехал туда и я. Полицейские разместились не по подразделениям, а кто на какую сел. Я ехал на второй автомашине. На одной со мной автомашине ехали Солоп Сергей, Шумейко, Субботин Григорий, Шульга и другие, в том числе и ряд полицейских первой роты. На шедшей впереди нас автомашине ехали Билык Петр, Абдуллаев, Набережный, Сторожук и другие. Вместе со всеми выезжал и начальник штаба батальона Васюра. Но на какой автомашине он ехал, с кем, не помню. Из командования батальона, кроме Васюры, выезжали шеф батальона, немец Кернер, командир батальона Смowski, командиры рот Винницкий и Нарядько. На какой автомашине они ехали, была ли в составе колонны легковая автомашина, не помню. За Горбатым мостом, примерно на середине пути между Горбатым мостом и местом обстрела партизанами Вельке, мы встре-

тили большую группу гражданских лиц, которых конвоировали в Плещеницы, выезжавшие сопровождать Вельке полицейские, в том числе и Лакуста, Катрюк. Был ли в числе сопровождавших гражданских лиц полицейский Панкив, не помню. На допросе 23 июля 1973 года я показывал, что Мелешко ехал в кузове грузовой автомашины, двигавшейся сзади гражданских лиц, и стоял за установленным на кабине автомашины ручным пулеметом и, когда гражданские лица начали разбегаться, он расстреливал их из ручного пулемета. Еще раз продумав хорошо эту операцию, я вспомнил, что сзади грузовой автомашины я не видел. Мелешко я видел в числе полицейских, расстреливавших гражданских лиц, но не на автомашине, а на шоссе. Сопровождал ли он гражданских лиц или прибыл вместе с нами из Плещениц, не помню. Припоминается только, что Мелешко был на месте расстрела гражданских лиц и стрелял по ним из автомата, а не из ручного пулемета, как я показывал раньше. Дело было так. Когда мы подъехали к шедшим навстречу нам под конвоем гражданским лицам, последние начали разбегаться по сторонам. Конвоировавшие их Лакуста, Катрюк и другие полицейские открыли по убегающим огонь. По убегающим открыли огонь и соскочившие из автомашин Солоп Сергей, Субботин Георгий, Шумейко, я и другие полицейские, прибывшие на автомашинах из Плещениц. Здесь в числе стрелявших по убегающим гражданским лицам полицейских я и увидел Мелешко, который стрелял из автомата. Мелешко я запомнил потому, что у него была забинтована голова или рука, точно не помню что. Хорошо помню, что командир третьей роты Нарядько из пистолета пристрелил раненого гражданского около дороги. Много гражданских было убито как возле дороги, так и дальше в лесу. Возможно, некоторым удалось бежать. Часть гражданских осталась в живых. Их под конвоем отправили в расположение батальона в Плещеницы. Сколько человек было убито, я сказать не могу, так как убитых и оставшихся в живых, не считал. Полагаю, что было убито около 15–20 человек. Я хорошо помню, что на месте расстрела гражданских лиц был и начальник штаба Васюра, который стрелял по убегающим из автомата немецкого образца. Помню, что Васюра, Нарядько, Мелешко кричали на полицейских: «Бейте, не дайте ни одному убежать». Сами стреляли по убегающим и командовали находившимися на месте рас-

стрела полицейскими. Я хорошо помню и категорически утверждаю, что Васюра, Мелешко, Субботин стреляли по убежавшим и находившимся на шоссе гражданским лицам. Васюра и Мелешко стреляли из автоматов, Субботин — из винтовки. Принимали ли участие в расстреле гражданских лиц Панкив и Билык, не помню. Позже со слов сослуживцев я узнал, что гражданские лица работали в лесу, недалеко от места обстрела партизанами группы Вельке. Их задержали полицейские из сопровождавших Вельке взводов первой роты и конвоировали в расположение батальона в Плещеницы. Кто и в связи с чем дал команду задержать их, не знаю. Возможно, их задержали по подозрению в принадлежности к партизанам. Но, как я слышал, оставшихся в живых лесорубов, которые были доставлены в расположение батальона, отпустили, так как они никакого отношения к партизанам не имели. После совершения расправы над лесорубами все полицейские, в том числе и те, кто конвоировал лесорубов до расстрела, поехали к месту обстрела партизанами группы Вельке. Конвоировать оставшихся в живых лесорубов в Плещеницы было выделено не более десяти полицейских. Кто их конвоировал, не помню. Васюра, Мелешко, Субботин, Панкив, Билык вместе с другими выехали к месту убийства Вельке. Выехал туда и я. Когда прибыли к месту убийства партизанами Вельке, там уже находились прибывшие из Логойска эсэсовцы. Здесь стояли их автомашины и мотоциклы. Полицейских 118-го батальона до нашего прибытия там не было. По команде Кернера, Смовского, Васюры и командиров рот все каратели стали прочесывать лес в левую сторону от шоссе, если ехать со стороны Плещениц. В каком порядке двигались первая и третья роты 118-го батальона, а также эсэсовцы, не помню. Я лично шел с первым или вторым взводом третьей роты. От шоссе по лесу мы прошли километров пять-шесть. В лесу никого не встретили. Вышли к селу Хатынь. Название села я узнал в суде по делу Лакусты. В то время я не знал как называлось село. Рассматривая предоставленную мне топографическую карту Белорусской ССР масштаба 1:500 000, я нашел деревню Хатынь. Она расположена именно в том месте, где нами и была совершена расправа над жителями села. Когда мы двигались к деревне Хатынь, я слышал несколько выстрелов. Кто и по ком стрелял, не знаю. Во всяком случае тот взвод третьей роты, с которым шел я, по деревне Хатынь

не стрелял. Стреляли ли другие подразделения, сказать не могу, но выстрелы слышались из винтовок и пулеметов. Убегавших из села людей я не видел. Каратели оцепили деревню Хатынь со всех сторон. Командир первого взвода третьей роты Гнатенко провел третью роту через село на противоположную сторону под лес и приказал рассредоточиться в цепь, никого из села не выпускать и в село не впускать. Всех, кто попытается бежать из села или прорваться в село, расстреливать. Командир третьей роты Нарядько остался в центре села. Он стоял около сарая с группой офицеров. Я помню, что в группе офицеров около сарая стояли Кернер, Смовский, Васюра, Винницкий, Мелешко, Нарядько, Билык, Лукович. К ним потом подошел и Гнатенко. Там же находились командиры из эсэсовского подразделения. Командиры о чем-то совещались. Почти рядом с офицерами около сарая стояла первая рота 118-го батальона. Не все полицейские третьей роты стояли в оцеплении деревни. Некоторые из них находились в селе. Находясь в оцеплении деревни в 30–50 метрах от домов, я видел как эсэсовцы, полицейские первой роты 118-го батальона и некоторые полицейские третьей роты начали сгонять жителей деревни Хатынь к тому сараю, возле которого стояли командиры. Подгоняли ли людей к сараю или сразу загоняли в сарай, сказать не могу. С моего места сарай виден не был. Сгоняли людей к сараю Солоп Сергей, Филиппов, Катрюк и другие полицейские, всех за давностью назвать не могу. Потом я услышал возле сарая крики, плач. Потом сарай загорелся. Кто и каким образом его поджег, не знаю. Когда сарай загорелся, возле него раздалась винтовочная, автоматная, пулеметная стрельба. Слышны были и пистолетные выстрелы. В то время по звукам я мог хорошо различать из какого вида оружия стреляют. Слышны были очереди станкового и ручных пулеметов. Кто стрелял по сараю, не видел. Но когда мы проходили за село, то возле сарая я видел полицейских первой роты и командиров Кернера, Смовского, Васюру, Винницкого, Нарядько, Мелешко, Билыка, переводчика Луковича. Вскоре нас сняли с оцепления. Мы проходили мимо догоравшего сарая. Видно было, что крыша сарая упала вовнутрь. Криков и стонов в сарае слышно не было. Находившиеся в нем жители деревни Хатынь к этому времени уже были расстреляны. Возле догоравшего сарая никого из полицейских уже не было. Кернер,

Смовский, Васюра, Винницкий, Нарядько, Мелешко, Билык стояли возле леса. Недалеко от командиров стояла первая рота, которая поджидала нас. Деревня Хатынь была объята пламенем. Горели все дома. Кто поджигал дома, не знаю. Расстреливали ли лично Васюра, Мелешко, Панкив, Билык жителей деревни Хатынь сказать не могу, не видел. Где находился Субботин в момент расправы над жителями деревни Хатынь, не помню. Во время этой операции все жители деревни Хатынь, в том числе женщины, дети, старики были согнаны в сарай, расстреляны и сожжены в нем. Деревня сожжена. После того как мы подошли к командирам и поджидавшей нас первой роте, все полицейские 118-го батальона возвратились на шоссе и уехали в Плещеницы. В расправе над жителями деревни Хатынь участвовали полицейские первой, третьей рот, все расчеты станковых пулеметов, минометное подразделение и расчет пушки. Правда, один расчет станкового пулемета в этот день входил в состав караула, охранявшего Горбатый мост. Но какой расчет там был, не знаю. Не участвовали в расправе над жителями Хатынь и те полицейские, которые находились в наряде в расположении батальона и конвоировавшие в Плещеницы оставшихся в живых лесорубов. Я хорошо помню и категорически утверждаю, что Васюра и Мелешко, Субботин, Панкив и Билык участвовали в расправе над жителями деревни Хатынь, руководили подчиненными полицейскими и всей карательной операцией. Но стреляли ли они по находившимся в сарае жителям деревни Хатынь, сказать не могу, не видел. Я стоял в оцеплении деревни, и сарай за домами мне виден не был. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 4. Л. 6–11, 14. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 95–98.

№ 115. Из протокола допроса С.А. Хренова

г. Гродно

16 мая 1974 г.

[...] В начале весны 1943 года первая и третья роты 118-го батальона выезжали из Плещениц на карательную операцию в район деревни Большая Губа, где в тот же день утром партизанами из засады был убит немец-гауптман из нашего батальона, фамилии его не помню⁴⁹. Из рассказов сослуживцев мне известно, что того немца-гауптмана из Плещениц сопровождал по шоссе на дороге в сторону Логойска Мелешко Василий с группой полицейских из первой роты. Когда партизаны убили немца, то Мелешко прибыл в расположение батальона и сообщил о случившемся. В связи с этим первая и третья роты, а также командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра, капитан Винницкий и немцы, служившие в батальоне, по тревоге выехали в район Большой Губы. Уехал вместе с ними и Мелешко. Выезжали на автомашинах. Мне также приходилось выезжать на эту операцию с пушкой, так как к тому времени я уже был в подразделении Бескандерова. Выезжал наш расчет из Плещениц в числе последних. Везли мы пушку на лошадях. С нашим расчетом был и командир Бескандеров. Когда следовали в район Большой Губы, то на шоссе за Горбатым мостом мы встретили командира взвода Пасечника вместе с другими полицейскими из первой роты, конвоировавшие группу задержанных людей в гражданской одежде по направлению Плещениц. Следуя дальше по шоссе, я видел в лесу с правой стороны возле шоссе три или четыре убитых человека, по-моему, мужчин. Из полицейских никого я там не видел. Потом кто-то из сослуживцев, кто именно, не помню, мне говорил, что в том месте, где я видел убитых мужчин, полицейскими первой роты с участием Мелешко были расстреляны лесорубы. Сколько всего человек там было расстреляно, я затрудняюсь сказать. Возле дороги я видел только трех или четырех убитых. Они были видны с дороги. Дальше в лес я не ходил. Затем мы прибыли к Большой Губе, где встретили командира

⁴⁹ Вельке. — Прим. ред.

роты Винницкого и еще кого-то из полицейских, находившихся с ним. Бескандеров подходил к ним и Винницкий указал, в каком направлении следовать нам дальше. На шоссе напротив Большой Губы я видел тогда несколько мотоциклов с колясками. С пушкой мы потом поехали влево от шоссеиной дороги, проехали некоторое расстояние и заняли исходную позицию в березнике, примерно в 400 метрах от деревни, которая была тогда сожжена. Названия деревни я сейчас не помню. К нашему прибытию в тот район в деревне уже находились полицейские первой и третьей рот. В окружности деревни были выставлены посты. Перед нашим оружейным расчетом также была поставлена задача вести огонь по партизанам в случае их внезапного нападения. Я находился все время при пушке. Слышно было, как в деревне велась стрельба из автоматического оружия и винтовок, а потом начали гореть дома. Мне лично в деревню не приходилось ходить. Из нашего расчета с поста уходил в деревню Бардыш Михаил. Из пушки нам не приходилось там стрелять. К концу дня мы возвратились в Плещеницы. В то время кто-то из сослуживцев по первой роте, кто именно, не помню, рассказывал мне в Плещеницах, что в сожженной деревне все жители были уничтожены в одном сарае и что в этом злодеянии принимали участие полицейские первой роты нашего батальона и немцы-эсэсовцы из Логойска. Назывались тогда фамилии пулеметчика Иванкива со взвода Мелешко и других полицейских из первой роты, но кого именно, не помню, которые стреляли по людям в сарае. Больше про эту операцию ничего показать не могу. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. дело 26613. Т. 4. Л. 44, 49–51. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 118–119.

№ 116. Из протокола допроса Н.М. Савченко

г. Гродно

22 мая 1974 г.

[...] Примерно в марте 1943 года первый и третий взводы первой роты вместе с немцем гауптманом, фамилии его не помню, выехали на автомашинах в сторону Минска. Цели их выезда я не знаю. Говорили, что взводы сопровождали куда-то немца. Мелешко и Панкив тоже выезжали в группе полицейских, сопровождавших немца. По дороге их обстреляли партизаны, убили немца гауптмана, ранили Мелешко. Не знаю каким образом об этом стало известно командованию батальона. Видимо, оттуда кто-то приезжал в батальон, так как во время объявления тревоги по батальону уже было известно, что партизаны убили гауптмана и ранили Мелешко. Весь батальон был поднят по тревоге и на автомашинах выехал к месту боя. Выезжали все подразделения: строевые взводы, расчеты станковых пулеметов, пушки. Я хорошо помню, что по тревоге к месту боя выезжали Васюра, Смowskiй, Лещенко, Кушнир, Билык. Лично я ехал на третьей автомашине.

На шоссе наша автомашина остановилась там, где стояли две первые автомашины. Там же находились полицейские, сопровождавшие гауптмана и приехавшие на двух первых автомашинах. Среди полицейских было несколько человек гражданских. В кювете лежало много трупов мужчин и женщин. Со слов полицейских я узнал, что расстреляны люди, которые работали в лесу в районе убийства партизанами гауптмана. Я не видел, как их расстреливали, но полицейские говорили, что в этом злодеянии приняли участие полицейские, выезжавшие сопровождать гауптмана и задержавшие лесорубов и прибывшие из Плещениц на двух первых автомашинах. Я видел только как во время движения автомашин полицейский Кнап, ехавший на следовавшей впереди нас автомашине, стрелял из ручного пулемета. Он находился возле борта кузова, пулемет был установлен на кабине и мне хорошо было видно, как он вел огонь из пулемета. Говорили, что по лесорубам стрелял и Лакуста. Стреляли ли лесорубов Васюра, Мелешко, Панкив, Кушнир, Лещенко, Билык сказать не могу, не видел. Когда мы подъехали к месту

расстрела, все они уже находились там, стояли возле убитых и на шоссе. Сколько человек было там расстреляно, сказать не могу, их не считал. Я видел не менее десяти трупов.

Оставшихся в живых лесорубов под конвоем отправили в расположение батальона в Плещеницы. Все остальные полицейские поехали к месту боя, где встретили прибывших, якобы из Минска эсэсовцев. Кто конвоировал оставшихся в живых лесорубов в Плещеницы, не помню. Васюра, Мелешко, Панкив, Лещенко, Кушнир, Билык вместе с остальными прибыли к месту боя. Все полицейские 118-го батальона и прибывшие эсэсовцы по команде Смовского, Васюры, рассыпавшись в цепь, пошли по лесу преследовать партизан в левую сторону от шоссе, если двигаться со стороны Плещениц. По лесу прошли километров пять, никого не встретили. Все находились в боевой готовности. Я сейчас не могу достоверно сказать какое подразделение и в каком месте цепи двигалось. Мне представляется, что первая рота шла в середине. Здесь находилось и командование батальона, в том числе и Васюра. С одной стороны от нас шла третья рота, с другой — эсэсовцы. В таком порядке мы подошли к деревне Хатынь. Название деревни я узнал в то время и помню его с тех пор. Я видел как по деревне бегали какие-то мужчины. Когда мы подошли к деревне, то из деревни в нашу сторону раздались несколько выстрелов. Видно было как группа мужчин уходила из деревни в сторону леса. Мы в свою очередь открыли огонь по деревне и отходившим в лес людям со всех видов оружия: винтовок, ручных и станковых пулеметов, пушки 45 мм. Стреляли по деревне и людям все полицейские, в том числе я, Мелешко, Панкив, Лещенко, Васюра, Кушнир, Билык. Я полагаю, что в деревне были партизаны, которые отошли в лес. Мы их догонять не стали, ворвались в деревню Хатынь, согнали всех жителей в один сарай, который сначала подожгли, а затем открыли огонь по находившимся в сарае людям. Когда мы прибыли в деревню, командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра, немцы дали команду согнать всех жителей в указанный ими сарай. Полицейские первой, третьей рот, эсэсовцы бегали по домам, выгоняли на улицу жителей и конвоировали их в сарай. Командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра и немцы в это время стояли возле сарая, командовали полицейскими, сгонявшими в сарай людей. Вместе с командирами я видел и Мелешко. Людей в сарай

сгоняли: первый взвод первой роты в полном составе, командиры отделений и взводов, их адъютанты из второго и третьего взводов первой роты, эсэсовцы. Где находились Билык и Лещенко, не могу сказать. Мне припоминается, что Лещенко какое-то отношение имел к станковому пулемету, но какое, не могу вспомнить. Панкив вместе с подчиненными полицейскими сгонял людей в сарай. Когда людей загнали в сарай, установили два станковых пулемета против него. Один напротив угла сарая, второй — в центре, рядом с командирами Смовским, Васюрой и другими. Первую роту поставили полукругом перед сараем. Полицейские третьей роты стояли немного дальше, как бы продолжая оцепление сарая от первой роты. Кто поджег сарай, в который загнали людей, не знаю.

Когда сарай загорелся и люди начали кричать, поступила команда открыть огонь по находившимся в сарае людям. Командовали возле сарая немец, Васюра и Винницкий. Здесь находился и Смовский. По находившимся в сарае людям стреляли все полицейские из первой роты, в том числе Мелешко, Панкив, Кушнир. Мне помнится, что Лещенко командовал станковыми пулеметами и сам стрелял из карабина. В самый момент расстрела людей Лещенко я не видел, но перед этим он устанавливал станковые пулеметы, командовал расчетами. Кроме того, вооружен был карабином. Не могу категорически утверждать, но мне сохранилось в памяти, что Васюра по находившимся в сарае людям стрелял из пистолета. Мелешко, Панкив, Кушнир стреляли из винтовок. Почему-то мне кажется, что в то время автоматов ни у кого не было. Но может быть, я забыл. Правда, у немцев были автоматы. По находившимся в сарае людям стреляли минут пять. Велась стрельба и из станковых, ручных пулеметов. Кто были первыми номерами станковых пулеметов, не помню. В то время я еще не всех полицейских знал по фамилиям. Помню, что расчетами станковых пулеметов во время установки их командовал Лещенко. Кроме названных мною полицейских по находившимся в сарае людям стреляли Лакуста, Кнап и другие. Я хорошо помню, что в уничтожении жителей деревни Хатынь принимал участие и командир нашего взвода Франчук. После расстрела жителей деревни Хатынь мы возвратились в Плещеницы. Еще во время обстрела в деревне загорелось несколько домов. Остальные подожгли полицейские вручную. Из поджигавших дома я помню только Кнапа и Пинчука. Других не помню.

Я хорошо помню и категорически утверждаю, что в расправе над жителями деревни Хатынь принимали участие и лично стреляли Васюра, Мелешко, Лещенко, Панкив, Кушнир. Билык тоже был в деревне, но стрелял ли он, не могу сказать, не припоминаю, где он находился в момент расстрела людей. Людей расстреляли не меньше сотни, однако точного количества погибших людей не знаю. Там были расстреляны мужчины, женщины, дети, старики. Сгоняли в сарай всех, кого застали в деревне. [...]

*ЦА КГБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 4. Л. 85, 88–92. Подлинник.
Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память:
Документы и материалы. Минск, 2009. С. 119–121.*

№ 117. Из протокола допроса С.В. Сахно

г. Гродно

11 июня 1974 г.

[...] Когда в марте 1943 года каратели батальона расстреляли лесорубов и в тот же день учинили расправу в деревне Хатынь, то в этой операции принимали участие как Мелешко, так и Васюра.

В тот день утром взвода первой роты: первый и третий выехали в Плещеницы по направлению города Минск. По-моему, все мы ехали на двух грузовых автомашинах. С нами в легковой ехал и шеф роты немец Вельке, которого, как мне кажется, мы сопровождали в связи с его отъездом в отпуск. Первым взводом командовал Мелешко, третьим — Пасечник. Проехав примерно около пятнадцати километров от Плещениц по шоссе, мы были обстреляны партизанами из засады. Ехавший впереди нас в легковой автомашине вместе с Мелешко немец Вельке был убит. Были и другие жертвы со стороны карателей. Грузовые автомашины остановились и полицейские батальона вступили в бой с партизанами. Но они быстро ушли в лес влево. Мы прошли по месту засады партизан, никого из них не обнаружили. Там лишь валялись гильзы от патронов. В результате обстрела полицейский Мелешко был легко ранен, и я видел у него царапину на лице между ухом и глазом. Видел ее я у Мелешко сразу же после того, как утихла перестрелка, и когда он подавал команду всем полицейским наступать и преследовать партизан и сам принимал участие в их преследовании. Затем все мы вернулись на шоссе к месту убийства Вельке, и ему кто-то из полицейских наложил повязку. Был кто-либо еще из полицейских тогда ранен, я не помню. Здесь Мелешко ругал лесорубов, что те не предупредили нас о засаде партизан, и дал команду полицейским обоим взводам задержать их всех и доставить в Плещеницы.

Эти лесорубы оказались сзади нас, примерно метрах в 800 от места убийства Вельке. И когда мы еще ехали из Плещениц перед гибелью Вельке, то они, как я видел, работали по обе стороны шоссе и даже некоторые помахали нам вслед руками. Исполняя команду Мелешко о задержании лесорубов, полицейские обоих взводов двинулись по шоссе в их сторону. Подойдя к месту, где они работали,

командир нашего взвода дал нам команду задержать лесорубов, работавших по правой стороне шоссе, по ходу движения в Плещеницы. Первый же взвод ушел задерживать тех, кто работал с левой стороны шоссе. Ушел ли со своими полицейскими Мелешко сам, не могу сказать. Из лесорубов, которых мы задержали своим взводом, а их было около двадцати человек — никто не убежал, никого при задержании мы не расстреляли. Не слышно было выстрелов и там, где находились полицейские первого взвода. Когда все лесорубы были собраны на шоссе, Мелешко здесь я уже не видел. Не видел его я и во время конвоирования лесорубов в Плещеницы. [Во время] конвоирования одна из грузовых автомашин уехала в Плещеницы. Задержанных лесорубов: мужчин, женщин и подростков было около сорока человек, как об этом мне теперь помнится. Пройдя километров полтора от их места задержания, мы встретились с прибывшими на помощь остальными силами батальона: командованием батальона, начальником штаба Васюрой, командиром первой роты Винницким, а также полицейскими третьей роты во главе с Нарядько. Кто-то из прибывших командиров заявил, что это партизаны и нечего с ними возиться. Последовало несколько выстрелов. Кто и по ком стрелял, я не видел. И здесь лесорубы начали разбегаться. По ним из винтовок и пулеметов полицейские открыли огонь. По команде командира третьего взвода по убежавшим мы открыли огонь. Стреляли по ним также и каратели первого взвода Катрюк, Лакуста и другие. Они пытались нагнать некоторых лесорубов и стреляли на ходу. В момент расстрела лесорубов среди полицейских первого взвода я видел появившегося откуда-то Мелешко, который бегал около них, размахивая руками, давая какие-то указания. Стреляли ли Мелешко по лесорубам, я не видел. В отношении его на допросе по своему делу в 1973 году я дал ошибочно показания, назвав Мелешко участником расстрела лесорубов. Расстреливали ли каратели тех лесорубов, которые остались на месте, я не видел, так как с полицейскими своего взвода пытался настичь группу убежавших лесорубов. После этого мы возвратились на шоссе к месту, где находились все каратели. Около них на шоссе и в кювете лежали те, что не успели убежать. По команде карателей они поднялись. Некоторые из них были ранены и их поддерживали другие лесорубы. Около поднявшихся я видел около шести трупов их товарищей. На другой

стороне шоссе на небольшом расстоянии друг от друга тоже лежали около шести трупов. Кроме того, при преследовании лесорубов, несколько из них также погибли от пуль карателей. Некоторые из них успели вскочить в лес, но по ним продолжали вести каратели огонь. Были ли они убиты, не знаю.

Оставшихся в живых лесорубов специально выделенная группа карателей отконвоировала в Плещеницы. Я не видел, чтобы до начала расстрела и в момент расстрела лесорубов их каратели избивали прикладами. К тому же расправа произведена была быстро. За действиями других карателей я, конечно, не следил, а выполнял приказ своего командира. А то, что я видел и что мне запомнилось, я и рассказал на допросе.

Принимал ли участие в расстреле лесорубов начальник штаба Васюра, не знаю. Отправив в Плещеницы оставшихся в живых лесорубов, каратели прибыли к месту убийства Вельке, а оттуда мы двинулись в том направлении, куда ушли партизаны, то есть, влево, если следовать из Плещениц в Минск. Двигаясь, прочесывали лес. Прошли километров 4–5. Показалась деревня за лесом. Произошла короткая перестрелка между карателями и партизанами, находившимися в деревне Хатынь. Я двигался туда в составе своего взвода, поэтому не видел, что конкретно делал Мелешко. Видел только, что он тоже двигался на деревню со своим взводом. Деревня нами и прибывшими на помощь со стороны Логойска другими карателями была занята. Каратели начали выгонять жителей из домов на улицу и собирать в одно место. Что делал в этот момент Мелешко, я не видел, так как выполнял приказ Пасечника собирать людей. Собранных людей каратели батальона погнали к отдельно стоящему большому деревянному амбару или сараю, а затем закрыли их там. В нем оказались люди всех полов и возрастов. Участвовали ли в сборе людей Васюра и Мелешко, не могу сказать. Но я видел Мелешко в тот момент, когда людей из деревни гнали к сараю. Мелешко в числе других карателей двигался к сараю. Васюру же я увидел около сарая, когда в нем были закрыты люди. Он был вместе со Смовским, Кернером, Винницким и немцами. Там же был и Мелешко.

Перед расправой было выставлено оцепление, куда попал и я. От сарая я находился примерно в пятидесяти метрах со стороны

ворот. Вскоре сарай загорелся. Там стали раздаваться крики. Люди, выломав двери, пытались спастись от огня. Но поступила команда открыть по ним огонь. По убежавшим и находившимся в сарае людям из оцепления каратели из винтовок и ручных пулеметов открыли огонь. Полицейские нашего взвода стреляли по команде Пасечника. Каратели первого взвода также стреляли по людям в сарае. По чьей команде они стреляли, я не могу сказать. От кого исходила вообще команда на открытие огня, я не знаю. Стреляли ли по людям Васюра и Мелешко, я не видел. Пытавшиеся выскочить из сарая погибли от пуль карателей. Я не видел, чтобы хоть один человек остался в живых. В числе погибших было много детей, подростков. А всего каратели уничтожили не менее ста жителей деревни Хатынь.

Мне кажется, что в момент расправы над людьми загорелись и постройки в деревне. Кто их поджигал, не могу сказать, возможно, это делали каратели третьей роты, так как, насколько мне помнится, они в момент расправы находились в оцеплении деревни.

Все постройки в деревне были уничтожены. Я видел, что каратели угоняли из деревни скот. Были ли убиты карателями партизаны, при наступлении на деревню Хатынь, не знаю. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 4. Л. 127–137. Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 106–108.

№ 118. Из протокола допроса Г.Г. Лакусты

г. Минск

19 июня 1974 г.

[...] 22 марта 1943 года первый и третий взводы первой роты под командованием Вельке и Мелешко выехали на автомашинах в сторону Логойска. Действительной цели выезда я не знаю. Говорили, что мы ехали проверить телефонную связь. Напротив деревни Хатынь нас обстреляли партизаны, убили немца Вельке, командира третьего отделения первого взвода Данько и несколько полицейских, ранили Мелешко и шофера легковой автомашины, фамилии его не помню. Мы в свою очередь открыли огонь по партизанам, которые сразу отступили в направлении деревни Хатынь. Оставшись за старшего, Мелешко приказал задержать работавших недалеко в лесу гражданских лиц и отконвоировать их в расположение батальона в Плещеницы. Он при этом заявил, что гражданские знали о засаде партизан, но нам об этом не сообщили, а, наоборот, помахали руками. Взвод Пасечника, то есть третий взвод нашей роты, собирал лесорубов, так мы называли тех гражданских, с правой стороны шоссе, если ехать из Логойска, первый взвод — с левой. Всего мы задержали и выгнали на шоссе около 50 мужчин и женщин. Мелешко приказал лесорубов конвоировать в Плещеницы, а сам на автомашине уехал в расположение батальона. Он же увез трупы убитых Вельке и полицейских. Когда мы от места задержания лесорубов прошли километров четыре-пять, из Плещениц к нам прибыли второй взвод первой роты, третья рота, командование батальона. Приехали они на автомашинах. Когда к нам подъехала первая автомашина, кто-то из прибывших на автомашине из Плещениц полицейских крикнул: «Куда вы гадов этих ведете, их надо расстреливать». Из кузова первой автомашины по лесорубам открыли огонь из ручного пулемета. Лесорубы начали разбегаться по сторонам. По команде немца и я со своими полицейскими открыл огонь по убегавшим лесорубам и начал их преследовать. Все полицейские первого и третьего взводов первой роты, конвоировавшие лесорубов, а также часть полицейских, прибывших из Плещениц, стреляли по лесорубам, в результате чего двадцать шесть человек

было убито. Стрелял ли Мелешко по лесорубам, — а он вместе с другими полицейскими прибыл из Плещениц на автомашинах, — не знаю, не видел, я со своим отделением преследовал лесорубов, которые убегали в лес. Васюры возле лесорубов я не видел. Панкив стрелял из карабина, Кушнир — из винтовки. Стреляли ли Лещенко, Строкач и Билык, сказать не могу, не видел. Несколько человек лесорубов осталось в живых и их отправили под конвоем в расположение батальона в Плещеницы. Остальные каратели, в том числе и Мелешко, Билык, Лещенко, Строкач, Панкив, Субботин, соединившись с прибывшими из Логойска эсэсовцами, пошли преследовать партизан в направлении деревни Хатынь. Когда мы подходили к деревне Хатынь, то в ней раздался выстрел, который, видимо, являлся сигналом. Полицейские 118-го батальона и эсэсовцы по команде старших командиров открыли огонь по деревне Хатынь со всех видов оружия. Стреляли пушка, минометы и станковые пулеметы. Они прикрывали наступление на деревню строевых подразделений. Стрелял по деревне и Лещенко из своего станкового пулемета, Субботин из миномета и Билык из пушки. Полицейские взводов, наступая на деревню, в свою очередь стреляли по деревне из имеющегося у них на вооружении оружия. Панкив стрелял из карабина, Кушнир из винтовки, Мелешко из автомата. Во время наступления на деревню Хатынь я увидел впервые во время этой операции начальника штаба Васюру. Он находился в районе наступления третьей роты. Вместе с Васюрой находился командир третьей роты Нарядько, которому Васюра отдавал какие-то распоряжения. Всеми карателями командовали Кернер, Смowskiй, Васюра и один офицер из подразделения эсэсовцев. Партизаны ушли в лес, но два партизана были убиты. Ворвавшись в деревню, командиры приказали собрать всех жителей села и согнать их к одному отдельно стоявшему сараю. Сгонять людей я получил команду от Мелешко. Кто ему дал эту команду, не знаю. Полицейские первой и третьей рот 118-го батальона, эсэсовцы согнали всех жителей к сараю, а затем в сарай и закрыли в нем. В числе других полицейских арестовывали жителей деревни Хатынь, сгоняли их к сараю и загоняли в сарай Панкив, Мелешко, Кушнир. Когда людей загнали в сарай, то перед сараем установили два станковых пулемета. Помню, что был установлен пулемет Лещенки. Первого номера второго пулемета

не помню. Но хорошо помню, что возле станковых пулеметов находились Топчий, Поляков, Строкач, Ныкля. Кто из них был первым номером второго станкового пулемета, сказать не могу. Хорошо знаю, что из одного станкового пулемета стрелял Лещенко. Кроме станковых пулеметов перед сараем выстроили всех полицейских первой роты и часть третьей роты, в числе других в строю перед сараем стояли Панкив и Кушнир. После этого сарай, в котором были закрыты все жители деревни Хатынь, подожгли переводчик Лукович и один эсэсовец. Люди в сарае начали кричать, Кернер, Смовский дали команду открыть огонь по находившимся в сарае людям. Огонь был открыт из двух станковых пулеметов. Стреляли все полицейские первой роты, в том числе Панкив, Мелешко, Кушнир, Лещенко, Строкач. Стрелял ли Васюра по находившимся в сарае людям сказать не могу, не видел. Где он находился в момент расправы над жителями деревни Хатынь, не помню. Но он был в деревне Хатынь. Это я хорошо помню, сам лично видел его там. В момент расправы над жителями деревни Хатынь, деревня была оцеплена полицейскими третьей роты и эсэсовцами с целью обеспечения безопасности карателей, непосредственно осуществлявших расправу над жителями деревни Хатынь. Всего в сарае было сожжено и расстреляно около 150 человек, в том числе женщины, дети, старики. После расправы над жителями я видел, что в деревне несколько домов горело. Но в деревне оставались еще эсэсовцы, которые полностью сожгли деревню Хатынь. В тот же день мы возвратились в Плещеницы. Мелешко по находившимся в сарае людям стрелял из имевшегося у него на вооружении немецкого автомата. Панкив и Кушнир из винтовок. Лещенко и Строкач — из станковых пулеметов. Билык и Субботин тоже участвовали в этой операции. Во время наступления на деревню Хатынь Билык стрелял по ней из пушки, а Субботин — из миномета. Чем они занимались в деревне, не знаю. Субботин, Билык, Лещенко, кроме того, на вооружении имели винтовки. У Билыка был и пистолет. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 4. Л. 170, 179–182, 187.

Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 121–123.

№ 119. Из протокола допроса И.М. Лозинского

г. Минск

20 июня 1974 г.

[...] В марте 1943 года после убийства партизанами немецкого офицера Вельке на шоссе на дороге Плещеницы — Логойск по приказанию Мелешко Василия полицейские первого и третьего взводов первой роты с участием Панкива и Литвина задерживали и выгоняли на дорогу мирных граждан, занимавшихся вырубкой леса. В этом приходилось участвовать и мне. Дав указания полицейским задержать лесорубов, сам Мелешко на одной грузовой автомашине в срочном порядке уехал в Плещеницы для доклада в штаб батальона об убийстве гауптмана Вельке и других полицейских. Задержанных лесорубов полицейские гнали по дороге в сторону Плещениц. Когда отошли от места задержания примерно на один-полтора километра, то нам встретилась грузовая автомашина с полицейскими первой роты, прибывшая из Плещениц. В кабине сидел Мелешко. В это время лесорубы стали разбегаться и по ним полицейские открыли огонь. Стреляли по лесорубам многие полицейские из числа конвоировавших и прибывших на автомашине вместе с Мелешко. Стреляли ли по лесорубам сам Мелешко, Панкив и Литвин, я затрудняюсь сказать, но все они при этом были. Сколько человек там было убито, я не могу сказать. Видел я около семи трупов убитых лесорубов. Часть лесорубов осталась в живых, и после этого кто-то из полицейских первой роты, кто именно не помню, погнало их в Плещеницы.

В тот же день полицейскими первой и третьей рот 118-го батальона и эсэсовцами была уничтожена деревня Хатынь вместе с ее жителями. Находясь в самой Хатыни, я видел в деревне начальника штаба Васюру, Смковского, Винницкого, Кернера, Мелешко. Они давали указания подчиненным командирам сгонять жителей деревни в сарай. По их приказанию полицейские первой роты, в том числе Панкив со своими подчиненными полицейскими и Литвин выгоняли людей из домов и в общей массе загоняли в сарай. Это же приходилось делать мне и другим полицейским первой роты. Когда людей загнали в сарай, то кто-то из полицейских запер дверь

снаружи и поджег соломенную крышу сарая. Перед сараем со стороны дверей по указанию Кернера начальником штаба Васюрой и Винницким была проставлена полукругом цепь полицейских из первой роты, примерно в 30 метрах от сарая. Справа и слева цепи были установлены два станковых пулемета с обращением стволов на сарай. Позади цепи находились Кернер, Смowskiй, Мелешко, Васюра, Винницкий и другие офицеры, а также немцы. Затем кто-то из них дал команду стрелять и был открыт ружейно-пулеметный огонь по сараю с людьми. В числе других полицейских находились в цепи и стреляли в сторону сарая Панкив и Литвин из нашего взвода. Стреляли по сараю с людьми и с обоих станковых пулеметов. Это я видел, так как мне самому приходилось там быть и принимать в этом участие. Помню, что один станковый пулемет, из которого велся огонь по сараю, был расчета Лещенко. Об этом я знаю из разговоров полицейских при возвращении в Плещеницы. Кто из этого пулемета вел огонь по сараю с людьми, сам Лещенко или кто-либо другой, я затрудняюсь сейчас сказать, не помню. Из какого подразделения был установлен там второй станковый пулемет, не знаю, но видел я два станковых пулемета. Огонь по сараю с людьми велся примерно минут десять. Убегавших из сарая людей я не видел. Все, кто был в сарае, погибли. После расправы с людьми полицейскими были подожжены дома с надворными постройками. Кто конкретно из полицейских первой роты поджигал там постройки, я сейчас не помню. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т 4. Л. 216, 218–221, 230.

Подлинник. Рукопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 123–124.

№ 120. Из протокола допроса О.Ф. Кнапа

г. Минск

21 июня 1974 г.

[...] 22 марта 1943 года шеф первой роты немец Вельке в сопровождении первого и третьего взводов первой роты выехал на автомашинах в сторону Логойска. Сопровождать Вельке выезжали Мелешко и Панкив. Километрах в пяти за Горбатым мостом их обстреляли партизаны, убили Вельке, троих полицейских и ранили Мелешко. Об этом сообщил командованию батальона Мелешко, который для этого на автомашине приехал в расположение батальона. В батальоне была поднята тревога и весь батальон, за исключением наряда, на автомашинах выехал к месту, где партизаны убили Вельке. В числе других полицейских выехали и я, Кушнир, Васюра, Смовский, Билык, Лещенко, Строкач, Субботин. Вместе с нами к месту боя возвратился и Мелешко. В полном составе выехала и третья рота. Когда мы проехали километра два за Горбатьим мост, то услышали, что ехавшие на первой автомашине полицейские открыли огонь из автоматического оружия. Я и Кушнир ехали на второй автомашине. Когда полицейские из первой автомашины начали стрелять, наша автомашина остановилась и мы побежали к первой автомашине. Оказалось, что ехавшие на первой автомашине полицейские расстреливают гражданских лиц, которые разбежались. Мы тоже приняли участие в их расстреле. Кушнир тоже стрелял по убежавшим. Сколько он сделал выстрелов, сказать не могу. Мелешко и Панкив тоже приняли участие в расстреле гражданских. Они были очень возбуждены и злы на них. Мелешко за то, что его ранили партизаны. Друг или родственник Панкива был убит. Я видел, как они добивали раненых на шоссе и в кювете. Лещенко и Строкач стреляли по гражданским из имевшихся у них на вооружении винтовок. Принимали ли участие в расстреле гражданских Субботин и Билык, сказать не могу, не видел. Позже я узнал, что расстрелянные нами гражданские работали в лесу при шоссе. После убийства Вельке полицейские первого и третьего взводов, в числе которых был и Панкив, задержали их и конвоировали в Плещеницы. Они были задержаны, видимо, по подозрению в связи с партизанами. Лично

я видел не менее десяти трупов. Но некоторым гражданским удалось отбежать от дороги. За ними погнались полицейские и стреляли по ним. Сколько человек было убито в лесу, не знаю. Трупы я видел на дороге и возле нее. Несколько гражданских остались живы. Прибывшие на легковой автомашине Кернер, Смовский прекратили расправу над гражданскими. Вместе с Кернером и Смовским прибыл и Васюра. Он в расстреле гражданских участия не принимал. Оставшихся в живых гражданских командование батальона под конвоем отправило в Плещеницы, а остальные каратели пошли прочесывать лес вдоль шоссе в сторону Логойска.

Вдоль шоссе мы прошли километров пять, затем повернули влево и вышли к деревне Хатынь. Перед деревней партизаны нас обстреляли. Все каратели заняли позицию перед деревней и открыли по ней огонь. По деревне стреляли из пушки, минометов, станковых и ручных пулеметов, винтовок. Я находился в составе второго взвода первой роты. Во время наступления на деревню третьей роты нашего батальона я не видел. Когда партизаны отступили, наша рота стояла перед деревней минут тридцать, затем поступила команда двигаться в нее. В деревне Хатынь я увидел эсэсовцев. Когда они прибыли, не знаю. Кернер, Смовский, Васюра приказали сгонять всех жителей деревни к сараю. Первый, третий взводы, в том числе Мелешко и Панкив, эсэсовцы сгоняли людей к сараю. Наш второй взвод, в том числе и Кушнир, стоял в оцеплении деревни и людей к сараю не сгонял. Мы стояли недалеко от сарая и я хорошо видел, что людей сгоняли Мелешко, Панкив, Васюра, Кернер, Смовский и один офицер эсэсовец находились около сарая и командовали карателями. Они же дали команду загнать всех людей в сарай, что и было сделано. После этого перед сараем установили два станковых пулемета, первыми номерами которых являлись Лещенко и Кремлев, и всех полицейских первой роты, в том числе и наш взвод. Где в это время находились полицейские третьей роты, не помню. Когда установили карателей перед сараем, стоявший рядом с Кернером, Смовским и Васюрой переводчик Лукович поджег крышу сарая, в котором было закрыто около ста пятидесяти человек: женщин, детей, стариков, мужчин. Люди начали кричать, стучать в дверь. Кернер, Смовский и Васюра приказали открыть огонь по закрытым в сарае людям. Командиры взводов приказали нам стрелять по са-

раю. Все находившиеся около сарая полицейские открыли огонь по закрытым в нем людям. Стреляли Лещенко, Кремлев и Строкач из станковых пулеметов, Мелешко из автомата, Панкив и Кушнир из винтовок. Субботина и Билыка я не видел. Стрелял ли Васюра я не видел, но по его, Смовского и Кернера, приказу расстреляны и сожжены жители деревни Хатынь. Я хорошо помню, что Васюра участвовал в расправе над жителями деревни Хатынь, руководил действиями всех карателей, приказывал сгонять людей в сарай, загонять в него и расстреливать. Каратели по сараю стреляли до тех пор, пока не затихли крики людей и не обвалилась крыша сарая. Все загнанные в сарай люди погибли в нем, спастись никому не удалось. После учинения расправы над жителями деревни Хатынь первую роту отвели за деревню к лесу, откуда я видел, что все дома в деревне Хатынь горели. Полагаю, что дома в деревне жгли эсэсовцы и полицейские штаба, третьей роты. Когда нас отвели к лесу, Кернер, Смовский и Васюра оставались еще в деревне и командовали находившимися в ней карателями. В тот же день к вечеру мы возвратились в Плещеницы. Кто забирал имущество в деревне Хатынь, не видел. Я знаю, что Мелешко, Панкив, Лещенко и Строкач домов в деревне Хатынь не поджигали, после совершения расправы над людьми они вместе с другими полицейскими первой роты отошли к лесу. Поджигали ли дома в деревне Билык и Субботин и лично Васюра, сказать не могу, не знаю. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 4. Л. 243–244, 250–253, 260.

Заверенная копия. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 85–86.

№ 121. Из протокола допроса М.Д. Курки

г. Минск

24 июня 1974 г.

[...] Когда батальон стоял в Плещеницах, то группа полицейских первой роты во главе с командиром взвода Мелешко выезжала для сопровождения гауптмана Вельке в направлении Логойска. В этой группе был и я. На шоссе на дороге Плещеницы — Логойск мы наскочили на засаду партизан и Вельке был убит партизанами. Было убито и несколько полицейских из числа украинцев. После этого по приказанию Мелешко, как старшего командира, полицейские задержали большую группу мирных граждан, занимавшихся в том районе вырубкой леса, выгнали их на шоссе и стали конвоировать в сторону Плещениц. Среди полицейских, которые задерживали и конвоировали лесорубов, был и я. Когда от первоначального места мы прошли некоторое расстояние, конвоируя лесорубов, то навстречу нам подошла со стороны Плещениц грузовая автомашина с полицейскими из нашего батальона. Кто конкретно из полицейских приехал на автомашине сейчас я не помню. Когда мы встретились с автомашиной, лесорубы стали разбегаться по сторонам в лес. В это время поднялся шум. Полицейские открыли стрельбу по лесорубам и многих убили. Находясь там, я видел, что в числе других полицейских по лесорубам стреляли командир взвода Мелешко из автомата и полицейский из первого взвода Иванкив из ручного пулемета. Мелешко появился и был возле нас тогда, когда мы встретились с грузовой автомашиной. Возможно, он и приехал на этой автомашине. Сколько всего было убито лесорубов я затрудняюсь сказать. Видел я на том месте на обочине дороги человек 10–12 убитых и несколько раненых. Кто-то из полицейских, кто именно не помню, раненых лесорубов на дороге добивали. При этом находился и Мелешко, как старший командир. Затем с того места я ушел и как поступали с трупами убитых, не знаю. Оставшихся в живых лесорубов кто-то из полицейских угнали после в направлении Плещениц.

В тот же день, после расстрела лесорубов, я в составе первой роты 118-го полицейского батальона был в деревне Хатынь Плещениц-

кого района. Видел я в Хатыни как полицейские нашего батальона с участием всей первой роты согнали жителей деревни в один сарай и расстреляли, сарай сожгли. В момент расстрела людей, а также когда их загоняли в сарай, я видел возле сарая в числе полицейских командира своего взвода Мелешко и начальника штаба батальона Васюру. Когда людей загоняли в сарай, Мелешко и Васюра там суетились и давали свои указания полицейским. Что конкретно они говорили я сейчас не помню. Оружейно-пулеметный огонь по закрытым в сарае людям был открыт полицейскими тогда, когда загорелась крыша сарая. Стреляли многие полицейские первой роты, которые находились в цепи возле сарая, в том числе и наш взвод. Стреляли ли сами Мелешко и Васюра сказать не могу, не видел. Находились ли в то время возле сарая Лещенко и Кушнир, не помню. Позже, когда людей расстреляли, я видел в Хатыни Кушнира и Лещенко со станковым пулеметом. В чем конкретно выразалось их участие в совершенных злодеяниях в Хатыни, сказать не могу. Перед уходом, дер. Хатынь, полицейскими нашего батальона была сожжена. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 4. Л. 270–278. Подлинник.

Рукопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 124–125.

№ 122. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

25 октября 1974 г.

[...] Вопрос: Продолжайте показания по существу предъявленного вам обвинения.

Ответ: Я признаю себя виновным в том, что принимал участие в операции, во время которой была уничтожена деревня Хатынь вместе с ее жителями. Эта расправа имела место в тот же день после задержания и расстрела лесорубов и после того, как оставшиеся в живых лесорубы были направлены под конвоем в Плещеницы. Конвоирами являлись полицейские моего взвода, которых я выделил по приказанию командования батальона. Кто именно тогда конвоировал задержанных, я уже не помню. Также не помню, от кого я получил приказ выделить конвой.

Наступление на деревню Хатынь каратели начали с места, где нас обстреляли партизаны и где погиб Вельке и другие каратели. Там к этому времени собрались все каратели 118-го батальона. Туда же прибыло и подразделение СС со стороны Логойска.

В обсуждении плана наступления я не участвовал, я лишь получил приказ от Винницкого двигаться со своим взводом в направлении, где вскоре показалась деревня. В том же направлении двигались и все остальные каратели, занимая определенный участок местности.

Командование батальона, Васюра ушли на деревню вместе с подразделением СС. Винницкий остался с ротой. Как только мой взвод вышел из леса, и показалась деревня, оттуда начали бежать люди. Кто это был: партизаны или местные жители, я не знаю. Винницкий приказал открыть по убегающим и по деревне огонь. В свою очередь такой приказ я отдал полицейским своего взвода и сам стрелял по убегающим людям из своей винтовки. Убегавшие находились от нас в 500–600 метрах. Я не видел, были ли жертвы со стороны их, но знаю со слов сослуживцев о том, что была убита женщина и кто-то из полицейских забрал у нее пистолет. Говорили, что, кроме нее имелись и еще убитые, но сколько, я теперь сказать не могу. По деревне и по убегающим велся интенсивный огонь

из всех видов оружия, в том числе из ручных и станковых пулеметов, из миномета батальонного. Так что трудно сказать, от огня кого из карателей они погибли. Деревня карателями была занята почти одновременно. Поступила команда собрать всех жителей Хатыни в центр деревни. В свою очередь эту команду я отдал своему взводу. Лично я людей не выгонял из домов и их не собирал, а находился на улице и наблюдал и контролировал действия подчиненных. Людей собрали на улицу в центре деревни туда, где находились Кернер, Смowskiй, Васюра, эсэсовцы. После этого я получил команду от Винницкого конвоировать людей к недалеко стоявшему сараю. Кто дал такую команду командиру роты, я не могу сказать, но она исходила от вышестоящих командиров. Полученную команду я продублировал командирам отделений Лакусте и Катрюку, которые с подчиненными им полицейскими приняли участие в конвоировании местных жителей к сараю. Вместе со своими полицейскими, т. е. полицейскими 1-го взвода, шел туда и я. Кроме того, в конвоировании принимали участие и другие полицейские батальона. К сараю шли также командный состав батальона, штабные работники, эсэсовцы. Люди были согнаны в сарай, дверь его закрыта. Ясно было, что людей закрыли в нем с целью их уничтожения. От Винницкого мною было получен приказ выставить полицейских своего взвода около сарая в оцепление. Я этот приказ выполнил, выставив в оцепление отделения Лакусты и Катрюка. Они находились с правой стороны у сарая, если смотреть на его ворота. Другие каратели находились в оцеплении в других местах около сарая. Около сарая находились Смowskiй, Васюра, Кернер, Винницкий и другие каратели. Я некоторое непродолжительное время побыл около них, но затем ушел к своим полицейским в оцепление по приказу Винницкого. Тут же загорелся сарай с людьми. Кто его поджег и по команде кого, сказать не могу. В сарае начали кричать люди, пытаюсь выбраться из него. В это время по людям каратели открыли огонь. Стреляли каратели, находившиеся в оцеплении. Стреляли ли по людям, находившимся в нем и пытавшимся спастись от огня, Васюра и другие штабные работники и командный состав, я не могу сказать. Полицейские моего взвода, стоявшие в оцеплении, по моему приказанию также вели огонь по людям в сарае. Этот приказ я получил от командира роты Винницкого.

Стреляли по ним также два станковых пулемета, установленных по обе стороны сарая. За одним из них находился полицейский Лещенко. Кто входил в его расчет, а также в расчет второго пулемета, я уже не помню. Я лично по людям в сарае не стрелял и в этом виновным себя не признаю. В оцеплении вместе с полицейскими отделений Лакусты и Катрюка находилась часть полицейских отделений убитого Данько, другая часть ушла в Плещеницы сопровождать оставшихся в живых лесорубов. Все согнанные в сарай люди всех возрастов и полов были расстреляны и сожжены. Вся деревня Хатынь карателями была сожжена. Какие подразделения их это сделали, я теперь сказать не могу. По словам сослуживцев, имущество жителей разграбили эсэсовцы и полицейские третьей роты. Вторая рота батальона в этой операции не участвовала, так в Плещеницах вообще тогда не находилась.

Я не могу сказать, сколько человек погибло в сарае в деревне Хатынь, во всяком случае, больше ста. Может быть, даже столько, сколько указано в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого.

Я также признаю себя виновным в участии в карательной операции, предпринятой 118-м батальоном в районе реки Березины в мае 1943 года. Длилась она в течение примерно трех или более недель, и мы — полицейские назвали эту операцию Березинская.

При движении 118-го батальона в район указанной реки полицейские его учинили расправы над жителями деревень Вилейка и Осовы. Помню, что при подходе к Вилейке наш взвод, а также и все остальные каратели вступили в бой с партизанами, которые, как мне кажется, отступили в деревню. Каратели открыли огонь по деревне. По моей команде полицейские моего взвода, в том числе и я, стреляли по деревне. Я вел огонь из винтовки. А приказ на ведение огня мною был получен от Винницкого. Наступление на Вилейку имело место в тот день, когда в пути следования на mine подорвался у речушки полицейский батальона Словский. Были ли жертвы в деревне в результате нашего обстрела, я не помню. Но помню, что постройки горели. Поджигали ли каратели постройки, уже будучи в деревне, не могу сказать.

В связи с тем, что в деревне людей не было, пришлось их разыскивать в ближайшем лесу и доставлять в деревню. Принимал

ли в этой участие мой взвод и я, не помню. Когда мы возвратились опять в Вилейку, люди были на месте.

По приказу командования батальона, который я получил уже от Винницкого, полицейские 1-го взвода, каратели взвода Пасечника и другие начали собирать жителей к штабу. Я лично в сборе людей к штабу не участвовал, это делали мои подчиненные по моему указанию. Это происходило на следующий, по-моему, день после наступления нашего на Вилейку, о чем я уже показал. Командование батальона приказало отобрать молодежь для отправки в Германию, что и было сделано полицейскими отделений Лакусты и Катрюка и полицейскими других подразделений. Лакуста и Катрюк выполняли здесь приказ как мои подчиненные. Молодежь немцы увезли на автомашине. Из собранных около штаба людей была отобрана также группа в несколько десятков человек, примерно около сорока, в основном дети и женщины. По приказу командования этих людей полицейские отконвоировали к сараю, недалеко от штаба.

Мне как командиру взвода такая команда поступила от Винницкого, а тому приказал шеф роты немец Засс. Последний и вел всех к сараю. Полицейские моего взвода, в том числе и я, сопровождали людей к сараю. Их в сарай я не закрывал. Кто это делал, теперь не могу сказать. По приказу Винницкого 1-й и 3-й взводы были поставлены в оцепление около сарая. В составе взвода, который находился в оцеплении по моей команде, был и я. Сарай был кем-то из карателей подожжен, а затем поступила команда открыть огонь из огнестрельного оружия по людям в сарае. Команду на открытие огня дал Засс, мне она поступила от Винницкого. А я отдал ее своему взводу. Моя команда полицейскими 1-го взвода была выполнена. Я же сам по людям в сарае не стрелял, а только отдал об этом команду своим подчиненным. Погибшими являлись, как говорили тогда каратели, члены семей партизан. Как и от кого об этом стало известно командованию батальона, не знаю. В момент расправы Васюра также находился около сарая, однако о его действиях я ничего конкретно показать не могу, не знаю.

Вскоре после этого карателями 118-го батальона были расстреляны и сожжены в сарае жители деревни — Осовы. Это были также члены семей партизан, которых каратели выдал староста. Арестовывались жители согласно списку, который староста передал в штаб.

Приказ на арест людей мне был дан Винницким. И вместе с полицейскими первого взвода я заходил в дома и, согласно имеющимся данным, производил аресты людей. Сколько человек нашим взводом было арестовано, не могу сказать, но в аресте людей принимали участие и другие подразделения роты. К сараю арестованных людей я также конвоировал вместе со своими подчиненными.

В сарае каратели согнали примерно около 50 человек, был ли среди них староста, что-то не припоминаю. Я, выполняя приказ Винницкого, стоял со своим взводом около сарая в оцеплении с целью предотвращения возможного побега людей. Я и мой взвод находились около одной стороны сарая, с другой стороны — другие каратели. Винницкий приказал стрелять в людей, если они попытаются выбираться из сарая. Я теперь не помню, пытались ли люди убеждать из закрытого сарая, но после того, как он был подожжен, по команде Засса, которую мне передал Винницкий и которую я довел до своего взвода, полицейские начали расстреливать находящихся в сарае людей. Стреляли по жертвам из винтовок, ручных пулеметов. Я же не стрелял, хотя и находился в оцеплении вместе со своими подчиненными. Спасти из сарая никому не удалось. Принимал ли Васюра непосредственное участие в уничтожении жителей деревни Осовы, не могу сказать.

В летнее время 1943 года я также принимал участие в операции по борьбе с партизанами в Налибокской пуще. Во время прочески болотистой лесистой местности полицейские первой роты обнаружили в более сухом и возвышенном месте землянку, где скрывались двое евреев. Более молодой недалеко от места обнаружения замаскированной землянки по приказу Засса был расстрелян кем-то из карателей. Старик указал нам вторую землянку, где тоже скрывались евреи. Через люк он переговорил о чем-то с находившимися там людьми. А когда немец вахмайстер подошел к люку переговорить с ними оттуда раздался выстрел, в результате чего немец оказался раненым. Но затем оттуда вылез еврей с винтовкой и несколько женщин. Мужчина бросился бежать, по нем открыли огонь Катрюк, Лакуста, и он был убит. Женщин также расстреляли невдалеке. Это сделали по приказу Засса Филиппов и немец. Пока я находился около второй землянки, в другом месте, недалеко, послышались разрывы гранат. Оказалось, что каратели батальона забросали гранатами

третью землянку с евреями. Кто это сделал, я не могу сказать. Но после уничтожения там евреев я подходил к землянке, которая была разворочена от разрыва гранат. Видны были в ней трупы людей.

Сколько всего евреев погибло от рук карателей во время указанной операции, я точно сказать не могу, но, по словам полицейских, жертв было не менее 25. Виновным в уничтожении евреев я себя не признаю, так как сам я никого из них не расстреливал, в землянки гранаты не бросал и не давал команду своим подчиненным делать это.

Во время карательных операций против партизан я участвовал в перестрелках, боях, стрелял по партизанам. Что же касается мирных жителей, то их я никогда лично не расстреливал. Достаточно было того, что это делали мои подчиненные по моей команде. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 65–78. Подлинник.
Рукопись.*

№ 123. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко

г. Гродно

29 октября 1974 г.

[...] Вопрос: Расскажите о своем участии в других карательных операциях, кроме тех, о которых вы показали на предыдущих допросах.

Ответ: В январе 1943 года мне в составе группы карателей пришлось участвовать в карательной операции в деревне Селище. Туда мы выезжали из Плещениц. В этой операции я командовал своим взводом. Выезжали также Винницкий, шеф 1-й роты немец. Был это или Мелен, или уже Вельке. В группу карателей входили также местные полицейские и жандармы. Наша рота, как мне помнится, выезжала в полном составе. В указанной операции принимали участие и полицейские третьей роты. Операция была предпринята против находившихся в деревне партизан, о чем стало карателям известно от жителя той деревни. Как тогда говорили полицейские, предателем этим был староста деревни.

Селище находилось в окружении леса с двух сторон. При подходе к деревне, в лесу я получил команду от Винницкого обойти деревню с левой стороны с целью окружения партизан. Остальные каратели пошли на Селище прямо и справа. Я со взводом обошел деревню слева. Из деревни по дороге навстречу нам шла какая-то женщина, у которой мы спросили, есть ли в деревне партизаны. Она ответила, что их в деревне нет. И женщина ушла дальше. Эта встреча произошла в 150 метрах от деревни. После этого я и еще кто-то из полицейских взвода направились по дороге в деревню. Сзади в 20–30 метрах двигались остальные полицейские взвода. Навстречу нам вышли из деревни двое вооруженных партизан, которые сразу же убежали назад, и мы даже не успели в них выстрелить. После того, как они убежали, из деревни в сторону леса стали убегать человек шесть-семь партизан. Я, а также полицейские первого взвода по моей команде открыли по убегающим огонь. Никто из них убит не был. По деревне ни я, ни мои подчиненные не стреляли. И я не видел, чтобы из нее убежали в других направле-

ниях еще партизаны. Я со своими полицейскими прошел по следам убежавших, и мы нашли оставленных ими два полушубка, которые и забрали себе. Затем ушли в деревню. Построек в ней каратели не сжигали, расправ над местными жителями не учиняли. Правда, каратели занимались там грабежом. Полицейские первого взвода также взяли двух свиней. Достались ли карателям другие трофеи, кроме полушубков, о которых я показывал, не помню. Я лично не видел убитых партизан, но слышал от других полицейских о том, что жертвы среди партизан были. Сколько их было, сказать затрудняюсь. Не могу также сказать был ли в числе погибших партизанский командир или комиссар. Никаких документов или вещей убитых партизан я не видел.

Я не помню, чтобы во время этой операции карателями были захвачены подводы партизан или были взяты у местных жителей. Собирали ли каратели жителей деревни Селище в какие-либо постройки, я не знаю.

По-моему, в феврале 1943 года я участвовал в карательной операции в деревне Заречье Плещеницкого района. В ней принимали участие полицейские первой и третьей рот, жандармерия и полицейские Плещеницкой полиции. Выезжал ли на данную операцию Васюра, не помню, так же как и не могу сказать, был ли он с нами в Селище.

Кто возглавлял всю эту группу карателей, я сказать затрудняюсь. Винницкий и Вельке выезжали не в полном составе. Мой взвод был здесь полностью. В район деревни Заречье мы выехали в связи с убийством партизанами более десяти жандармов и полицейских из Плещеницкой полиции. Еще в лесу перед деревней силы карателей были рассредоточены. Я как командир взвода получил задачу двигаться со своими полицейскими по лесу в обход того места, где лежали трупы жандармов и полицейских. Затем я с подчиненными вышли из леса на дорогу, которая вела в деревню. Как только мы показались из леса, по нас был открыт огонь из станкового пулемета. Огонь велся со стороны небольшого сарая, стоявшего первым от леса. Далее за ним на некотором расстоянии начинались постройки в два ряда, образуя улицу. В других местах дальше от указанных построек располагались другие постройки, которые как бы составляли одно

целое с теми, около которых стоял упомянутый сарай. И мне казалось, что все эти постройки составляют один населенный пункт.

Я со своим взводом залег и открыл ответный огонь по сараю. Второй или третий взвод первой роты пошел в это время по лесу левее нас. Полицейские этого взвода также начали стрелять по сараю. Вскоре он загорелся, однако некоторое время огонь со стороны его еще продолжался. Кто и как поджег сарай, не могу сказать, во всяком случае, полицейские моего взвода этого сделать не могли, так как к нему нельзя было подползти, а зажигательных патронов тогда мы не имели. Когда пулемет умолк, я со взводом двинулись на деревню. По деревне мы не стреляли, не стреляли по ним и тогда, когда вели огонь по сараю. В момент прихода моего взвода в деревню в ней уже были жандармы, полицейские плещеницкой полиции, а также каратели 118-го батальона. Они занимались грабежом, вынося из домов имущество, продукты. В деревне уже горели дома, кто и как их поджигал, не могу сказать. В деревне также раздавалась стрельба. Со слов полицейских мне известно о том, что карателями были расстреляны несколько местных жителей. Я лично трупов не видел, не знаю также, кто из карателей расстреливал людей. Я сам людей там не расстреливал и такой команды своим подчиненным не давал. Как мне известно из разговоров сослуживцев, в сарае, откуда велся по карателям огонь, будто бы сгорели двое или один партизан. В качестве трофея карателям достался станковый пулемет без станка. Кто из карателей его подобрал, не могу сказать, но его забрали жандармы.

Поджигали ли мои подчиненные постройки в указанной деревне, я не могу сказать. Я же лично этого не делал и такой команды им не отдавал. Со своим взводом я был только в той части деревни, о которой показал выше. В других местах ее не был, там находились также каратели, и там тоже горели постройки. Имелись ли там жертвы со стороны местного населения, не знаю. Сколько домов сгорело в той части деревни, где я находился со своим взводом, и сколько погибло в ней местных жителей, я сказать не могу. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 79–86. Подлинник. Рукопись.

№ 124. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко

г. Гродно

31 октября 1974 г.

[...] Вопрос: Продолжайте показания о своем участии в карательных операциях в период нахождения 118-го батальона в Плещеницах.

Ответ: Ранней весной 1943 года мне в составе первой роты приходилось участвовать в карательной операции около деревни Нестановичи. Я командовал своим взводом, ротой командовал Винницкий. Помню, что наша рота выезжала туда из Плещениц в полном составе. Я теперь не помню, в связи с чем мы выехали туда. При подходе к деревне нас обстреляли партизаны, мы ответили огнем, стреляя по деревне. Затем из деревне начала убегать в лес группа людей в количестве примерно 8 человек, которых каратели приняли за партизан. По ним мы открыли огонь. Винницкий отдал приказ мне, а я, в свою очередь, приказал стрелять своим подчиненным. Вместе с ними по этим людям стрелял и я. Все они были убиты на лугу метрах 300 от деревни. Было ли у них оружие, не помню, но, убегая, они не отстреливались. К трупам я не подходил и не знаю, что это за люди были, были ли среди них дети, женщины, не могу сказать. Я не помню прочесывали ли каратели лес, куда люди пытались убежать. Я также не помню, захватили ли тогда каратели кого-либо живьем, я лишь помню, что убежавшие были убиты выстрелами карателей, и по убежавшим я стрелял из своей винтовки. Откуда были погибшие, я не знаю. В деревне построек мы не поджигали и в ней не расстреливали. Деревня Нестановичи расположена, как мне помнится, километрах в двадцати от Плещениц, в сторону бывшей советско-польской границы.

После этого имел место факт задержания карателями партизана в одной из деревень, расположенной западнее Плещениц, возможно, это была Рудня. В группе карателей по захвату партизана был и я как командир своего взвода. Всеми нами в этой операции командовал шеф роты ЗАСС, выезжал туда и командир роты Винницкий. Первая рота была в полном составе, были ли с ними каратели из других подразделений батальона, а также Васюра, не помню. К этому выезду уже мы готовились, и ехали для того, чтобы пленить партизан, с которыми днем раньше договорился разведчик Филиппов о том, что

он с группой полицейских батальона будто бы уйдет к партизанам, для чего были оговорены место и время встречи с партизанами. На самом же деле это была провокация со стороны Филиппова. С целью захвата партизан и была направлена указанная группа карателей. Выехали туда на подводах. К месту встречи с партизанами всех нас вел Филиппов. В лесу, где мы остановились, Филиппов подал условные сигналы, однако никто на встречу не явился. После этого я получил команду от Винницкого сходить в деревню, которая уже была видна из леса, с целью проверки, нет ли там партизан. Туда направились я со взводом, Филипповым и еще кем-то. Впереди шли Филиппов, командир отделения моего взвода Катрюк и еще кто-то из карателей. В одном из дворов мы заметили оседланную лошадь, и Катрюк, Филиппов и тот третий направились туда. В это время из дома вышел партизан, с которым те о чем-то стали говорить, а затем стал садиться на лошадь, но здесь же был Филипповым и другими был схвачен и разоружен. Я в этом никакого участия не принимал, видел, что Катрюк ударил партизана несколько раз. Затем его привели в лес, где находились остальные каратели. Священного партизана доставили на телеге в Плещеницы. У него при задержании были изъяты граната и винтовка. Со слов Филиппова, задержанным оказался другой партизан, а не тот, с которым он вел провокационные переговоры. Какое положение в отряде занимал захваченный партизан, из какого он был отряда, не могу сказать. Кто из карателей его расстрелял, сказать затрудняюсь. Возможно, об этом мне тогда и было известно, теперь же об этом ничего я показать не могу. При расстреле партизана я не присутствовал.

Мне известен только один факт задержания карателями партизана, о чем я и показал. Были ли еще подобные факты в период моего пребывания в составе 118-го батальона в Плещеницах, не помню.

Я также участвовал в карательной операции, которую предпринимал 118-й батальон в конце апреля или начале мая 1943 года в западном от Плещениц направлении, где-то в районе бывшей советско-польской границы. Она длилась примерно в течение десяти дней. Каким маршрутом мы двигались туда и возвращались обратно, не помню. Помню только, что из Плещениц мы выехали в сторону Бегомля, а затем, проехав километров 10, свернули на запад. Назад возвращались другой дорогой. Еще в пути следования на операцию батальон ночевал в какой-то большой деревне, сразу же за рекой, которую мы преодолели вброд, поскольку она была мелкая и моста

не имела, а на его месте оставались только сваи. В этом населенном пункте располагалось какое-то подразделение литовцев.

После ночлега наша рота перешла речку обратно и двинулась в южном направлении. Весь же батальон пошел в этом направлении или только 1-я рота, не припоминаю. Однако помню, что наша рота действовала на этой стороне речушки и нигде больше ее не переходила. Помню, что в пути следования, где мы остановились на ночлег и о чем я уже показывал, перед речушкой около отдельно стоявших двух домиков на луку мы наткнулись на группу партизан. Я со взводом шел впереди и, заметив их, дал команду открыть огонь. В числе стрелявших был и я. Затем Катрюк с полицейскими из своего отделения бросился преследовать их, в связи с этим огонь мы прекратили. Давал ли я ему команду преследовать партизан или же он сделал это по своей инициативе, теперь не помню. Возвратившись Катрюк рассказывал, что один партизан ими был убит, другой бросил под себя гранату и погиб. У одного из них он забрал ручной пулемет чешского производства. Из группы партизан погибли двое, а остальные, как я сам видел, успели убежать.

Во время указанной операции наша рота и штаб расположились в одной из деревень на ночлег. Были ли там каратели других рот, не припоминаю. Мой взвод в ту ночь охранял деревню от возможного нападения партизан. Ни ночью, ни утром в штаб я не заходил. Утром, когда мы уходили из деревни, я видел, как горел отдельно стоявший сарай. Тогда же в пути движения мне стало известно от полицейских, кого именно, не помню, что в этом сарае горят люди: учительница и еще несколько человек. Говорили также тогда, что учительницу работник штаба Лукович ночью изнасиловал, а потом запер в сарай и поджег. Откуда были все эти люди и за что их сожгли, не знаю. Говорили тогда, что погибших было шестеро. Деревня находилась рядом с лесом, состояла из двух частей, расположенных под углом друг к другу. Я со взводом располагался в той части деревни, что была ближе к лесу, а штаб в другой. Были ли вместе с нами на операции сотрудники СД, не могу сказать. Также не могу сказать, допрашивались ли в штабе какие-либо люди, были ли при карателях задержанные ими граждане. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 87–95. Подлинник. Рукопись.

№ 125. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

1 ноября 1974 г.

[...] Вопрос: Продолжайте показания о своем участии в десятидневной карательной операции.

Ответ: Этой же операции при движении 118-го батальона в сторону Плещениц, при проческе леса на пути первой роты встретились группа мирных, безоружных людей в количестве до двадцати человек. Первая рота, в том числе и я двинулись дальше, а эти люди остались среди карателей, двигавшихся сзади нас. Как поступили с ними, не знаю. Во всяком случае, я не слышал чтобы их расстреляли каратели. Люди эти были нами обнаружены в болотистой местности, в кустарнике недалеко от леса. Сразу же после этого, пройдя километров два с половиной, мы наткнулись на оставленный партизанами и пустовавший лагерь. Было около десяти землянок, часть из которых полицейские забросали гранатами.

Двигаясь дальше по лесу, отделение Катрюка задержала радистку с пистолетом и рацией. Ее сразу же передали в штаб батальона, где она и находилась до отправки ее в Минск. Кто она такая, откуда в связи с чем оказалась в месте задержания, как в дальнейшем сложилась ее судьба, не знаю.

Ни я, ни мы, подчиненные, во время указанной операции уничтожением построек или населенных пунктов не занимались, расправ над мирными жителями не учиняли. Были ли совершены карателями батальона другие какие-либо злодеяния, кроме тех, о которых я уже показал, не могу сказать.

Вопрос: Расскажите о вашем участии в карательной операции в деревне Чмелевичи Логойского района.

Ответ: На эту операцию мы выехали в начале января 1943 года, утром. В ней принимали участие первая рота, полицейские третьей роты — полностью была эта рота или нет не помню — а также жандармерия и местная полиция. Я не могу сказать, был ли от кого из граждан сигнал о том, что там находятся партизаны. Во всяком случае, ко мне с таким вопросом никто не обращался. Операцию возглавлял немец шеф роты, Винницкий. Я же выезжал во главе

своего взвода. При подходе к деревне нас обстреляли находившиеся там партизаны. Мы вступили с ними в перестрелку. Стрелял по ним я и по моей команде полицейские первого взвода. Были ли убиты партизаны, не могу сказать, но видно было, как они убегали из деревни. Вся ли сгорела деревня, сказать затрудняюсь, но в момент нахождения в ней карателей горело много построек. Каким способом и кто из карателей их поджигал, я не знаю. В деревне полицейские занимались также грабежом. Имелись ли жертвы со стороны местных жителей, категорически утверждать не могу, но там якобы погибло несколько человек. В результате чего они погибли, сказать не могу. Лично я построек в этой деревне не поджигал, людей не убивал и грабежом не занимался, а также не отдавал такой команды своим подчиненным. Держали ли на морозе местных жителей каратели, не помню. Также не помню, была ли сожжена в Чмелевичах школа и было ли захвачено карателями оружие партизан. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 96–99. Подлинник. Рукопись.

№ 126. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко

г. Гродно

4 ноября 1974 г.

Вопрос: На допросе 25 октября сего года вы показывали о своем участии карательной операции 118-го батальона, предпринятой в 1943 году в район реки Березины. Продолжайте показания о своем участии в ней.

Ответ: После расправы над жителями Осовов, о чем я раньше показывал, весь 118-й батальон прибыл в деревню Броды, расположенную на реке Березине. Я не помню, а поэтому и не могу сказать, принимали ли участие полицейские моего взвода в сожжении построек или расправах над людьми до прибытия в Брод, тем более не могу сказать этого о своей роте и батальоне. Я же лично никаких злодеяний не совершал. В период нахождения 118-го батальона в указанной деревне очевидцем расправ над местными жителями или другими гражданами я не был, и были ли там совершены злодеяния вообще, сказать затрудняюсь. Я со взводом занимал позицию у моста через реку. Там же был установлен батальонный миномет. И мы иногда обстреливали партизан, находившихся за рекой. В Броде наша рота находилась недолго, дня два-три, после чего передислоцировалась в другую под названием Уборок. Я не знаю, остались ли в Броде подразделения 118-го батальона, но мне кажется, что весь батальон направился в сторону Уборка и рассредоточился в других местах, где именно, не могу сказать. По-моему, на следующий день в Уборок прибыл и расположился и штаб батальона. И только примерно за три-четыре дня до окончания операции вторая и третья роты прибыли в Уборок, и оттуда весь батальон перебазировался непосредственно к Березине. Там же находились Смовский и Кернер. Что касается штаба, и в частности Васюры, то я не помню, оставался он в Уборке или же тоже находился вместе с остальными силами батальона. В момент прихода 1-й роты в Уборок жителей в деревне не было, находились в лесу, а затем возвратились в свои дома. Я со своим взводом занимал два или три дома, стоявших на углу, когда въезжаешь в деревню со стороны Маковья. А штаб

находился, как мне помнится, через дом, ближе к въезду в Уборок. Остальные же постройки и улица располагались за поворотом в направлении Березины. Я что-то не помню, чтобы мне со взводом или ротой приходилось хоть на какое-то время остановиться в деревне Маковье и располагаться там. Не могу сказать этого и о штабе. Мне лишь помнятся два населенных пункты: Брод и Уборок, где я в составе роты и штаб располагались во время Березинской операции. В деревне <нрзб> наша рота не останавливалась, может быть, там останавливались другие подразделения батальона, но я этого сказать не могу. Выше я сказал, что в конце операции к нам в Уборок прибыли вторая и третья рота. Однако здесь, видимо не совсем так было. И мне почему-то кажется, что третья рота в Уборок прибыла почти одновременно с нашей, а к концу операции туда прибыла и вторая рота. В период нашего нахождения в этой деревне в штаб каратели доставили двух мужчин, где их допрашивали Лукович и Васюра. Однако из дома, где был штаб, один из задержанных убежал, а второго каратели расстреляли в огороде за домом. Кто задержал этих мужчин, за что и где, не могу сказать. Но о том, что один из них убежал с допроса от Васюры и Луковича, мне известно от Козынченко, который тогда рассказывал об этом. Да и многие полицейские говорили в то время об этом иронизировали по поводу побега. Со слов того же Козынченко, второго задержанного за сарай увели Васюра и Лукович, там он и был расстрелян. Однако кто его расстрелял, Васюра или Лукович, сказать затрудняюсь. Возможно, об этом мне тогда и говорили, но я в настоящий момент не могу припомнить.

Во время действия 118-го батальона непосредственно у реки Березина в расположение карателей вышли прятавшиеся в лесу люди. Их было около двадцати человек. Всех их отправили в штаб. Как с этими людьми поступили, не знаю. Они были безоружные, видно было, что люди прятались от карателей, среди них были и женщины.

О расстреле 16 человек в районе деревни Уборок мне стало известно в период следствия по делу Лакусты. Раньше о нем я не знал. И когда меня спросили, известен ли мне такой факт, я заявил, что о нем я знаю.

Почему я так заявил на допросе в прошлом году, я и сам теперь объяснить не могу.

Пять или шесть дней батальон провел в лесной и болотистой местности вдоль Березины. После этого с занятых позиций мы снялись и ушли на шоссе, откуда погрузились и направились в город Борисов. В период проведения Березинской операции крупных столкновений и боев с партизанами не было. Как я уже говорил выше, находясь в деревне Брод, вели перестрелку с партизанами, находившимися за Березиной. По выходе из Уборка к реке Березине наша рота попала под огонь партизан. Мы им ответили огнем, залегли. Когда партизаны ушли, мы двинулись дальше. Находясь на занятых позициях вдоль Березины, мы вели перестрелку с находившимися за рекой партизанам.

Были ли захвачены или пленены карателями партизаны во время этих действий, я не знаю. Что касается первой роты, то таких случаев у нас не было.

Уходя из Уборка, я не видел, чтобы каратели поджигали там постройки или чтобы вообще они в деревне горели.

От кого-то из полицейских я слышал такой факт. Когда мы двигались еще в деревню Уборок, а штаб находился где-то сзади, то карателям второй или третьей рот сдались двое полицейских, одетых в черного цвета одежду. Их передали в штаб, а затем расстреляли. Кто их расстрелял, не могу сказать. Но, как я слышал тогда, их расстреляли по приказу Кернера за то, что они будто бы до этого находились в партизанах. Это произошло в одной из деревень в пути следования батальона. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 100–106. Подлинник.
Рукопись.*

№ 127. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

14 ноября 1974 г.

[...] Вопрос: Покажите о вашем участии в карательных операциях во время нахождения первой роты 118-го батальона в Ивье Гродненской области.

Ответ: В период дислокации первой роты в Ивье, где мы находились с лета 1943-го по июль 1944 года, мне приходилось участвовать в следующих карательных операциях.

Осенью 1943 года, более точное время назвать затрудняюсь, полицейскими роты в количестве не менее двух взводов предприняли карательную операцию в деревне Бурдуки, расположенную западнее Людино. Помню, что Бурдуки находятся около речушки. В этой операции принимал участие и я со своим взводом. С нами выезжали также и шеф роты Засс. Был ли Винницкий, не помню. Пулеметный взвод роты также выезжал в Бурдуки. Двигаясь по деревне, мы заметили как от одного дома в сторону речки побежали четыре или пять партизан, по которым каратели открыли огонь. Полицейские первого взвода тоже стреляли по убежавшим, хотя я и не давал команды на открытие огня. Полицейские моего взвода находились несколько впереди меня и начали стрелять по партизанам вместе с другими карателями. Я по партизанам не стрелял, так как в этом не было необходимости.

Партизаны находились от меня на расстоянии примерно 400 метров, были ли они убиты, не помню. Я только помню, что они убежали к речке. О том, что это были партизаны, мы узнали уже от местных жителей. Стреляли ли по партизанам пулеметчики станковых пулеметов, сказать теперь затрудняюсь.

На следующий день в расположение роты прибыла женщина из Бурдуков с жалобой, что во время операции один из полицейских забрал у нее платки и еще какие-то вещи. Были построены все полицейские роты, и женщина опознала ограбившего ее полицейского. Вещи ей были возвращены. Подвергались ли избиению местные жители во время операции в Бурдуках, мне неизвестно. Я также не знаю, чтобы каратели учиняли там расправу над населением.

В январе 1944 года я участвовал в карательной операции в деревне Павловичи, находящиеся примерно в 3 километрах от Ивья, в южном направлении. На данную операцию я выезжал как командир взвода, а операцией руководили Засс и Винницкий. Как только передавая группа достигла деревни, оттуда в лес начали убегать двое партизан. Отделение Катрюка, двигавшееся в охранении слева, открыло огонь по убежавшим. Полицейские отделения Лакусты тоже стреляли по партизанам, хотя ни Катрюку, ни Лакусте я не давал такой команды. Я даже не успел отдать такую команду, как Катрюк и подчиненные ему полицейские открыли по партизанам огонь. Отдавать подчиненным мне как командиру не было необходимости, потому что имелся приказ сразу же открывать огонь в случае обнаружения партизан. По убежавшим партизанам я не стрелял.

Оба партизана карателями были убиты, причем один из них погиб уже под лесом. У него Катрюк забрал автомат с поврежденным пулями прикладом. У второго кто-то из полицейских, только не из отделения Катрюка, забрал винтовку.

В 1944 году, когда был еще снег, первая рота, а в составе ее и я со взводом, выезжали в деревню Людино. Расчеты миномета и пушек также выезжали с нами. В момент нашего нахождения в деревне мы обратили внимание на то, что к противоположному берегу Немана движется подвода. Командир орудия Бескандеров и еще кто-то из карателей роты переправились через реку на лодке (льда на реке не было) и засели в кустах с целью не выдать себя перед ехавшими в санях людьми. Когда подвода приблизилась к берегу, Бескандеров поднялся и направился к саням. В это время мужчина, ехавший в санях, дал очередь из автомата по Бескандерову, ранив его, а сам бросился бежать назад. На санях остались еще мужчина и женщина, был ли там мальчик, не знаю. Эти люди не убегали, продолжая сидеть в санях. Я не видел, чтобы каратели стреляли по людям в санях. Я знаю и видел, что стреляли по убежавшему. Стреляли по нем из всех видов оружия, применен был даже миномет. Я также стрелял по нем из своей винтовки. Стреляли и полицейские моего взвода, хотя я им команды такой и не давал. Эту команду дал сам Винницкий, дублировать ее не было необходимости, так как командир роты находился среди полицейских. В погоню за убежавшим пустились переправившиеся через реку немец Засс и еще

кто-то из карателей. В связи с этим огонь из винтовок, пулеметов был прекращен, а по удалявшемуся стреляли только из миномета. Я не помню, удалось ли его поразить из миномета. Но помню, что, несмотря на огонь из миномета, мужчина постепенно удалялся по направлению находившейся за рекой деревни. Знаю, что каратели принесли оставленную им сумку. Поскольку он имел автомат, ранил из него Бескандерова, я считаю, что убежавший являлся партизаном. Ехавших с партизаном мужчину и женщину задержали. Оружия они не имели. Являлись ли они партизанами, не знаю. Обоих их доставили в Ивье, а оттуда направили в Лиду в штаб. Что это были за люди, как с ними в дальнейшем поступили, мне неизвестно.

В 1944 году, уже некоторое время спустя после ранения Бескандерова, имела место карательная операция в деревне Миколаево. Подробностей и более точных обстоятельств упомянутой операции я уже не помню. По прибытии туда нашей роты из деревни стали убегать двое партизан. Я по ним не стрелял и не помню, приказывал ли своим подчиненным стрелять. Однако помню, что каратели роты по убежавшим партизанам стреляли из винтовок и ручных пулеметов, в результате чего оба партизана были убиты. Был ли кто-либо убит из местных жителей, не помню, так как упомянутая операция мне помнится смутно. Помню только, что это было в Миколаево и что от рук карателей там погибло двое партизан. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 114–120. Подлинник.
Рукопись.*

№ 128. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

20 ноября 1974 г.

[...] Вопрос: 13 мая 1943 года после десятидневной операции каратели 118-го батальона, в том числе полицейские первого взвода первой роты, выезжали из Плещениц на карательную операцию в деревню Дальковичи, где были убиты партизаны, местные жители, сожжены постройки и ранен полицейский батальона Пономаренко. Расскажите о своем участии в этой операции.

Ответ: Участвовал ли я в карательной операции в деревне Дальковичи, не помню и об этом я ничего показать не могу. Знаю, правда, что в одной из операций пулеметчик станкового пулемета первой роты Пономаренко, которого я знаю, был действительно ранен. Однако принимал ли я участие в указанной операции и видел раненного Пономаренко или мне об этом рассказывали полицейские, не припоминаю.

Вопрос: В каких еще карательных операциях, кроме названных ранее на допросах, вы принимали участие в период пребывания в Плещеницах и Ивье?

Ответ: О карательных операциях, в которых мне приходилось участвовать во время службы в Плещеницах и Ивье и которые я помню на сегодняшний день, я и показал на допросах. Не исключено, что я участвовал и в других карательных операциях, но теперь этого не помню.

Вопрос: Что вы можете показать о расстреле карателями 118-го батальона мальчика и мужчины на станции Новоельня?

Ответ: Я помню, что на станцию Новоельня 118-й батальон прибыл по окончании березинской операции. Там мы одну ночь переночевали и выехали по узкоколейной дороге в Новогрудок. Очевидцем расстрела карателями мальчика и мужчины я не был и вообще не помню таких фактов.

Вопрос: Где размещался 118-й батальон в период его пребывания в Слонимском районе?

Ответ: По прибытии в город Слоним штаб 118-го батальона разместился в городе. Наша первая рота остановилась примерно

в 12 километрах от Слонима в деревне под названием Деревная. Вся рота располагалась в двухэтажном здании, по-моему, кирпичном, которое находилось в начале деревни справа, если следовать в Деревную из Слонима. Где размещались вторая и третья роты батальона, я сказать не могу, но, во всяком случае, не в самом Слониме.

Вопрос: Какие карательные операции с вашим участием проводились в этот период?

Ответ: Я не помню таких случаев, чтобы наша рота, а в составе ее и я, выезжала специально на операции по борьбе с партизанами или учиняла злодеяния в отношении мирного населения. Помню, что летом 1943 года полицейскими первого взвода первой роты были обстреляны два всадника. Но это был не какой-либо запланированный выезд на партизан. Мы их случайно встретили, когда ехали из деревни Деревной за продуктами в Слоним. Столкнулся взвод с ними на пересечении дорог Деревная — Слоним и какой-то проселочной, вернее лесной. Заметив нас, всадники развернулись и ускакали в лес. Приняв их за партизан, я дал команду полицейскими взвода открыть огонь по всадникам. Полицейские выполнили мой приказ. Каратели стреляли с них из винтовок и ручных пулеметов. Стрелял ли я сам, не помню. Я видел, что всадники скрылись в лесу. Никто из них, как я видел, убит нами не был.

Вот это единственный случай перестрелки с партизанами во время моей службы в батальоне в деревне Деревной, который мне запомнился и, о чем я показал выше. В указанном населенном пункте первая рота находилась недолго, около двух недель. В основном же рота бездействовала, несло охранную службу в деревне и доставляла себе систематически продукты из Слонима. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 129–133. Подлинник.
Рукопись.*

№ 129. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

7 марта 1975 г.

[...] На поставленные вопросы обвиняемый Мелешко показал:

На допросах по своему делу я давал уже показания о своем участии в карательной операции, когда была уничтожена деревня Хатынь с ее жителями и учинена расправа над лесорубами. Место расправы над лесорубами находится примерно в трех километрах, не доезжая до Горбатого моста со стороны Плещениц или в семи, а может быть и более километрах от этого населенного пункта. Если ехать из Плещениц, то место расстрела их — по правой стороне от шоссе. С правой стороны лес, слева — тоже, но чуть дальше от шоссе. Место засады, откуда нас обстреляли партизаны во время нашего следования по шоссе в сторону Логойска, находится с левой стороны на чуть возвышенной местности. Тогда там рос молодой лес, далее деревья были более старые. С правой же стороны от шоссе лес как раз кончался, начиналась поляна. Это в 10–12 километрах от Плещениц. Места засады партизан и расправы над лесорубами я смогу опознать на местности и указать.

Деревня Вилейка расположена, как я помню, примерно в 5–6 километрах на север от той деревни, где подорвался на mine полицейский Словский. Из одной деревни в другую вела полевая дорога. По правой стороне дороги, как будто бы около леса, кладбище. Оно примерно в полкилометре или более, не доходя Вилейки. Около деревни лес. За Вилейкой тоже лес. Дорога, идущая в Вилейку, разделяет ее на две части. В левой половине деревни, где-то в конце, и располагался штаб батальона, однако в каком доме, на какой стороне улице, уже не помню. Там и происходило разделение людей на группы: для отправки в Германию, для расстрела. На равные ли части разделяется этот населенный пункт, подходящей к нему перпендикулярно дорогой, не помню. Деревня, как мне помнится, состояла из одной улицы. Дома деревянные. Была ли в ней церковь, не помню. Сарай, где были уничтожены люди, я указать не могу, так как его местонахождение не помню. Что же касается самой деревни, то ее я смогу найти и указать на местности, но при условии, если начать путь следования от речушки, где подорвался на mine

Словский. Начальный путь движения из Плещениц на Березинскую операцию я помню. Проехав километров около десяти в северном направлении по шоссе в сторону Бегомля, батальон свернул влево и по дороге двинулся дальше. Проехали около шести километров, свернули направо, на север, продолжая движение полевой дорогой. Был ли какой-либо населенный пункт в месте поворота на север, не помню. Путь движения от места поворота и до места гибели я помню смутно, и вряд ли его смогу воспроизвести на местности.

Если расположение Вилейки относительно идущей к ней дороги, кладбища, прилегающей к деревне местности с лесом, мне запомнилось и ее я смогу опознать на местности, то в отношении деревни Осовы я этого сказать не могу. Местонахождение данного населенного пункта я указать на местности не могу. Опознать его тоже не смогу. Место расстрела и сожжения местных жителей — сарай я также не смогу указать, так как в настоящий момент не помню. Само расположение деревни мне тоже плохо помнится. Маршрут движения к ней я совершенно не помню.

Место убийства людей около деревни Нестановичи, где проводилась карательная операция с моим участием и о чем я также давал ранее показания, я познать и указать не могу. Там я был один или два раза, поэтому деревню мало знаю.

Деревню Дальковичи я помню слабо. Назвать ее приметы или какие-то карательные признаки затрудняюсь. Маршрут движения батальона на операцию в эту деревню не помню, поскольку выезжал я туда один раз. Местность для меня незнакомая. Если бы даже я сейчас оказался в Дальковичах, то деревню не узнал бы.

По периоду службы в 118-м батальоне в Плещеницах я из перечисленных мною на допросах вчера и сегодня я по названиям помню деревню Заречье. Помню также название деревни Селище, где также проводилась карательная операция и где мне приходилось принимать участие. Название остальных населенных пунктов, как Чмелевичи, Нестановичи, Хатынь, Дальковичи, Вилейка, Осовы, в которых проводились карательные операции и участником которых я был, я припомнил в период следствия по делу Лакусты и моему делу, когда в процессе допросов мне предъявлялось топографическая карта соответствующих участков местности, районов Плещеницы, Логойск, Глубокое, Борисов, Лепель. [...]

№ 130. Из протокола допроса В.А. Мелешко

г. Гродно

29 марта 1975 г.

[...] Вопрос: Продолжайте показания по существу предъявленного Вам обвинения.

Ответ: Признаю себя виновным в том, что в январе 1943 года, не отрицая, что это могло быть 6-го числа, как указано в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого — я со своим взводом участвовал в карательной операции в деревне Чмелевичах Логойского района Минской области. При подходе к деревне я руководил действиями своих подчиненных, дал команду им стрелять по убежавшим из деревни людям, приняв их за партизан, и по своей деревне. По моей команде подчиненные стреляли как обычными, так и зажигательными патронами. Я также вел огонь по убежавшим и по деревне из своей винтовки. Каковы результаты моих действий и действий моих подчиненных, я не могу определенно сказать. По партизанам и деревне вели огонь не только я со взводом, но и другие каратели.

Вследствие обстрела карателям деревни в ней загорелось несколько построек. Это произошло в результате обстрела их полицейскими моего взвода и другими участвовавшими в этой операции карателями, стрелявшими по деревне зажигательными пулями. Будучи в деревне, я видел, что полицейские из моего взвода, как и другие каратели, поджигали постройки, занимались грабежом. Но на это я никаких команд им не давал. Когда каратели уходили из деревни, она была охвачена огнем. Я не оспариваю того, что в ней сгорело тогда 58 домов.

На допросе 21 марта сего года я показал, что в деревне я трупов не видел. Уточняя эти показания тем, что я не помню, видел ли в Чмелевичах трупы партизан или местных жителей. Но допускаю, что от стрельбы моих подчиненных и моей лично могли быть жертвы. Сгонять людей в Чмелевичах я своим подчиненным приказа не давал, и участвовали ли они в этом, не помню.

В январе 1943 года, возможно это было 19-го, я действительно принимал участие в карательной операции в деревне Селище. При подходе к деревне, заметив, что из нее убегают в сторону леса

4–5 партизан, я дал команду своим подчиненным стрелять по ним, стрелял также и сам. Команду преследовать партизан я не давал, сам не преследовал. Полицейские взвода только ходили по их следам после того, как убежавшие скрылись в лесу, принесли два полушубка и полевую сумку. Я и мои подчиненные вели огонь только по указанной группе партизан, других убежавших я не видел. Я видел, что партизаны, по которым стрелял я и полицейские первого взвода, успели забежать в лес. Не исключена возможность, что их настигли там пули, поскольку мы еще продолжали вести по ним огонь. Возможно, в ходе этой операции было убито 7 партизан, поскольку другие каратели тоже вели огонь в стороне от нашего взвода, хотя я и не видел, кого они обстреливали.

В Селище я грабежом не занимался, такого приказа своим подчиненным не давал. И по вопросу грабежа граждан этого населенного пункта ничего показать не могу.

В карательной операции в деревнях Заречье и Котели я также участвовал и руководил действиями полицейских своего взвода. Операция имела место в начале 1943 года, возможно даже 18 февраля, как это указано в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого.

Я признаю себя виновным в том, что отдал приказ подчиненным стрелять и сам стрелял по сараю, откуда партизаны вели по нас огонь из пулемета. Допускаю, что в процессе этой стрельбы я и полицейские первого взвода могли поразить людей в Котелях, поскольку сарай находился близко от указанной деревни. Однако приказа вести огонь специально по деревни Котели я своим подчиненным не давал и сам по ней не стрелял. Были ли жертвы среди местного населения в Котелях, не могу сказать. Но постройки в ней начали гореть, когда туда зашли каратели.

По деревне Заречье я сам не стрелял и вести по ней огонь и по ее жителям не давал. Находясь в Заречье, куда я со взводом вошел без боя, я построек не поджигал, людей не убивал и такого приказа своим подчиненным не отдавал. Поджигать постройки в ней я не приказывал, сам не поджигал. Постройки в Заречье действительно горели, их жгли хозяйничавшие там другие каратели.

В марте 1943 года — согласен, что это было 22-го, — после убийства шефа роты немца Вельке и других карателей я действительно

дал команду полицейским задержать и конвоировать в Плещеницы группу людей работавших на вырубке леса у шоссе Плещеницы — Логойск. Я дал такую команду в связи с тем, что у меня возникло подозрение в связи этих лиц с партизанами, обстрелявшими нас и убившими Вельке и еще нескольких карателей 118-го батальона. Я имел в виду, что лесорубы будут доставлены в Плещеницы в жандармерию, где выяснено, имеют ли они связь с партизанами и нет ли среди них партизан.

В пути следования каратели батальона действительно учинили над лесорубами расправу, расстреляв около 15–20, а может, и больше человек. Я же по ним не стрелял и команду стрелять их не давал. Виновным себя в расстреле лесорубов не признаю.

В тот же день, двигаясь на деревню Хатынь, предполагая, что в ту сторону ушли обстрелявшие нас партизаны, я вел огонь по деревне и убежавшим оттуда людям. По моему приказу стреляли туда и полицейские первого взвода. Прибыв в деревню, я приказал подчиненным мне полицейским выгонять людей из домов и гнать к месту сбора у сарая. Этот приказ я получил от Винницкого. Сам я людей из домов не выгонял, к месту сбора не конвоировал, а находился на улице и следил за выполнением подчиненными приказа. Непосредственно в сарай собранных людей я не загонял и не приказывал своим подчиненным делать это. По моему приказу полицейские отделений Лакусты и Катрюка стали в оцепление сарая. Вместе с ними в оцеплении находился и я. Получив от Винницкого приказ стрелять по горящим в сарае людям, я передал его стоявшим в оцеплении своим подчиненным. Однако сам по ним я не стрелял. И в том, что я лично вел огонь по находившимся в сарае людям, виновным себя не признаю.

Признаю себя виновным в том, что, участвуя в карательной операции в деревне Дальковичах, при подходе к ней как командир взвода дал команду подчиненным стрелять и сам стрелял по деревне и находившимся там людям. Стреляя по людям, которые обстреливали нас из деревни, мы одновременно вели огонь и по деревне. Были ли убиты люди выстрелами полицейских моего взвода и моими, я не могу сказать.

Будучи в Дальковичах, я сам людей не убивал, их не грабил, построек не поджигал и не приказывал совершать это своим под-

чиненным и совершали ли эти злодеяния мои подчиненные сказать не могу.

Во время карательной операции в деревне Вилейке в мае 1943 года я тоже принимал участие.

По моей команде полицейские взвода заходили в дома, выгоняли людей на улицу и конвоировали их к месту сбора, к штабу. Я лично в дома не заходил, а, находясь на улице, контролировал действия своих подчиненных. К штабу людей я не сопровождал. По приказу командования батальона молодежь каратели отобрали для отправки в Германии, и эту группу полицейские первого взвода охраняли, чтобы она не разбежалась. Для охраны молодежи мною была выделена группа полицейских из первого взвода. Из числа собранных к штабу людей каратели отобрали членов семей партизан в количестве 20–25 человек. Их отконвоировали от штаба к недалеко стоявшему сараю. Я и по моему распоряжению полицейские взвода, которым я командовал, конвоировали также этих людей к сараю. Но я их в сарай не загонял и не загалкивал. Их загоняли подчиненные мне полицейские из отделений Лакусты и Катрюка, исполняя мой приказ, который в свою очередь получил от Засса и Винницкого. По приказу командира роты Винницкого я выставил оцепление у сарая.

По горящим в сарае людям я лично не стрелял. Но мои подчиненные по моему приказу, который в свою очередь получил от Винницкого, стрелял по находившимся в горящем сарае людям. В числе погибших были женщины и дети.

Признаю себя виновным в том, что принимал участие в расправе над членами семей партизан и в деревне Осовах, имевший место тоже в мае 1943 года.

Полицейские моего взвода по моей команде заходили в дома и арестовывали членов семей партизан. Я в дома не заходил, но находился на улице и контролировал действия подчиненных. Когда же полицейские взвода собрали группу людей, то вместе с ними я конвоировал этих людей к сараю. В сарай людей я не загонял, но это делали по моей команде полицейские первого взвода вместе с другими карателями. Затем я поставил около сарая оцепление из подчиненных полицейских, сам находился в оцеплении. Полученную от Засса и Винницкого команду открыть огонь по находив-

шимся в сарае людям я передал своим подчиненным. Выполняя этот приказ, полицейские взвода открыли по горящим в сарае членам семей партизан. Лично я по ним не стрелял, в чем виновным себя не признаю. Вопрос: отношении количества погибших в Осовах, указанного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, я не возражаю.

Я действительно участвовал в карательной операции в деревне Павловичи в январе 1944 года, где были убиты двое партизан. Я дал команду своим подчиненным стрелять по убежавшим из деревни партизанам и сам по ним стрелял. О том, что погибшие являлись партизанами я знаю из того, что у них был взят автомат и винтовка. Выезжая в Павловичи, мы знали, что там находятся партизаны, потому что об этом нам уже было сообщено. Фамилий погибших партизан я не знаю.

Признаю также себя виновным в том, что в марте 1944 года во время операции в Морино я, а также мои подчиненные участвовали в обстреле неизвестного партизана на противоположном берегу реки Немана, в результате этого обстрела партизан был убит. По нему я стрелял из винтовки, а затем из пулемета. По партизану вели огонь мои подчиненные по моей команде. По нему также стреляли из миномета, и в конце концов он был убит уже около деревни Кривичи, что за Неманом. По подводе, из которой партизан обстрелял и ранил полицейского Бескандерова, я не стрелял и стрелять по ней и находившимся там людям не приказывал. Кем из карателей был ранен ехавший в санях подросток, не знаю. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 6. Л. 330–340. Подлинник.
Рукопись.*

№ 131. Из показаний В.А. Мелешко на заседании Военного трибунала КБВО

г. Минск

13 мая 1975 г.

[...] В марте 1943 года, числа не помню, возможно и 22 марта, как указано в обвинительном заключении, я со своим взводом выезжал из поселка Плещеницы в сторону Логойска. Целью поездки было обеспечение работы по восстановлению линии телефонной связи, нарушенной партизанами.

Тогда с нами вместе выезжал и 3-й взвод 1-й роты вместе с командиром взвода Пасечником. С нами был и шеф нашей роты немец Вельке.

Я, Вельке, ручной пулеметчик Шнайдер (он из фольксдойче) и шофер Хоптенец ехали на легковой автомашине, а остальные полицейские — сзади на трех грузовиках. Вельке сидел впереди с шофером, а я со Шнайдером — на заднем сидении.

Примерно на половине пути между Плещеницами и Логойском мы увидели более 30 человек, а возможно и 50, лесорубов, работавших слева у шоссе по ходу нашего движения. Когда мы проехали их и успели отъехать километра полтора-два, с возвышенности из леса из засады партизаны обстреляли нашу легковую машину. Немец Вельке и пулеметчик Шнайдер были убиты, а шофер Хоптенец ранен осколками лобового стекла. Я не был ранен, выскочил из машины и спрятался за задним колесом машины. Вельке и Шнайдер не сразу были убиты. Вельке сначала был ранен в правую руку, ему пальцы пулей перебило. Он все пытался вынуть пистолет из кобуры, но не смог этого сделать. Потом он с большими от ужаса глазами побежал по открытому месту, там и настигла его вторая пуля. Шнайдер тоже вначале был ранен, залег рядом со мной сзади машины. Он просил меня перевязать его, но у меня нечем было. Тогда он попытался вести огонь из ручного пулемета, тут он и был убит. Грузовые машины, которые от нас отстали, тоже остановились, полицейские выскочили из них и залегли вдоль шоссе, затем открыли огонь по тому месту, где была засада. Находившийся там командир отделения моего взвода Данько тоже был убит, когда пытался продвигаться по кювету вперед.

Когда все утихло, мы прочесали то место, откуда стреляли партизаны, но их там уже не было, мы только обнаружили стреляные гильзы.

Когда партизаны прекратили обстрел, я перевязал Хоптенца, раненого осколками лобового стекла в лицо и голову, приказал собрать трупы убитых. Вельке положили в легковую машину, а остальные трупы полицейских погрузили в грузовую машину.

Я никакого ранения не получил, не имел никаких повреждений. Это легко проверить. Я и следователю говорил — проверьте, если было ранение, то остались следы его. Не было поэтому у меня и повязки на голове. У Хоптенца была повязка, я его перевязывал.

Поскольку из оставшихся командиров я был старшим, то я дал команду задержать лесорубов, которых мы видели недалеко от места засады. Так я сделал потому, что у меня возникло подозрение о связи этих людей с партизанами, так как засада была недалеко от них, и они, возможно, знали о ней, но не предупредили нас. Я приказал отконвоировать лесорубов в Плещеницы в жандармерию, чтобы там выяснили, не имели ли они связи с партизанами и нет ли среди них партизан. Полицейские стали выгонять лесорубов на шоссе, при этом били прикладами, ругали. Когда всех лесорубов собрали на шоссе, я дал команду Пасечнику конвоировать их в Плещеницы, а сам на грузовой автомашине поехал туда, чтобы сообщить о случившемся.

Прибыв в Плещеницы, я доложил командиру батальона Смовскому и начальнику штаба батальона Васюре обо всем. Была объявлена тревога. Все оставшиеся в батальоне полицейские, кроме охраны во главе с командирами на автомашинах поехали к месту убийства Вельке и других полицейских. Я тоже поехал с ними. Всего было 4–5 грузовых автомашин, я ехал в кабине первой автомашины. Все были возбуждены.

Мы проехали так называемый Горбатый мост и примерно через 3 километра за ним встретили своих полицейских, которые конвоировали лесорубов. Когда мы приблизились к ним, ехавшие на автомашинах полицейские бросились к лесорубам и начали их избивать, сразу стрельба раздалась. Те начали разбегаться. Тогда конвоировавшие и вновь приехавшие полицейские открыли по лесорубам огонь из ручных пулеметов и винтовок.

В результате карателями было убито много лесорубов. Сколько точно не знаю, возможно, и 26 человек, как указано в обвинительном заключении. Я видел в кювете у шоссе не менее 16 трупов. Я лично по лесорубам не стрелял и такой команды не давал.

Оставшихся в живых лесорубов собрали и под конвоем направили в Плещеницы. Конвоировали их полицейские моего взвода, которых я выделил по приказанию командира батальона. Были ли раненые среди лесорубов, я не помню. Не видел, чтобы кто-либо из полицейских добивал раненых лесорубов. Я лично в них не стрелял и не достреливал раненых. Когда я выскочил из машины и подошел к лесорубам, то полицейские уже в них стреляли, в том числе стрелял в них из моего взвода Иванкив из ручного пулемета. После обстрела нас партизанами и убийства Вельке старосту среди лесорубов я не видел и с ним не разговаривал, он ко мне не обращался.

Остальные каратели остались, в том числе и я с частью своих полицейских, и поехали к месту, где был убит Вельке. Это было примерно в 13–14 часов. Вскоре к нам на помощь из Логойска прибыло подразделение СС. Командование нашего батальона и подразделения СС посоветались и решили двигаться дальше. В обсуждении плана операции я не участвовал. Полицейские нашего батальона двинулись с правой стороны шоссе. Эсэсовцы — вдоль шоссе слева, а в общем было направление на деревню Хатынь. Только тогда я не знал названия этой деревни, узнал впоследствии.

В 17 часов 40 минут председательствующий объявил перерыв судебного заседания до 9 часов 30 минут 13 мая 1975 года.

В 9 часов 30 минут 13 мая 1975 года председательствующий объявил судебное заседание продолженным.

Продолжение показаний подсудимого Мелешко

Всего на Хатынь тогда наступало 150–160 полицейских нашего батальона и 100 человек эсэсовцев.

Как я понял, мы стали двигаться в направлении Хатыни в связи с тем, что в ту сторону ушли партизаны.

Я со своим взводом двигался в том направлении, которое указал командир роты Винницкий. В том же направлении двигались и другие полицейские. Как только мой взвод вышел из леса, показалась

поблизости деревня, из которой начали убегать люди. Кто были эти люди — местные жители или партизаны, — не знаю. Командир роты Винницкий приказал открыть огонь по убегавшим людям и по самой деревне. Выполняя приказ командира роты, я командовал полицейским своего взвода стрелять и сам стрелял из винтовки СВТ по убегавшим людям, которые находились от нас в 500–600 метрах. Когда вошли в деревню, я видел только труп женщины, у которой командир отделения моего взвода Катрюк забрал пистолет. Но полицейские говорили, что было убито в деревне несколько человек.

По деревне и убегавшим людям велся сильный огонь из всех видов оружия, в том числе из станковых и ручных пулеметов и миномета. Поэтому невозможно сказать, кем конкретно из карателей были убиты те люди.

Когда вошли в деревню, то поступила команда — всех жителей Хатыни собрать в центр деревни. Такую команду я получил от Винницкого и, в свою очередь, приказал своему взводу. Мои подчиненные стали ходить по домам и выгонять людей. Я лично находился на улице, контролировал действия своих подчиненных. Сам же в дома не заходил и людей оттуда не выгонял.

Людей собрали на улице в центре деревни, где находилось командование батальона и эсэсовцы. Затем я получил от Винницкого команду конвоировать собранных жителей — стариков, женщин и детей — к сараю, стоявшему неподалеку. Я такой приказ дал командирам отделений Лакусте и Катрюку, которые стали с подчиненными конвоировать жителей к сараю. Я тоже с подчиненными шел туда. Людей загнали в сарай, дверь закрыли. Стало ясно, что их будут уничтожать. Непосредственно в сарай я людей не загонял и не приказывал это делать своим подчиненным. По приказу Винницкого я выставил в оцепление сарая полицейских своего взвода. В оцеплении находились и другие каратели. Там же, возле сарая, находились Смовский, Васюра, Кернер и другие. Я недолго побыл около них, а затем по указанию Винницкого пошел к своим подчиненным в оцепление.

Тут загорелся сарай с людьми. Поджег его переводчик штаба Лукович. Люди в сарае стали кричать, просили о пощаде, слышались вопли, жуткая была картина, страшно было слушать. Выломали дверь из сарая, выскочил горящий человек. Тогда Кернер приказал

открыть по сараю огонь. Мне такой приказ дал Винницкий, а я передал его своим подчиненным. Все каратели, стоявшие в оцеплении, стали стрелять в людей, находившихся в сарае, стреляли и из двух станковых пулеметов, которые были установлены по обе стороны сарая. Из одного стрелял пулеметчик Лещенко. Мои подчиненные тоже стреляли из винтовок. Я лично не стрелял, хотя у меня и была винтовка СВТ, я не мог стрелять по безоружным, ни в чем не повинным людям. Все согнанные в сарай люди — в основном женщины, старики и дети — более 100 человек были расстреляны и сожжены.

Имущество жителей разграбили эсэсовцы и полицейские 3-й роты. Мой взвод в этом не участвовал. Затем все дома и постройки Хатыни были сожжены. Вторая рота нашего батальона в этой операции не участвовала, так как она тогда в Плещеницах не находилась.

Сколько жителей было убито тогда в Хатыни, не знаю, но более 100 человек. Возможно и 149 человек, как указано в обвинительном заключении. Также не знаю, сколько было сожжено домов, вся деревня была сожжена. Это было 22 марта 1943 года — в тот же день, когда были расстреляны лесорубы. Расправа началась в послеобеденное время, а к вечеру все закончилось и мы возвратились в Плещеницы. Как я понял, уничтожили жителей и деревню Хатынь в отместку за убийство партизанами немца капитана Вельке. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 7. Л. 45, 55–60. Ксерокопия.
Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы
и материалы. Минск, 2009. С. 125–128.*

№ 132. Из протокола допроса И.Д. Петричука

г. Гродно

28 мая 1986 г.

[...] Как я сейчас вспомнил, начальник штаба батальона Васюра участвовал в карательной операции по уничтожению деревни Хатыни и ее жителей в марте 1943 года. В тот день с утра на шоссе на дороге Плещеницы — Логойск возле дер. Большая Губа партизанами из засады были убиты гауптман Вельке и еще двое-трое полицейских из первой роты нашего батальона. Об этом было сообщено в штаб батальона и командование батальона по тревоге подняло всех полицейских, находившихся в расположении батальона. В район случившегося выбыли тогда первыми на автомашине немцы Кернер, Герман, командир батальона Смовский, начальник штаба Васюра, командиры рот Винницкий и Нарядько. Это я сам видел. Вслед за ними выбыли на операцию полицейские первой и третьей рот, в том числе и мое отделение в полном составе. Шли мы пешком, некоторые ехали на повозках с тяжелым оружием. Везли туда станковые пулеметы, минометы, пушки. Когда мы прибыли к месту назначения, то я видел на шоссе у Большой Губы командира батальона Смовского, начальника штаба батальона Васюру, командиров рот Нарядько и Винницкого, немцев Кернера, Германа. Вскоре к нам подъехали со стороны Логойска на автомашине и мотоциклах немцы-эсэсовцы. Затем поступила команда от наших командиров рот Нарядьки и Винницкого следовать цепью в восточном направлении в Хатынь. Роты развернулись и пошли цепью по лесу в этом направлении. По лесной дороге вслед за нами везли станковые пулеметы, минометы, тянули пушки. Когда вышли на опушку леса, откуда была видна впереди деревня Хатынь, то поступила команда обойти деревню с обоих флангов и взять ее в оцепление. Такая команда исходила от штаба нашего батальона, а ее передавал в роте командир Нарядько. Наша рота шла для оцепления Хатыни с правого фланга, и в это время по самой деревне с опушки леса был открыт огонь из станковых пулеметов и минометов. Когда огонь прекратился, то полицейскими первой и третьей рот, а также эсэсовцами Хатынь была оцеплена плотным кольцом. В то время в ней находились жители. Вошли в де-

ревню Кернер, Смowskiй, Васюра и эсэсовские офицеры. От них поступила команда согнать жителей деревни в один сарай, что и было сделано полицейскими. Сгоняли в сарай всех, кто был обнаружен в Хатыни. Эту деревню называли партизанской, хотя партизан в ней я не видел. Когда одна часть полицейских из первой и третьей рот сгоняли жителей в сарай, то вторая часть полицейских разошлась по дворам и занялась грабежом. Полицейские грузили на подводы хлеб, скот и другое имущество, представлявшее ценность. Я со своим отделением был в оцеплении Хатыни, но, как командир отделения, все время не стоял на одном месте. По цепи я переходил в другие места, разговаривал с командирами других подразделений, подходил близко к сараю, в который загонялись жители деревни. Тогда я видел около сарая командира батальона Смowskiго, начальника штаба батальона Васюру, немцев Кернера, Германа, командиров рот Нарядько и Винницкого. Там находились и другие полицейские нашего батальона, а также эсэсовцы. Когда женщины, дети и другие жители Хатыни были заперты в сарае, то сарай стали забрасывать полицейские гранатами. Гранаты взрывались, из сарая раздавались крик и плач людей. Затем по сараю был открыт ружейно-пулеметный огонь. Картина была жуткой. В то время я видел, как от сарая в сторону леса бежал ребенок лет 6–7 и был убит выстрелом в него. От чьей пули он был убит, я не могу точно сказать, но по возвращении в Плещеницы были разговоры среди полицейских батальона, что по бежавшему ребенку стрелял либо Смowskiй, либо кто-то другой, стоявший вместе с ним около сарая. Сарай потом был подожжен. Вскоре были подожжены и другие постройки Хатыни. К нашему отъезду вся деревня горела. Сейчас я ознакомился со своими показаниями, которые давал 31 мая 1973 года на допросе в Управлении КГБ БССР по Гродненской области по делу Лакусты и других. Я тогда давал показания об операции по уничтожению Хатыни и ее жителей. Эти свои показания я подтверждаю с учетом тех уточнений и дополнений, которые показал сегодня на допросе. Как сейчас на допросе вспомнил, Васюра был на этой операции. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 11. Л. 122–126. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 91–93.

№ 133. Из протокола допроса О.Ф. Кнапа

пос. Кучино Пермской области

31 мая 1986 г.

[...] 22 марта 1943 года гауптман Вельке в сопровождении 1-го и 3-го взводов 1-й роты 118-го батальона выехал из Плещениц в сторону Логойска. На шоссе Плещеницы — Логойск в районе деревни Большая Губа они были обстреляны из засады партизанами, в результате чего Вельке, немец-пулеметчик Шнайдер и двое полицейских были убиты, а командир взвода Мелешко и водитель легковой автомашины легко ранены. Об этом доложил находившимся в Плещеницах Смовскому и Васюре сам Мелешко, прибыв туда. 2-й взвод 1-й роты и 3-я рота были подняты по тревоге и вместе с присоединившимися к ним жандармами и полицейскими местного гарнизона на автомашинах жандармерии выехали к месту убийства Вельке, в район Горбатого моста. Карателей возглавляли майор Кернер, Смовский и Васюра, ехавшие в легковой автомашине. Едва наша колонна проехала Горбатый мост, как ехавшие на первой автомашине полицейские внезапно открыли стрельбу. Наша автомашина, которая следовала второй, остановилась, мы спрыгнули на землю и бросились на выстрелы. Там мы увидели разбегавшихся безоружных людей в гражданской одежде, по которым полицейские из первой автомашины вели огонь. Мы также стали стрелять по убежавшим. Кто дал команду стрелять, не знаю. Все происходило, на мой взгляд, стихийно. Я также произвел по убежавшим несколько выстрелов. Беспорядочная стрельба продолжалась недолго. Вскоре по чьей-то команде она была прекращена. На залитом кровью шоссе я лично увидел не менее 10 трупов, много трупов лежало на обочинах шоссе, были убитые и в лесу, куда расстреливаемые пытались убежать. Среди погибших были мужчины, женщины и подростки. Несколько человек были ранены. Позже от сослуживцев мне стало известно, что расстрелянные нами на шоссе люди были мирными жителями, которые работали на вырубке леса вдоль шоссе, неподалеку от места засады партизан. После убийства Вельке полицейские их задержали по подозрению в сочувствии партизанам и конвоировали в Плещеницы. Оставшихся в живых лесорубов вновь построили в колонну

и отконвоировали в Плещеницы. Какова их дальнейшая судьба, не знаю. На месте расстрела лесорубов я видел Васюру. Принимал ли он участие в расправе над ними, мне не известно.

После расстрела лесорубов по распоряжению Смовского и Васюры полицейские 1-й и 3-й рот, а также жандармы и полицейские из Плещениц развернулись в цепь и стали прочесывать лес вдоль шоссе в направлении Логойска. Километров через 5 мы повернули влево и вышли к деревне Хатынь. У этой деревни мы встретились с эсэсовцами, которые прибыли из Логойска. В это время из деревни по нам открыли огонь партизаны. Каратели ответили стрельбой по Хатыни из всех видов оружия, в том числе и из тяжелого. Бой был скоротечным. Ввиду явного численного и огневого перевеса карателей партизаны были вынуждены оставить деревню и отступить в лес. После этого каратели беспрепятственно вошли в Хатынь. Два-три дома, подожженные, очевидно, во время перестрелки, горели. Вскоре нашему взводу последовала команда расположиться в цепь полукольцом напротив ворот большого деревянного сарая, к которому полицейские первого и третьего взводов 1-й роты совместно с эсэсовцами стали сгонять жителей деревни. 3-я рота в это время оцепила Хатынь с целью предотвращения возможного нападения партизан и исключить бегство в лес кого-либо из жителей деревни. Часть полицейских 118-го батальона и эсэсовцев вместе с полицейскими и жандармами из Плещениц обыскивали дома и надворные постройки, грабили имущество жителей деревни, забирали скот. Всеми действиями карателей руководили Кернер, Смовский и Васюра, а также офицер-эсэовец. Цепь полицейских, в которой находился и я, была расположена метрах в 30 от сарая. Напротив ворот сарая, перед самой цепью был установлен станковый пулемет, первым номером которого был полицейский Лещенко. После того, как всех жителей Хатыни согнали в сарай, по распоряжению командования батальона полицейские первого и третьего взводов также стали в цепь перед сараем. Кернер, Смовский, Васюра и офицер-эсэовец находились у сарая, командовали карателями. Мне трудно судить о том, какую конкретно кто из них давал команду. Но, находясь от них в непосредственной близости, я хорошо видел, что они все четверо осуществляли руководство карательной акцией в Хатыни. После того, как все жители деревни были согнаны

в сарай и заперты в нем, переводчик Лукович поджег соломенную крышу сарая. Находившиеся в нем люди стали кричать, плакать, молить о пощаде, ломиться в запертые ворота. В этот момент кто-то из командиров, уже отошедших от сарая и расположившихся у фланга цепи полицейских, дал команду открыть по сараю огонь. Все стоявшие в цепи, и я в том числе, открыли по находившимся в сарае людям стрельбу. Вместе с нами по сараю с людьми вел огонь из своего автомата Васюра. Это я видел хорошо, так как он находился в непосредственной близости от меня, не более, чем в 10–15 метрах. Стреляли до тех пор, пока не обвалилась пылающая крыша сарая и не затихли крики и стоны, находившихся там людей. Всего карателями было уничтожено примерно 150 человек, в основном женщин, стариков и детей. Вся деревня, насчитывающая примерно 30 домов была сожжена, а имущество ее жителей карателями было разграблено. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 11. Л. 139, 143–150. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 87–88.

№ 134. Из протокола допроса С.В. Сахно

г. Гродно

9 июня 1986 г.

[...] Так, в марте 1943 года в составе 1-й взвода первой роты я сопровождал шефа первой роты немца гаутмана Вельке, который ехал в отпуск. В районе Горбатого моста на шоссе Плещеницы — Логойск мы попали в засаду партизан, которые открыли по нам неожиданный сильный огонь. В результате обстрела гаутман Вельке был убит. Убиты были также трое полицейских, а командир 1-го взвода Мелешко и водитель легковой автомашины, на которой ехал Вельке, были легко ранены. Обстрел был непродолжительным, и вскоре партизаны скрылись в лесу. В колонне с нами следовал связист, который сразу же после окончания перестрелки подключился к линии связи и сообщил в Плещеницы о том, что мы подверглись нападению партизан и что у нас имеются убитые. В это же время полицейские задержали человек 40–50 местных жителей, работавших на вырубке леса у шоссе, неподалеку от места партизанской засады. Их заподозрили в сочувствии партизанам. Указанных лесорубов построили в колонну и под конвоем повели в Плещеницы. Вскоре из Плещениц на двух или трех автомашинах прибыли оставшиеся там подразделения 118-го полицейского батальона, во главе с шефом батальона немцем майором Кернером, командиром батальона майором Смовским и начальником штаба батальона Васюрой. Когда первая автомашина с полицейскими поравнялась с колонной задержанных лесорубов, то кто-то из полицейских стал стрелять по безоружным людям. Задержанные стали разбегаться. Полицейские открыли по ним беспорядочную стрельбу. Вскоре по чьей-то команде стрельба была прекращена, однако, не менее двадцати человек, в их числе женщины и подростки, было убито, несколько человек были ранены. Васюра был на месте расправы с безоружными людьми, однако чем он занимался, стрелял ли по убегавшим лесорубам, сказать не могу, не помню. Оставшихся в живых людей собрали, вновь построили в колонну и отконвоировали в Плещеницы. Какова их дальнейшая судьба, не знаю.

Кернер, Смовский и Васюра организовали прочесывание прилегающей к шоссе лесистой местности с целью обнаружения партизан.

Вскоре наш батальон вышел к деревне Хатынь. Здесь мы встретились с эсэсовцами, прибывшими из Логойска. По приказанию командования батальона каратели окружили деревню. Боя не было, так как партизаны к нашему прибытию деревню покинули и мы беспрепятственно в нее вошли. В Хатыни каратели стали выгонять жителей из домов на улицу, а затем стали сгонять к отдельно стоящему большому деревянному сараю. Когда все жители деревни Хатынь были согнаны, их закрыли в этом сарае. Васюра в это время вместе с Кернером, Смовским и офицером-эсэсовцем находился возле сарая и отдавал полицейским какие-то команды. Я находился в цепи полицейских непосредственно напротив ворот сарая, метрах в 40 от него. После того, как сарай с людьми был заперт, Васюра с другими командирами находился сразу же за цепью полицейских, напротив ворот. По чьей-то команде, один из полицейских, кто именно, не помню, поджег сарай, предварительно облив его какой-то жидкостью. Находившиеся в нем люди стали кричать, молить о пощаде, пытались выломать двери. В этот момент каратели открыли огонь по горящему сараю с людьми. Кто приказал стрелять, не помню. Вскоре пылающая крыша сарая рухнула, крики и стоны людей в нем прекратились. Никому из сарая спастись не удалось. Всего в нем было уничтожено примерно 150 человек — в основном женщин, стариков и детей. После этого каратели подожгли деревню, она была полностью уничтожена огнем. Стрелял ли Васюра по жителям деревни Хатынь, поджигал ли в ней дома, не знаю, лично этого не видел. Хорошо помню, что он отдавал какие-то команды полицейским. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 11. Л. 204–205. Подлинник.
Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память:
Документы и материалы. Минск, 2009. С. 108–109.*

№ 135. Из протокола допроса М.И. Хоптенца

г. Гродно

24 июня 1986 г.

[...] В марте 1943 года большая группа полицейских во главе с немцем гауптманом Вельке на легковой и трех грузовых автомашинах выехали в направлении поселка Логойска из поселка Плещеницы. Откуда батальону были приданы грузовые автомашины, не знаю, ими управляли шоферы-немцы. Легковой управлял я. В моей автомашине ехали Вельке и один лейтенант из украинцев, которого называли заместителем командира роты. Фамилии лейтенанта не знаю. С какой целью совершался выезд, я не знаю. Говорили, что поехали проверять телефонную связь. Из Плещениц мы выехали в таком порядке: впереди грузовая автомашина, за ней я на легковой, следом за мной еще две грузовых автомашины с полицейскими. Помню, что на первой автомашине, на кабине был установлен ручной пулемет. Проехав некоторое расстояние от Плещениц, шедшая впереди грузовая автомашина остановилась. У нее отказал бензонасос. Вельке или лейтенант, кто не помню, приказали ручному пулеметчику с пулеметом пересесть в мою автомашину, что он и сделал. Колонна двинулась дальше. Хорошо помню, что как только моя автомашина начала спускаться с бугра на шоссе, из лесу по нашей автомашине был открыт огонь. Стреляли с левой стороны шоссе. Вельке приказал мне остановиться. В этот самый момент пули попали в лобовое стекло, которое разбилось. Осколками стекла засыпало мне глаза. Все мы выскочили из автомашины. Вельке стал убегать от автомашины по полю и был убит. Пулеметчик залег в кювете впереди автомашины и тоже был убит. Я лег за переднее колесо, лейтенант — за заднее. Лейтенант из имевшейся у него десятизарядной винтовки открыл огонь в ту сторону, откуда мы были обстреляны. Я стрелять не мог, так как протираю глаза и во время протиранья порезал их. У меня винтовки не было, вооружен был пистолетом. Вступили в бой и ехавшие на грузовых автомашинах полицейские. Несколько полицейских пытались пробиться к нам на помощь, но были убиты. Перестрелка, как мне показалось, длилась долго. Партизаны ушли. После боя лейтенант перевязал

мне глаз, приказал погрузить труп Вельке в легковую автомашину и отвезти его в расположение батальона в поселок Плещеницы. Я один, без сопровождения, повез труп Вельке в Плещеницы. Куда ушел лейтенант с полицейскими, не могу сказать, но, когда я уезжал, они оставались на месте боя. Полицейские были возбуждены, злы, находились в замешательстве, испуге. Когда я отъезжал, грузовых автомашин на месте боя уже не было. Куда они девались не могу сказать: или не видел, или не обратил внимания, куда они уехали. Следуя в Плещеницы, я по дороге ни выезжавших с нами полицейских, ни гражданских лиц не видел. Полицейские остались на месте боя. Уже подъезжая к Горбатовому мосту со стороны поселка Логойска, я встретил две или три грузовых автомашины, двигавшиеся из Плещениц. Были ли то те автомашины, которые везли сопровождавших нас полицейских или другие, не могу припомнить. В автомашинах ехали командиры батальона Кернер и Смовский, другие офицеры и рядовые полицейские. Как они узнали о случившемся, не могу сказать. Были позже разговоры, что телефонисты залезли на столб и позвонили в батальон, доложили об убийстве Вельке и других. Когда я встретил грузовые автомашины, последние остановились. Это же сделал и я. Кернер подошел к моей автомашине, посмотрел труп Вельке, приказал мне везти его в Плещеницы в расположение батальона. О случившемся меня не расспрашивал. С Кернером стояли и другие командиры батальона, но в настоящее время не помню кто. Я сразу уехал. Когда я привез труп Вельке в расположение батальона и остановился возле штаба, оттуда вышел высокий худой немец в звании оберлейтенанта, он или работал в немецком штабе, или был его начальником, распорядился вынести труп Вельке из автомашины. Где его положили, не знаю, так как я сразу ушел в свою комнату и оттуда не выходил. Находясь в своей комнате, я слышал как привезли в расположение батальона трупы убитых полицейских, но из комнаты не выходил. У меня резали глаза, не мог смотреть. Никого из офицеров-украинцев в батальоне, когда привез труп Вельке, я не видел. Правда, я почти не находился на улице. Все время лежал в своей комнате. Кажется, один из проживавших со мной переводчиков сказал мне, что в расположение батальона пригнали заложников — лесорубов, которые должны знать, кто обстрелял нас. Я понял, что привели в батальон тех лесорубов, которых я видел,

следуя по шоссе до нападения партизан. Я видел человек десять, стоявших около дороги с пилами и топорами. Через окно я видел лесорубов. Они были в гражданской одежде. Были ли среди них женщины, не помню. Кто, когда, при каких обстоятельствах задержал и доставил в распоряжение батальона лесорубов-заложников, не знаю. В тот же день Кернер возвратился в батальон. Приехал ли он один или возвратились все полицейские, не помню. Кернер зашел ко мне в комнату и сказал, что на следующий день меня отправят самолетом в Минск, в госпиталь. И действительно, на следующий день меня отправили самолетом в город Минск. Когда я уезжал из расположения батальона, то уже видел Смовского и других командиров батальона, выезжавших к месту убийства Вельке и других. Поэтому полагаю, что они возвратились в день выезда. Были ли совершены какие-либо злодеяния полицейскими батальона в день убийства Вельке, расстреливались ли работавшие в лесу граждане, сжигалась ли деревня Хатынь и уничтожались ли ее жители, не знаю. Результатами выезда не интересовался. Мне было не до того. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26613. Т. 11. Л. 254, 257–260. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 128–130.

III. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

№ 136. Протокол опроса свидетеля М.А. Миранович

г. п. Логойск

7 октября 1944 г.

[...] В начале июня 1943 рано утром немцы в количестве 150 человек окружили нашу деревню Нивки Кузевского с/с. Населению было объявлено собираться в большой сарай для проверки паспортов; часть из жителей сами пошли к указанному сараю, остальных немцы силой загоняли в сарай. Наполнив сарай живыми людьми, среди которых находились женщины с грудными детьми, старики и подростки, нанесли к сараю соломы, облили бензином и зажгли сарай. Находившие в горящем сарае люди подняли крик и рвались к дверям к щелям сарая, но стоящие в оцеплении около сарая, ловили выбравшихся из сарая обгоревших людей и снова бросали их в огонь. Кто пытался скрываться, того убивали, и мертвые тела людей бросали в огонь. На втором конце деревни Нивки в большой дом школу согнали женщин с малыми и грудными детьми, положили в ряд на пол и убивали одну за одной, потом также дом облили бензином и зажгли дом. Никто из этого дома не выбрался в живых. Я в это время находилась в дер. Нивки, меня также тащили в горящий сарай, били прикладом. На моих глазах мой брат, выбравшись из горящего сарая, побежал скрываться в лес, но в огороде был убит, и тело его бросили в огонь. Мою мать и отца связали, бросили в ров, потом привязали до оглоблей повозки, всяко избивали и куда-то угнали. В этот день немцы сожгли 140 жителей дер. Нивки. К вечеру того же дня, забрав весь скот, оставшийся в деревни, немцы с песнями ушли в м-ка Логойск.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 87, Д. 8. Л. 19, 19об. Подлинник. Рукопись.

№ 137. Протокол опроса свидетеля Т.А. Шило

дер. Осовы

29 октября 1944 г.

[...] По существу дела показываю: следственным органам, что с приходом немецко-фашистской власти на территорию Бегомльского района Минской обл., которые преступили к своей власти и стали хозяйничать, вводить свои порядки бандитские. Мирное население стали избивать за то, что не выдут вовремя на работу. Мы при советах не видали ни одной палки. По 1941 год в нашей деревне не было никакого убийства. В 1942 году в сентябре м-це к нам в деревню пришла полиция и немцы и стали собирать жителей. Люди все шли, не знали для чего собирают. Когда собрались то комендант полиции выстроил всех подряд и стал по списку вызывать, а некоторых вызывал и без списку, вызвали 12 человек и перед строем положили мужчин и несколько было женщин. Положенные люди лежали, а еще раз вызывали на допросы. После всего из 12 человек оставили пятерых и расстреляли, а всех стоявших распустили по домам.

После расстрела сели на машины и уехали, но мы жили до 1943 года, более не было никакого убийства в нашей деревне.

В 1943 году в мае м-це к нам в деревню приехали немцы, но все жители находились в лесах, то немцы стали говорить, чтоб люди вернулись из лесу и пришли в деревню, а если вы не придете, то попалим ваши хаты и вас в лесе половим и расстреляем. Тогда все жители пришли в деревню, ночевали ночь, а наутро немцы окружили деревню и стали собирать людей в сарай для допроса, из квартир выходить не велели. Я пошла до невестки в квартиру, когда пришла, то у нее уже стоял один немец и стал спрашивать у невестки, кто пришла. Невестка ему ответила, это мужава мать. То тогда меня немец ударил палкой и вытолкал из хаты. Я пошла домой. Побыла дома, пошла на огород смотреть, куда сгоняют людей, вижу сажают всех в один сарай. После чего в сарае получился взрыв и сарай загорелся. Трое детей побежали от сарая, то немцы их пристрелили. Не выпускали из сарая. Когда сарай стал догорать, тогда немцы собрались, покалякали, сели на машины и уехали из деревни. В этом сарае сожгли около 50 человек живыми и троих детей расстреляли,

погибло разного возраста, не смотрели ни на старых ни на малых. После этого убийства мы жили до 1944 года июня месяца. Жители находились все в лесу, 10-го числа немцы окружили лес и стали собирать всех людей, собрали молодежь, детей, стариков и стали людей отбирать отдельно и без детных женщин. После отбора отправили в Германию человек 20, а нас стариков оставили еще. Вечером мы полегли спать, где немцы стали ходить с фонариками и подымать мужчин под видом на работу. Собрали мужчин и повели наутро на восходе солнца. Мужчин порубили топорами, а нас всех собрали и погнали в деревню Осовы. И в деревне снова стали прятаться кто куда. Немцы еще кого сумели поймать, то забрали собою и погнали на крастных. Вот что могла видеть как палачи расправлялись с мирным советскими людьми. Более по данному делу показать не могу, все выше изложено с моих слов верно и прочитано мне.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 87. Д. 1. Л. 33–34. Подлинник. Рукопись.

№ 138. Протокол опроса свидетеля М.Ф. Шпэта

дер. Осовы

30 октября 1944 г.

По существу дела показываю: Следственным органам что до прихода немецких войск я совместно своей семьей проживал в <рзб> р-не дер. Сторына где я впервые еще на своей жизни увидел как немцы издевались над мирным населением которое имело до их и ихному познанию в подозреваемых и участниках к воено пленным бывших советских войск, когда прогоняли по дорогам голодных и когда кто сорвет травинку или ослабнет то они били их палками а потом расстреливали на месте. Потом я в 1942 г. приехал в свою дер. Осовы Осовского с/совета Бегомльского р-на Минской области. За время своего проживания в дер. Осовах мне пришлось еще увидеть своей старостью чаю я как родился не видел такой сумасшедшей расправы над мирным населением дер. Осовы как 16 сентября 1942 года немцы вместе с местной полицией наскочили на дер. Осовы и начали сгонять жителей насильно, в одно место около дома Скакуна, сгоняли и ставили в одну шеренгу мужчин женщин и малых детей потом берут мужчин ложат на землю лицом вниз к земле 12 человек, из которых они забили 5 человек с пистолетов и наганов, а остальных, избивали прикладом винтовок где я видел как били Скакуна Ивана в плечи и по морди кулаками каторы упал наземлю и лежал а потом Скакуна Рыгора Рыгорова каторого били палками прикладом винтовок а потом, его забили и так разбойничая избивали немцы и месная полиция мирных граждан деревни Осовы не узирая на личнае старости ни женщин с детьми. И ящо дело было в 1943 году в май месяцы вовремя блакировки нашего Бегомльскога раена: немцы и полиция так-же наехали в нашу дер. Осовы на повосках и верхом на лошадях попускали лошадей по всем посевам хто с них хотел то в агород то, наполе, по всем посевам и, посли через день приблизительно 28 мая 1943 года сутра я услызхал что деревни ахватили мирного населения человек 53 совместно с малыми детьми загнали под конвоем в одельную пастройку (пуню) гр-на Политыко Ивана где убросили гранату закрыли крепко дверь и наживох сожгли на смерть усих где никто

несмог убежать, кто убегал того расстрелявали неизвесно с какого оружие, только как уехали на этих минутах насыления наскочило остолные жители дер. Осовы на эту путь и начали тушить ну уже было поздно увес нард находящы в пути бил сожан неживы и мы этих людей обгоревшых разтаскували по сторонам сгоревшой пути распознавали по остаткам одежине сгоревшай на них, обливали водой от огня и похоронили их на кладбищы с большим плачом. Еще был случай в 1944 г. июни месяцы число не помню ровно через год где так-же немцы совмесно с полицией начали находить на нашу деревню и сожыгали господарки и постройки наших мирных граждан, бомбили из самолетов и так-же, шашками жыгали во время полета наш дома дер. Осовы, все население было убежавшы в леса для сохранение своей жызьни от бомбежки где мы и, в том числе я жил лагирах выстроеных сосновой коры бутки замаскированы с ветками зеленых деревьев, немцы немцы наскочыли на наш лагер где населения убежали бросили свое хозяйственны одежи и скотину, коров и, коней которых они забрали совмесно с нашими продуктами в пользу самих себя, остальных хозяйственных предметов споллил. Прытом намести забили 26 чоловек в лагирах мужчын, женщын, и малых детей, которые были не усотаяний здаровя убежать от наглой неслыхоной расправы немцами над мирными граждонами нашей родины которо я еще невидал напротяжений своих 74-х лет. Вот что я мог в своей памяти рассказать об усих расправок пороходившых на моих глазах этово пройдено времени. Все сказано мною верно и записано с моих слов за что я и расписулся.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 87. Д. 1, л. 29–30. Подлинник. Рукопись.

№ 139. Из протокола опроса свидетеля М.К. Полетыки

дер. Осовы

30 октября 1944 г.

По существу дела показываю: что в сентябре м-це 1942 года прибыли в нашу дер. Осовые немцы совместно с полицией собирали населения но в то время миня в деревни небыло. Я была в поле выбрала картошку, что они делали с населением я не знаю. Когда узнала что собирают людей то пошла домой взять паспорт. Миня на деревни схватил один леговец и стал спрашивать партизан. Когда я сказала не знаю то леговиц наставил на миня оружие и говорит видишь, что это, говори а то убю и миня давай ругать не цензурными словами. Когда его позвал другой немец он пошел к нему, а я убежала в кусты и ушла в дер. Отруб. Пришла домой к вечеру немцев уже небыло и жители стали рассказывать, что немцы собрали все население и забили перед людьми 5 человек нашей деревни. Людей били палками, прикладами и <нрзб>. Над людьми издевались как над какой либо животной и то так не издеваются, но немцы являлись хуже зверя.

Могу рассказать как очевидица, что проделывали немецкие каратели в 1943 году в мае м-це прибыли немцы в наше село все жилили находились в лесе, прятались от извергов и мучителей людей. Но они приказали чтобы жители из леса все стали выходить и собираться по домам. Пришли домой переначевали ночь, а утром часов 7 стали собирать партизанские семьи и содить в сарай который находился за деревней утром ко мне вошли немцы 4 человека и не выпускали миня на двор. Нобрали людей как малая так и старья закрыли в сарай. После стали собирать все остальные вулицу, собравшия всех выстроили подожгли сарай где находились живые люди. Стоя встрою я сумела из стоя и спряталася, а когда выехали немцы из деревни я побежала к с сараю где горели люди. Горела мая братова жена и двое детей всего сожгли в сорае 50 человек и троих детей возрастом от 7 и до 10 лет застрелили бежавшим от сорае. Всего встой день погибло 53 человека. После всего мы жили до 1944 года июня м-ца не было не каких расправ с жителями нашей деревни.

Но в 1944 г. июне м-це мы все жители находились в лесе. Немцы окружили лес стали собирать людей собрали большон количество жителей и стали отделять молодеж отдельно, стариков отдельно. Когда разделили то молодеж погнали в Германию болие 20 человек, где и я попала и пошла но дорогой всякими неправдами убежала от них. А оставшим людей мужчин отобрали 12 человек и порубили. Оставшим женщин с детьми погнали в дер. Осовы и сосовим немцы выехали.

Более по данному делу показать не могу все выше изложеное и записаное с моих слов проверено и прочитано мне.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 87. Д. 1. Л. 31–32. Подлинник. Рукопись.

№ 140. Из протокола допроса свидетеля В.П. Давжонка

г. Минск

26 сентября 1973 г.

[...] в апреле 1942 года я ушел в партизанский отряд «Борьбу» под командованием Долганова Сергея Никоноровича. До этого времени проживал в дер. Дальковичи, бывшего Плещеницкого ныне Логойского районов, Минской области. Дер. Дальковичи находится примерно в 20 километрах севернее пос. Плещеницы. В пяти километрах от нашей деревни находится дер. Городец. В дер. Дальковичи, до ее сожжения карателями, насчитывалось 42 дома. Во время оккупации немецкими захватчиками территории Белоруссии в дер. Дальковичи размещался штаб отряда и сам отряд «Борьба». Штаб размещался в доме Лемеш Ольги Сафоновны.

В середине мая 1943 года, число точно теперь не помню, в первой половине дня на деревню Дальковичи начали наступление немецкие каратели. Я в это время в составе взвода Рогачева находился на рубеже обороны в конце дер. Дальковичи, прикрывая дорогу со стороны деревень Губа и Рудня. Находясь там, я видел, как по дороге из дер. Городец появились немецкие каратели. Их было примерно человек 200. Ехали на телегах, были и пешие. В бой мы сразу не вступали, так как до них было далеко. А через некоторое время я увидел, что каратели появились и со стороны деревень Губа и Рудня. Каратели пытались нас окружить. Рубеж обороны партизанского отряда «Борьба» начинался от конца деревни Дальковичи, где находится кладбище, и своим левым флангом упирался в реку Цна. Он как бы опоясывал деревню. На этом рубеже обороны были три основные огневые точки: первая — около церкви, примерно в центре деревни, вторая на склоне косогора со стороны деревни Губа, третья находилась на холме за деревней в сторону реки Цна. Сам я, как уже говорил, находился на второй огневой точке. Около церкви держал оборону второй взвод, примерно около 15 человек. Еще до начала боя партизаны предупредили жителей деревни Дальковичи, что будет бой и всем им надо уходить. На огневую точку, где находился я, наступало человек 20 карателей. Подпустив их метров на 50–60,

мы открыли огонь. Хорошо помню, что одеты они все были в кители и брюки желтоватого цвета, на ногах были ботинки. Каратели нам тогда еще что-то кричали на русском языке. Наступавшие на нас каратели залегли. Другие же стали нас обходить с фланга. Станковый пулемет, который находился на холме на нашей третьей огневой точке, почему-то не стрелял. Боясь попасть в окружение, мы отошли на противоположный конец деревни Дальковичи к кладбищу. В тот момент с нами не оказалось партизана Бордушенко Василия. Впоследствии от командира отделения я узнал что он, Бордушенко, погиб на месте первого боя с карателями.

Еще при отходе к кладбищу около дома Ивановского Ивана я встретил партизанку Бичун Зинаиду. Хочу заметить, что фамилия ее могла быть и Бичук. Как правильно была ее фамилия, я не знаю.

Она отходила вслед за нами. Отойдя уже к кладбищу, я увидел что на противоположном конце деревни, где мы только что видели бой, горят дома. Что происходило около церкви в это время, я не знаю. Но слышал оттуда частую стрельбу. Деревня Дальковичи в это время уже горела вся. Около кладбища мы находились минут 15–20. После этого отошли к деревне Прусовичи, где заняли оборону. Впоследствии от местного жителя Гинбуда Михея я узнал, что партизанка Бичун /Бичук/ Зинаида погибла около кладбища деревни Дальковичи. Расстреляв все патроны, она отбивалась прикладом. На этом месте, у конца деревни рядом с кладбищем, каратели ее и убили. Труп Зинаиды я сам не видел. Гинбуд Михей в настоящее время умер. Как вела бой с карателями и как погибла Зинаида, видел сам Гинбуд, находясь в кустах, где прятался от карателей.

Когда мы отходили к деревне Прусовичи, бой в районе церкви еще продолжался. Где находились жители деревни в это время, я не знаю. Примерно после обеда наша разведка доложила, что каратели уехали из дер. Дальковичи обратно по дороге на деревню Городец.

Вернулись мы в деревню Дальковичи назавтра. Кроме двух домов, вся деревня была сожжена. Я видел в тот день труп местного жителя Аринича Данилы. Он лежал в саду под яблоней сильно обгоревший. Больше никого из убитых местных жителей я не видел, так как их уже захоронили. От жителей деревни я узнал, что были зверски убиты, кроме Аринича Данилы, местные жители Кононович Герасим, Кононович Анна, Устин Дарья, Устин Мария.

Был ли убит еще кто-нибудь из жителей, я не знаю. В тот же день от кого-то из партизан мне стало известно, что во вчерашнем бою погибло восемь или девять партизан. Какое точное число погибших партизан, я не знаю. Кроме названных мною погибших Бордушко и Бичун /Бичук, в дер. Дальковичи тогда погибли Глинский Николай Никитович, бывший директор школы в дер. Прусовичи, Матюкевич Николай, муж погибшей в тот же день Бичун Зинаиды. Фамилии остальных партизан, погибших во время боя, я не помню.

Все погибшие партизаны захоронены на кладбище в дер. Прусовичи в братской могиле. На могиле находится памятник, на котором имеются фамилии погибших в бою в дер. Дальковичи в середине мая 1943 года. Правда, на этом же памятнике есть фамилии других партизан, погибших за весь период оккупации.

Каратели в день учиненного злодеяния в дер. Дальковичи прибыли из пос. Плещеницы, так как они двигались по дороге из Плещениц, а других гарнизонов в этой местности не было.

Был ли взорван дом Лемеш Ольги, где находился штаб партизанского отряда, перед тем как его сожгли, мне не известно. Об этом я ничего не слышал и от других партизан, а также от местных жителей. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26703. Т. 11. Л. 38–41. Подлинник.
Машинопись.*

№ 141. Из протокола допроса свидетеля С.А. Бурака

Дер. Заречье

6 февраля 1975 г.

[...] В период немецкой оккупации территории Белоруссии я проживал сначала в дер. Осовино, а с августа 1942 года находился в партизанском отряде «Мститель» бригады им. Воронянского. В партизанах находился до изгнания немецких оккупантов. В 1943 году был разведчиком отряда им. Котовского.

В феврале 1943 года, более точную дату не помню, со стороны Плещениц к деревне Котели и Заречье прибыли на подводах немецкие каратели в черных шинелях, среди них были и немцы. Отряд «Котовского» в это время находился в лесном массиве юго-западнее дер. Котели. Партизаны открыли по карателям огонь, в результате которого было убито человек десять карателей. После этого каратели отступили, оставив трупы убитых.

На следующий день каратели снова прибыли в район дер. Заречье и Котели. Партизаны отрядов «Котовского» и «Борьба» устроили засады по дороге со стороны дер. Хотавичи и дер. Сукневичи. В дер. Котели находился штаб бригады со взводом партизан. Каратели не пошли по дороге через Хотавичи и Сукневичи, а прошли лесным массивом со стороны Корбановщины и прибыли к дер. Котели на опушку леса. Я находился в дер. Котели. Каратели обстреляли из пушки дер. Котели. В 200–250 м от деревни Котели находился колхозный сарай, в котором были партизаны с пулеметом. Из сарая партизаны открыли огонь по карателям. Тогда каратели открыли огонь по сараю из пулеметов и другого оружия, сарай загорелся. В связи с превосходящими силами карателей партизаны из дер. Котели отошли в лесной массив. Каратели ворвались в дер. Котели и Заречье. Я вместе со штабом бригады тоже отошел в лес. Убитых и раненных партизан в этот день я не видел.

Из леса я видел как горели дер. Котели и Заречье. Как стало известно мне позже, каратели ворвавшись в дер. Котели и Заречье начали поджигать дома, расстреливать местных жителей и грабить имущество. Тогда в дер. Котели каратели сожгли примерно 10 домов

и расстреляли 4 местных жителей в том числе Черник Михаила, его жену, старика Петровского и еще одну женщину, фамилию не помню.

В дер. Заречье каратели в тот день сожгли примерно 30 домов и человек 10–12 местных жителей расстреляли, из числа которых помню Судниковского Константина, Буцкевич Веру и ее дочь Татьяну, Валицкую Стефаниду Андреевну, Бохан Веру или Ванду, Драгун Елизавету, Бублис Магдалену, Медвецкую Марию, других сейчас не помню. Из расстрелянных человек 6 было сожжено в своих домах. Все расстрелянные из дер. Котели и Заречье были похоронены на кладбище в дер. Горавец.

После расправы над жителями деревень Котели и Заречье каратели собрали трупы убитых накануне партизанами полицейских и уехали.

Партизанской разведкой было установлено, что среди карателей совершавших злодеяния в феврале 1943 года в дер. Котели и Заречье были немцы, украинцы из дислоцировавшегося в г. п. Плещеницы украинского батальона и Плещеницкая полиция. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 8. Л. 40–44. Подлинник.
Рукопись.*

№ 142. Из протокола допроса свидетеля М.Ф. Ратикова

дер. Заречье

6 февраля 1975 г.

[...] С весны 1942 года я находился в партизанском отряде «Мститель», а с конца 1942 года командиром взвода разведки при штабе бригады им. Воронянского. Воронянский был командиром бригады. Летом 1943 года он погиб. До смерти Воронянского бригада называлась «Народный мститель», а после смерти Воронянского переименована именем Воронянского.

В бригаду Воронянского входило пять отрядов: «Котовского», «Мститель», «Борьба», «Суворова», «Пономаренко». Действовала бригада в районе бывших Логойского, Плещеницкого, и окружающих районов.

В феврале месяце 1943 года, более точную дату не помню, отряд им. Котовского, стоял в лесу около дер. Заречье и Котели. Деревни Заречье и Котели находятся рядом. Разведка отряда находилась в дер. Заречье. Утром разведка заметила, что с южной стороны дер. Заречье из леса вышли немецкие каратели. Это было доложено в отряд. Между карателями и партизанами завязался бой. В результате боя было убито человек 15 немцев и полицейских в черной форме. В дер. Заречье и Котели каратели не вошли, а бежали в Плещеницы. Со стороны партизан в этом бою был ранен командир роты Мельников, который через несколько дней умер. Других потерь не было.

Штаб бригады в тот день находился в лесах в районе дер. Машиновка, что в 15 км от Заречья. Там находился и я. Разведка о бое доложила в штаб. Воронянский понял, что на следующий день каратели придут за трупами убитых и принял решение сделать силами отрядов засады на дорогах к Заречью и Котелям. Отряд Котовского находился на участке дороги к Заречью со стороны дер. Хотавичи. С южной стороны от Заречья в лесу около дер. Селище находился отряд «Борьба». Штаб с комендантским взводом разместился в дер. Котели. За деревней Котели в 250 метрах в юго-восточном направлении около дороги, ведущей на Селище, стоял колхозный сарай. Как мне помнится, около этого сарая или уже в сарае был

установлен станковый пулемет, который обслуживало два человека. Из какого отряда были эти пулеметчики, я не помню. Кроме этих пулеметчиков, штаба и комендантского взвода, в дер. Котели и Заречье тогда других партизанских сил не было. Я с Воронянским находился в Котелях. Утром следующего дня, после боя партизан с карателями, я с Воронянским ездил к лесу осматривать трупы убитых немцев и полицейских. После этого вернулись в Котели. В это время из Котелей заметили, что со стороны леса в Котели и на Заречье идут каратели, шли они по полю врассыпную. Пулеметчики от сарая открыли огонь по карателям. Каратели открыли огонь по деревне и сараю. Сарай загорелся. Когда сарай горел, штаб и комендантский взвод ушли из деревни Котели в северном от нее направлении в лес. Когда и куда ушли пулеметчики, я не знаю.

Ворвавшись в дер. Котели и Заречье каратели начали поджигать дома, расстреливать местных жителей. Нам из леса было видно как горели дер. Котели и Заречье, слышна была стрельба.

После уезда карателей я узнал от местных жителей, что в дер. Котели каратели расстреляли 4 местных жителей и сожгли около 10 домов с надворными постройками, а в дер. Заречье расстреляли человек 12 местных жителей и сожгли около 30 домов.

Каратели приезжали в день сожжения дер. Котели и Заречье из г. п. Плещеницы. Среди них были немцы, полицейские и украинцы из 118-го украинского батальона, который дислоцировался в г. п. Плещеницы.

Назвать расстрелянных карателями в феврале 1943 года местных жителей дер. Котели и Заречье пофамильно не могу, не помню. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 8. Л. 45–49. Подлинник. Рукопись.

№ 143. Из протокола допроса свидетеля Ф.В. Труса

дер. Нивки

9 февраля 1975 г.

[...] До начала Великой Отечественной войны я проживал по месту рождения в деревне Нивки и работал председателем колхоза в указанной деревне. В состав колхоза входила одна деревня. В колхозе до войны насчитывалось 96 хозяйств. Во время войны я тоже все время проживал в дер. Нивки.

В первые дни войны в нашей деревне Нивки в процессе боя советских войск с немецкими оккупантами сгорело четыре дома с надворными постройками. После этого до весны 1943 года в нашей деревне дома не сжигались.

Примерно в конце мая 1943 года, более точную дату не помню, на реке Березина, что в семи километрах от дер. Нивки, немецкими карателями проводилась блокада советских партизан. Каратели на Березину двигались и со стороны Плещениц. Жители деревни, в том числе и я, боясь карателей, оставили деревню и стали скрываться в лесах около деревни. Я скрывался недалеко от деревни в лесу с семьей. Мне было слышно, когда каратели двигались лесом со стороны деревни Осовы через дер. Горелое. Когда каратели подходили к деревне Нивки, то из дерев, на которое в лесу я взобрался, мне было видно, что они двигались пешком, а также следовал обоз и две или три грузовые автомашины. К деревне Нивки они прибыли вначале второй половины дня. Погода тогда была солнечная. Около деревни каратели рассыпались и группами ворвались в деревню. После этого мне было видно, что деревня Нивки начала гореть в разных местах. Я находился в лесу в 1–2 километрах от деревни. Карателей в деревне было человек 150–200. В какой они были форме я определить не смог. Как только каратели подожгли деревню, они сразу ушли сторону дер. Можница и Маковье. Тогда каратели сожгли в деревне Нивки 90 домов с надворными постройками. Не сгорело два дома и несколько сараев. Так как жителей в деревне не было, то они никого не убили. Какие злодеяния каратели, спалившие нашу деревню, совершали в других населенных пунктах я не знаю. Что это были за каратели, мне неизвестно. [...]

№ 144. Из протокола допроса свидетеля Т.К. Фалькович

г. п. Плещеницы

9 февраля 1975 г.

[...] В период немецкой оккупации территории Белоруссии я все время проживала в деревне Завишанская Рудня Нестановического с/совета Логойского района Минской области. Деревня Завишанская Рудня находится в 12 километрах от гор. пос. Плещеницы. В окрестностях деревни во время войны имелись большие леса, а поэтому в этой местности действовали советские партизаны. В 3–4 километрах от соседней деревни Боброво находился партизанский лагерь бригады «Народный мститель», командиром которой был Воронянский. В этой бригаде находился и мой муж Фалькович Павел Афанасьевич, за которого я вышла замуж в 1943 году. Муж мой и другие партизаны часто заезжали в нашу деревню, местные жители оказывали посильную помощь продуктами питания и одеждой. Деревня Завишанская Рудня входила в партизанскую зону.

Немецкие каратели из украинского батальона, который дислоцировался гор. пос. Плещеницы, совершали налеты в дер. Завишанская Рудня, а также проводили операции против советских партизан.

В апреле 1943 года на религиозный праздник «пасху» рано утром навестить меня приехал из отряда верхом на лошади мой муж Фалькович Павел и вместе с ним тоже на лошади разведчик партизанского отряда Андриянов Василий, который тоже был в партизанской бригаде «Народный мститель». Муж зашел ко мне, а Андриянов в соседний дом к Апимахович Марии Иосифовне. Лошадь Андриянов привязал во дворе, а сам зашел в дом к Апимахович. Неожиданно в деревню ворвались каратели украинцы. Муж успел уехать на лошади в лес, а Андриянов заметил карателей позже, бросив лошадь стал убежать по огородам в сторону леса. Человек 4–5 карателей побежали за Андрияновым и стали кричать ему, что они украинцы, переходят в партизаны. Андриянов, поверив им, остановился. Каратели подошли к Андриянову и обезоружили его и крепко избили. Каратели требовали, чтобы показал где находятся партизаны, но он отказался. Тогда они связали Андриянова веревкой, положили на повозку

и увезли по дороге в сторону дер. Боброво. Все это происходило на моих глазах. Позже от партизан мне стало известно, что каратели, задержавшие Андриянова, были из украинского батальона, который дислоцировался в г. п. Плещеницы, что они Андриянова расстреляли на второй или третий день в пос. Плещеницы на территории, где перед войной размещался погранотряд.

Андриянову Василию, отчество не знаю, в то время было лет 25. О себе он говорил, что родом из Сибири.

Спустя примерно месяц, после задержания карателями Андриянова, со стороны дер. Боброво в нашу деревню следовало много карателей с большим обозом. Партизаны обстреляли карателей и двух из них ранили. Когда партизаны отошли в лес, каратели заняли нашу деревню и в ней ночевали. Я тогда сама видела раненых карателей. Среди карателей были и немцы, но их было мало, в основном были украинцы. Тогда каратели везли с собой девушку партизанскую радистку. Каратели привели ее в наш дом, где она под охраной ночевала. Ее задержали в лесу в районе дер. Боброво. О себе она мало что говорила. Звали ее Дусей. Говорила, что к партизанам ее сбросили из самолета, фамилию свою не называла. На следующий день каратели уехали из дер. Завишанская Рудня в сторону г. п. Плещеницы, увез с собой радистку. О дальнейшей судьбе радистки мне ничего не известно.

Из украинцев, служивших в украинском батальоне в пос. Плещеницы, я никого не знала и не знаю. [...]

ЦГА КГБ РБ, Арх. уг. д. 26706. Т. 8. Л. 90–94. Подлинник. Рукопись.

№ 145. Из протокола допроса свидетеля И.И. Соболевского

дер. Клеетище
Столбцовского района

5 марта 1975 г.

[...] До 1946 года я с семьей проживал в деревне Каменская Слобода Бакчитанского сельсовета Ивьевского района. В годы оккупации жил там же. Летом 1943 года немецкие каратели проводили блокаду против партизан, находившихся в Налибокской пуще. Во время блокады я с семьей скрывался в болоте в районе Лучинского бора Налибокской пущи в 2–3 километрах от деревни Каменская Слобода. Скрываясь в лесу, я видел как каратели прочесывали Налибокскую пущу. Пройдя болото, каратели вышли на сухое место в Лучинском бору и расположились там. Через некоторое время после того, как каратели расположились в Лучинском бору, я услышал в том направлении ружейно-пулеметную стрельбу, крики людей. Что делали там каратели, сказать не могу, мне они видны не были, так как я находился примерно в 700 метрах Лучинского бора. Слышны были в том направлении и взрывы гранат. Сколько было взрывов, сейчас не помню. Карателей лично я не видел, так как укрывался от них в болоте.

Когда стрельба прекратилась, каратели пошли дальше прочесывать лес. После окончания блокады я от кого-то слышал, — не могу указать от кого именно, — что в то время каратели в Лучинском бору обнаружили несколько землянок, в которых скрывались граждане еврейской национальности. Евреев каратели расстреляли, землянки разрушили. Каким способом производилась расправа над евреями, сколько было убито евреев, не знаю. К землянкам я не ходил и трупов не видел. Я только слышал в Лучинском бору одиночные и автоматические выстрелы, взрывы гранат. Из автоматов ли стреляли или пулеметов я не определил. Каратели в Лучинский бор прибыли со стороны деревни Бакшты Ивьевского района. Куда они ушли из Лучинского бора, не видел. Откуда были скрывавшиеся в землянках и расстрелянные карателями евреи, мне неизвестно. О наличии землянок в Лучинском бору

до блокады и что в них скрываются евреи, я не знал. Что это были за каратели, которые расстреляли евреев и какие еще злодеяния они совершили, не знаю. [...]

*ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 8. Л. 221–223. Подлинник.
Рукопись.*

№ 146. Из протокола допроса свидетеля С.И. Гратыкского

дер. Рембоковщина

8 марта 1975 г.

[...] Во время Великой Отечественной войны я все время проживал на хуторе Рембоковщина Ивьевского района. В настоящее время здесь построена деревня, а тогда и было несколько хуторов. В годы войны полицейскими украинцами рядом с моим домом действительно был убит партизан. Это случилось в 1943-м или 1944 году, точно уже не помню. В этот день я на своей подводе ездил в г. п. Ивье. Домой вернулся в обед. Распрягая лошадь во дворе заметил как из лесу выходят полицейские украинцы окружают дом моего соседа Лостовского Александра; — после войны куда-то выехал, его адреса не знаю. Я забежал к себе в дом и в это время услышал стрельбу. Пули попали в мой дом и выбили стекла в окнах. Я с женой спрятались в доме, чтобы не быть убитыми. Находясь в доме, я слышал во дворе стон человека и слова: «Сволочи не мучайте меня». Раздался во дворе выстрел и стонавший человек затих. В дом вошли каратели, вывели меня во двор, где угрожали расстрелом за то, что я якобы связан с партизанами. Один из карателей ударил меня кулаком по лицу за то, что я назвал его товарищем, а не паном. Каратели сказали, что они убили партизана и приказали захоронить убитого. Забрав у меня лошадь, каратели уехали в сторону г. п. Ивье. После этого я подошел к убитому. Его голова была полностью разбита, по лицу его узнать невозможно было. Видимо, в него стреляли с близкого расстояния.

Примерно минут через двадцать после отъезда карателей ко мне из леса пришел партизан и рассказал, что он с убитым были в доме Лостовского Александра и когда увидели карателей, побежали в лес. Ему удалось убежать, а его товарища убили. Партизан у меня пробыл не долго, с тех пор я его больше не видел. Убитого партизана похоронил мой отец, умер. После войны партизан перезахоронен в братской могиле. Я знал фамилию погибшего партизана, ее мне называл оставшейся в живых партизан. Сейчас фамилию погибшего и из какого он был отряда, забыл.

Убившие партизана каратели разговаривали на украинском языке, одеты были в военную зеленую с желтым оттенком форму, прибыли они из г. п. Ивьє. Я видел около пятнадцати карателей. Из них по фамилиям никого назвать не могу. В личность карателей не запомнил.

Других случаев убийства партизан карателями-украинцами не знаю.

Хутор Рембоковщина от Ивьє находится в 5–6 километрах. Дальше за хутором в двух километрах, расположена деревня Петровичи. Перед хутором со стороны Ивьє был небольшой лес. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 9. Л. 5–8. Подлинник. Рукопись.

№147. Из протокола допроса свидетеля Н.И. Головача

дер. Бурдуки

9 марта 1975 г.

[...] В годы гитлеровской оккупации я проживал в деревне Бурдуки. У оккупантов не служил. Деревня наша располагалась в зоне действия партизанских отрядов «Балтиец», «Искра». Поздней осенью 1943 года действительно имел место факт убийства карателями в нашей деревне четырех партизан. Одного убитого партизана звали Иваном, второго фамилия Немцев. Фамилий и имен остальных убитых партизан, не знаю. Погибшие партизаны часто бывали в нашей деревне. Я знал их в лицо.

В день убийства партизан я находился в поле и возвращался на телеге в деревню. Когда я подъехал к крайним домам деревни, то услышал в ней стрельбу. Стреляли очередями. Мимо меня пробежал партизаны Иван и Немцев. Я бросил лошадь на улице и заскочил в дом Шинки Антон, умер. Когда стрельба на улице прекратилась, в дом Шинки зашли 3 или четыре карателя. Один из них на понятном языке спросил хозяев, нет ли посторонних в доме. Шинка ответил, что есть односельчанин и указал на меня. Один каратель спросил, не партизан ли я. Кто-то из карателей ударил меня плеткой по спине, затем меня вывели во двор. Я показал карателям свой паспорт. Они отправили меня в дом а сами куда-то ушли. Вскоре в дом Шинки опять пришли несколько карателей и начали обвинять меня в принадлежности к партизанам, нанесли несколько ударов по лицу. Убедившись, что я не партизан, каратели ушли. Никого из них в личность я не запомнил, не могу назвать и цвет их одежды. Односельчане говорили, что каратели приезжали из г. п. Ивья.

После отъезда карателей, я увидел на улице трупы убитых партизан. Два трупа лежали на улице, недалеко от дома Шинки. Третий был убит на пастбище в 60–80 метрах от деревни. Труп Немцева был обнаружен на другом берегу реки Гавье, которая протекает возле деревни. На следующий день трупы убитых забрали партизаны, где они их похоронили, не знаю. В тот же день каратели ранили Новых Марию. [...]

ЦА КГБ РБ. Арх. уг. д. 26706. Т. 8. Л. 235–237. Подлинник. Рукопись.

№ 148. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшего В.Г. Сухобокова)

Ноябрь 1986 г.

[...] ПОТЕРПЕВШИЙ СУХОБОКОВ ПОКАЗАЛ:

— В период немецко-фашистской оккупации я проживал в г. Плещеницы Минской области. Проживали мы на территории Крахмального завода, директором которого до войны был мой отец. Мать работала на работе разнорабочей, я помогал ей по хозяйству и присматривал за младшими братьями и сестрой. В одном доме с нами жили Корсакова Агафья, работавшая на крахмальном заводе и поддерживавшая связь с партизанами и ее сын — Корсаков Александр. Через его мать политрук партизанского отряда Смольник Павел Иосифович поручил нам в 1942 году собирать патроны и боеприпасы для партизан, что мы и делали. В конце 1942 или в начале 1943 года в Плещеницы прибыл украинский полицейский батальон и разместился в казармах бывшего погранотряда. Из служивших в нем полицейских я неплохо знал офицера Козынченко и рядового Спивака, которые в 1943 году приходили на крахмальный завод и посещали нашу квартиру и квартиру Агафьи Корсаковой, с ними приходили и двое других полицейских, фамилий которых я не помню. Эти полицейские высказывали намерения связаться через Корсакову с партизанами и потом перейти в партизанский отряд, но мне неизвестно было ли у них в действительности такое намерение или они ходили к нам с провокационной целью. В апреле 1943 года Корсакова с двумя своими сыновьями убежала в лес к партизанам, так как кто-то предупредил ее, что в штабе украинского 118-го (номер мне известен от Козынченко и Спивака) батальона готовятся аресты за связь с партизанами. На следующий день после ухода Корсаковой в партизаны в поселке Плещеницы, на крахмальном заводе и в соседней деревне Рудня начались проводиться аресты жителей полицейскими 118-го батальона. В тот день были арестованы жители поселка крахмального завода: я, Тененбаум Хани, Перхурович Мария, родная сестра Корсаковой Агафьи, по мужу Дунец, их двоюродная сестра, чьей фамилии я не помню,

жители деревни Рудня Ходасевич Никита Иванович, Климентович Григорий, Сивец Иван, врач Шавенко и еще несколько жителей Плещениц, чьих фамилий я сейчас не помню. Всего полицейские арестовали 14 человек и доставили в распоряжение полицейского батальона, где несколько суток держали нас под арестом, избивали и допрашивали в штабе батальона. Васюра, чьей фамилии я тогда не знал, приходил и избивал арестованных сначала увесистой палкой, а потом ногами. Я помню, что когда в наш дом около 4 часов утра пришли полицейские, то среди них был и Васюра, который спросил у моей матери, кто тут из детей старший и когда она ответила, что я старший из 5 братьев, меня арестовали. На допросы арестованных водили по-одному, прогоняли через две шеренги полицейских, которые в это время били нас прикладами и чем попало. На допросах в штабе батальона меня спрашивали передавал или я оружие партизанам, где оно спрятано, как переправлялись в отряд, какие сведения собирали для партизан. Допрашивали меня в присутствии командира батальона, его фамилию не знаю, офицеры штаба, на допросах присутствовали Козынченко и Спивак. Меня обвиняли в связи с партизанами через сына Корсаковой Агафьи Александра, но кто-то из присутствовавших там полицейских заходивших к нам, сказал, что патроны в ящиках показывал им не я, а сын Корсаковой. Перед допросом нас всех избивали полицейские прикладами винтовок, палками и железными прутьями. В основном старался подвергать арестованных истязаниям штабной офицер, как я сейчас узнал его фамилия Васюра. В то время он был выше среднего роста, плотного телосложения, в возрасте около 30 лет особо жестоко допрашивали Никиту Ходасевича, требуя его рассказать, куда он девал гранаты и боеприпасы, оставленные у него дома полицейским-украинцем. После допросов я видел у Ходасевича черные фаланги пальцев, которые каратели зажимали ему в дверях, кровоподтеки на теле от избиения железными прутьями и палками. Через 2–3 дня после допросов в полицейском батальоне меня, Ходасевича, Климантовича, Шавенко и Тененбаума перевели в тюрьму Плещеницкой полиции, где около 10 суток нас тоже подвергали допросам, на которых присутствовали немцы-жандармы, начальник местной полиции и переводчик, после этого меня направили на работы в Германию, где я находился до конца войны. Из камер

тюрьмы жандармы забрали Тененбаума Хаима и расстреляли как гражданина еврейской национальности. В 1945 году я вернулся на Родину из Германии и в настоящее время проживаю в родном поселке Плещеницы.

На вопросы председательствующего потерпевший Сухобоков ответил:

— Нас арестовали примерно 25–26 апреля 1943 года как раз во время религиозного праздника Пасха.

— Полицейские украинского батальона ездили на крытой машине часа в 4 утра и собирали туда арестованных.

— Мой отец был коммунистом и погиб в 1940 году во время Финской войны, а я остался старшим в семье.

— Козынченко, Спивак и двое других полицейских через Корсакову хотели связаться с партизанами и уйти в отряд, но так и не сделали этого.

— Среди арестованных в тот день по подозрению в связи с партизанами я был самый молодой по возрасту.

— Двое или трое суток мы находились все вместе в одной камере в полицейском батальоне, нас допрашивали каждый день и требовали выдать места расположения партизан и другие сведения о партизанах.

— Кто-то из украинцев, приходивших на крахмальный завод обнаружил у Корсаковой 2 ящика патронов и 5 пистолетов, после чего и начались аресты, а сама Корсакова успела вовремя уйти в лес.

— Я не ошибаюсь, опознавая Васюру, я хорошо помню, как он <нрзб> бил толстой, кажется бамбуковой, палкой с наконечником.

— Нас жестоко избивали и до и после допросов в штабе.

— Из арестованных тогда людей Тененбаума убили местные полицейские. Никита Ходасевич умер, Перхурович Мария тоже умерла.

На вопросы прокурора потерпевший Сухобоков ответил:

— На допросах в батальоне присутствовало человека 2 немцев, командир их 118 батальона, а Васюра допрашивал сам, избивал своей палкой и железным прутом, говорит, что сдерет с меня болшевицкую шкуру.

— Васюра был одет в форму типа немецкой, только другого цвета чем у немцев, у него была какая-то зеленовато-желтая форма, погоны на ней были офицерские как у Козынченко.

Председательствующий предлагает осмотреть потерпевшему Сухобокову фотографии, находящиеся в т. 1 на л. д. 157.

На вопрос председательствующего потерпевший Сухобоков ответил, что на фотографии № 2 он узнает Васюру и подтверждает, что именно Васюра вел допросы и избивал арестованных в расположении 118-го полицейского батальона.

На вопрос адвоката потерпевший Сухобоков ответил:

— Я знал в то время только фамилии Козынченко и Сливака, фамилию Васюры я не знал, и увидел в первый раз его во время ареста.

На вопросы подсудимого потерпевший Сухобоков ответил:

— На допросах в батальоне присутствовали переводчик Галин, так его называли в Плещеницах, плотный седоволосый он, кажется, служил в жандармерии.

— Я помню, что вы были в форме желто-зеленого цвета и светлых перчатках, волосы у вас были темные, у вас была бамбуковая прорезиненная палка, которой вы избивали людей на допросах и после них.

— На допросы в штаб 118-го батальона нас водили по одному сквозь строй полицейских. [...]

ГДА СБУ. Ф. 68. Д. 10. Т. 2. Л. 138–141. Копия, машинопись.

№ 149. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей О.Г. Устин)

Ноябрь 1986 г.

[...] ПОТЕРПЕВШАЯ УСТИН ПОКАЗАЛА:

— Во время немецко-фашистской оккупации я со своей семьей проживала в деревне Губа бывшего Плещеницкого, а ныне Логойского района Минской области. Мои родители проживали в то время в деревне Дальковичи того же района Минской области в мае 1943 года, точного числа не помню, в деревню Дальковичи ворвались каратели, приехавшие из Плещениц и всю деревню сожгли. В тот же день карателями был убит мой отец Кононович Герасим Андреевич. Моя мать, Кононович Анастасия, рассказывала мне, что каратели подступали к деревне со стороны Плещениц и партизаны, находившиеся в то время в деревне приняли с ними бой. Но силы карателей были намного больше, они вели сильный огонь по деревне из разного оружия и партизанам пришлось отступить к реке Цна, а потом уйти в лес. Местные жители уже знали, что каратели будут жечь деревню и успели убежать в лес, а мой отец остался дома, чтобы успеть спрятать зерно, но каратели застали его за этим делом и убили во дворе дома, откуда он выносил зерно.

После убийства отца каратели подожгли наш дом и все надворные постройки. Останки отца мы потом похоронили на кладбище в Дальковичах. В тот же день были убиты в Дальновичах Кононович Анна Станиславовна, Кононович Пелагея Даниловна, Аринич Даниил Ларионович, Устин Мария Яковлевна и Ковшик Дорофея. Как мне рассказала моя мать, все эти односельчане не успели уйти в лес и каратели их убили в разных концах деревни, где кого застали.

На вопросы председательствующего Устин ответила:

— При наступлении карателей на Дальковичи партизаны предупредили местных жителей, чтоб те удирали в лес.

— Когда мы вечером того же дня пришли в Дальковичи, то обнаружили во дворе труп моего отца, который был убит выстрелом в сердце, у него сердце даже выскочило из груди, и труп был весь обгорелый.

— Всех других убитых мучили перед смертью: Кононович Анна и Пелагея были все изрезаны ножами или штыками, а внутренности их были вынуты и лежали на огороде, животы вспороты штыками, трупы старичка Аринича и слепой Ковшик Дорофееи тоже были изуродованы.

— В бою за Дальковичи погибло также несколько партизан, но я их не знала и трупов их не видела, была убита также девушка-партизанка, кто-то из оставшихся в живых односельчан видел как ее убили каратели и рассказывал потом, но кто именно не помню.

— Все дома в Дальковичах каратели сожгли, остались одни пепелища и печные трубы, люди жили потом кто-где придется, рыли землянки, уходили в лес. Свою мать я забрала к себе в деревню Губа и вскоре после войны она скончалась.

— Самого боя партизан с карателями я не видела, так как еще до боя мы спрятались в лесу в болоте, но слышали выстрелы и взрывы.

На вопрос председательствующего подсудимый Васюра ответил:

— Я не знаю, кто мучил и истязал людей в Дальковичах, я там был, но не отдавал приказов своим подчиненным жечь деревню и убивать людей.

У остальных участников судебного разбирательства вопросов к потерпевшей Устин не имеется. [...]

ГДА СБУ. Ф. 68. Д. 10. Т. 2. Л. 115–116. Копия, машинопись.

№ 150. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания свидетельницы Е.А. Буцкевич)

Ноябрь 1986 г.

[...] СВИДЕТЕЛЬНИЦА БУЦКЕВИЧ ПОКАЗАЛА:

— Во время фашистской оккупации я проживала в деревне Заречье Логойского района Минской области и работала на своем хозяйстве. Наши деревни Заречье и Котели находятся совсем рядом друг от друга, а от поселка Плещеницы они отстоят примерно километрах в 15. Примерно в середине февраля 1943 года со стороны Плещениц на Катели и Заречье напали каратели. Я сидела дома и слышала звуки выстрелов, потом люди говорили, что в Кателях были партизаны, которые приняли бой с карателями. Но стрельба продолжалась недолго, после чего каратели ворвались в Катели и Заречье и сразу запылали дома в наших деревнях, сначала каратели подожгли школу и два крайних дома, а потом стали поджигать все подряд. Из окна своего дома я видела, как каратели движутся по деревне на подводах и по ходу своего движения поджигают дома. Я слышала их речь, среди них были в основном украинцы, немного русских и немцев. Ворвавшись во двор Буцкевичей каратели убили и подожгли Буцкевич Веру Ивановну и ее дочь Буцкевич Татьяну, а также подожгли их дом и надворные постройки. Потом они во дворе дома убили и подожгли соседку старуху Марушку, как ее полное имя сейчас уже не помню, после чего каратели направились к нашему двору. Увидев это, я бросилась к двери и выскочила во двор, где меня прикладом по голове ударил каратель и я без сознания упала на снег, где и пролежала длительное время, пока не пришла в сознание. Когда я выбежала из дома, моя мать Буцкевич Мария оставалась в доме, в котором ее и сожгли каратели. Потом мы нашли на пепелище дома ее останки в одной из двух, стоявших в доме обгорелых печей. Эта печь была сделана из сырой глины, поэтому мать туда и спряталась. Только туловище матери уцелело от огня, голова и руки до плечей полностью обгорели. Карателями также были сожжены моя родная сестра Валицкая Степанида Андреевна, останки которой мы тоже нашли и похоронили вместе с матерью на кладбище. А всего в нашей

деревне Заречье было убито около 18 человек и сожжены все дома, остались одни пепелища.

На вопросы председательствующего свидетельница Буцкевич ответила:

— За день до расправы с жителями Котелей и Заречья у карателей был неподалеку от наших деревень бой с партизанами, в котором, как говорили очевидцы, погибло несколько карателей, поэтому они и пришли в наши деревни мстить за своих убитых.

— Я теперь не помню, грабили каратели моих односельчан и меня или нет, там был такой ужас, такое зверство, что талый от пожара снег плыл по улице деревни вместе с людской кровью.

На вопрос председательствующего подсудимый Васюра ответил:

— Я не был в деревне Заречье и не могу сказать, что там делали полицейские нашего батальона.

У остальных участников судебного разбирательства вопросов к свидетельнице Буцкевич не имеется. [...]

ГДА СБУ. Ф. 68. Д. 10. Т. 2. Л. 119–120. Копия, машинопись.

**№ 151. Из протокола судебного
заседания по делу Г. Васюры
(показания свидетеля Д.М. Шакаля)**

Ноябрь 1986 г.

[...] СВИДЕТЕЛЬ ШАКАЛЬ ПОКАЗАЛ:

— В период временной немецко-фашистской оккупации нашей территории я вместе со своими родителями проживал в деревне Каменская Слобода Ивьевского района. Деревня наша находилась в партизанской зоне и местные жители чем могли помогали партизанам. В августе 1943 года партизаны предупредили нас, что каратели готовят против них блокаду и посоветовали местным жителям на это время скрыться в окрестных лесах. Местные жители шли в окрестные леса и болота, я тоже скрывался в болотистой местности километрах в трех от своей деревни. Вскоре после этого лес пришли прочесывать каратели одетые в форму защитного цвета и говорящие на русском и украинском языках. Я затаился и замаскировался в зарослях и каратели, пройдя совсем недалеко от меня, меня все же не обнаружили и пошли дальше. Вскоре с той стороны, куда они направились я услышал разрывы гранат и выстрелы. Дождавшись прекращения стрельбы и ухода карателей я побежал в ту сторону, узнать в чем дело, так как предполагал, что они убили кого-то из односельчан. Метрах в 700–800 был островок «Лучинский бор» я подошел туда и увидел разрушенный взрывом вход в замаскированную землянку, стены которой были обиты бревнами. О существовании такого убежища я ничего не знал. Вокруг землянки лежали разорванные взрывами гранат трупы стариков, мужчин, женщин и детей, их было много, но сколько именно не могу сказать, я их не мог подсчитать, так как часть изуродованных трупов лежала на поверхности, а часть под обломками землянки, а в сами землянки я не спускался. Все уничтоженные люди были лица еврейской национальности, которые проживали в деревне Бакшты Ивьевского района, потому от кого-то из местных жителей я узнал, что за трупами приезжал старый еврей Шолом, который был в партизанском отряде, а после войны эмигрировал в Америку. Шолом говорил, что в землянках, а их было две, но я подходил

только к одной, было убито более 40 человек евреев. Во время этой блокады, насколько я помню, каратели не убили никого из моих односельчан, все они прятались в лесу, а нашу деревню немцы сожгли еще до блокады. [...]

ГДА СБУ. Ф. 68. Д. 10. Т. 2. Л. 218. Копия, машинопись.

№ 152. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей О.М. Скакун)

Ноябрь 1986 г.

[...] ПОТЕРПЕВШАЯ СКАКУН ПОКАЗАЛА:

— Во время Великой Отечественной войны я проживала в родной деревне Осовы и работала на своем хозяйстве. 27 мая 1943 года в нашу деревню ворвались каратели и учинили расправу надо партизанскими семьями. Мой муж Скакун Иван Григорьевич и его родной брат Андрей в то время уже воевали против оккупантов во 2-м партизанском отряде бригады имени Железняка.

В тот день я находилась со своими тремя детьми дома. Каратели, среди которых было большинство лиц украинской национальности пришли в деревню 26 мая, переночевали, а утром меня и других женщин деревни заставили выбирать из гуртов для них картошку, которая находилась примерно в полкилометре от деревни. Примерно перед обедом каратели нагрузили возы картошки и отпустили нас по домам, вернувшись домой я своих детей не нашла, а в это время в противоположном конце деревни раздавались крики людей и выстрелы, я побежала туда и от людей узнала, что каратели согнали партизанские семьи в сарай на окраине деревни, сарай этот подожгли и всех находившихся в нем людей расстреляли и сожгли. Там были и мои дети: сын Владимир 1930 года рождения, дочь Зинаида 1936 года рождения и сын Николай 1941 года рождения. Когда я прибежала сараю расправа была уже кончена и каратели уехали из деревни. В числе уничтоженных людей была и жена брата моего мужа Скакун Анна и трое ее детей. Семья партизана Горанчика — его жена Горанчик Мария Афанасьевна с тремя детьми, учительницу Гриб Ольгу — жену партизана, Скакун Степана Владимировича с женой и детьми и многие другие партизанские семьи, всего около 53 человек.

На вопросы председательствующего потерпевшая Скакун ответила:

— С поля в деревню я вернулась часов в 12 дня и моя мать сказала мне, что каратели схватили моих детей и вместе с другими людьми загнали их в сарай, принадлежащий Политыко Ивану.

— После расправы мы вместе с другими оставшимися в живых жителями деревни на пепелище сарая откапывали останки своих детей и родных, чтобы похоронить их на кладбище.

— У партизанских семей каратели забрали все имущество и угнали скот, коров, овец, свиней, не оставили во дворах даже курицы.

— Почти все мужчины нашей деревни ушли в партизанские отряды, и все оставшиеся в деревне жители помогали партизанам чем могли, так что Осовы считались партизанской деревней.

— Я не знаю точно, кто выдал партизанские семьи, в деревне ходили слухи, что это сделал староста Островко Иван, но каратели его тоже сожгли в сарае, так как его сын воевал в партизанском отряде.

— Я не знаю, где в Осовах был расположен штаб карателей.

— От очевидцев я слышала, что во время этой же блокады в мае 1943 года карателями, только не знаю точно теми же, которые жгли людей у нас или другими. Под Бегомлем уничтожались партизанские семьи, маленьких детей разрывали и бросали в огонь.

— Я слышала, что в день уничтожения людей в сарае в Осовах часть жителей нашей деревни каратели гнали перед собой до Нивок, чтобы не взорваться на партизанских минах, а дойдя до Нивок каратели сожгли их дотла.

На вопросы председательствующего подсудимый Васюра ответил:

— Я ничего не знаю о том, что каратели заставляли кого-то из местных женщин выбирать для них картошку, я никому такого распоряжения не давал. [...]

ГДА СБУ. Ф. 68. Д. 10. Т. 2. Л. 148–149. Копия, машинопись.

№ 153. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей Т.Г. Скакун)

Ноябрь 1986 г.

[...] ПОТЕРПЕВШАЯ СКАКУН ПОКАЗАЛА:

— Во время фашистской оккупации я со своими родителями проживала в деревне Осовы Докшицкого района Витебской области. Многие жители нашей деревни, в том числе и муж моей родной сестры Шило Петр Константинович ушли в партизаны. 27 мая 1942 года на нашу деревню нагрянули каратели. Но партизаны заранее предупредили мирное население о предстоящей блокаде против партизан и мирных жителей и поэтому все прятались в лесу. Я не помню сейчас при каких именно обстоятельствах жители деревни, в том числе и наша семья вернулись в деревню на следующий день после прихода туда карателей. Я осталась ночевать у своей сестры Шило Анастасии Григорьевны, так как помогала управляться ей по хозяйству и нянчить детей. Утром проснувшись я увидела карателя в доме сестры. Он сестру с детьми не выпускал из дому, но она сказала, что я не ее дочь, а сестра и каратель меня отпустил домой. Когда я подходила к своему дому, то увидела, что каратели гонят по деревне людей с детьми в тот конец деревни, где жила моя сестра. Придя домой я обо всем увиденном рассказала своей матери. Через некоторое время мы увидели на том конце деревни, куда повели людей столб черного дыма и слышали частые выстрелы. Все оставшиеся люди побежали в тот конец, где горел сарай. Как оказалось, каратели согнали туда партизанские семьи, подожгли сарай и расстреливали людей. Мы поливали водой остатки сарая, но спасти никого так и не удалось, все там сгорело, в том числе и моя сестра с двумя детьми: сыном Владимиром, 6 лет и дочерью Валентиной, в возрасте 11 месяцев. В деревне люди говорили, что староста Островко Иван накануне ходил с карателями по деревне и указывал партизанские дома, но сама я этого не видела. Старосту сожгли вместе со всеми, так как у него был сын в партизанах. В тот же день каратели гнали до Навок колонну моих односельчан, чтобы обезопасить себя от партизанских мин. После сожжения сарая

с людьми каратели сразу же уехали, а Осовы были ими частично сожжены.

На вопросы председательствующего потерпевшая Скакун ответила:

— Каратели сгоняли людей уже после рассвета рано утром.

— Мужа моей сестры через шесть недель после сожжения в Осовах тоже убили в бою и его привезли в нашу деревню и похоронили вместе с семьей.

На вопросы эксперта потерпевшая ответила:

— В тот день в Осовах погибло более 50 человек.

— До войны в нашей деревне было гораздо больше дворов и жителей. После войны деревня так и не возродилась.

У остальных участников судебного разбирательства вопросов к потерпевшей Скакун не имеется. [...]

ГДА СБУ. Ф. 68. Д. 10. Т. 2. Л. 128–129. Копия, машинопись.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

I. ДОКУМЕНТЫ	17
№ 1. Донесение начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о проведенной операции против партизан в деревне Чмелевичи	17
№ 2. Донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о потерях партизан во время боя в деревне Чмелевичи	19
№ 3. Приказание межрайонного партийного центра Борисовской зоны командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о распределении зон боевой деятельности отрядов бригады	20
№ 4. Оперативное донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о проведенной антипартизанской акции в деревнях Селище и Мокрадь	22
№ 5. Оперативное донесение начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о карательных акциях в деревнях Заборье и Метличицы	24
№ 6. Приказ № 02/оп по партизанской бригаде «Дяди Васи» о задачах отряду «Борьба»	25
№ 7. Оперативное донесение жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о бое с партизанами в деревнях Сукневичи 1–3	26
№ 8. Оперативное донесение жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о карательных акциях в деревнях Острово и Левдавщина — Рудня	27

№ 9. Из оперативного донесения жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о направлении патруля в деревню Малые Нестановичи	28
№ 10. Приказ № 04/оп по партизанской бригаде «Дяди Васи» о задаче отряду «Борьба»	29
№ 11. Оперативное донесение жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о нападении партизан на охрану Горбатого Моста	30
№ 12. Из оперативной сводки начальника СС и жандармерии Борисовского округа о деятельности за февраль 1943 г.	31
№ 13. Из сводки поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа о карательной акции в деревне Заречье	34
№ 14. Из приказа командира партизанского центра Борисовской зоны командирам партизанских бригад «Дядя Вася», «Старик», «Комсомольско-молодежной» и отряда «Гвардеец» о задачах бригад и отряда	37
№ 15. Из оперативного донесения поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа об антипартизанской акции в деревне Юльяново	39
№ 16. Приказ № 11/оп штаба партизанской бригады «Дяди Васи» о задачах отрядам бригады по блокировке Плещеницкого гарнизона.	40
№ 17. Оперативное донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о бое с партизанами в районе деревни Уболотье	43
№ 18. Приказание командира партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянского командиру отряда «Борьба» о боевой задаче отряду	44
№ 19. Оперативное донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и жандармерии Борисовского округа об антипартизанской акции в деревне Хотавичи.	46
№ 20. Из сводки поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа об антипартизанской акции в деревне Боброво.	47
№ 21. Из оперативного донесения поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о переходе 15 солдат 118-го полицейского батальона на сторону партизан.	48
№ 22. Из оперативного донесения жандармского поста в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о карательной акции в деревнях Дрила и Сукневичи	49

№ 23. Из оперативной сводки начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о проведенных карательных акциях	50
№ 24. Оперативное донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о бое с партизанами в районе деревни Губы	52
№ 25. Донесение командования партизанской бригады «Дяди Васи» об операции бригады против Плещеницкого гарнизона в районе деревень Заречье, Котели	53
№ 26. Дневная сводка особого батальона СС «Дирлевангер» об уничтожении деревни Хатынь	55
№ 27. Из протокола совещания командного состава партизанской бригады «Дяди Васи»	56
№ 28. Письмо 2-го управления Генерального комиссариата Белоруссии Борисовскому гебитскомиссару с просьбой сообщить подробности о нападении партизан на полицейский патруль у д. Губы и уничтожении д. Хатынь	57
№ 29. Письмо Борисовского гебитскомиссара начальнику жандармерии Борисовского уезда лейтенанту Гюртцелю с просьбой сообщить подробности о нападении партизан на полицейский патруль у д. Губы и уничтожении д. Хатынь	58
№ 30. Оперативное донесение поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и полиции Борисовского округа о бое с партизанами в районе деревни Жестинное	59
№ 31. Оперативный приказ о проведении карательной операции «Весна — Север» в районе Борисова	60
№ 32. Из оперативного донесения поста жандармерии в Плещеницах начальнику СС и жандармерии о бое с партизанами караула 118-го украинского полицейского батальона	66
№ 33. Рапорт командования отряда им. Котовского командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о нападении на караул плещеницкого гарнизона	67
№ 34. Донесение командира 118-го полицейского охранного батальона начальнику СС и полиции Борисовского уезда о нападении партизан на батальон у д. Губы и уничтожении д. Хатынь	68
№ 35. Из приказа № 62 по партизанской бригаде «Дяди Васи» об объявлении благодарности командиру 2-й роты отряда им. Котовского Ф.Н. Романову за нападение на караул плещеницкого гарнизона	70
№ 36. Приказание межрайонного партийного центра Борисовской зоны командиру партийной бригады «Дяди Васи» В. Т. Воронянскому о нападении противника на деревню Дальковичи	71

№ 37. Из оперативной сводки начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Белоруссии о деятельности	72
№ 38. Приказ начальника СС и полиции округа «Белоруссия» фон Готтберга о проведении карательной операции в районе Молодечно	74
№ 39. Из справки заместителя командира отряда «Мститель» партизанской бригады «Дяди Васи» П.А. Коровина о работе по разложению украинских полицейских батальонов	77
№ 40. Донесение командования партизанской бригады «Дяди Васи» секретарю Логойского подпольного райкома КП(б)Б И.М. Тимчуку о выставлении наблюдения за Логойским и Плещеницким гарнизонами противника	78
№ 41. Из обзора сил высшего начальника СС и полиции России «Центр» и Белоруссии на 1 мая 1943 г.	79
№ 42. Донесение командира отряда Калинина Ненахова командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о прибытии в г. п. Плещеницы подкреплений и планах противника	80
№ 43. Донесение штаба отряда «Борьба» командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о бое с противником в районе деревни Дальковичи	81
№ 44. Донесение командира партизанской бригады «Дядя Коля» П.Г. Лопатина командиру партизанской бригады «Дяди Васи» В.Т. Воронянскому о выступлении противника из г. п. Плещеницы и его планах	82
№ 45. Приказ командира боевой группы бригадефюрера СС и генерал-майора полиции фон Готтберга об окончании операции «Котбус»	83
№ 46. Боевое донесение командира боевой группы фон Готтберга о проведенной операции «Котбус»	88
№ 47. Из донесения уполномоченного особого отдела партизанского отряда им. Котовского Лавриновского комиссару партизанской бригады «Народные мстители» Минской области о выбытии 118-го полицейского батальона из м. Плещеницы в район Барановичей для борьбы с партизанами	105
№ 48. Сведения штаба партизанской бригады «Народные мстители» Минской области о преступлениях, совершенных карателями с 24 апреля по 1 июля 1943 г.	106
№ 49. Из дневника боевых действий партизанской бригады «Народные мстители» за апрель — июнь 1943 г.	107

№ 50. Приказ начальника СС и полиции округа «Белоруссия» фон Готтберга о проведении карательной операции «Герман»	108
№ 51. Список партизанских лагерей, уничтоженных карателями в ходе операции «Герман»	112
№ 52. Донесение особого отдела партизанской бригады им. Чкалова Барановичской области помощнику Уполномоченного ЦК КП(б)Б по Барановичской области Донскому о преступлениях, совершенных карателями во время операции «Герман» с 18 июля по 10 августа 1943 г.	115
№ 53. Из разведывательной сводки Уполномоченного ЦК КП(б)Б по Барановичской области с 5 по 31 октября 1943 г. о прибытии в гарнизон пополнения из украинцев для борьбы с партизанами	118
№ 54. Донесение командования отряда «Большевик» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о бое с противником из гарнизона местечка Ивье.	119
№ 55. Из разведывательной сводки Уполномоченного ЦК КП(б)Б по Барановичской области с 5 по 10 ноября 1943 г. о составе гарнизона местечка Ивье	120
№ 56. Из рапорта заместителя командира партизанской бригады им. Кирова Барановичской области по разведке Демидова о состоянии гарнизона местечка Ивье.	121
№ 57. Из рапорта заместителя командира партизанской бригады им. Кирова Барановичской области по разведке Демидова о состоянии гарнизона местечка Ивье на 25 января 1944 г.	122
№ 58. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье на 1 марта 1944 г.	123
№ 59. Из донесения заместителя командира отряда «Балтиец» по разведке партизанской бригады им. Кирова Барановичской области Козлова об объезде деревень Морино, Залейки, Новоселки военнослужащими украинского батальона, расположенного в местечке Ивье.	124
№ 60. Из приказа командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области командованию отряда «Балтиец» о получении списка личного состава 118-го украинского полицейского батальона, расположенного в местечке Ивье.	125
№ 61. Из донесения командования отряда «Балтиец» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье	126

- № 62. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье на 20 апреля 1944 г. 127
- № 63. Из отчета командования отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед» Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье и проведенных ими операциях за апрель 1944 г. 128
- № 64. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады «Вперед» Барановичской области о состоянии и активизации действий гарнизона в местечке Ивье . 130
- № 65. Акт командования отряда «За Советскую Беларусь» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о бое с противником из гарнизона местечка Ивье в деревне Гончары 131
- № 66. Акт командования отряда «Балтиец» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о нападении противника из гарнизона местечка Ивье на партизан в деревне Залейки — Гавье 132
- № 67. Донесение командования отряда «За Советскую Беларусь» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о бое с противником из гарнизона местечка Ивье в районе деревни Морино 133
- № 68. Из донесения командования отряда «За Советскую Беларусь» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о бое с военнослужащими из украинского полицейского батальона в районе местечка Ивье 134
- № 69. Акт № 33 командования отряда «Балтиец» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о столкновении с военнослужащими украинского полицейского батальона в деревне Морино 3 марта 1944 г. 135
- № 70. Акт № 39 командования отряда «Балтиец» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о бое с военнослужащими украинского полицейского батальона из местечка Ивье в деревне Лукашино 136
- № 71. Акт № 41 командования отряда «Балтиец» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о столкновении с военнослужащими украинского полицейского батальона из местечка Ивье в деревне Морино 13 мая 1944 г. 137
- № 72. Акт № 43 командования отряда «Балтиец» партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о столкновении с военнослужащими украинского полицейского батальона из гарнизона местечка Ивье. 138

№ 73. Из отчета командования отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед» Барановичской области об операциях, проведенных гарнизоном местечка Ивье в мае 1944 г.	139
№ 74. Донесение командира партизанской бригады «Вперед» Барановичской области о нападении противника из гарнизонов Лаздуны, Дуды, Ивье на отряд «Большевик» в деревне Н.-Березина	140
№ 75. Из отчета командования отряда им. Чкалова партизанской бригады «Вперед» Барановичской области за июнь 1944 г. о состоянии гарнизона местечка Ивье	141
№ 76. Из разведывательной сводки командования партизанской бригады им. Кирова Барановичской области о состоянии гарнизона местечка Ивье на 30 июня 1944 г.	142

II. ПОКАЗАНИЯ КАРАТЕЛЕЙ. 143

№ 77. Из объяснений С.С. Пономоренко	143
№ 78. Из показаний О.Ф. Кнапа	147
№ 79. Из протокола допроса В.А. Мелешко	150
№ 80. Из протокола допроса В.А. Мелешко	154
№ 81. Из протокола допроса В.А. Мелешко	156
№ 82. Из протокола допроса В.А. Мелешко	158
№ 83. Из протокола допроса В.А. Мелешко	162
№ 84. Из протокола допроса И.Л. Петричука	171
№ 85. Из протокола допроса С.П. Мышака	176
№ 86. Из протокола допроса Т.П. Топчего	180
№ 87. Из протокола допроса Н.А. Франчука	186
№ 88. Из протокола допроса Н.А. Франчука	191
№ 89. Из протокола допроса Н.А. Франчука	200
№ 90. Из протокола допроса И.И. Козыченко	211
№ 91. Из протокола допроса И.И. Козыченко	218
№ 92. Из протокола допроса Н.А. Шульги	224
№ 93. Из протокола допроса В.А. Мелешко	229
№ 94. Из протокола допроса В.А. Мелешко	234
№ 95. Из протокола допроса В.А. Мелешко	238
№ 96. Из протокола допроса В.А. Мелешко	244
№ 97. Из протокола допроса О.Ф. Кнапа	246
№ 98. Из протокола допроса Г.Н. Васюры	255
№ 99. Из протокола допроса С.В. Сахно	258
№ 100. Из протокола допроса И.И. Козыченко	261
№ 101. Из протокола допроса И.И. Козыченко	271

№ 102. Из протокола допроса И.М. Варламова	281
№ 103. Из протокола допроса П.Ф. Дзебы	288
№ 104. Из протокола допроса П.Ф. Дзебы	294
№ 105. Из протокола допроса П.С. Вуса	297
№ 106. Из протокола допроса Г.В. Спивака	300
№ 107. Из протокола допроса Г.В. Спивака	309
№ 108. Из протокола допроса Т.П. Топчего	314
№ 109. Из протокола допроса Т.П. Топчего	317
№ 110. Из протокола допроса Т.П. Топчего	323
№ 111. Из протокола допроса Г. Думыча (М. Янковского)	329
№ 112. Из протокола допроса Г. Думыча (М. Янковского)	338
№ 113. Из протокола допроса Г. Думыча (М. Янковского)	347
№ 114. Из протокола допроса свидетеля С.П. Мышака	352
№ 115. Из протокола допроса С.А. Хренова	357
№ 116. Из протокола допроса Н.М. Савченко	359
№ 117. Из протокола допроса С.В. Сахно	363
№ 118. Из протокола допроса Г.Г. Лакусты	367
№ 119. Из протокола допроса И.М. Лозинского	370
№ 120. Из протокола допроса О.Ф. Кнапа	372
№ 121. Из протокола допроса М.Д. Курки	375
№ 122. Из протокола допроса В.А. Мелешко	377
№ 123. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко	383
№ 124. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко	386
№ 125. Из протокола допроса В.А. Мелешко	389
№ 126. Из протокола допроса обвиняемого В.А. Мелешко	391
№ 127. Из протокола допроса В.А. Мелешко	394
№ 128. Из протокола допроса В.А. Мелешко	397
№ 129. Из протокола допроса В.А. Мелешко	399
№ 130. Из протокола допроса В.А. Мелешко	401
№ 131. Из показаний В.А. Мелешко на заседании Военного трибунала КБВО	406
№ 132. Из протокола допроса И.Д. Петричука	411
№ 133. Из протокола допроса О.Ф. Кнапа	413
№ 134. Из протокола допроса С.В. Сахно	416
№ 135. Из протокола допроса М.И. Хоптенца	418
III. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ	421
№ 136. Протокол опроса свидетеля М.А. Миранович	421
№ 137. Протокол опроса свидетеля Т.А. Шило	422
№ 138. Протокол опроса свидетеля М.Ф. Шпэта	424
№ 139. Из протокола опроса свидетеля М.К. Полетыки	426

№ 140. Из протокола допроса свидетеля В.П. Давжонка	428
№ 141. Из протокола допроса свидетеля С.А. Бурака	431
№ 142. Из протокола допроса свидетеля М.Ф. Ратикова	433
№ 143. Из протокола допроса свидетеля Ф.В. Труса	435
№ 144. Из протокола допроса свидетеля Т.К. Фалькович.	436
№ 145. Из протокола допроса свидетеля И.И. Соболевского	438
№ 146. Из протокола допроса свидетеля С.И. Гратыкского	440
№ 147. Из протокола допроса свидетеля Н.И. Головача	442
№ 148. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшего В.Г. Сухобокова).	443
№ 149. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей О.Г. Устин).	447
№ 150. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания свидетельницы Е.А. Буцкевич)	449
№ 151. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания свидетеля Д.М. Шакаля)	451
№ 152. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей О.М. Скакун)	453
№ 153. Из протокола судебного заседания по делу Г. Васюры (показания потерпевшей Т.Г. Скакун).	455

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абдуллаев — 176, 224, 352
Адамович — 27
Акулич П.И. — 251–253
Александро — 298
Александров — 256, 286
Андреев А. — 146
Андрянов В. — 436–437
Анешук — 119
Антоненко — 256
Апимахович М.И. — 436
Аринич Д. — 12, 429, 447–448
Архипенко — 191–193, 202, 206–209

Б

- Байда — 298
Бардыш М. — 358
Барков — 67
Барташевич И. — 132, 135, 137
Бескандеров — 161, 229, 272, 277, 279, 320, 357–358, 395–396, 405
Билык — 176, 178–179, 186, 189, 193, 197, 216, 218, 220, 229, 231, 234–235, 255, 268, 272–273, 279–280, 301, 308, 320, 352, 354–356, 359–362, 368–369, 372, 374
Биль И. — 144, 146
Бинчун (Бичук) З. — 429–430
Бобрин А. — 116
Бондаренко В. — 224–225
Бондарь И. — 144–146
Борисенко — 191
Борисов — 58
Бохан В. — 432

- Броварный — 132, 135–138
Бублис М. — 432
Булат — 192
Бурак С.А. — 431
Буцкевич В.И. — 432, 449
Буцкевич Е.А. — 449–450
Буцкевич М. — 449
Буцкевич Т. — 432, 449
Бучкевич — 26
Бушкан — 116
Бушуев — 118, 120

В

- Ваврин П. — 181–182
Вакарчук — 214, 218, 222, 268, 285, 298
Валаханович И.А. — 16
Валицкая С.А. — 432, 449
Варламов И.М. — 13, 214, 221–222, 268, 276, 280–281, 298
Василенко — 259, 306–307, 312
Василий — 146
Васильев — 123, 125, 127, 142
Васильченко В. — 323
Васюра Г. — 9–10, 148–149, 153–154, 166–167, 175, 178–179, 181, 185–186, 194, 196–199, 204–205, 209, 215, 220–223, 226–227, 231–232, 247, 249–250, 255, 261–262, 263–264, 280–281, 293, 296, 298, 300–303, 305–311, 316, 318, 320–321, 323–325, 333–335, 336, 338, 341, 343–349, 351–356, 359–363, 368–372, 376–378, 384, 386, 391–392, 407, 409, 411–416, 443–451, 453–455

- Вебер — 111
Вельке (Вельке) Х.О. — 35, 47, 68, 73, 147, 150–151, 153, 159, 163–166, 168, 171–172, 176–178, 180–181, 186–189, 242, 246, 250–254, 256, 258–259, 263, 294, 296, 304, 306, 314, 331–334, 340–344, 352–354, 363, 365, 367, 370, 372, 375, 377, 383–384, 402–403, 406–408, 410–411, 413, 416, 418–420
Винницкий — 147–149, 153–156, 160, 164, 166–169, 171–174, 178–179, 181, 185–186, 194, 204, 212, 214–217, 221, 231–235, 238, 245, 247, 249, 255, 258, 268–269, 272–273, 277, 284, 289–291, 298, 300, 302–304, 307, 313–314, 318, 321–322, 326–327, 330, 333, 343, 352, 355–358, 361, 364–327, 370–371, 377–381, 383–384, 386–387, 389, 394–395, 403–404, 408–409, 411–412
Виноградов — 261–262
Власенко А. — 181, 306, 312
Войтиш — 138
Волошин — 225
Воронянский В.Т. — 12, 20, 25, 29, 44, 56, 67, 70–71, 80–82, 431, 433–434, 436
Вус П.С. — 297, 329
Вусс — 215–218, 219, 221, 234–235, 256, 269, 276–279, 281–282, 285
- Г**
Галинчик — 138
Ганс — 330
Геринг — 111
Герман — 171–172, 174–175, 312, 411–412
Гильчук — 190, 197, 204
Гильчун — 201
Гимлер — 111
Гинбуд М. — 429
Глинский Н.Н. — 430
Глушенка И. — 286
Гнатенко Д. — 159, 174–178, 188, 198, 204, 219–220, 225, 272, 355
- Гнидь — 201, 210
Головач Н.И. — 442
Голосовский — 298
Гончаров В. — 144, 159–160, 236
Горанчик М.А. — 453
Горбач С. — 138
Горецкий — 306, 312
Готтберг — 74–75, 83, 87–90, 104, 108, 111
Гратыкский С.И. — 430
Гребенюк П. — 144, 195
Гриб О. — 453
Грипп — 74–75, 84, 114
Грудинский Е. — 132, 137
Гудень А. — 135, 138
Гуздьковский К.И. — 251–253
Гурский Н. — 181
Гюртцель — 18, 24, 26, 30, 33, 49, 51, 58, 73
- Д**
Давжонак В.П. — 12, 428
Данко — 330, 343
Данько — 151, 165, 181, 188–190, 294–295, 331, 342, 379, 406, 361
Дегтярев — 218
Дедовский — 149
Демидов — 121–122, 142
Демидович — 123, 125, 127
Дзеба П.Ф. — 182, 185, 232, 288, 294, 315
Дмитриенко В. — 214, 218, 221–222, 276, 285
Долганов — 25, 53–54
Долганов С.Н. — 428
Донской — 115, 118, 120
Дормаген — 95
Дохивник Д. — 285, 298
Драгун Е. — 432
Дубинин — 138
Дуда А. — 7, 8
Думич — 174, 235–236, 315, 319, 321–322
Думыч Г. (Янковский М.) — 329, 338, 347

Дюков А.Р. — 7, 10, 16

Дякун М. — 181

Е

Егоров — 256, 298

Ефименко В. — 285

Ж

Жило — 187

Жукович — 21, 38, 71, 82

З

Зайцев — 129, 139, 141

Залиско — 191–192, 194–195, 198,

203, 205–207, 209

Засс — 145, 159–160, 162, 215–217,

193–232, 235, 238, 269–270, 273,
380–381, 386, 394–395, 404

Зац — 145–146, 159–160, 162

Заяц В. — 149, 181, 321

Звирь Н. — 181

Зуев Н. — 132, 137

Зухба — 117

И

Иванкин — 167

Ивановский И. — 429

Иванькив И. — 144–146, 184–185,

236, 238, 240, 252, 290, 295, 305, 307,
315, 319, 322, 331–332, 335–336,
341–343, 345–346, 350–351, 358,
375, 408

Ивасюк — 191–192, 208

Ивашенко — 186, 192–193, 195, 202,

207, 209

Ильин — 138

Ильчук Гора — 181

Ильчук Ю. — 144, 146, 148–149, 166,

185, 293, 321

Иотко Д.Ф. — 251–253

К

Каган И.Т. — 225

Казачук — 207

Каленчук Н. — 149, 247

Калинин — 22

Канашевич — 131, 133–134

Кантор — 192–193, 197–198, 202–203,
210, 338–339

Карабач — 138

Катрюк В. — 14, 144–146, 148–149,

157, 159–160, 162, 165–170, 174–
176, 178, 185–186, 190, 214–218, 231,
235–238, 240, 244, 248, 252, 255, 259,
269, 273, 284, 289–290, 295, 305, 307,
311–312, 317–319, 327, 332, 334–
336, 340, 342–348, 350, 353, 355, 364,
378–381, 387–389, 395, 403–404, 409

Кёрнер Э. — 8, 10, 13–14, 17, 46, 69,

109–111, 166–168, 171–174, 181,

185, 189, 192, 196, 198, 202, 204,

212–218, 218, 222, 229, 231–232,

234, 247, 249–253, 255, 262, 264, 266,

268–270, 272, 274–275, 281, 286, 298,

305, 307, 309, 318, 323, 333, 336, 338,

343, 346, 352, 354–355, 327, 368–371,

373–374, 378, 391, 394, 409, 411–414,

416–417, 419–420

Кинцель — 97

Кипран — 289–290, 296

Кира — 214, 218, 222, 277, 280

Кириллова Н.В. — 9, 16

Кирфельд — 223, 267, 275

Китцинг — 92

Клименко — 197, 214, 268, 272, 280

Климентович Г. — 444

Кляйн — 59, 66, 79

Кмит И. — 146, 148–149, 156, 166,

186, 188–189, 195, 198, 204, 233, 235,

259, 307, 310, 335–336, 345–346,

348–350

Кнап О.Ф. — 9, 144–147, 167, 174, 181,

185, 190, 201, 214, 235, 237–243, 246,

254, 256, 259, 273, 302, 307, 321, 333,

343, 353, 361, 372, 413

Князева А. — 116

Коваленко — 21, 38

Ковалишенко-Ковальчук — 191

Коваль — 202, 214, 218, 268, 270

Ковальчук — 255

Ковшик Д. — 447–448

Козак — 191, 196, 198, 207

- Козачук — 191, 194, 198, 207, 209, 285
Козик — 202
Козлов — 124, 126
Козловский А. — 171, 212, 214, 267–268
Козыченко И.И. — 158, 211, 218, 235, 255, 261, 271, 285, 298, 327, 392, 443–446,
Колганов — 53
Коленчуки, братья — 307
Колсовский — 89
Комаров А. — 130, 138
Кондаков — 123, 125, 127, 142
Кононович А. — 429, 447–448
Кононович Г.А. — 447
Кононович П.Д. — 447
Копанев — 56, 70
Копонев — 106
Корниец — 205
Коровин П.А. — 77
Коровин-Корниец — 255
Корсаков А. — 443
Корсакова А. — 443–445
Косач — 136
Котов — 176, 225–226
Кочерга — 138
Красенков — 53, 67
Кремлев П. — 181, 322–323, 374
Кудык Г. — 329
Курка М.Д. — 185, 201, 232, 237, 240, 244, 248–249, 253, 256, 289, 295, 307, 375
Куркеч — 236
Курко — 239
Курт Грах — 35
Кушнир — 301–304, 307, 310, 315, 319, 321–322, 350, 353–362, 368–369, 372–374, 376
- Л**
Лавринович — 105
Лазинский — 239
Лакуста Г.Г. — 9, 145–146, 148–149, 151, 155–157, 159–160, 162, 165, 167–168, 170, 174–175, 177, 182, 185, 195, 198, 214–218, 231–232, 235, 237–240, 244–207, 248–249, 252–253, 255, 259–260, 263, 269, 272–273, 288–291, 293–295, 301–302, 305–307, 312, 317–319, 321, 327, 332, 342–343, 350, 353–354, 353, 361, 364, 367, 378–381, 392, 395, 400, 403–404, 409, 412
Лацинский — 138
Левин — 138
Лемеш О.С. — 428, 430
Лещенко В. — 163, 181, 185, 229, 238, 242, 249, 263–226, 301–308, 313–315, 320, 323, 325, 353–362, 368–369, 371–374, 376, 379, 410, 414
Лис М.И. — 251–252
Литвин — 370–371
Лозинский И.М. — 9, 185, 201, 235, 237–238, 248–249, 252, 256, 259, 302, 305–307, 312, 370
Лопата В. — 138
Лостовский А. — 430
Лукашевич В. — 132, 137
Лукович — 148–149, 157–158, 171–175, 178, 186–187, 196–199, 204, 213–217, 220–223, 226–227, 232–235, 249, 261–262, 265–266, 268–269, 272–278, 285–287, 298, 317–318, 333, 335, 343, 345, 355, 369, 373, 388, 392, 409, 415
Лунин — 77
Лютык — 186–187, 193, 198, 207, 222, 235, 256, 259, 273, 298
- М**
Манзюк — 131, 133–134
Маршицкий — 287
Матис — 145–146
Матюкевич Н. — 430
Медвецкая М. — 432
Мелен — 49, 150, 383
Мелешко В. — 9, 11, 143–144, 146–150, 154, 156, 158, 162, 176–179, 183–184, 186, 188–190, 197–198, 200, 204, 214, 218, 229, 234, 238, 244, 246–247, 249, 251–255, 258–261,

- 263–264, 266–267, 269–273, 277–278, 281–285, 288–296, 300–305, 307–308, 310–328, 331–334, 336, 340–347, 349–350, 352–377, 383, 386, 389, 391, 394, 397, 399, 401, 406, 408, 413, 416
- Мельников — 136, 433
- Минько — 191–193, 198, 205–207, 277
- Миранович М.А. — 421
- Миронюк — 191–192, 198, 206–207
- Мышак С.П. — 176, 200, 224–227, 293, 352
- Мюллер — 350
- Н**
- Набережный — 176, 225, 352
- Нарядько И. — 150–151, 154, 171–172, 174, 177–179, 198, 200, 204, 206, 224–228, 234–235, 255, 259, 281, 352–353, 355–356, 368, 411–412
- Нахманович В. — 9
- Негода В. — 135
- Негрей — 133–134
- Немцев — 442
- Ненахов — 80
- Никитенко — 214, 218, 268
- Новик В. — 116
- Новик М. — 116
- Новик Ф.К. — 116
- Новых М. — 442
- Ныкля Д. — 181, 369
- О**
- Олейников — 67
- Островко И. — 454–455
- П**
- Панкив — 148–149, 174, 185, 214, 252–253, 259, 269, 273, 301–308, 310–313, 315, 321, 353–354, 356, 353–362, 368–374
- Пасечник — 148–149, 162, 164–166, 174, 186–190, 201, 204, 214, 218, 222, 231–233, 235, 247, 249, 259, 269, 294–295, 302–308, 312, 318, 321, 323, 330, 357, 363, 365–367, 380, 406–407
- Пеньковский — 132, 135–138
- Перхурович М. — 443, 445
- Петрейчук — 212–214, 218–220, 267, 271–272, 277
- Петричук И. — 171, 411
- Петровский — 432
- Петронюк — 146
- Петрушкевич Н. — 8
- Пиджаристый — 214, 217, 222, 256, 266, 270, 298
- Пикаль Алоис — 35
- Пинчук — 361
- Плазотнюк — 201
- Погавский — 27
- Погорецкий — 306
- Подгавский — 27
- Поджаристый — 217
- Полевский — 306, 312
- Полетыка М.К. — 426
- Политько И. — 424, 453
- Поль — 215, 217
- Поляков П. — 181, 184, 249, 315, 321, 325, 369
- Пономаренко — 20, 190, 397
- Пономоренко С.С. — 143
- Почапский — 306, 312
- Пролыгин — 126, 132, 135–138
- Пупко А. — 116
- Пупко К. — 116
- Пыпа В. — 322
- Пыпа Н. — 182
- Р**
- Радненко — 44
- Райхе — 86, 90
- Ратиков М.Ф. — 433
- Решетов — 238
- Рисцов — 138
- Рогачев — 428
- Романов А. — 144
- Романов Ф.Н. — 67, 70
- Рудлинг П. — 8, 10
- Рудович В. — 116
- Рудой И. — 144

С

Савицкий — 195, 207
Савко — 306
Савченко Н.И. — 186, 254, 353
Сагайдак — 330–331, 341
Салату — 186
Сандул — 192, 194, 198, 205–207, 209
Сахно С.В. — 185, 235, 237, 239, 248–249, 252, 256, 258, 302–303, 363, 416
Свиридов И. — 135
Селеменев В.Д. — 7, 9, 16
Семенов — 70
Семенюк — 187, 300, 302, 306–307, 312
Сивец И. — 444
Сидоренко — 214, 218–219, 222, 277
Скакун А. — 453
Скакун И.Г. — 424, 453
Скакун О.М. — 453
Скакун С.В. — 453
Скакун Т.Г. — 455–456
Скворов — 71
Скрипка В. — 217, 268, 270, 276, 285
Скрыпка В. — 214, 218, 221, 222, 226, 256, 298
Славутенко М. — 151, 163, 166, 181, 183–184, 186, 214, 218, 229, 269, 315, 326
Слижук И. — 148–149, 174, 214–215, 259, 269, 272–273
Словский — 200, 222, 229, 267, 282, 379, 399–400
Смирнов — 54
Смовский К. — 11, 14, 148–149, 151, 154, 166–168, 171–175, 178–179, 181, 185, 189, 194, 197–198, 204–205, 207, 212–218, 218–219, 222, 231–234, 236, 247, 249, 252–253, 255–256, 262–263, 265–266, 268–269, 271–272, 274–279, 281–286, 297–298, 305–307, 309, 318, 320, 323–325, 330, 333, 338–340, 343, 354–355, 357, 353–361, 365, 368–374, 378, 391, 407, 409, 411–414, 416–417, 419–420

Смольник П.И. — 443
Соболевский И.И. — 438
Солоп С. — 176–178, 224–226, 352–353, 355
Спивак Г.В. — 14, 256, 300, 309, 443–446
Старик В. — 7, 8
Степок К. — 116
Сторожук — 176, 352
Строкач И. — 145–146, 181, 184, 314–315, 320–321, 323, 325, 368–369, 372, 374
Субботин Г. — 176–177, 198, 200, 214, 225–226, 263–264, 268, 272–273, 278–280, 282, 301, 305, 307–308, 320, 352–354, 356, 368–369, 372, 374
Судниковский К. — 432
Супрончик К.Я. — 116
Сулов Н. — 132, 137
Сухобоков В.Г. — 442, 445–446
Сыжук — 339–340

Т

Теличко — 240, 289
Темечко М. — 146–148, 184–185, 290, 295
Тененбаум Х. — 444–445
Терена И. — 146
Терендий — 144–146
Тешендорф — 84, 90
Тикач И.Д. — 131
Тимчук И.М. — 78
Титоренко Г. — 181
Топчий Т.П. — 13–14, 180, 254, 256, 310, 313–314, 317, 323, 369
Трус Ф.В. — 435

У

Устин Д. — 429
Устин М.Я. — 429, 447
Устин О.Г. — 447

Ф

Фалькович Т.К. — 436
Федоренко А. — 144–146

Филатов А. — 81
Филиппов В. — 148–150, 152, 157,
159–160, 163, 176, 178, 185, 188,
194–195, 198, 200, 214–215, 217,
232–233, 235, 238, 240, 259, 262,
269, 272, 317, 339–340, 348, 355, 381,
386–387
Франчук Н.А. — 186, 191, 200, 222,
234–235, 247–248, 255, 266, 361
Фройденберг — 76

Х

Хайнакер — 95
Харитоненко — 138
Харламов — 135
Харченко М. — 146, 307, 312
Хачатурян — 160, 176
Ходасевич Н.И. — 444–445
Хоптенец М.И. — 181, 406–407, 418
Хорошун — 146
Хренов С.А. — 357

Ц

Цыганков — 67

Ч

Чапляк И. — 329
Черненко — 138
Черник М. — 432
Чернявский — 43
Чижик — 256, 298

Ш

Шавенко — 444
Шакаль Д.М. — 451
Шатинский — 129, 139
Шварц Иозеф — 35
Швед А. — 136, 138
Швейко Ю. — 184, 232, 289–290, 295,
307, 316
Швенк — 52
Шелюх — 289
Шило — 201

Шило А.Г. — 455
Шило П.К. — 455
Шило Т.А. — 422
Шимана — 65
Шинка А. — 442
Шинкарев — 129, 141
Шлехт — 86
Шмидт Герхард — 34
Шнайдер — 19, 23, 26–28, 40, 34, 36,
39, 43, 46–49, 52, 164, 181, 256, 304,
406, 413
Шнигир — 138
Шолом — 451
Шоров — 26
Шогинский — 141
Шпэт М.Ф. — 424
Штойко С. — 298
Шудра — 255
Шульга — 176, 224, 352
Шумейко — 176–177, 352–353
Шустеркович — 43

Щ

Щербань С. — 181, 138–139, 314–315,
320, 325–326
Щербинка — 207

Ю

Юдин — 44
Юльна — 57
Юнгвирт — 57
Юрацук — 232, 295
Юрченко — 201

Я

Ярема С. — 144–146
Ярко — 192, 195, 207–208, 222, 275,
298
Яровой — 191
Ярошевич — 27
Ясинский — 201
Ясницкий — 230
Яцино — 52

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августово — 95
Адамки — 115
Антоново — 94, 96
Антонополь — 62

Б

Б. Заценье — 82
Б. Чапунь — 129
Бабиничи — 37
Бабцы — 203
Бакшта, дер. — 116, 158, 438, 451
Барановичи — 37, 85, 105, 109, 209, 309, 325
Барановичи, ст. — 209
Барань — 96
Бардзьи дер. — 114
Баров — 119
Барсуки, дер. — 41, 187
Бегомль — 25, 37, 82, 91–92, 96–97, 187–188, 200, 203, 219–220, 229, 271, 297, 304, 318
Белавино — 91, 96
Белица — 115
Белокорец — 115
Белый Берег — 115
Береза, р. — 129
Березина — 61, 88, 91, 93, 96–97, 158, 208, 324, 391–393
Березина, р. — 62, 92, 97, 158, 193–194, 198, 204, 206, 209, 220–221, 226–227, 234, 267, 272, 278, 282, 285–287, 297–299, 323–325, 328, 379, 391, 393, 435

Березки, дер. — 217–219
Бесяды, дер. — 20
Бешенковичи — 37
Боброво, дер. — 47, 77, 196–198, 264, 436–437
Бобруйск — 37
Богданка — 109
Большая Губа, дер. — 180–181, 183, 185, 316, 357, 411, 413
Большой Збойск, дер. — 143–144
Борисов — 7, 31, 37, 55, 60–64, 84–86, 193–194, 208–209, 223, 277, 280, 303–304, 309, 322, 325, 400
Борки — 115
Боровиковщина, дер. — 113, 115–116
Боцковичи — 108
Брилы, дер. — 193–194, 198
Бриничево — 115
Бродная, р. — 63
Броды — 62, 206–209, 222, 277, 286–287, 391–393
Буда — 91
Буниевое — 110
Бурдуки, дер. — 394, 442
Быковщина, дер. — 146

В

Вейно — 200
Венера р-н — 29
Вешки, дер. — 213–214, 217–218, 268, 278–279
Вилейка, дер. — 13, 20, 90, 201, 204, 213–218, 230–231, 233–234, 236,

268, 270, 278, 283–285, 313, 321–322,
327–328, 379–380, 399–400, 404

Вилейская область — 20, 37

Виляя, р. — 20, 195, 199, 244, 319

Воложин — 84

Воложинский р-он — 115

Волча, дер. — 199, 204–205, 207,
209–210

Вуэтрау, м. — 255

Высока Горка, дер. — 112

Вязовщина, дер. — 33

Г

Гавье — 132

Гавье, р. — 442

Гайна — 60, 62–63

Гайна, р. — 60–63

Галеново — 128, 130, 238

Галимцы, дер. — 116

Галунович — 119

Глубокое — 85, 400

Гончары, дер. — 131

Горбатый Мост — 30, 40–41, 48, 77,
171, 176, 188, 247, 304, 331, 341, 356,
372, 407, 413

Горелое — 210, 435

Горелый Луг — 82

Горное — 62, 80, 211–212, 217, 267

Горовец, дер. — 107

Городец, дер. — 71, 428–429

Городище, дер. — 201

Гребени, дер. — 201

Гриневичи, дер. — 196–199

Гродно, г. — 143, 147, 150, 154, 156,
158, 162, 171, 176, 180, 186, 191, 200,
211, 218, 224, 226, 229, 234, 238, 244,
255, 258, 261, 271, 281, 288, 294, 297,
300, 309, 314, 317, 323, 352, 357, 359,
363, 377, 383, 386, 389, 391, 394, 397,
399, 401, 411, 416, 418

Губа, дер. — 19, 48, 52, 55, 57–58, 68,
72–73, 81, 172, 180, 428, 447–448

Д

Дайлиды — 128–129

Дайнова — 115

Дальковичи, дер. — 12, 25, 71, 81, 107,
266, 279, 320, 397, 400, 403, 428–430,
447–448

Двинос, р. — 41

Денделишки, дер. — 145, 160

Деревная, дер. — 163, 398

Дешевичи, дер. — 138

Добьяроч, дер. — 112

Докшицы — 37, 84, 88

Долгиново — 264, 320

Доры — 115

Дрила, дер. — 40, 49, 54

Дубки — 91, 96, 115

Дуды, дер. — 128–130, 140, 326

Дынделишки, дер. — 145, 312

Дьямонтская гребля — 138

Е

Ельня — 309

Ж

Жамойск, дер. — 272, 322

Жердяжье — 195, 229

Жестинное, дер. — 59, 107

Жмилище — 112

Жодино — 62–63

З

Заболотье, дер. — 71, 95, 196, 198

Заборье, дер. — 24, 41, 115–116

Завидное — 82

Завишино — 196

Загорье — 41, 44

Задроздье — 196

Закалюжье — 194

Залейки, дер. — 124, 132

Замостье — 115

Замошье — 41, 82, 94

Занеман, дер. — 112

Заозерье — 95

Заречье, дер. — 11, 34–35, 50, 53–54,
108, 151, 264, 279, 302, 337, 339–341,
347, 384, 400, 402, 431–434, 449–450

Застенки, дер. — 115

Зембин — 60–63, 82, 84, 87, 193–194

Зубковичи, дер. — 128–129, 238–239
Зупирово, дер. — 112

И

Ивьё, м. — 13, 118–128, 130–134,
136–139, 141–143, 145, 160–162,
238–241, 243, 245, 278, 311–312,
326–327, 394, 396–397

Игнатов — 108

Избицк — 61

Избище — 195–196

Икаповка — 91

Илия, р-н — 20

Ислачевка — 113, 115–116

К

Кадырки, дер. — 115–116

Калюта — 194

Каменка, дер. — 108, 116

Каменская Слобода, дер. — 438, 451

Камень — 193

Карповка, дер. — 20

Киевца — 116

Кишкурно — 40–41

Клетище — 115, 438

Клинные, дер. — 210

Козино имение — 55

Козыри, дер. — 11, 188–189, 192

Комайск — 91

Комаровка, дер. — 50

Кончане — 115

Копыль — 85

Корговище (Коргово) — 41

Кордуны, дер. — 116

Корень — 41

Корчёмные — 115

Корчи — 84

Кострица — 37

Костюки — 63, 193–196, 198, 245

Котели, дер. — 11, 53–54, 402, 431–
434, 449

Крайск — 196, 264

Красники — 322

Крёмовичи, дер. — 202–204

Крехив, дер. — 329

Кривичи, р-н — 20, 405

Криницк — 61

Кроман — 112, 114

Кромовичи — 201, 204, 216–220, 268,
270–271

Крупки — 37

Кубличи — 37

Кумельщина — 245

Кунын, дер. — 329

Л

Лавдавщина, дер. — 27, 33, 196

Лаздуны, дер. — 119, 129–130, 140

Латевка — 130

Латыголичи — 37

Лежанец — 115

Лепель — 37, 88, 91, 96–97, 400

Лесины, дер. — 84, 94–95

Лесники, дер. — 191

Лещены, дер. — 193

Лида — 20, 37, 109, 145, 161, 224–226

Лида, г. — 139, 143, 239, 278, 300, 311,
348–349, 396

Линки — 115

Липок — 82

Логойск — 6, 12, 18–19, 37, 41, 52,
57–58, 60, 68, 72, 75, 85, 164–166,
168, 170–173, 175–180, 183, 185,
187–189, 192, 227, 242, 246, 248,
250–252, 263, 272, 304–306, 314,
316, 330–331, 333, 336, 341, 343,
346, 352, 354, 357–358, 365, 367–
368, 370, 372–373, 375, 377, 399–
400, 403, 406, 408, 411, 413–414,
416–419, 421

Лотевка — 128

Луба, насел. пункт — 55

Лугомовичи — 119

Лужки — 84

Лукашино — 136

Лучинский бор — 438, 451

Людвиново, дер. — 264, 266

Людино — 394–395

Ляды насел. пункт — 55

М

- Мазурка — 115
 Маковье, дер. — 206, 208–209, 220–223, 236, 273–275, 278, 297–298, 324–325, 435
 Малиновка, с. — 29, 53
 Малое Барово — 130
 Малое Залужье — 61
 Малые Нестановичи, дер. — 28, 73
 Малый Збойск — 143
 Манылы — 74
 Матеевцы — 91
 Матусаво — 228
 Мгли — 62
 Межанка, дер. — 196
 Метличицы, дер. — 24–25, 32, 44
 Мешкути — 115–116
 Миколаево — 128, 240, 396
 Минск — 7, 10, 20, 33, 37, 57–58, 65, 72, 75, 77, 83–86, 111, 147, 157, 161, 176, 187, 191–193, 200, 205, 246, 261, 277, 281, 288, 294–295, 303, 348, 350–352, 359–360, 363, 365, 367, 370, 372, 375, 389, 406, 420, 428
 Минский р-н — 20
 Мишаны — 115
 Мишуковичи — 128, 130, 139
 Млынки — 115
 Млыновые — 115
 Могилки — 97
 Можница, дер. — 435
 Мокрадь, дер. — 11, 22, 32
 Мокрищина — 116
 Молодечно — 20, 37, 55, 60
 Молодечно, р-н — 20, 74, 90
 Морино, дер. — 124, 131, 133, 135, 137, 145, 160–161, 238, 240, 311–312, 326–327, 405
 Морозовичи — 108
 Мстиж — 208–209, 223, 274, 277
 Мурочское оз. — 84

Н

- Н. Березина, дер. — 140
 Н. Ганцевичи — 82

- Налибоки — 115–116
 Налибокская пуца — 13, 158, 241, 277, 279, 309, 325, 349, 381, 438
 Недадь, дер. — 206–207, 210, 222, 277
 Нелюбы, дер. — 115
 Неман, р. — 129, 133, 143–144, 160, 226, 327, 349, 351, 395, 405
 Нестановичи, дер. — 236, 386, 400
 Нестановичи р-н — 29
 Нестеровичи — 115
 Нивки, дер. — 421, 435, 454
 Нивное — 115
 Нижние Борки — 115
 Николаево, дер. — 243
 Новая Вилейка — 12, 212–213, 218, 230, 267, 282–283
 Ново-Вилейка, дер. — 200–201, 203
 Новогрудка — 85, 108–109, 158, 209, 309, 325, 349
 Новоельня — 109–110, 209, 277, 280, 325, 397
 Ново-Жерново, дер. — 32
 Новоселки, дер. — 72, 84, 91, 115, 124, 132, 200

О

- Огородники — 115
 Околово, дер. — 32, 200, 318
 Окольны — 110
 Октябрь пос. — 41
 Ольховка, с. — 25
 Орша — 37
 Осинцы — 196
 Осовино, дер. — 431
 Осово — 91, 94, 108, 113–114, 391
 Осовы, дер. — 13, 236, 272–273, 278, 323, 327–328, 379–381, 400, 404–405, 422–427, 435, 453–456
 Оссовок — 84
 Острово, дер. — 27, 33
 Осыновы, дер. — 113
 Осье — 84, 91, 94–95
 Отруб, дер. — 426
 Отрубок, дер. — 33, 84
 Охоново — 108

П

Павловичи, дер. — 241, 311–312, 395, 405
Палик, дер. — 97
Палик, оз. — 60, 88, 90–91, 93, 97, 99
Паникарты — 108
Парафьяново — 84
Пароч — 83
Пасеки, р-н — 29
Патрубовщина, пос. — 268
Перелесанка — 115
Першаи — 116
Пески — 115
Петриловичи — 115
Петровичи, дер. — 116, 129, 239, 441
Петролино — 41
Петрусовщина — 115
Плещеницы — 6–7, 10–13, 17–19, 22, 24–32, 34–35, 37, 39–41, 43–44, 46–50, 52–53, 57–59, 61–63, 66–68, 70, 72–73, 77, 79–80, 82, 88, 91, 93, 105, 143, 147, 149–157, 164–168, 170–173, 175–181, 183–189, 192–196, 198, 200, 203, 206, 210–211, 219–220, 222, 227, 229, 237, 242, 245, 247–248, 250–254, 257–259, 261–267, 271–272, 279, 281–282, 288–289, 291–297, 302–306, 308, 314–315, 317–318, 320, 330–333, 336–339, 341–343, 346–348, 352–354, 356–361, 363–365, 367–369, 375, 377, 379, 383, 386–387, 389, 397, 399–400, 403, 406–408, 410–414, 416, 418–419, 428, 430–437, 443–447, 449
Погост, дер. — 195, 264
Пограничье — 82
Погоулянки — 40
Подольцы, дер. — 119
Подрезье, дер. — 115
Подъякубовичи — 54
Попов, р-н — 83
Постремсиды, р-н — 83
Пральники — 116
Приборные — 115

Прилепцы — 41
Пристань — 82, 97
Прудиче — 62
Прудники — 115
Пруды — 91, 115
Прусовичи, с. — 25, 81, 429–430
Путилов — 54
Пытань — 115
Пышно, дер. — 94–95

Р

Радошковичи — 37
Радошковичский р-н — 20
Разлитье — 206
Рассолишки — 115
Рассохи — 112
Рем, дер. — 206
Рембоковщина, дер. — 440–441
Ровница — 97
Руда-Яворская — 109
Рудня, дер. — 27, 33, 40, 74, 91, 96, 113, 115, 150, 196, 262, 264, 317, 386, 428, 443–444
Рудня-Завишинская — 44, 436–437
Рудня-Налибокская — 115
Рудня-Пилянская — 115
Рум — 115–116
Русаки, дер. — 72

С

Саковичи, дер. — 196
Селец — 91, 96
Селище, дер. — 11, 22, 32, 53–54, 292, 383–384, 400–402, 433
Сергучский канал — 83
Серкули — 115
Сивица — 115–116
Синевицы, дер. — 108
Синявская Слобода, дер. — 112
Скипоровцы, дер. — 115
Скорода, дер. — 196
Скорода, р-н — 29
Скросщина — 115
Скрундевщина — 115
Скуплино — 82

Слобода, дер. — 41, 51, 73, 115, 264
 Слоним — 109, 163, 310, 349, 397–398
 Слуцк — 86, 191, 198
 Смолевичи — 60–61, 85
 Смолевщина — 115
 Соколки, дер. — 33
 Соколы — 41
 Среднее Село — 115
 Становище — 107
 Старченята, дер. — 128
 Столбцы — 37
 Студенка — 95
 Сукневичи, дер. — 26, 32, 44, 49, 431
 Суница — 91

Т

Тарасино — 25
 Тартак — 84, 95, 208
 Терейное — 115
 Терехи, дер. — 192
 Терешы, дер. — 19
 Толочин — 37
 Торгуны, дер. — 91

У

Уболотье — 40–41, 43–44, 50
 Уборок, дер. — 158, 198, 206, 209,
 220–223, 226–227, 236, 274–275,
 277, 286–287, 297, 299, 323–325,
 391–393
 Углы, дер. — 113, 115–116
 Узда — 85
 Ускромье, дер. — 203–204
 Ушача, р. — 60–62
 Ушачи — 37, 60, 62

Ф

Филипповка — 91
 Фильяново — 82

Х

Харки, дер. — 195–196
 Хатаевичи, дер. — 186
 Хатынь, дер. — 7–9, 12, 55–58,
 68–69, 147, 149, 175, 179–180, 183,
 185, 188–189, 191, 198, 242, 246,

248–251, 254, 259–260, 263, 279, 294,
 296, 306–308, 314–316, 334–337,
 344–346, 354–356, 358, 360–363,
 365–371, 373–377, 379, 400, 403, 408,
 410–412, 414–415, 417, 420

Ходаки, дер. — 196
 Холетикво, дер. — 112
 Холмовка, дер. — 206, 208, 220,
 222–223, 274
 Хорошее — 195
 Хотавичи, дер. — 46, 51, 54, 318,
 338–339, 431, 433
 Хотавичи, м. — 40–41
 Хрост — 88, 91, 96

Ц

Цаюны — 115–116
 Цна, р. — 61, 63, 428, 447
 Цынное, дер. — 33, 40

Ч

Чарма, канал — 113
 Чарна, дер. — 112
 Чашники — 37
 Червень — 37, 61
 Череповщина — 200
 Черневичи, дер. — 119, 140
 Черница — 71, 81, 84, 91, 94
 Чистый Бор, дер. — 27, 32–33, 44, 200
 Чмелевичи, дер. — 11, 17, 19, 154,
 194, 292, 302, 339, 389–390, 400–401
 Черно — 200
 Чудзиничи, насел. п. — 55
 Чулва, дер. — 113
 Чупры, дер. — 220, 227, 272

Ш

Шалаши — 91
 Шарай — 116
 Шацк — 85
 Шерстки — 194
 Шлеченцизна, дер. — 113
 Шпол, г. — 281

Щ

Щучин, г. п. — 13, 143, 224–225, 278,
 280

Э

Эршеполье — 84, 94

Ю

Юзефовка, дер. — 112

Юльяново, дер. — 39, 41, 44, 50

Юратишки — 130, 146

Юратишский, р-н — 115

Юржишка — 116

Юров — 62–63

Юровск — 113

Я

Явидовщина — 115

Ямск — 83, 97

Янковичи — 115

Янушковичи — 115

Яцково — 115

Яцуки — 108

Научное издание

УБИЙЦЫ ХАТЫНИ

**118-Й УКРАИНСКИЙ БАТАЛЬОН ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ
В БЕЛОРУССИИ, 1943–1944 гг.**

Сборник документов

Составители: *И.А. Валаханович, А.Р. Дюков,*

Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев

Редакторы: *Н.А. Аничкин, Д.С. Валиева*

Верстка — *Т.В. Елесина*

Корректор — *Л.В. Шарова*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1, оф. 811.
Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

Фонд содействия актуальным историческим
исследованиям «Историческая память»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 5/6, стр. 9, офис 77.
Тел./факс. (495) 697-34-31. www.historyfoundation.ru

ISBN 978-5-9500936-0-9

Подписано в печать 05.03.2018.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.
Бум. офс. Усл. печ. л. 30,0.
Зак. №

Отпечатано:
в АО «Первая Образцовая типография,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

16+ | Издание не рекомендуется детям младше 16 лет